

ЛУЧАЙНАЯ

ЕКАТЕРИНА РИЗ

Annotation

Очень трудно принять то, что ты лишь случайная женщина на жизненном пути любимого мужчины. И в его жизни тебе отведено совсем немного места, и жить он без тебя может, у него, вообще, своя, насыщенная событиями и близкими людьми жизнь. А ты хорошая, замечательная, но не любимая. Лида, вернувшись в родной город после нескольких лет жизни в Санкт-Петербурге, неожиданно для себя оказалась именно в такой ситуации. Встретила и влюбилась в мужчину, рядом с которым представить себя не могла. Давид Кравец казался если не настоящим принцем, то подавал все надежды на звание идеального мужчины, и Лида влюбилась, не в силах поверить, что сказка случилась и в её среднестатистической жизни.

Но, как часто бывает, сказка оказалась лишь её мечтой, а принц не собирался оправдывать надежд Лиды.

-
- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Мой чемодан стоял у двери, и домочадцам это активно не нравилось. Все проходили мимо, и на него поглядывали, с недовольством. На меня старались вовсе не смотреть. Это было, мало того, что неприятно, так ещё и глупо. Вот так вот, сваливаться родне на голову без предупреждения. Но, правда в том, что я не свалилась, я приехала домой, в свою квартиру, но мне были не рады.

Мачеха мыла посуду на кухне, и даже по её спине было понятно и заметно, что она едва сдерживается. Я же стояла у окна, сложив руки на груди, и прислушивалась к тому, что происходит за стенкой. А там мой сводный брат с женой о чём-то негромко шушукались. Конечно же, обсуждали моё появление, и, наверное, какой я нехороший человек. Претендую на собственную жилплощадь.

Прислушиваться я прекратила, всё равно понятно ничего не было, и я себя лишь растравливала подозрениями. Поэтому обратила своё внимание на мачеху. В родном городе я отсутствовала несколько лет, а точнее, пять, и всё это время с любимыми родственниками не встречалась. Отцу звонила время от времени, напомнить, что я у него есть, и что со мной всё в порядке, а остальных и видеть не хотелось. Да и они по мне, вряд ли, скучали. Мы все друг от друга давно отвыкли. За время моего отсутствия, мой сводный брат, он был младше меня на два года, успел жениться и обзавестись детишками. И вольготно обустроился с семьёй в моей малогабаритной «двушке», доставшейся мне от бабушки в наследство. Пока я жила в Питере, меня это мало волновало, и даже устраивало. Квартира была под присмотром, коммуналка оплачена, да и я не планировала возвращаться. Мне казалось, что моя жизнь устроена. Кто же знал, что Мишка окажется таким свинтусом, и бросит меня, можно сказать, на пороге загса? Поэтому мне и пришлось принимать радикальные меры, собирать вещи и уезжать. А без денег по гостиницам и съёмным квартирам особо не наездишься. И выход нашёлся только один: возвращаться домой, и пытаться заново встать на ноги.

Обидно? Не то слово. И мне, кстати, в этой ситуации труднее всего. Это моя налаженная жизнь рухнула в одночасье. И я не особо рада своему возвращению. А приходится мириться с гневным шёпотом родственников за спиной.

Я разглядывала мачеху. Надо сказать, что за прошедшие пять лет она

постарела. И располнела. Я помню её цветущей, энергичной женщиной, всегда уверенной в своих силах и правоте. Которую она не стеснялась доказывать всем окружающим. Их с отцом брак, по крайней мере, меня, счастливой не сделал. Я отлично помнила, что почувствовала, когда папа привёл в дом новую жену. После смерти мамы прошло два года, мне только исполнилось четырнадцать, самый трудный возраст, а тут вот такой подарок. Не скажу, что мачеха относилась ко мне плохо, скорее, принимала, как неизбежное. Наверное, как неизбежное зло. У неё было двое собственных детей, сын и дочка, оба меня младше, и, поселившись в нашем доме всем семейством, мне попытались намекнуть, что я отныне старшая, а, значит, ответственная. Ответственной я быть не желала, тем более, за чужих детей, и мы начали конфликтовать. Негромко, без криков и битья посуды, но душевными и тёплыми наши отношения так и не стали. Я прожила с мачехой и сводными братом и сестрой восемь лет, а потом уехала. Уехала в город, о котором всегда грезилась и мечтала, в Питер. Была полна радужных надежд и планов, и была уверена, что если и вернусь, то победительницей. Взгляну свысока, докажу всем свою состоятельность... В общем, продолжать можно долго, а суровая правда в том, что сейчас я здесь, стою на маленькой кухне бабушкиной квартиры, и деться мне некуда.

- Как отец? – спросила я, когда мне надоело молчать. Чувствовала себя не в своей тарелке. Все за моей спиной перешёптываются, а я молчу и чувствую себя едва ли не виноватой.

Мачеха, кстати, зовут её Луиза Яновна, совершенно немыслимое, на мой взгляд, имя в нашей среднестатистической реальности, выключила воду, вытерла руки кухонным полотенцем, и повернулась ко мне. А я в который раз за это утро подумала, что она постарела. Это не было злорадством или ехидством, наоборот, отчего-то беспокоило. Становилось понятно, что жизнь у родственников не сахар, а я сюда приехала. Заново строить себе трамплин для разбега! Где, где его строить? Во дворе старых, панельных пятиэтажек?

- Нормально отец, - проговорила Луиза, старательно избегая встречаться со мной взглядом. – На работе.

- Я ему звонила вчера, он трубку не взял.

- Я же говорю, на работе он. На ночной смене.

Время было десять утра, и, по уму, любая ночная смена должна была бы к этому времени закончиться.

- А ты чего это вернулась? – спросила меня мачеха, и вот тут пронизательно глянула на меня. Глазки прищурила, и впиалась ими в моё

лицо.

Я тихонько вздохнула, правда, быстро опомнилась, подбородок вздёрнула.

- Не в отпуск, - расстроила я её. – Жить здесь буду.

- Час от часу не легче. – Луиза одёрнула цветастую кофту на пышной груди. Она не только постарела, но и располнела за последние годы. А, помнится, гордилась своими соблазнительными формами. И куда всё исчезло?

Грустно всё это, очень грустно. И здорово пугает.

Я невольно отыскала взглядом своё отражение в зеркале, что висело в прихожей. Не утерпела, подняла руку и заправила за ухо бронзовую прядь. Не скажу, что я красавица, всегда отлично знала свои недостатки наперечёт, и поэтому с возрастом научилась их скрывать, а достоинства подчёркивать. Например, зелёные глаза, высокие скулы и пухлые губы. Возможно, рот у меня крупноват, в юности я комплексовала, считала себя страшненькой, но затем поняла, что это моя отличительная черта, запоминающаяся, и главное, научиться своей особенностью пользоваться. К тому же, мужчины внимание обращали, пухлые, соблазнительные губы всем нравятся. Исключений не знаю. А уж улыбкой я кавалеров всегда сражаю наповал.

- Ты же не собиралась, - заворчала Луиза. – В Питере, говорила, жить хочу.

- Хочу, - не стала я спорить, - но обстоятельства изменились. Пришлось вернуться.

- Замуж же собиралась! – наступила она мне на большую мозоль.

Я губы поджала.

- Собиралась, да так и не собралась.

Мачеха сверлила меня взглядом. Наверное, определиться не могла, позлорадствовать ей по поводу моей неудачи в личной жизни, или расстроиться из-за того, что я не придумала ничего лучшего, как вернуться домой. Чтобы поставить точку в этом вопросе, я сказала:

- Поживу здесь.

- Что, значит, здесь? – Луиза упёрла кулак в крутой бок. – У Жени семья, дети. У нас с отцом поживёшь, - категорично заявила она.

- Вот уж нет, - воспротивилась я. – Живите своей дружной семьёй сами. Меня отделили давным-давно, и менять я ничего не собираюсь. У вас с отцом трёшка, прекрасно все разместится.

- У Жени дети!

- А у меня нервы! – невольно возвысила я голос. – Я его не уговаривала сюда въезжать, это ты так решила. Все отлично устроились! –

усмехнулась я. – Вот и я хочу устроиться отлично, в своей квартире. Бабушка её мне оставила.

- Какая же ты, Лидка, вредная. Всегда такой была!

- Почему это я вредная? – решила поразиться я столь явной несправедливости. – Я не виновата, что вы даже номера телефонов мне не даёте, нужным не считаете. Я пыталась отцу дозвониться, предупредить. Но всем плевать, что у меня происходит. А вернулась, так и то не рады!

- А чему радоваться? Семью из дома выгоняешь!

- Из своего дома, прошу заметить! Имею право. А Жене, с его большой и беспокойной семьёй, не мешало бы устроиться на нормальную работу, и задуматься уже о собственном жилье.

- Какая ты умная!

- Не умная, - огрызнулась я. – Была бы умная, была бы сейчас в Питере. Но жить я ни с кем не собираюсь. Хочу жить одна, и буду жить одна!

- Сразу чувствуется, сестра приехала, - зло хмыкнул Женька, появляясь на кухне. Зыркнул на меня. – И не ори, детей напугаешь.

- Ты детей своими растянутыми трениками больше пугаешь, - мило улыбнулась я ему. – Папаша многодетный.

- Не лезь к нему, - одёрнула меня Луиза. – Он семейный человек. Тебе, свиристелке, не понять.

- Куда уж мне, - буркнула я.

- Что, не пришлась ты культурной столице по вкусу?

Я нос наморщила, кинув на брата ехидный взгляд.

- Я хотя бы попыталась. А ты так и просидишь в своём сервисном центре, будешь в чужих мобильных ковыряться. Женя, пора уже работу искать.

- Поучи.

Из-за его плеча выглянула его жена, круглолицая, крашеная блондиночка, маленькая, как кнопка, с усталыми глазами. А девушке, надо сказать, не больше двадцати пяти. А она выглядит бледной и измотанной. Вот и рожай детей одного за другим, особенно, с таким помощником рядом, который только и думает, в каком бы тихом уголке ему пристроиться. Без ущерба своим нервам и физическим усилиям. Только непонятно, для кого Женька всё это бережёт, раз рядом уже отпрыски прыгают и без конца чего-то требуют. Кстати, дети и в этот момент что-то требовали, слава Богу, в соседней комнате, топали и кричали.

А ещё, чтобы уж быть до конца справедливой, меня на свадьбу пригласить забыли, а понимания требуют!

- Ты что же, серьёзно собираешься нас выселить? – спросил Женька. Попытался выглядеть грозным и для этого даже брови сдвинул, якобы сурово. Но на его худом лице, это смотрелось комично. Правда, он вряд ли об этом догадывался.

Я пожала плечами.

- Не было уговора, что вы будете жить здесь всегда. Хотя, твоя мама, возможно, так и решила. Но обстоятельства изменились. Если они изменятся снова, если я соберусь уезжать, так и быть, я вас всех оповещу. Коллективно порадуетесь.

- Видимо, прижало тебе хвост, - негромко, но достаточно язвительно проговорила Луиза. Махнула на сына рукой. – Бесполезно с ней ругаться, Женя.

- Конечно, бесполезно, - согласилась я. – Но я не зверь, проживу пару дней у Аньки. Пока вы вещи соберёте.

Моя невестка, или кем она мне приходилась, на мужа глянула. Взгляд был сокрушающим, но Женька ничего сделать не мог. Не хотел, да и не знал что. Он с самого детства таким был, у мамы под пятой. Совершенно не приученный отстаивать своё мнение или потребность. За него это делала мама. А Женьку я, да и остальные родственники и знакомые, считали рохлей. И я, если честно, подумать не могла, что найдётся адекватная женщина, пожелавшая связать с ним свою жизнь, в чём-то на него всерьёз понадеяться и родить от него детей. Да ещё так быстро. К двадцати шести годам Женька стал отцом дважды. Но бороться за себя и близких, по ходу, так и не научился.

Вот Полинка, моя сводная сестрёнка, была егозой ещё той. И характер ей от мамы передался, заносчивый и злобный. С сестрой я также не встречалась около пяти лет, но от Аньки знала о её жизни в деталях. Аня – моя двоюродная сестра по матери. Она и матушка её, моя родная тётка, Наталья, были моими единственными близкими родственниками. Не считая отца, который, правда, с головой ушёл в семейные проблемы приёмных детей, а не мои. Не сказать, что он меня не любил, любил, но как-то потерялся в последние годы. Я его своими неприятностями и неурядицами не беспокоила, сообщала только хорошие новости, порой те попросту придумывая, и папа обо мне не переживал. Очень давно перестал переживать, сосредоточен был на тех животрепещущих темах, что ему озвучивала жена. А я в её мыслях не занимала никакого места, абсолютно.

Оставаться дальше, ругаться и выяснять, кто больше не прав, смысла не было. Поэтому я взяла свой, набитый вещами, чемодан, попросила сообщить мне, как только квартира освободится, и снова оказалась в

подъезде. А за мной тут же захлопнули дверь. Очень вежливые, интеллигентные люди. Прямо душа радуется, когда подумаешь, что это мои родственники.

Лифта в пятиэтажке, конечно, не было, поэтому пришлось тащить чемодан вниз по ступенькам. Я запыхалась, дважды споткнулась и бормотала под нос ругательства. Зато у подъезда встретила соседку. Та уже была в преклонном возрасте, ещё с бабушкой моей дружила, и уже тогда казалась мне старенькой. Но вот, уже семь лет, как бабушки нет, а Валентина Ивановна кажется всё такой же бодрой, а глаза горят прежним любопытством. И, увидев меня, она всплеснула руками.

- Лида, вернулась!

Я улыбнулась. Остановилась.

- Вернулась. Как вы поживаете, тётя Валя? Как здоровье?

- Да какое здоровье, Лида, что ты, - Валентина Ивановна отмахнулась смущённо, словно красна девица, а я ей какой-то неприличный вопрос рискнула задать. – Мне лет-то сколько! В моём возрасте здоровья, в принципе, не остаётся. Нужно просто просыпаться по утрам.

- Вы отлично выглядите, - вполне искренне сказала я ей.

- А ты-то красавица какая стала, Ленинград тебе на пользу пошёл. Вот бы бабушка порадовалась. Уж как она тебя любила, как любила. – Валентина Ивановна аккуратно подхватила меня под руку, а сама кинула взгляд вверх, на окна моей квартиры. Я тоже посмотрела, но никого не увидела. Хотя, не удивилась бы. – Что, Луизка там? Неужели выгнала тебя?

- Да Господь с вами, тётя Валя. – Я снисходительно улыбнулась. – Я уже не в том возрасте, чтобы меня выгонять. За себя постоять научилась.

Валентина Ивановна закивала.

- Это правильно. А этой прохвостке и вовсе спуска давать нельзя. Каждый день мимо меня шмыг-шмыг, и даже головы не повернёт. Гордая какая. До сих пор на весь свет злится, что Настасья тебе квартиру подписала, а не отцу твоему. Тогда бы она точно сыночка своего прописала. А я ей и тогда говорила: Лиду, Лиду почто обижать? Уж она ли бабушку не любила, всё детство бегала сюда. На глазах у всего дома росла. – Валентина Ивановна снова в моё лицо вгляделась, улыбнулась. – Красавица. – Кинула взгляд на чемодан. – А чего ж ты, уезжаешь уже?

- Нет. У Аньки поживу. Пока Женя с семейством из квартиры уедет.

- Остаёшься, значит? – обрадовалась соседка.

А я вздохнула и сокрушённо кивнула.

- Остаюсь.

Соседка порадовалась, а я повода для радости никак найти не могла.

Квартира отца, в которой и я выросла, находилась совсем недалеко, можно сказать, что в соседнем дворе. В рассказы о том, что папа усердно трудится днями и ночами, я не слишком поверила, и поэтому хотелось убедиться воочию. И, решив воспользоваться тем, что мачеха занята проблемой сына и моим коварством, наверняка, обсуждают и никак успокоиться не могут, я отправилась в гости к отцу. Шла по неровному асфальту, стучала каблуками, тянула за собой массивный чемодан на колёсиках со всем своим имуществом, и оглядывалась, вспоминая детство и юность, что провела на этой улице. Те же дома, те же детские площадки, те же деревья и кустарники. За пять лет мало что изменилось. Кроме людей.

Папу обнаружила во дворе, на лавке, в компании друзей-приятелей. Может, ночью он, на самом деле, работал, а вот сейчас выглядел расслабленным и слегка захмелевшим. А при виде меня с чемоданом, нелепо всплеснул руками.

- Лидуня, ты приехала?

Я чемодан оставила у поребрика, шагнула на газон. Отцу улыбнулась. А внутри что-то сжалось. Я была рада его видеть. На самом деле, рада. Вот только отец тоже постарел. Похудел, как-то сгорбился. И уже не выглядел бравым и энергичным. Тем моим любимым папой, к которому я в детстве бежала навстречу, раскинув руки в радостном приветствии. Отец постарел. Мне захотелось дотронуться до него, положить ладони ему на щёки и заглянуть в потускневшие глаза. И спросить: что же случилось?

Но я знала, что случилось. Просто жизнь. И он справляется, как может.

Я кинула взгляд на мужчин, собравшихся вокруг самодельного стола, решила, что возмущаться и ничего отцу выговаривать не стану, и поэтому просто обняла его. В конце концов, мы так давно не виделись.

- Папа, я так рада тебя видеть. – Я отстранилась, окинула отца ещё одним изучающим взглядом. Постаралась скрыть своё беспокойство, и улыбнулась. Правда, заметила: - Ты похудел.

- Так работаю, Лидунь, кручусь.

- Это хорошо, - похвалила я. И тут же пожурила: - Я звонила тебе два дня, а ты трубку не взял. Я беспокоилась.

- И поэтому приехала?

Стало немного неудобно.

- Нет. Вообще-то, я вернулась. Поживу здесь. Не знаю сколько.

- А как же твой Питер?

- Вот как-то так... Я хотела тебя предупредить, что приезжаю. А не вышло. Удивила Женьку, заявившись в семь утра. – Я сделала страшные глаза, но отец не улыбнулся. Кажется, наоборот, насторожился. Мне

захотелось ругнуться, правда. Пришлось сознаваться: - Вот такой сюрприз я вам устроила.

Папа глянул на чемодан. Всполошился неожиданно.

- Так пойдём домой, я помогу вещи донести.

- Папа, я поживу у Аньки. Я её уже предупредила. А Женька с семейством к вам переедут.

- Вот, значит, как вы решили!

Мы решили! Его мнения никто не спросил, а он и не настаивает!

Слишком многое изменилось за пять лет, слишком многое.

- Да, решили так, - проговорила я. – Готовься морально, Луиза тебе сегодня мозг вынесет. Но ты не поддавайся! – попросила я его с намёком на шутку и браваду.

Отец мотнул головой, но несколько не уверено.

- Не буду.

Я только оглянулась на дом, посмотрела на окна квартиры, в которой выросла, но заходить отказалась. Сославшись на то, что чемодан по лестнице затаскивать тяжело. Пока ждала такси, расспрашивала отца о жизни, о работе. Слушала его, и замечала странную вещь, что отец всеми силами передо мной хорохорится. И мне было его жалко. Мы сидели на лавке перед подъездом, я держала его за локоть, пытаюсь вспомнить, что значит родительская забота и любовь, аккуратно рассказывала о себе и о проблемах, которые сподвигли меня покинуть Санкт-Петербург. И его тоже оповестила:

- Замуж я не выхожу.

Отец похлопал меня по руке, в качестве успокоения.

- Не расстраивайся. Ты красавица такая, выйдешь ещё. Или хочется?

- Стабильности хочется, - призналась я. – И мужика стоящего. Не знаешь, где взять?

Папа посмеялся.

- Можно у нас в сервисе пошукать. Есть парочка неженатых.

- В автосервисе? – переспросила я. После чего качнула головой. – Нет, я попробую сама. Для начала. – А когда уже собиралась сесть в подъехавшее такси, отцу сказала, точнее, подсказала: - С Луизой не ругайся, вали всё на меня. Я с ней справлюсь, а тебе она плешь проест.

Отец вздохнул совершенно несчастно.

- Вот любите вы, девочки, ругаться.

- Не любим, но приходится. – Я быстро поцеловала его в щёку. – Я позвоню. У Аньки буду. Заходи в гости.

Отец глаза вытаращил.

- К Наталье, что ли? Так это ж хуже Луизы, я от неё сам не свой выхожу!

Я ткнула отца пальцем в грудь.

- Потому что после мамы, лучшая женщина в мире, это тётя Наташа. А ты Яновну осчастливить решил. За что-то.

К тётке в дом я заявила, мало того, что уставшая, так ещё и морально вымотанная. Хорошо хоть, жила она с дочерью в девятиэтажке, и лифт работал. Потому что свой чемодан я уже начала тихо ненавидеть.

Анька открыла мне дверь, высокая, подтянутая, с немислимыми рыжими кудрями. Я как раз выходила из лифта, и застонала, в надежде, что меня пожалеют. Сестра пожалела, забрала у меня чемодан и втащила его в квартиру сама. Я вошла следом и тут же скинула с ног туфли. Привалилась к стене.

- Не думала, что так сильно обрадуюсь возвращению.

Анька засмеялась, притянула меня к себе и от души расцеловала.

- А я рада, что ты приехала. Полгода не виделись. Мам, Лида приехала!

Тётя Наташа вышла из кухни мне навстречу, и я, наконец, совершенно искренне улыбнулась. Всегда, когда я видела тётку, мне становилось спокойно и тепло на душе. Я всегда вспоминала маму. И поэтому с такой радостью позволила себя обнять. Крепко, от души, и щёки под поцелуи подставила.

- Золотце наше, приехала, наконец. Как добралась?

- Через все жизненные препятствия, - пожаловалась я.

- Пойдём на кухню, кормить тебя буду. Сырников нажарила.

- Поживу у вас несколько дней, - сказала я чуть позже, уплетая сырники на светлой кухне. Анька от вкуснятины гордо отказалась, сидела на очередной диете, а я вот наплевала на голос разума, и положила себе на тарелку уже третий по счёту сырник. И щедро полила тот сгущёнкой. – Поставила Женьку перед фактом, чтоб съезжал.

- Вот тот, наверное, обрадовался, - ухмыльнулась Анька. С матерью переглянулась. Но та не улыбалась, та, наоборот, хмурилась. Стояла с поварёшкой наперевес и помахивала ею достаточно грозно.

- Луизка скандалила?

- А то, - ответила я, облизывая большой палец. – К совести моей звать пыталась. Что я маленьких детей на улицу выставляю!

- Не поддавайся, - сказала тётка. – Это твоя квартира. А они хорошо устроились!.. Луиза всеми делами крутит-вертит. Она ведь квартиру отцовскую продать собирается.

Я замерла, смотрела на родственницу во все глаза.

- Как продать? А жить они где будут?

- Дом она затеяла купить в пригороде. Но, Лида, не на месте у меня сердце, вот прямо чувствую!..

- Что?

- Оставит она папашу твоего без угла. И куда он придёт? В материну квартиру и придёт. К тебе, то есть!

Я вздохнула, на сестру посмотрела. Та хранила мрачное молчание. Анька терпеть не могла мою мачеху и её семейство, ещё с тех пор, когда они только появились у нас в доме. И нетерпимость свою до сих пор сохранила, и, кажется, даже множила в себе. Поэтому старалась обходить родственников стороной. Хотя, по сути, они родственниками ни ей, ни её матери не приходились. Но как-то жизнь так распорядилась, что всех нас воспринимали, как единую, не слишком дружную семью.

- И что я могу сделать? Я там не прописана давно. Моего мнения никто не спросит.

- Вот Луиза этим и пользуется. А отца твоего мне жалко!

- Мне его тоже жалко, - призналась я. – Но жену ему не я выбирала. Моего мнения он спросить забыл.

- Да уж. – Тётка печально вздохнула, тоже за стол присела. На меня посмотрела со знакомой уже маетой. – Мать твоя, Тоня наша, покоя себе не находит, наблюдая за всем этим.

Я откровенно поморщилась.

- Тётъ, ну зачем ты...

- В самом деле, мама. – Аня глянула на мать красноречиво. – Что ты вечно!..

- Молчите обе, - махнула она на нас рукой. – Молоды ещё, рот мне затыкать. – Повернулась ко мне. – А ты рассказывай. Что у тебя в Питере не срослось?

Есть мне расхотелось. Я с сожалением взглянула на недоеденный сырник, и тарелку от себя отодвинула. Подбородок рукой подпёрла, после чего известила:

- Мишка – гад. Жениться передумал.

Анька не к месту усмехнулась, но я знала причину. Мишка моей сестре не нравился. И тут же в голову мне пришла интересная мысль: кажется, моей двоюродной сестре мало кто из людей нравится. Она всех своим рентгеновским взглядом просвечивает, и тут же вердикт выносит. А с Анькой, как с Верховным судом, вердикт не обжалуешь.

А вот тётка обеспокоенно качнула головой.

- Поругались?

- Поругались, - кивнула я. – Но дело ведь не в этом! Мы каждую неделю ругались, и ничего. А тут вдруг: надоело, не женюсь, развод на полкровати! – Я возмущённо выдохнула. – И, в итоге, мне даже полкровати не досталось, потому что квартира была съёмная. Он вещи собрал и свалил. А я осталась! Без денег, без работы, без жилья. И что мне было делать?

- Всё так плохо? – заинтересовалась Анька, но тётя Наташа её перебила:

- А что у тебя с работой?

Я насупилась.

- Ничего. В том смысле, что этот гад полгода меня уговаривал бросить работу. И я, дура, его послушала! А какие песни пел!.. Ань, ты помнишь?

Сестра решительно кивнула.

- Помню. Я тебе ещё тогда сказала: не слушай его. А ты?

- А мне хотелось верить в лучшее, - расстроилась я. – Ведь должен быть и на моей улице праздник? Когда-нибудь... - Я на тётку посмотрела, и принялась ей рассказывать: - У нас ведь всё серьёзно было. Полтора года жили. Не идеал, конечно, не мечта любой женщины, и звёзд с неба не хватает, но всё при нём. И руки золотые. Он ремонтами занимается, бригаду свою сколотил.

Тётя Наташа покивала, внимательно слушая меня. А я продолжала жаловаться. Это было так неожиданно приятно, пожаловаться хоть кому-то, кто тебя слушает, и кому не всё равно. Кто за тебя переживает.

- Сначала просто жили, потом про свадьбу заговорили. И вот тогда он начал меня подзуживать: уходи с работы, уходи с работы. Женщина должна домом заниматься, очагом, - передразнила я бывшего. – А на твоей работе мужики сплошные! А какие там мужики? То есть, мужики, конечно, но они же обедать приходят, ужинать. И, в большинстве своём, не одни! А это моя обязанность – встречать посетителей ресторана, я же администратор! Я права?

- Права, Лидочка, права, - с готовностью поддакнула тётка.

- Вот. А я дура, повелась на его красивые речи. – Я руками развела. – И осталась ни с чем. Я не работала восемь месяцев, мои личные деньги, даже НЗ, давно закончились. А на что я их истратила? На него. И на свадьбу! И когда Мишка уехал, я осталась в съёмной квартире, совершенно без денег. Конечно, он мне от барской щедрости на столе пятитысячную оставил, но куда я с ней? – Я откинулась на низкую спинку кухонного диванчика, снова нахмурилась, а руки на груди сложила. – Только на билет на поезд и хватило. Даже за квартиру нечем было заплатить, Мишенька же у нас

экономил, по договору не снимал! Последний месяц заранее не оплачивал! Вот меня хозяйка и выставила. Обидно до ужаса!

- Конечно, обидно!

А Аня, наперекор словам матери, сказала:

- Радуйся. На фиг тебе в мужья такой придурок?

- Он не был придурком, - обиделась я.

- Да, долго притворялся, - фыркнула Анька. – Артист.

Тётя Наташа тронула дочь за руку, выразительно глянула.

- Перестань. Ей и так плохо.

- Вот именно, - обиделась я. – Мне плохо. А ты издеваешься.

- Я тебя жизни учу!

- Себя бы поучила, - неделикатно заметила тётка. – А то, как разбежалась со своим Витькой, так и сидишь сиднем!

- Поэтому и говорю, предупреждаю: не надо связываться с придурками! Тем более, замуж за них выскакивать. Даже по большой любви! Где она, любовь-то? У меня, у тебя, Лид? Кинул пятитысячную, и свалил. А ты: красивый, люблю!

- Больше не люблю, - буркнула я. – Я предателей, вообще, не жалую.

- Вот и помни об этом. – Анька, зараза, мне язык показала.

- Ты чего какая злющая? – спросила я у неё, когда мы из кухни переместились в её комнату. Дверь закрыли, я плюхнулась на диван и блаженно вытянулась на диванных подушках. На самом деле устала. И ноги от долгого хождения на каблуках гудели.

- Да ну, - отмахнулась сестра. – Одна сплошная морока, а не жизнь.

Я фыркнула от смеха.

- И кто же тебе голову заморочил?

- Смешно тебе. А я, может, страдаю?

- Может, - согласилась я.

Анька присела на край стола. Вытянула длинную ногу, полюбовалась. Ноги свои Анька любила. Считала, своей гордостью, и вечно носила мини.

- Что делать будешь? – спросила она меня, видимо, решив сменить тему. – Неужели здесь останешься?

- А у меня выбор есть? Надо прийти в себя... после такого предательства, - глухо проговорила я. Продолжила: - Денег накопить. А чтобы их копить, сама знаешь, нужно работать. А чтобы работать, не мешало бы работу найти. В общем, забот полон рот, как бабушка говорила.

- С одной стороны, это хорошо. Поменьше будешь думать о своём рыжем.

- Он не рыжий!

- Рыжий, рыжий, - настырно поддразнила меня Анька. – Конопатый.
- Ты точно злющая.
- Настроение на нуле. Жизнь идёт, а я живу с мамой.
- Не клевети на тётю, она классная.
- Ага, когда ты в Питере живёшь. А вот как она начнёт решать твои проблемы, по-своему, вот тогда и посмотрим, как ты запоёшь.
- А я не против. Может, она семейство от меня отвадит?
- Сцепиться с Луизой по достойному поводу, мама давно не против. Но вряд ли она победит.
- Да уж. Против мачехи сработает только осиновый кол.
- Слушай, есть мысль. Пойдём в ресторан? Отметим твоё возвращение. – Заметив, как я в сомнении нахмурилась, бодрые интонации решила поубавить. – Или погорюем. За бокалом красного вина.

Я сделала вид, что призадумалась, но уже через пару секунд согласно кивнула. А Анька расцвела в улыбке. Победно вскинула руки.

- Тогда выбираем лучшие платья, и идём страдать. Хвались нарядами!

Хвалиться получилось плохо, все мои наряды оказались изрядно помятыми после многочасового путешествия из культурной столицы. Пришлось браться за утюг и приводить платья в порядок. Затем примерка, выбор был непростым, и, в итоге, из дома мы вышли глубоким вечером, под настойчивые наставления и предупреждения тёти Наташи. Мы с Анькой, как когда-то в юности, словно нам снова было по семнадцать, кивали её маме и беспрестанно улыбались, обещали вести себя хорошо и быть серьёзными девушками. А когда, наконец, вышли за дверь, и закрыли её за собой, переглянулись, но смеяться или вздохнуть поостереглись. Тётя Наташа наверняка ещё стояла за дверью.

- А ты говоришь, - страшным шёпотом проговорила Анька, спускаясь вперёд меня по ступенькам и покачиваясь на высоких каблуках. – Вот и попробуй наладить личную жизнь, когда тебя без конца пугают маньяками и аферистами.

Я решила согласиться, что это действует на нервную систему не совсем положительно.

Ресторан, в который меня сестра привезла, был мне неизвестен. Раньше на его месте располагался большой гастроном, и вспоминать это было смешно. Мы вошли в холл, я оглядывала интерьер, а вспоминала полки и прилавки. Хозяевам заведения мои воспоминания вряд ли пришлись бы по душе. Но что поделать. Но я так же оглядывалась не просто с любопытством, но и, хотелось бы так думать, с профессиональным интересом. Всё-таки в Питере я работала

администратором в трёх ресторанах. Возможно, не фешенебельных, рассчитанных на клиента со средним достатком, но весьма популярных. С последнего места работы, которое я особо любила, я уволилась из-за Мишкиных уговоров. И теперь оставалось только локти себе кусать. Кстати, после бегства жениха, я рискнула позвонить на прежнее место работы, но, конечно же, в моих услугах больше не нуждались. Правда, я на такую удачу и не надеялась.

Мишка, вообще, умудрился убить во мне надежду на какую-либо удачу в ближайшем будущем, на корню. Спасибо огромное. Вот и верь мужикам после этого.

- Классное место, - шепнула мне Анька, когда мы прихорашивались перед зеркалом в холле. – Заодно, гляну на конкурентов.

Чтоб вы знали, сестрёнка у меня тоже была вхожа в ресторанный бизнес. Успешно трудилась барменом, и уверяла, что в ресторане рангом покруче этого, к тому же при крупной гостинице. Но то заведение нам с ней явно было не по карману. По Анькиным рассказам, в «Алмазе» собирались приличные, солидные люди. Обеспеченные. Которые оставляли хорошие чаевые. Сестра тоже сменила немало мест работы, прежде чем сумела себя зарекомендовать настолько, чтобы подняться до «Алмаза». И этим, точнее, собой, весьма по этому поводу гордилась.

Нас проводили за столик, Анька тут же развернулась в сторону бара, придирчиво прищурилась, а я спокойно положила сумочку на соседний стул, и окинула зал заинтересованным взглядом. Тёмные тона, тяжёлая, дубовая мебель, несколько устрашающие картины на стенах, но было заметно, что в зале порядок и чистота. Официанты бегают между столиками, улыбаются и даже кланяются. Играет негромкая музыка, а желающим ставят на столики цветы и милые свечки, создавая романтическую атмосферу. Парочек в зале было немало. Они тихо переговаривались, держались за руки, и пили вино. Вдруг стало грустно и немножко обидно. У меня пары отныне не было.

Наверное, я не проницательная, и не мудрая. Раз далеко не сразу поняла, что что-то в наших с Мишей отношениях пошло не так. А я ведь к нему привыкла, и даже любила. Мне так казалось. Да, первая влюблённость прошла, и, возможно, чувства несколько угасли, но мне нравилось чувствовать себя нужной и любимой. Мне нравилось чувствовать себя женой. И поэтому я так легко, можно сказать, долго не сомневаясь, позволила превратить себя в домохозяйку. Считала, что это огромный, огромный шаг вперёд в наших с ним отношениях. Следующий – штамп в паспорте. Вещь банальная и не особо важная. Но к свадьбе всё

равно готовилась. Церемония не должна была быть пышной и громкой, но я выбрала себе офигенное свадебное платье с пышной юбкой и фатой, как всегда мечтала, и даже готова была расцеловаться с Мишкиными родителями, которые не слишком меня жаловали. Почему-то. Я же считала себя завидной невесткой. Готова была выслушивать и уважать. Я столько всего себе напридумывала, столько обещаний надавала, самой себе, кстати, тоже, и ничего не сбылось. Конечно, обидно.

От этой самой обиды, я залпом осушила первый бокал. И приказала себе на парочек не смотреть. Чтобы не вспоминать, как мы с Мишкой вот так же сидели, перешёптываясь и держась за руки. В маленьком ресторанчике на берегу Невы. Мы любили проводить так время... Когда-то. В период ухаживания и разгорающихся чувств. Давно это было, правда.

- Ну вот, вечер испорчен, - неожиданно заявила сестра.

Я отвлеклась от своих мыслей, посмотрела на неё, заметила на лице недовольное выражение и недоумённо вздёрнула брови. Проследила за её взглядом. А когда поняла на кого она смотрит, даже на стуле развернулась. Правда, Анька тут же дёрнула меня за руку и зашипела:

- Отвернись, отвернись. Не смотри на неё.

Но было поздно. Во-первых, мне было слишком любопытно, а, во-вторых, моя сводная сестра нас уже заметила. Полина была не одна, в компании мужчины, именно мужчины, а не молодого человека. Лет пятидесяти, плотного телосложения, с заметным животиком, но, судя по тому, как он выдвигал своё пузико вперёд, он им безмерно гордился. А вот Полинка рядом с ним смахивала на тростинку. Сводная сестра, на самом деле, похудела, повзрослела, отрастила волосы, и теперь изображала русалку, которую выпустили на сушу на один вечер, поразить воображение простых смертных. Даже платье на ней было блестящее. А декольте такое, что грудь грозила вот-вот вывалиться, и тогда все точно бы поразились.

Полина заметила нас, точнее, её больше заинтересовала я, в первый момент на её лице мелькнуло недовольство, не меньшее, чем посетило Аньку минуту назад. Затем она что-то шепнула на ушко своему сопровождающему, и направилась к нам через зал. Я развернулась на стуле, посмотрела на Аньку, та выглядела кислой. Они с Полиной друг друга терпеть не могли, с самого знакомства. А с тех пор, как Аньке исполнилось тридцать, и Полина на законных основаниях смогла величать её барышней бальзаковского возраста, и вовсе друг друга возненавидели. Потому что Анька тоже за словом в карман не полезет, и она в ответ придумала для Полины столько ободряющих и милых эпитетов, что моей сводной сестре не оставалось ничего, как начать выстраивать оборону по полной. Вот и

сейчас Полина подошла к нашему столу, и предпочла Аньку проигнорировать. Присела на свободный стул, и повернулась ко мне. Анька осталась за её плечом. Это, правда, было невежливо, но я вмешиваться поостереглась. Уж слишком воинственно обе выглядели.

- Кого я вижу, - протянула Полина. – Вернулась на малую родину?

Я разглядывала сестру, которую, на самом деле, никогда сестрой не считала. Всерьёз. И она отвечала мне взаимностью. Просто обстоятельства так сложились, что мы какое-то время вынуждены были жить под одной крышей.

Я ослепительно улыбнулась, откинула назад роскошную, бронзовую шевелюру. Волосы у меня шикарные, густые, к тому же сочный, бронзовый оттенок абсолютно натуральный, ни в каких красках и других манипуляциях я не нуждалась. А вот Полина лет с пятнадцати старательно вытравливала свой тусклый, русый цвет, в надежде превратиться в платиновую блондинку. За те годы, что мы не виделись, ей это удалось. И теперь она была совершенно не похожа на ту девочку-подростка, какой я её помнила.

- Приехала вас навестить, - ответила я.

А Полина совершенно неуважительно фыркнула.

- Не ври. Мне мама звонила. Рассказала, как ты Женьку с детьми из дома выгоняла.

Улыбаться я перестала, переглянулась с разозлённой Анькой.

- Во-первых, из моего дома. А, во-вторых, не выгоняла, а вежливо попросила уехать. И причина для этого следует из первого пункта.

- Сути это не меняет.

- Ни о какой сути я ничего знать не хочу, - практически перебила я её. – И проблемы не вижу. У вас трёшка. Живите и наслаждайтесь.

- Совести у тебя нет.

- У тебя с матерью совести много, - не вытерпела Аня. Сунулась вперёд через стол, чтобы не оставаться за плечом Полины. Кивнула на поджидающего Полину кавалера. Усмехнулась. – Опять папика подцепила. Попроси, вдруг поселит тебя у себя. В апартаментах! Должно же тебе когда-нибудь повезти, в конце концов.

- А ты, вообще, молчи, - огрызнулась Полинка. – Ты сама обслуживающий персонал, и мужиков таких же цепляешь. Электрик тебя бросил. Кто следующий на очереди, сантехник? А часики-то тикают.

- Ах ты, зараза, - от всей души, и даже с каким-то извращённым удовольствием, проговорила Анька. И уставилась на мою сводную сестру с явным намёком обдумать причину для её небыстрой, мучительной гибели.

Я взмахнула рукой, словно судья на ринге. И несколько неуверенно проговорила:

- Девочки, прекратите. Вы же сёстры!

- «Чёрная вдова» ей сестра, а не я! С противными восемью лапами и зубами в разные стороны! А меня Бог миловал! – Выпалив всё это, Аня с чувством выполненного на этот день долга, откинулась на спинку стула и вальяжно взмахнула рукой. – Официант! Официант! Ещё вина!

Полина показательно наморщила аккуратный носик, наблюдала за Анькой, после чего негромко, но отчётливо проговорила:

- Какое жалкое зрелище. – Красиво поднялась и направилась прочь, к ошастливленному «папику». Я посмотрела ей вслед, потом на мужчину взгляд перевела. Тот, на самом деле, выглядел счастливым. Поразительно, меня это отчего-то царапнуло. Не хотелось даже думать, что это зависть.

Захотелось обратно в Питер. Сильно.

В гостях хорошо, но дома, всё равно, лучше.

Правда, и я не была в гостях, ещё до переезда в Питер я частенько жила у тётки, сбегала от ссор с мачехой, можно сказать, что их с Анькой квартира для меня дом родной. А вот бабушкина квартира никогда не была для меня домом. И поэтому никакой ностальгии или облегчения из-за того, что в очередной раз припёрлась сюда с чемоданом, не почувствовала. Но квартира была пуста, никто не выбежал мне навстречу с намерением устроить скандал, и вот это уже радовало. Я заперла за собой дверь, включила в прихожей дверь и минуту прислушивалась к себе. Не совсем понимала, что я должна в этот победный момент чувствовать, потому что не чувствовала ничего. У меня есть своя квартира. Маленькая, но своя. Женька даже ремонт сделал кое-какой. Правда, в маленькой комнате обои голубые со смешным детским рисунком в виде облачных замков, но это даже символично. Буду смотреть на них, и уговаривать себя в собственной голове подобных не строить.

Тётя Наташа всё утро уговаривала меня не торопиться с переездом. Убеждала, что мне ещё рано жить одной. После любовной драмы. Наверное, я слишком часто вспоминаю Мишку, раз все вокруг думают, что у меня драма. Драма, конечно, но я почему-то не умираю, не бьюсь головой о стену, больше злюсь. И из-за этой самой злости без конца поминаю бывшего жениха красным словцом. И только представляю, как обрадовались его родители, когда узнали, что мы расстались. То есть, он меня бросил, и мне пришлось уехать из города. Наверное, ждали, что иначе я на их любимого сыночка устрою полномасштабную охоту.

Я скинула с ног босоножки, прошла в комнату и присела на диван. Сидела в тишине и смотрела на мебель, стены, за окно. Пора было свыкаться с мыслью, что у меня не отпуск, и всё это не на неделю. Я сюда жить переехала. За окном двор спального района провинциального города, никакого гула машин, воя сирен, привычной жизни мегаполиса. Во дворе носятся дети, катаются на велосипедах, а кое-кто из соседей до сих пор на уличных верёвках выстиранное бельё сушит. И что примечательно, это никого не удивляет в наше время, и бельё никто не ворует.

Странно, но на стареньком комодике стояла фотография бабушки в рамке. Неужели так и простояла все эти годы, или специально для меня выставили? Я смотрела на знакомое, родное лицо, и мне было грустно.

- Надо съездить на кладбище, - сказала я Аньке, набрав её номер.
Та моему порыву не удивилась, сразу согласилась.
- Конечно, съездим. Мать возьмём. Цветочков родственникам купим.
Я кивала, забыв, что сестра этого видеть не может. А Анька
быстренько сменила тему:
- Думаю, машину купить.
- У тебя же прав нет, - удивилась я.
- Прав нет, - согласилась она, - а деньги есть. У Стёпки учиться буду, я
с ним уже договорилась.
Я недоумённо сдвинула брови.
- Какого Стёпки?
- Морозова. У твоего Стёпки Морозова.
Господи, в этом городе не меняется ничего.
- Он не мой, - фыркнула я, причём настороженно. – Я с ним в школе
ещё рассталась.
- Зато какая любовь была! – мечтательно протянула Анька, и тут же не
выдержала и рассмеялась. – Лида, он сейчас такой толстый стал! Видно,
жена кормит хорошо.
- Он ещё и женат...
- Конечно. Все женаты, все замужем, одни мы с тобой, как в проруби
болтаемся.
- Спасибо тебе, - язвительно отозвалась я. – Это как раз то, что я
хотела сегодня услышать. В качестве моральной поддержки.
- Не дождёшься. У меня ещё рабочий день толком не начался, а я уже
бутылку виски разбила.
Я сочувственно вздохнула.
- Вычтут?
- Ещё бы. Короче, никакой радости в жизни.
- У тебя хотя бы работа есть, - заметила я. – Машины вон покупаешь.
- Совсем маленькую и совсем подержанную машинку. А что у тебя с
работой?
- Отправила резюме. Жду.
- Ну, ну. Чувствую, ждать будешь долго.
Анька была права, ждать, сидя дома, можно было долго. Я разбирала
чемодан, развешивала свои любимые платья и думала о том, где мне денег
взять. Толковых мыслей приходило мало. По сути, их было две: заработать
или украсть. Для серьёзного преступления у меня вряд ли хватит ума,
смелости и сноровки, так что, придётся работать.
Ах да, забыла третий вариант! Выйти замуж.

Но претендентов нет как нет.

Грустно.

От этой самой грусти я надела самое любимое, самое брендовое платье из своего гардероба, и решила отправиться в центр города. Заходить в каждый, встречающийся мне на пути ресторан, в поисках работы, я не стану, но хотя бы осматрюсь. А, по возможности, оставлю о себе хорошее впечатление.

Но день, кажется, не задался и решил преподнести мне один сюрприз за сюрпризом. Но, возможно, дело было не в самом дне, и он был совершенно обычным, просто я не предусмотрела того, что память станет настигать меня за каждым углом родного города. Для начала у подъезда меня встретила целая лавочка знакомых старушек, во главе с Валентиной Ивановной. Вначале они все вместе на меня уставились, затем хором начали нахваливать меня и называть красавицей, а затем расспрашивать о делах семейных, о которых я говорить совершенно не желала. И, вообще, думать сегодня о том, насколько на меня зла мачеха, не хотелось. Знала, что мне предстоит это выяснить совсем скоро, и испытать на собственной шкуре. Обиды любимому сыночку Луиза мне долго-долго не простит, а, может быть, и никогда. И когда я осторожно попыталась отвертеться от назойливых вопросов, заявила, что жутко опаздываю, и направилась прочь от чужого любопытства, уверена, что соседки и меня не упустили возможности обсудить. Во всех подробностях.

Я торопилась скрыться от их взглядов, и торопилась настолько сильно, что, свернув за угол, едва не налетела на мужчину, который спокойно шагал по тротуару, собаку выгуливал. Пегий лабрадор кинул на меня настороженный взгляд, но, видимо, я ему не понравилась и не внушила опасений, потому что в следующую секунду он лениво отвернулся от меня. Наклонился, чтобы понюхать странного вида камень. А вот его хозяин, крупного телосложения парень, остановился и на меня уставился без всякого смущения. А затем и руками развёл.

- Лидка, вот так новости!

Я, уже собиравшаяся пробормотать извинения за свою торопливость и невнимательность, сосредоточилась на его лице, и про себя чертыхнулась. И в ответ на столь явное радушие натужно улыбнулась и призналась:

- Не поверишь, Стёпа, вот только про тебя вспоминала.

Передо мной стоял Стёпа Морозов, моя первая школьная любовь. Мы с ним встречались половину десятого и весь одиннадцатый класс, и, кстати, за него я тоже собиралась замуж. Вполне серьёзно. Кажется, у меня это входит в привычку – собираться замуж, но так и не выходить. Сейчас о

школьных годах и былых чувствах вспоминать было крайне странно, особенно, если передо мной стоял не Стёпка Морозов, парень, всерьёз увлекающийся баскетболом и игрой на гитаре, а весь из себя важный и повзрослевший, раздобревший, целый такой Степан. Анька оказалась права, моя первая любовь здорово набрала в весе. И выглядел Стёпка сытым и вальяжным, как кот Мейсон, который когда-то жил в их квартире.

- Не успела вернуться, а уже про меня вспоминала? Лида, не хочу тебя расстраивать, но я женат.

- Слышала. Не дождался меня, - решила я пошутить, но Стёпа воспринял мою шутку как-то не так, потому что зачем-то сделал ко мне шаг. Он меня разглядывал, и взор его затуманился, словно, перед ним миску со сметаной поставили. Я, на всякий случай, отступила. На тот же шаг. А бывшему сказала: - Не переходи в наступление так явно. Мы с Анькой разговаривали, и она мне про тебя сказала. Что ты собрался учить её машину водить.

Стёпка поскучнел.

- Я не собрался. Это она собралась. – Но про Аньку ему было не интересно. – А ты вспомнила о старых друзьях? Соскучилась?

Не рассказывать же бывшему о своих любовных неудачах, да? Поэтому я лишь улыбнулась, кокетливо пожала плечиком, а потом ткнула Стёпку в живот.

- А это что?

Он погладил себя по выступающему над ремнем джинсов пузику, погладил со всей любовью и бережностью.

- А это, Лидунь, семейная жизнь.

- Сытая и счастливая, надо полагать, - усмехнулась я.

Стёпка смешно фыркнул, и вновь окинул меня долгим взглядом. Задержал взгляд на груди, отчего мне захотелось закатить глаза.

- А ты классно выглядишь, - похвалил он.

- Спасибо, Стёпа. Мне, правда, приятно. Легче жить стало.

- Замуж не вышла в своём Питере?

- Нет. Решила, что все стоящие мужчины остались здесь.

- А вот это правильно.

- Смотришь так, будто замуж меня непустишь.

Он засмеялся, довольно, залиvisto, ему явно было, что мне ещё сказать, но Стёпа вдруг замолчал, а спустя секунду я заметила причину его резкой смены настроения. По тротуару к нам спешила молодая женщина с коляской. Она была полновата, но смотрелась аккуратной пампушкой, и личико милое. Было бы, не омрачи её лицо серьёзное беспокойство при

виде нас, мило беседующих с глазу на глаз. В коляске годовалый малыш, пухлощёкий и любопытный, и белобрысый, в общем, полная копия отца. Чем ближе они к нам подходили, тем серьезнее оба становились. Я, на всякий случай, ещё на шаг от бывшей любви отступила, а девушке сделала попытку улыбнуться. Хотя, ей, судя по всему, на все мои улыбки было откровенно наплевать.

Да ещё Стёпка неуклюже залебезил:

- Галя, смотри, я одноклассницу свою встретил. Столько лет не виделись...

А Галин неумолимый взгляд, как назло, был на уровне моей груди и смелого выреза на платье, и мне стало жутко неудобно от этого. И я первой решила ретироваться.

- Ладно, пойду. – Кинула на Стёпку осторожный взгляд. – Аньке передам, чтобы на работу тебе позвонила, записалась.

- Конечно, конечно, - деловито покивал Стёпа, уже опасаясь смотреть в мою сторону. Вместо этого свистнул собаку.

Что делается, что делается. Шага не ступи, по своему же городу, по своему двору, в котором выросла, ходишь теперь, как по минному полю. Куда не ткни, все женаты и с детьми. А я, девушка незамужняя, угроза для всех окружающих мужиков. Так получается? А ведь если разобраться, меня пожалеть надо!

Когда я сестре рассказала о произошедшем, она смеялась долго. Причём, смеялась громко и нахально, никак успокоиться не могла. А я слушала её смех с мрачным выражением на лице. Сидела в одном из ресторанов на набережной, пила чай (на большее денег не было), и жаловалась Аньке на жизнь. А она, в моих бесконечных трагедиях, находила для себя что-то весёлое. Обидно.

- Чем занимаешься? – спросила она, немного успокоившись. – Работу ищешь?

- Ага. Чай пью. Третью чашку, в третьем ресторане. Осматриваюсь.

- Толку осматриваться в третьесортных ресторанчиках? Я всё меню могу тебе пересказать, все, как под копирку.

- А что делать?

- Приезжай ко мне. Посмотришь, где я работаю.

- А сколько у вас чай стоит?

Анька похихикала.

- Для тебя бесплатно. Лида, хватит там сидеть и хандрить. Я про тебя с Петровичем поговорила. Хочет познакомиться.

Я в свою чашку заглянула. Нос почесала.

- Аня, с каким ещё Петровичем? Мне работа нужна, - страшным шёпотом проговорила я в трубку. – А не Петровичи.

- Дура. А я тебе про что? Петрович – наш управляющий. Оказывается, Светка Самохина, наш администратор, на повышение собралась, не рестораном будет заведовать, а самой гостиницей. Очень кстати, скажи? А я уж Петровичу тебя расписала: умница, красавица, комсомолка! Он очень у нас комсомол уважает, а особенно комсомолок. Сказала, что ты в Питере работала в самых крутых ресторанах!

- Ань, ты сдурела?

- Слушай, тебе работа не нужна? – зарычала она на меня. – Расплачивайся за свой чай, и езжай ко мне. И в туалет сходить не забудь, а то будешь на стуле ёрзать, и всё испортишь!

Ресторан «Алмаз» занимал весь первый этаж гостиницы «Волжская». То есть, такое название она носила когда-то, когда я ещё жила в городе, выросла, училась и никуда уезжать не собиралась. А сейчас гостиница носила гордое название «Волга Марриотт Отель». Пятиэтажное здание отремонтировали, фасад смотрелся поистине впечатляюще, с первого взгляда можно было решить, что старую гостиницу снесли, не оставив камня на камне, а на её месте построили новое здание, сверкающее, с большими окнами и уютными балкончиками. По краю, с пятого по первый этаж, сверкающие буквы, а внизу, над элегантным козырьком, название ресторана. Анька мне много рассказывала про работу, про проблемы и недостатки в том числе, но при этом никогда не забывала добавить, что в их заведении собираются самые солидные и приличные клиенты. А постояльцы сплошь иностранцы. Конечно, за такое место работы стоило побороться. И я собиралась это сделать. Правда, мой настрой несколько подпортил тот факт, что добираться до гостиницы мне пришлось на автобусе. Но это была секретная информация.

Я пару минут постояла на другой стороне дороги, разглядывая гостиницу и огни, что словно отражались от её фасада. Приходила в себя после поездки на автобусе, мысленно настраивалась на разговор и продумывала свою линию поведения. Пришло же Аньке в голову приписать мне достижения, которых в моём послужном списке и нет! А вдруг меня попросят доказать? Трудовую книжку по-любому проверят.

Я сделала несколько глубоких вдохов, незаметным движением разгладила платье на животе, а затем уверенным шагом направилась к входу. У дверей охранник с наушником в ухе, он проводил меня взглядом, но не остановил. Правда, и дверь передо мной открыть не подумал. Это несколько подпортило впечатление от моего появления. Я вошла в холл,

кстати, он совсем не был безлюден, на диванах сидели люди, рядом с некоторыми стояли чемоданы, люди выезжали и заселялись. Я мысленно представила цены за номер в этой гостинице, решила, что они весьма не маленькие, и тогда уже к людям на диванах пригляделась внимательнее. Пыталась понять, сколько из них иностранцев. Со стороны на самом деле услышала английскую речь.

- Вам чем-то помочь? Вы бронировали номер?

Ко мне обратился молодой человек в форменной ливрее, и я порадовалась, что тоже в состоянии произвести впечатление человека, что может позволить себе снять номер в этой гостинице, хотя бы на одну ночь. Гордо вздёрнула подбородок, улыбнулась.

- Мне нужен управляющий рестораном. Он меня ждёт...

Чёрт, а имя мне Анька не сказала. Не звать же мне незнакомого мужика, потенциального начальника, Петровичем?

- Николай Петрович? – подсказал мне молодой человек, и я поторопилась кивнуть. Главное, что Петрович, а дальше разберёмся. – Вы пройдите в ресторан. Там вам подскажут, где его найти.

Я поблагодарила и направилась в сторону двойных, распашных дверей, на которые мне указали. Надо сказать, что от внутреннего убранства, от вложенных в интерьер денег, я пребывала в приятном удивлении. И от этого ощущала лёгкий мандраж. Не верилось, что мне повезёт так запросто заполучить работу в подобном заведении. Не помню, чтобы мне удача с таким усердием когда-либо улыбалась. Если всё же повезёт, то можно порадоваться, для приличия, а после начинать ожидать от судьбы какого-нибудь подвоха.

Время было послеобеденное, большинство столиков ресторанного зала пустовало, в ресторане было спокойно и приятно. Играла тихая, ненавязчивая музыка, никто не суетился, а официанты расхаживали по залу степенно и вальяжно. И мне улыбнулись, как только я вошла.

- Вас проводить к столу?

- Нет, спасибо. Я ищу Николая Петровича, - пояснила я, и тут увидела Аньку за барной стойкой. Сестра выглядела непривычно серьёзной и собранной, с забранными в строгую причёску волосами, в форменной жилетке и с кокетливым галстуком-бабочкой на шее. Анька меня увидела и махнула мне рукой. Официант потерял ко мне интерес, а я направилась в бар.

- Привет, - шепнула мне сестра, словно мы не разговаривали с ней по телефону за этот день раз пять. – Долго добиралась.

- На автобусе, - пожаловалась я. Оглядывалась с любопытством. – А

здесь, на самом деле, неплохо, - вынесла я вердикт.

Анька же в ответ фыркнула.

- Неплохо! – передразнила она. – Ты знаешь, что я сделала, чтобы попасть сюда на работу? Хотя, лучше тебе не знать. – Она сделала страшные глаза и стала смотреть многозначительно. – Это было страшно. А тебе я всё приношу на блюдечке с золотой каёмочкой. Пользуйся моей добротой.

- Попользуюсь, если получится, - не стала я отнекиваться.

Анька поставила передо мной чашку, стала наливать горячий чай. Но затем строго спросила:

- Ты в туалет ходила?

Я кинула на неё раздосадованный взгляд.

- Отстань, а. Что я, маленькая?

- Я хочу, чтобы ты понимала всю серьёзность ситуации!..

- Он что, такой страшный, твой Петрович? Я могу оконфузиться, когда его увижу?

- Дура ты, Лидка. Право слово, дура. Но платье выбрала правильное.

- Не для него старалась, это точно.

- Но ты титьками особо перед Петровичем не трясись. Он всё-таки, человек немолодой. Мало ли что.

- Что?

- Что-что,- разозлилась сестра. – Сведёшь мужика с ума, а у него жена, внуки, дача.

Я только головой качнула.

- Иногда мне кажется, что ты, когда говоришь, в собственные слова не вникаешь.

- Во всё я вникаю. Просто я дальновидная.

- То-то я смотрю, ты на все пуговицы застёгнута.

Анька поправила бабочку.

- Я должна быть мила и профессиональна. У нас свод правил поведения и обслуживания клиентов. Всё очень серьёзно, Лида.

Я вздохнула. От души и печально. После чего решила:

- Я тоже готова им следовать. Потому что очень скоро мне захочется кушать, а я последние сбережения на чай извела. Надеюсь, этот бесплатный?

- Я угощаю, - улыбнулась Анька. И тут же кивнула в сторону. – Петрович идёт. Улыбнись уже.

Прежде чем улыбаться ни за что незнакомому мужику, я повернула голову и на него посмотрела. Господи, теперь понятно, почему Анька так

переживала за жизнь и здоровье Петровича. Он был настолько маленьким и кругленьким, что когда я поднялась ему навстречу, он лбом едва не упёрся в мою грудь. Я подумала и поспешила снова опуститься на стул, так мы сравнялись с ним в росте, и управляющий смог посмотреть мне в лицо. А не туда, куда ему смотреть совсем не следовало. При всём при этом, взгляд у него был совсем не добродушный и приветливый. Он смотрел на меня введливо и с прищуром, а мне подумалось о том, что Николай Петрович по поводу своего роста вряд ли комплексует. Так взглянул, что мне, взрослой тётке, не по себе стало. Странно, что ещё вокруг меня не обошёл, чтобы вид со всех сторон оценить. Но уверена, что как только я встану и повернусь к нему спиной, он это обязательно сделает.

Вспомнила, что мне нужно быть вежливой и приветливой, и растянула губы в улыбке.

- Здравствуйте. Меня зовут Лида.

- Николай Петрович. Аня сказала, что вы уже работали в ресторанном бизнесе.

- Э-э... - Вот это «э-э» не слишком удачное начало. Но этот маленький, лысеющий человечек с бледными щеками и глазками-щёлочками, производил неизгладимое впечатление и тем самым сбивал меня с толка. А я редко перед кем тушуюсь. – Да, я больше трёх лет работала в Питере, администратором в ресторанах.

- С иностранцами работали?

- Немного, - уклончиво ответила я, а Николай Петрович бросил выразительный взгляд через моё плечо на Аньку, как бы спрашивая ту: и кого ты мне подсовываешь?

- Английский знаете?

Вот тут я живо кивнула.

- Знаю.

Петрович вытянул губы в трубочку, снова меня разглядывал, с претензией. И как бы я ни старалась спрятать, так сказать, ненужное, всё-таки опустил взгляд в декольте моего платья. На кой чёрт я его сегодня надела?

- У вас будет испытательный срок, - сказал он, в конце концов, выныривая из омута моей физиологии. – Две недели. Если не справитесь, уйдёте ни с чем.

Заманчивая перспектива. Я смотрела на него и молчала. И он молчал, и я поняла, что сейчас как раз тот момент, когда необходимо согласиться. Поэтому я кивнула.

- Если бы не нужно было принимать экстренных мер, поверьте, я

никогда бы не взял в свой ресторан человека с улицы. Даже с питерской улицы. Но завтра заселяется большая группа англоязычных туристов, нашего администратора в срочном порядке перевели на работу в отеле, а мне не с кем работать. Ольга одна не справится, она не настолько опытна. Поэтому считайте, что вам сильно повезло. Завтра выходите на работу. – Он снова остановил взгляд на моей груди, сбился на секунду, а затем повернулся к Ане. – Объясни нашему новому работнику положение о дресс-коде.

Анька с готовностью кивнула, она сияла, непонятно почему, выслушивая строгие и не слишком справедливые речи начальника. А я аккуратно напомнила:

- Меня зовут Лида.

Николай Петрович взглянул на меня напоследок, повёл короткой ручкой.

- Мне пока всё равно.

Что ж, не смотря на то, что Петрович почти карлик, он явно чувствует себя Атлантом. Завидую.

Я посмотрела своему отчаянному и нечаянному начальнику вслед, в задумчивости, после чего обернулась к сестре. Кивнула той.

- А что это было?

- Петрович, - с благоговением выдохнула Анька. С усиленным рвением продолжила натирать хрустальные стаканы, улыбалась очень странно. Я наклонилась через стойку, шёпотом поинтересовалась:

- У вас здесь секта? Вы на него молитесь?

Анька моргнула, потом замахнулась на меня полотенцем. И сообщила в очередной раз:

- Дура ты. Он великий человек! С ним мэр за руку здороваются!

Я, ради приличия, решила впечатлиться.

- Здорово. Буду знать.

Через полчаса я получила униформу. Было грустно. Белая блузка, похожая на мужскую рубашку, даже с погончиками, и чёрная юбка-карандаш. Волосы должны быть убраны наверх, макияж неброский, украшения не приветствуются. И это для администратора ресторана, который должен встречать гостей и выглядеть обворожительно. Чтобы людям захотелось вернуться, вновь посетить этот ресторан...

- Они и так вернутся, - сказала мне Анька, - и точно не к тебе. Тебе не нужно их покорять и заманивать. Просто вежливо улыбайся. Видишь, как всё просто?

- Да уж, - проворчала я, приложив к себе блузку и разглядывая своё

отражение в зеркале.

- Это самый популярный ресторан города. И владельцы не хотят, чтобы он славился официантками. Делают упор на кухню и обслуживание. Нас с тобой им запоминать ни к чему. Пусть лучше помнят фрикассе и коктейль.

- Я сама себя чувствую отбивной.

Анька упёрла руку в бок, глянула воинственно.

- Что ты жалуешься? Я тебе такую работу нашла! Спасибо бы сказала!

- Спасибо, - совершенно искренне проговорила я. – Просто мне нужно привыкнуть.

- Вот и привыкай. Времени мало. Тебе нужно показать себя за эти две недели.

- Как я могу показать себя в этом? – Я показала ей блузку. – Это ужасно.

- Если за две недели на тебя никто не пожалуется, и гости будут довольны, считай, что ты справилась.

Я к сестре присмотрелась.

- И всё-таки ты странная. За пределами этого ресторана, я никогда не слышала от тебя таких правильных речей.

- Когда получишь первую зарплату и часть чаевых, то тоже так заговоришь.

Я снова посмотрела на себя в зеркало, снова приложила к себе белую блузку.

- Надеюсь. Проникнусь вашей религией.

Мне даже разделить хорошую новость было не с кем. Анька была инициатором перемены, и наверняка уже успела позвонить матери и похвастаться тем, какая она молодец, а всем остальным было неинтересно. Выйдя из гостиницы, я всё оглядывалась на респектабельное здание, видела, как к входу подъезжают такси и частные автомобили, из них выходят люди и смело ступают под огни современного отеля. А я наблюдала и приучала себя к мысли, что я теперь здесь работаю. По крайней мере, следующие две недели. Мне даже бейдж успели выдать, и на нём значилось моё имя. Я достала кусок пластика из сумки и разглядывала его некоторое время. «Волга Марриотт Отель», администратор зала-ресторана «Алмаз». Петрович строго-настрого приказал соответствовать занимаемой должности, морально и профессионально.

На следующий день, когда я, как и было велено, к полудню явилась на новую работу, Николай Петрович встретил меня лично. И о своих требованиях не забыл напомнить. У него был целый список того, что я

должна. Встречать гостей, улыбаться, провожать к столику, интересоваться, всё ли их устраивает и достаточно ли усердно их облизывают. Но при этом ещё длиннее был список того, чего я делать ни в коем случае не должна: заглядывать в глаза, кокетничать, болтать на рабочем месте, покидать зал надолго, присаживаться за столик, даже если меня будут об этом просить. Не краситься ярко, ходить строго в униформе, никаких платьев и даже туфли на мне не должны быть вызывающего вида. Мне так и хотелось спросить Петровича про нижнее бельё, но я вовремя вспомнила про его внуков и дачу. А ещё про зарплату, в которой я остро нуждалась. А Петрович, словно, прочтя мои строптивные мысли, глянул хмуро и спросил:

- Всё поняла?

Я кивнула.

- Поняла.

- С посетителями не флиртовать.

- А были случаи?

- Слишком много вопросов задаёшь. Иди, изучай фронт работы.

И я из его кабинета отправилась в ресторан. Надо сказать, что коллектив подобрался пёстрым. Интереснее всего было на кухне. У плиты заправлял тучный мужчина лет пятидесяти по имени Жора. Высокий, огромный, на шее яркий платок, а в ухе серьга, похожая на цыганскую. Я, как только его увидела, сразу представила, как они с Петровичем смотрятся. Комично. Но, несмотря на некоторую комичность, ресторан успешно функционировал, кухня работала, официанты не застаивались, а столики на вечер бронировались за две недели вперёд. А это хороший показатель. Если даже в будние дни посетителей более чем достаточно. И это не считая проживающих в гостинице туристов, для которых был отведён отдельный зал. Вот соседним залом и занималась Оля, о которой Петрович упоминал при первой нашей с ним встрече. Плановые завтраки и обеды со «шведским столом», ужины под лёгкую музыку и закуски. Оля, миловидная брюнетка двадцати пяти лет, была выпускницей факультета иностранных языков, и с лёгкостью общалась на английском, французском и китайском. Как мне по секрету сказала Анька, за китайский Ольгу и ценили. И многое прощали, хотя, девицей та слыла не слишком ответственной и щепетильной, и Петровичу уже не раз приходилось решать проблемы, возникшие по её вине. Я даже задумалась, не выучить ли мне китайский. По родному городу чувствую, что пригодится.

- А что за проблемы? – лёгким тоном поинтересовалась я. И тут же сделала честные глаза. – Чтобы знать и самой не вляпаться.

Альбина, старшая официантка в эту смену, выразительно поджала

губы, помолчала, после чего шепнула мне:

- Любовные.

Всё-таки поведение сотрудников было странное. Они все будто жили в уверенности, что Петрович всё видит, слышит и знает. И скрыть от него ничего не получится. И поэтому, стоило выйти за пределы курилки, все начинали озираться и перешёптываться.

- С посетителями флиртовала? – уточнила я.

- Дофлиртовалась уже. Американец к нам один ездил, всё за руки Ольгу хватал. Она уже в Америку жить намылилась, а он аферистом оказался, и даже не американцем. Чуть с работы не вылетела. Петрович ей последний шанс дал.

- Добрый он, - согласилась я прежде, чем Альбина успела озвучить эту мысль.

Но у меня тоже была возможность встретиться с настоящим американцем, в мой зал тоже, как оказалось, заходили иностранные гости. Причём, не обычные туристы, а бизнесмены и люди при деньгах. Уже через несколько часов я собрала достаточно информации для того, чтобы сделать вывод: работать будет непросто, и нужно всегда держать ухо востро. И улыбаться, широко и профессионально. Альбина с Анькой на пару мне такой список завсегдатаев выдали, что я поняла: лучше этих людей не огорчать. Имена некоторых назывались шёпотом, и это были совсем не отцы города, по крайней мере, очевидные и на зарплате. А девчонки ещё стрекотали про жён и любовниц. И обещали всех показать в лицо, чтобы я, не дай Бог, не перепутала. Потому что, если из-за меня кто-то из важных людей разведётся, по случайности, мне в этом городе точно жизни не будет.

Неудивительно, что зарплаты в «Алмазе» были приличные. По ходу, серьёзно доплачивали за молчание.

Да уж, подогнала мне сестрёнка работу, стой и изображай из себя вежливую мумию.

В первый вечер рядом со мной без конца крутился Петрович. Маленький, бодрый, он внимательно наблюдал за тем, как я встречаю гостей, как я им улыбаюсь, и прислушивался к тому, что я говорю. В принципе, всё было, как обычно. Поприветствовать, проводить к столику, ответить на возникшие вопросы. Но меня настолько запугали списком вип-персон, что я только и делала, что к людям приглядывалась. Старалась понять, кто передо мной. Я много лет в городе не жила, не знала ни политической, ни светской жизни. И в лицо, даже медийных персон не узнавала. Но, судя по тому, что Петрович то и дело подходил ко мне и

нашёптывал:

- Банкир, Жилин Семён Семёнович. Журналист, Златов Павел. Владелец заводов, газет, пароходов такой-то, - «Алмаз», на самом деле, являлся излюбленным местом для встреч и поздних ужинов в кругу знакомых.

Я, честно, пыталась всех запомнить. Но понимала, что на это требуется время. К тому же, Петрович меня нервировал, чуть что, сразу напоминал, что я на испытательном сроке, и что подписала согласие на неразглашение личной информации. А ресторан и его владельцы личной информацией могли посчитать всё, что им вздумается. Это всё было бы смешно, если бы не было так опасно и трудно. В моменты затишья я наблюдала за происходящим в зале, за официантами и барменами, и раздумывала о том, как они справляются. Их дурацкие контракты, судя по всему, не волновали. Анька вон светилась, выполняя заказ каждого клиента. За что получала хорошие чаевые.

- Мне вот даже интересно, - задумалась я после нескольких дней работы и раздумий, - что такого секретного мы не должны разглашать? Ничего же не происходит.

Мы с Анькой валялись на моём диване, вытянув гудящие после рабочего дня ноги, потягивали красное вино из стареньких, хрустальных бокалов, которые также достались мне в наследство от бабушки, раз продолжали стоять в её старенькой стенке. За окном три часа ночи, на горизонте проклёвывались первые предрассветные сумерки, а мы только недавно вернулись со своей опасной, суперсекретной работы. И меня потянуло поговорить.

- Люди ужинают, разговаривают, уходят домой, - продолжала развивать я свою мысль. – Никто даже не танцует. Сплошное бла-бла-бла.

- Вот об этом нам и нельзя болтать. Вдруг услышишь что-то не то.

- Как они бабки делят?

- Хотя бы. – Анька голову повернула, посмотрела на меня. С подозрительным прищуром. – Ты что-то слышала?

- С ума сошла? Петрович надо мной, как коршун вьётся!

- Проверяет тебя.

Я вздохнула, глотнула вина.

- Это же не просто ресторан, - сказала сестра после короткой паузы. – Это гостиница, там куча всего происходит.

Я заинтересовалась.

- Что за куча?

- А ты не соображаешь? – Анька даже постучала кулаком мне по лбу. –

В гостинице можно снять номер, изменить жене... Или ещё что-нибудь.

- Это скучно.

- А тебе что нужно? Пять этажей криминала? Лидка, не выдумывай нам проблем. Я хочу там работать.

- И я хочу.

- Вот и работай. Не подсматривай, и не подслушивай. Хрен с ними, с этими богатыми. Пусть спят, с кем хотят.

Я засмеялась, потом кинула на Аньку любопытный взгляд.

- А ты там ни с кем не познакомилась?

- Сдурела? – Анька глянула выразительно. – Да они нас не замечают. Мы для них обслуживающий персонал. И знаешь, пусть так остаётся. Или, думаешь, случаев не было? Вот только со счастливым концом из сказки «Золушка», ни одного. Ольга – последняя жертва. Но она, конечно, совсем дура. Связалась даже не с мажором, а с аферистом. Но, правда, он по-английски так лопотал, что не отличишь. Я вот тоже поверила, не раз его в баре обслуживала. Правда, в главном зале он никогда не ужинал. Видно, финансы не позволяли. – Она ухмыльнулась, одним глотком допила вино, поставила бокал на пол, и повернулась ко мне спиной, устраиваясь поудобнее. Подложила под щёку ладонь и тут же закрыла глаза. – Давай спать. Завтра последняя смена, и выходные!

Я тоже отставила бокал, выключила ночник над головой, и вздохнула в темноте. Врать себе дальше было невозможно: в душе поселилось томление. Ожидание чего-то грядущего. И я с нетерпением ждала развязки.

Знаете это чувство, когда понимаешь, что в твоей жизни давно ничего не происходит, а потом вдруг появляется необоснованное волнение, ожидание, и ты начинаешь ждать перемен. К лучшему они будут, или к худшему, тебе неизвестно, но ты знаешь, чувствуешь, что скоро всё изменится. Вот только с Мишкой почему-то не сработало, и я до последнего момента не подозревала, что этот свинтус задумал. Я собиралась замуж, а оказалась на улице с чемоданом. А тут вдруг предчувствие, на ровном месте! Может, мне просто скучно?

Но что-то во мне изменилось, и изменилось видимо, потому что на следующий день Петрович ко мне приглядывался довольно долго, после чего строго поинтересовался:

- Что с тобой?

- А что со мной? – Я взволнованно вскинула руку, проверила, застёгнута ли блузка на груди, даже глаза опустила, но с первого взгляда всё было в порядке. Чисто, застёгнуто и прилично. А начальник пояснил:

- У тебя что-то с глазами.

Час от часу не легче. Я повернулась к зеркалу. Глаза, как глаза. Зелёные. Я обернулась к Петровичу и посмотрела на него с непониманием.

- Всё со мной так!

А он неопределённо махнул рукой, всё ещё хмурился, разглядывая меня.

- Взгляд какой-то мечтательный.

- Николай Петрович, - раздосадовано начала я, но он рукой взмахнул, останавливая меня.

- Не тарахти, Лидия. А из глаз это убери. Ты глазами на работу должна смотреть, а не в себя. Мечтать будешь после работы.

- Ни о чём я не мечтаю, - обиженно проговорила я. – Но что плохого, если у девушки улучшилось настроение?

- Ничего, - согласился начальник. – Вот только ты не девушка. Ты администратор. – Он даже коротким пальцем ткнул в стойку ресепшена, за которой я стояла. – Твой взор должен быть ясен и чист.

- И неподкупен, - добавила я негромко. Но он услышал, как издёвку не воспринял, и с готовностью кивнул.

- И неподкупен, - повторил он вслед за мной. – Хорошо, что ты это понимаешь. – Постучал пальцем по стойке. – Замечу, вылетит с работы.

- Николай Петрович, а может, вы меня на эту самую работу уже возьмёте? Официально? А то я волнуюсь.

- За что ты волнуешься?

- За себя. За ресторан. И за вас тоже. Мне так тут понравилось, я уже душой прикипела, - я приложила открытую ладонь к груди и взглянула со всей честностью. А вот Николай Петрович головой качнул, видимо, не проникся.

- Цветы в вазе у входа проверь. А то от безделья закипишь. – Сказал это, и направился прочь. Я Петровичу вслед смотрела, на стойку облокотилась, и пыталась представить его жену. Неужели этот маленький человечек и ею дома так командует? Я бы с ума сошла.

Время приблизилось к обеду, начали подъезжать гости, но днём в ресторане было не столь оживлённо, как вечером. И особо делать мне было нечего. Поэтому я решила исполнить распоряжение начальства, подошла к распашным дверям, и для начала с интересом выглянула в холл гостиницы. Там было куда многолюднее, даже гул стоял, от людских голосов и работающих телевизоров в диванной зоне. Но ничего интересного не происходило. Люди, как обычно, приезжали и уезжали. И я повернулась к цветам. Поправила розы, оторвала увядший листик, заглянула в вазу, проверила достаточно ли воды. А когда сделала шаг назад, налетела на

кого-то. Испугано обернулась, и оказалась лицом к лицу с мужчиной. Он смотрел на меня с лёгкой усмешкой, руки с моей талии поспешил убраться, потом улыбнулся. И добавил дурацкое:

- Пардон, барышня.

Я глупо кивнула. Пробормотала:

- Ничего.

Он прошёл мимо меня в ресторан, а я продолжала стоять и смотреть ему вслед, совершенно позабыв о том, что за порогом ресторана именно я обязана его встретить, пленительно улыбнуться и проводить к свободному столику.

А внутри у меня, наверное, как раз в душе, если для неё отведено специальное место, что-то треснуло. Будто стекло. Несколько дней жила ожидание, волнение, незнакомый трепет, а потом стекло треснуло, от одного вида особи мужского пола, и теперь весь этот коктейль растекался внутри горячей лавой, заполняя каждый свободный уголок. Меня кинуло в жар, загорелись щёки, уши, и всё, что я могла, это глупо моргать и мысленно гадать, что же такое внезапно произошло.

В чувство меня привёл окрик Петровича. Который подоспел к стойке администратора, встречать гостя, а сам искал меня взглядом. А когда нашёл, якобы позвал, а на самом деле рыкнул:

- Лидия!

Я очнулась, и поспешила на его зов. Сердце моё оглушительно стучало. Причём, не в груди, а где-то в районе желудка, и отдавалось в ушах. Я с трудом слышала слова и незнакомый голос. А взгляд мой сам по себе избегал подниматься к лицу незнакомца. Понятия не имею, что такое со мной творится, но это неприятно. Хотя, до чёртиков волнительно.

- Петрович, Пономарёв уже приехал?

- Нет, Давид, не приехал. Хотя, звонил, звонил. Лида, Виктор Иванович звонил?

Я бестолково листала книгу заказов. Но кивала.

- Звонил.

- Значит, я его подожду. – Мужчина кинул на меня любопытный взгляд. Наверное, его внимание привлекли мои горящие щёки. А я, практически ничего не видя перед собой от волнения, вздёрнула подбородок повыше и заученно улыбнулась.

- Добро пожаловать в наш ресторан.

Мужчина весело хмыкнул, всё ещё разглядывал меня.

- Спасибо. – От меня отвернулся, а у Петровича, совершенно меня не стесняясь, спросил: - Новое приобретение?

Мой начальник бессильно развёл короткими ручками.

- Что поделать, Давид. Свету забрали в гостиницу. Лизавета в декрет ушла.

- Серьёзно? – ухнул посетитель. – Как у вас всё интересно. А меня всего месяц не было.

- Как поездка?

- Замечательно. Дед результатами доволен.

Всё это я уже слышала с расстояния, про меня больше никто не вспомнил, и к столику гостя повёл сам Николай Петрович. А я позволила себе ненадолго зажмуриться.

Бывает же такое. Наваждение.

На следующий день у нас с Анькой был выходной. После недели, проведённой в стенах ресторана, это казалось странным, оказаться на воле, предоставленной самой себе. Правда, мы этот день решили провести не совсем на воле, решили почтить память родственников и отправились на городское кладбище. Купили цветов, для мамы я купила букет разноцветных живых хризантем, и направились на могилки. Анька болтала без умолку, и совсем не про вечное и печальное. Снова прицепилась к Полинке и к её папику. Где-то ей повезло с ними встретиться вчера вечером, видимо, по пути с работы домой. И теперь разговоров и возмущения ей должно было хватить на весь день. Она даже не замечала, что я больше молчу, лишь киваю в ответ и иногда поддакиваю. Аня сгребала облетевшие листья в кучку, и трещала про то, какая Полинка циничная и продуманная особа, раз согласна с пожилым мужиком, за деньги...

Я же присела на скамеечку, смотрела на фотографию мамы на памятнике и вздыхала. Затем поднялась и фотографию протёрла. Голову склонила на бок, так можно было подумать, что мама мне улыбается. Именно мне.

Не заметила, что сестра остановилась, наблюдает за мной. Потом она негромко и осторожно спросила:

- Грустишь?

- Конечно, грущу, - созналась я. – Всегда буду грустить.

Анька подошла и в порыве чувств обняла меня со спины. Вот за это я сестру и люблю. Она может казаться резкой, несдержанной, может кричать и ругаться, но вот в такие моменты, важные и трудные, никогда не оставит. Подойдёт и обнимет, и останется рядом.

Я запретила себе плакать, но глаза всё-таки вытерла, затем сделала глубокий вдох, сбрасывая с себя печаль. Сказала:

- Всё хорошо. – И переспросила: - Так что ты говоришь?

Анька махнула пыльной тряпкой.

- Да я про Полинку, - пробормотала она. – Это не важно.

- Почему это не важно? Она нам родня. Хоть, и названная.

- Я бы сказала: не званная. Но, знаешь, она ведь за этого папика замуж собирается. Я тебе точно говорю.

- Может, она его любит?

Анька голову подняла, посмотрела на меня, после чего выдала сокрушительное:

- Ага, любит! Устроиться она поудобнее хочет.

Я пожала плечами.

- Имеет право. Ей с ним жить, и ей с ним спать. Пусть поступает, как хочет.

- Это, конечно, но всё равно несправедливо.

- Это чем?

- Лида, она ни дня в своей жизни не работала. Только и мечтает о том, чтобы поудобнее устроиться. И побогаче. Разве мы с тобой такие?

- А предложи тебе олигарх замуж, - усмехнулась я, - ты бы тоже о любви рассуждала?

- Олигарх? Где их взять, олигархов? Ты хоть одного вживую видела?

- Нет.

- Вот именно. А ты в Питере жила!

- Ань, я на метро ездила. А олигархи в метро не спускаются.

- Спускаются, я читала. Некоторые специально за женой.

- Сказки ты читала, - отмахнулась я.

Анька отвернулась от меня, походила вокруг, высматривая, что бы ещё сделать полезного. После чего вдруг вздохнула. А Анька вздыхала редко, это была моя дурацкая привычка, а не её.

- А так иногда хочется, - сказала она.

Я через плечо обернулась. Насторожилась от её мечтательного тона.

- Чего?

- Любви. – Сестра ко мне обернулась. – Знаешь, такой, как в кино или в романе. Чтобы не спать, не есть...

- Мозгами не пользоваться, - подсказала я.

- Лид, а ты когда-нибудь так влюблялась? – Сестра смотрела с любопытством, потом вдруг указала на фотографию моей мамы. – Скажи, как на духу. Признайся.

- Да в чём признаваться? – удивилась я. – Чтобы не спать, не есть? Не помню такого.

- А Мишка? Замуж же хотела.

- Ну, хотела. И ты за Витьку своего хотела, и даже вышла. Тоже не спала, не ела?

- Ага, - кисло отозвалась Анька. – На десять килограмм с этим обалдую поправилась, не помнишь что ли?

- Да я то помню.

- А так хочется, чтобы раз и всё, - она щёлкнула пальцами почти перед

моим лицом. А я вдруг вспомнила, что этой ночью как раз-таки спала плохо. И странно подумать из-за кого. Из-за мужика, которого видела первый раз в жизни.

- Кстати, о мужиках, - не удержалась я. – Расскажи, из-за кого мне вчера Петрович взбучку устроил? Выговаривал потом минут десять, словно, я президента проворонила.

- А кого ты проворонила?

Я прикинулась задумчивой, хотя, отлично помнила и имя, и как выглядит.

- Кажется, он называл его Давидом.

- А, Давид. – Анька лицом просияла. – Да, Давид вчера вернулся, видела его в зале. Его несколько недель не было, даже скучно. Он хоть улыбнётся, «привет» скажет, не то что некоторые. Снобы.

- Кто он такой?

- Давид Кравец. Его дед антиквар, говорят, богат, как Кощей Бессмертный. Но об этом никто ничего достоверно не знает, потому что он из дома не выходит много лет. Кажется, это какая-то болезнь.

- Агорафобия, - подсказала я негромко.

- Вот, точно, она! Представляешь, сидеть в четырёх стенах годами? Бр-р. Но при этом он отлично управляет семейным бизнесом, у них династия. Их главный магазин находится в исторической части города, можно сказать, под стенами Кремля. И деду Давида ещё от его деда достался. По крайней мере, так говорят. Может, врут. – Анька равнодушно пожалала плечами.

- А внук, значит, на дедушкином содержании?

- Давид? – Анька, кажется, удивилась моему высказыванию. – Нет, он у деда правая рука. Тот в доме сидит, под охраной, со всеми своими цацками и сокровищами, а Давид по городам и весям разъезжает, и даже по заграницам. Вот сейчас, говорят, где-то в Европе был. – Сестра снова вздохнула, и это уже начинало тревожить. – У некоторых жизнь интересная.

- Да уж.

- А ты чего заинтересовалась им? Понравился?

У меня вдруг в горле запершило, я даже кашлянула. А на Аньку посмотрела ошалевшими глазами.

- Ты что? Я его и видела-то мельком, со спины!

- Но впечатление произвёл, да? – Анька толкнула меня локтем. Затем примирительно сказала: - Он на всех баб впечатление производит, раз и навсегда. И на меня тоже. Я его как увидела, так думала, у меня рот от

удивления никогда не закроется. Хорош, чертяка.

- Хорош, - согласилась я негромко, и, к своему неудовольствию, увидела перед своим внутренним взором Давида Кравца, как живого. Высокого, смуглого, коротко стриженного. Волевой подбородок, размах в плечах, а глаза ясного голубого цвета. И смотрит с намёком и обещанием. Анька права, любая женщина на этот взгляд поведётся без всяких оснований. Я прекрасно помнила, что мне после первой его улыбки, причём ничего не значащей, захотелось бухнуться ему в ноги, глупо задрать голову, и смотреть, смотреть на него. Но, всё же, есть чему порадоваться. Не я одна такая. Значит, это первое впечатление наверняка можно пережить.

Уверена, что при нашей следующей встрече, я уже не стану так реагировать. Уже буду готова и к взглядам, и к обезоруживающим улыбкам. Он, уверена, всем так улыбается – и официанткам, и стюардессам, и домработницам.

Интересно, каково это – работать в его доме домработницей? Для этого, наверное, надо быть полуслепой престарелой тёткой, иначе через неделю окажешься в психушке с переизбытком феромонов в организме.

Никак он у меня из головы не шёл. Вернувшись в город, я отказалась от приглашения сестры поехать обедать к ним. Вместо этого я приехала к себе, переделалась и решила прогуляться по городу, благо погода радовала. И деньги были, хоть и немного. Петрович, несмотря на свои угрозы оставить меня на две испытательные недели без копейки, ещё позавчера выдал мне небольшой аванс. Хорошо, что позавчера, а то после вчерашнего он вряд ли бы задумался о моей непростой доле. Из-за любимого посетителя он на меня разозлился не на шутку. Я весь оставшийся вечер мило и старательно улыбалась всем, входящим в двери ресторана, пытаюсь заслужить прощение у начальства.

Но, конечно, я себе врала. Примерно час врала. Приехала в старую часть города, гуляла по набережной, даже мороженое съела. Дошла до стен Кремля и пошла вдоль них. Говорила себе, что гуляю. Вспоминаю великую историю родного города, исследую новшества и преобразования, а сама стреляла глазами по сторонам, в надежде увидеть вывеску «Антиквариат» или что-то в этом роде. Вот только сама не понимала, для чего мне всё это нужно. Я не искала встречи с этим самым Давидом, мне просто было любопытно. А встречи с ним я откровенно побаивалась, вспоминая вчерашнюю реакцию своего сознания, точнее, полное его отсутствие на какой-то период времени. Я не могла припомнить за собой подобного поведения, и повторения не хотела. Но история, рассказанная мне сестрой,

интриговала. Дед-агорафоб, несметные богатства, клады и драгоценности. Кто бы ни заинтересовался, правда?

Магазин я нашла. В начале туристической пешеходной зоны, на самом видном месте, на углу старинной улочки. Затемнённые витрины, искусно выкованные ограждения и витые решётки, и название «Антиквар» над ними. Магазинчик небольшой, но раньше подобные лавки, торгующие ювелирными изделиями и антикварными вещами, большими и не были. В целях безопасности. Я остановилась перед витриной, рассматривала граммофон и огромное зеркало в тяжёлой раме, выставленные на продажу, и далеко не сразу осмелилась толкнуть дверь и войти внутрь. Люди спешили мимо, будто не замечая вывеску и витрину, и никто даже головы не поворачивал в эту сторону. И у меня складывалось впечатление, что никто кроме меня не видит этой двери. Казалось, войду и окажусь в другой реальности.

Дверь была дубовая, тяжёлая, но совсем не старинная, хотя, мастера очень постарались придать ей солидный, потёртый вид. Я её толкнула, над головой звякнул колокольчик, и я перешагнула порог. Дверь беззвучно прикрылась за моей спиной, и я оказалась в полумраке и удивительной тишине. Суетливая улица перестала существовать. А вокруг мебель, картины, сервизы и всякие безделушки. Я шла осторожно, боясь задеть какой-нибудь столик или буфет. Не дай Бог, с него всё повалится, я никогда не расплачусь.

В узкой витрине за стеклом манекен в пышном платье с оборками. Атласное, бледно-золотистое платье, с открытыми плечами и невысшимым декольте. А к руке манекена прикреплен кружевной зонтик. Правда, кружево потускнело, кое-где помялось и в целом выглядело невоодушевляюще. Для покупки. Но с платьем смотрелось интересно.

- Вам бы пошло, - сказал кто-то за моей спиной, и я испуганно обернулась. Увидела за комодом мужчину. Худого, с всклокоченными кудрявыми волосами и в очках. На впалой груди надета атласная жилетка, а из узкого карманчика на ней свисала цепочка от карманных часов, по виду, золотая.

Первой мыслью было, что это дед Давида. Ходит, как привидение по магазину, раз не может выйти на улицу. Но присмотревшись к мужчине в полумраке, я поняла, что он слишком молод для того, чтобы быть дедом такого взрослого внука. Скорее всего, продавец.

Вспомнила, что он ко мне обратился, изобразила улыбку в ответ.

- Оно, правда, старинное?

- Середина девятнадцатого века. Отлично сохранилось, ни один

шовчик не разошёлся. Вы интересуетесь?

Я на платье оглянулась.

- Интересуюсь, - промямлила я. Попыталась представить, сколько стоит платье, которое я смогу надевать лишь глубокой ночью, чтобы окружающие не решили, что я спятила, раз изображаю кентервильское привидение в блочной пятиэтажке. – Но только в качестве интереса. Скорее, любопытствую.

Мужчина мягко улыбнулся.

- Это тоже хорошее дело.

- Я никогда не видела такое старое... то есть, антикварное платье. Вы его тоже продаёте?

- В этом магазине продаётся всё.

Я сделала несколько шагов, разглядывала вещи, приняхивалась, но пылью или чем-то неприятным, лежалым и застоявшимся, не пахло. А у стены увидела хорошо освещённый прилавок и подошла ближе. Под стеклом лежали иконы, кресты на цепочках и украшения. Конечно, ничего драгоценного или дорогого, это сразу становилось понятно, даже мне, которая ничего в каратах и огранке не смыслила.

- Вас интересует что-то определённое? У нас есть кольца и браслеты. А ещё броши. Когда-то броши были непременным атрибутом любого наряда. Барышни вашего возраста обожали подобные украшения.

Я улыбнулась. Мужчина так мило изъяснялся, под стать всему этому магазину и вещам, которыми торговал.

- Барышни моего возраста?

- Юные особы. Знаете, ведь брошью, как и заколкой для волос, можно было сказать многое. Даже показать, что дама готова к любовной игре.

Я сжала губы, чтобы не рассмеяться.

- Как мило.

Мужчина вдруг нырнул под прилавок.

- Покажу вам пару занимательных вещичек. – Он появился перед моими глазами с бархатным подносом, откинул край покрывала, и я увидела переливающиеся разными цветами украшения. Заколки, брошки, булавки. Выглядело всё очень мило. Никаких тебе жуков-скаробеев, помню, у бабушки была такая брошка, и она ею очень гордилась. А тут хрупкий букетик фиалок, роза с капелькой росы на лепестке, бабочка, усыпанная самоцветами. Я, на самом деле, засмотрелась.

- Какая красота, - проговорила я, осторожно прикасаясь к украшениям.

- Сейчас такого не встретишь, - с сожалением проговорил продавец. Коснулся пальцем бабочки. – Этой броши сто пятьдесят лет. Представьте

только, её носила дочка купца или чиновника. А, возможно, она приехала к нам из столиц, и видела столько всего интересного. Балы, тайные свидания, мимолётные прикосновения и жаркие клятвы.

Я подняла на мужчину глаза.

- Вам бы романы писать.

Он улыбнулся. И вдруг протянул мне руку:

- Меня зовут Рудольф Маркович.

Руку я пожалала. Представилась в ответ:

- Лида.

- Очень приятно. Всегда приятно знакомиться с милой, красивой барышней.

Я снова вернулась к украшениям.

- Они, наверное, жутко дорогие?

Рудольф Маркович выдал томительный вздох.

- Не дешёвые. Но, в то же время, это не драгоценные камни, как мы сейчас говорим, бижутерия.

Я погладила цветы фиалки. Брошь была нереальной красоты.

- А вот эта сколько стоит?

Рудольф Маркович озвучил мне цену, я поначалу хотела тут же руку отдёргнуть, а потом... потом подумала, что у меня никогда не было броши. А вдруг мне пойдёт? А сумма, конечно, превысила мои ожидания, и составляла почти всё, что у меня было отложено на самый чёрный день, но я не могла отвести глаз от искусно сделанных цветов фиалки, это тоже следовало учесть.

И в какой-то момент, в один-единственный, я решилась. Кивнула головой и выдохнула:

- Беру.

Зачем я разыскивала этот магазин, зачем зашла внутрь и на кой чёрт мне брошка, которую носила какая-нибудь купчиха, я не знала. Но когда Рудольф Маркович упаковывал мою драгоценную покупку в коробочку и перевязывал атласной ленточкой, я чувствовала настоящий восторг. А в руки приняла, как настоящее сокровище, нежданно перепавшее мне наследство.

- Вы сделали отличный выбор. Брошь обязательно принесёт вам удачу, Лида. Я знаю. Она особенная.

Я расцвела в улыбке.

- Спасибо, Рудольф Маркович. Я непременно зайду к вам ещё! – пообещала я в пылу восторга.

- Конечно, конечно. Будем рады.

Я так и несла коробочку на вытянутой руке, пока шла до двери. А когда оказалась на улице, меня ослепило солнце, оглушил шум города, звуки машин, голоса туристов и зазывал. Я тут же припрятала свою покупку в сумку и, наконец, закрыла за собой дверь волшебного магазина. Магазин, на самом деле, показался мне волшебным. И почему я раньше обходила подобные места стороной? Мне казалось, что в антикварных магазинах продают никому ненужное барахло, и там пахнет пылью. А выяснилось, что там огромное количество необычных, интересных вещей. Правда, дорогих. Но это настолько любопытно!

- Сколько она стоит? – Анька выпучила на меня глаза.

Признаться, к началу следующего дня мой восторг от покупки несколько поутих, и я уже больше думала о потраченных деньгах, и поэтому сестра своим непониманием подобных трат, взяла меня за живое.

- Перестань лупить на меня глаза, - попросила я её. – Она мне понравилась. Посмотри, разве не чудо? – Я повернулась к зеркалу, посмотрела на своё отражение. Брошь на белой, форменной блузке смотрелась замечательно. Оживляла и освежала мой строгий образ.

Анька лишь головой качнула, и всё ещё хмурилась. И тогда я добавила:

- И считать мои деньги перестань. Куда захотела, туда и потратила.

- Последние!

- Рудольф Маркович сказал, что она принесёт мне удачу.

- Рудольф Маркович – это тот аферюга, который содрал с тебя такие немислимые бабки за кучку фальшивых камешков?

Я на сестру оглянулась, посмотрела с укором.

- Ты зря обижаешь человека. А брошке сто пятьдесят лет.

- То есть, ты не первая идиотка, которая её купила. Супер.

Я разозлилась.

- Иди, работай.

- Ты тоже иди и работай. Тебе теперь жрать не на что будет. Надо работать старательнее. – Анька развернулась и направилась в зал, а я не удержалась и проговорила ей вслед:

- Возможно, её носила герцогиня!

Сестра заглянула обратно в раздевалку. Кинула на меня снисходительный взгляд.

- В России не было герцогов. У нас были князья.

Я пренебрежительно фыркнула в ответ на её познания, снова на себя в зеркало посмотрела. Расправила плечи, и проговорила себе под нос:

- Подумаешь, тогда княжна. Самая богатая и знаменитая.

В этот день у меня было отличное настроение. Я запретила себе

думать о том, что я теперь бедная, что могу рассчитывать только на зарплату, и наслаждалась осознанием того, что у меня появилась необычная, замечательная вещь. Какой больше ни у кого нет. Год назад я тоже здорово потратилась, купила себе туфли от Шанель. За немислимые, как тогда казалось, деньги. Но отлично помню, какое удовольствие получала всякий раз, как надевала их, чувствовала себя особенной. Несмотря на то, что каждый раз натирала мозоль на мизинце. Но это не имело никакого значения, куда важнее был психологический подъём, который я испытала от покупки. А приобретение броши меня попросту окрылило. Непонятно почему, но я, на самом деле, ощущала себя богатой наследницей и принцессой крови.

- Что это у тебя? – поинтересовался Петрович, уставившись на мою грудь.

Я расцвела в улыбке.

- Нравится? Кажется, все посетители замечают.

- Ещё бы, раз ты перед ними титьками трясешь.

Я улыбаться перестала. И даже обиженно проговорила:

- Николай Петрович!

Начальник же постучал коротким пальцем по краю стойки администратора. И строгим голосом проговорил:

- Смотри у меня, Лидия. Не натвори дел.

- Я работаю, - попыталась оправдаться я. – Со всей старательностью.

- Вот со старательностью и поосторожнее. Не перестарайся.

- Вас не поймёшь...

- Цыц, я сказал, - шикнул на меня Озёрский, и незаметно ткнул пальцем в сторону дверей, которые как раз открылись, впуская очередных посетителей ресторана.

Если днём в «Алмазе» было спокойно, люди приходили пообедать, провести деловую встречу или даже поработать в тишине за маленьким столиком у окна, то к вечеру обстановка оживлялась. Шума и пьяных плясок в ресторане никогда не случалось, если только в те вечера, когда весь зал бронировали под спецзаказ. Но и тогда никто никогда не знал, что происходит за закрытыми дверями, потому что на входе вместо администратора становились дюжие охранники, и не подпускали никого чужого на пушечный выстрел. А в обычные вечера, даже будние, все столики были забронированы, официанты сбивались с ног, на сцене вовсю старались музыканты, наигрывая что-то беспечное и ненавязчивое, но главное, чтобы музыка была живая, это придавало заведению респектабельности. И я уже знала, что за фортепиано и на скрипке в

«Алмазе» не играют случайные люди с улицы, все как один заслуженные, из губернаторского оркестра. Что ж, лишние деньги никому карман не тянут. И признанным музыкантам никто не ткнёт, что они подрабатывают вечерами в кабаке. Нет, они всё также радуют просвещенную публику, дарят им душевную благодать, играют на струнах их душ. Честно, я сама слышала, как саксофонист с красным носом на полном серьёзе обсуждал это с Петровичем. Озёрский ему конверт с деньгами протягивает, а красноносый ему про развитие и прекрасную душу рассказывает. А сам конвертик суетливо в карман прячет. Петрович мелко кивал, улыбался, а сам всё в зал косился. Правильно, за столиком у самой сцены в тот вечер губернатор с супругой ужинали. Просвещались.

Всё это попахивало откровенным лицемерием. Я проработала в «Алмазе» две недели, а уже могла судить о том, что люди сюда приходят не ужинать, а пускать друг другу пыль в глаза. И в городе, наверняка, есть заведение, куда все эти достопочтимые мужи отправляются выпускать пар. И, слава богу, что я работаю здесь, а не там. Наблюдать изнанку не хотелось бы. Куда лучше, когда всё вот так чинно и благородно, пусть и неправдиво. А моё дело маленькое: улыбнуться и проводить за столик. Иногда польстить, сказать какую-нибудь банальность про галантные манеры мужчины или причёску его спутницы. И, наверное, у меня неплохо получалось, потому что Петрович, несмотря на то, что ворчал на меня временами, особо не придирился. Моя манера общения ему импонировала.

- Поздоровалась, проводила, польстила и уходи, - всегда повторял он мне. – И задницей не виляй, не хватало нам проблем с чужими бабами. Ты профессионал. – Петрович, после этого слова, ко мне присмотрелся, придиричиво. Губы поджал. После чего переспросил: - Ты ведь профессионал?

- В плане ресторанного бизнеса? – невинно переспросила я.

Озёрский снова погрозил мне пальцем.

- Лидия.

Я попыталась скрыть улыбку, но не слишком в этом преуспела. Затем к начальнику обратилась:

- Николай Петрович, не переживайте. Я своё место знаю, и оно меня вполне устраивает.

- Очень на это надеюсь.

Мужиков в «Алмазе» была тьма. И все как один преуспевающие, обеспеченные, деловые, вот только зачастую далеко не красавцы. Да и порядочности, той самой галантности многим не хватало. Хорошо, если тебя расценивают, как прислугу. Не обращают внимания на твои слова и

вежливые улыбки, бубнят что-то невнятное в ответ, и твоё дело поскорее проводить их за столик и оставить в покое. Но некоторые не прочь были и пофлиртовать. И вот тут на самом деле приходилось включать профессионала и ни на что не реагировать. Даже на протянутые к тебе руки и масляные взгляды. Становилось откровенно неприятно, но я напоминала себе, что, во-первых, я получаю за это зарплату, а, во-вторых, не все люди, как говорится, человеки. Особенно, это относится к мужикам на вечерней охоте. В такие моменты хотелось застегнуться на все пуговицы, и спрятаться за форменной одеждой, как за плащ-палаткой. Аньке проще, она всегда за барной стойкой укрыться может, а я на виду, на передовой.

После моей первой встречи с Давидом, прошла неделя. Признаюсь честно, после первой тревожной ночи я спала спокойно, и даже посмеиваться над собой начала со временем. Его образ в моём сознании потускнел, если я и вспоминала о поразившей меня в самое сердце своим внешним видом особи мужского пола, то раз в день, не больше, в основном, вечером, когда можно было расслабиться, и, наконец, отвлечься от работы. Я выпивала бокал вина перед сном и, смехом, раздумывала о том, что наверняка в этом мире, даже в этом городе, есть женщина, которая проводит с ним вечера и ночи. И мне, чисто для эксперимента, интересно какво это. Давид Кравец. У него даже имя не как у всех. И внешность не как у нормального, среднестатистического мужика. И ему как-то нужно с этим жить. Вот мне и интересно – как живут такие, как он. Наверное, не задумываются, что они особенные, и что жизнь их и мировоззрение должны быть какими-то другими.

И вот настал вечер, когда Давид снова появился в «Алмазе». В этом не было ничего сверхъестественного, он пришёл поужинать, к тому же, не один, а для меня словно набат в ночи прозвучал. Я, как обычно, встречала гостей, зал уже был полон, я устала улыбаться и говорить банальности, и не могла дождаться окончания вечера, когда можно будет снять с лица опостылевшую улыбку, и уйти домой. За большим столом в центре отдыхали московские гости, шумели и смеялись, и меня подзывали уже не раз. Молодые мужчины, зазывно улыбались и посматривали с намёком. Даже за столик приглашали, от чего мне пришлось со всей серьёзностью отказаться и пожелать им хорошего вечера.

- Соблазняют? – со смешком поинтересовалась Анька, когда я на минуту остановилась у барной стойки. Сестра протянула мне стакан воды, и я за ним спрятала усмешку.

- Наседают, - сказала я негромко.

- Обидно, да? Вот так и проворонишь свою судьбу. Увёз бы тебя

столичный принц на своём железном «Бэнтли» в Москву, а ты тут за униформой прячешься.

- Знаешь, я почему-то уверена, что у всех этих столичных принцев в столице по домам принцессы сидят. Им не до нас.

- Это ещё обиднее. Надежда во мне угасает стремительно и неотвратимо.

- Надежда на что? Захмутать королевскую особу?

- Да чёрт с ней, с королевской, хоть какая-нибудь приличная персона попалась бы. Ради разнообразия.

- Лид, - ко мне со спины приблизился официант Антон, молоденький мальчик с шевелюрой цвета молодой морковки, и предостерегающе шепнул, - Петрович глазами стреляет.

Я тихонько вздохнула.

- У меня ощущение, что он никого, кроме меня, не видит, - пожаловалась я едва слышно.

Анька усмехнулась, активно натирала бокалы белоснежным полотенцем, а когда я в спешке делала последний глоток воды, кивнула в сторону входа:

- Кстати, о царской семье. Беги, встречай.

Я через плечо обернулась, не совсем понимая, кого она имеет в виду, если честно, подумала о губернаторе, что зачастил к нам в последние дни, или, на крайний случай, о мэре, но никого знакомого не увидела. Только мужчину средних лет, моложавого и стройного, под руку с худой блондинкой в платье, которое я как раз вчера заприметила в торговом центре. Но стоил наряд столько, что мне оставалось только похлопать глазами и пойти прочь из магазина с такими мало привлекательными, я бы даже сказала, безобразно бессовестными ценами. А вот теперь вижу золотистый шёлк на блондинке, и мне обидно. Но я нацепила на лицо улыбку и поспешила навстречу гостям, про себя гадая, кто к нам пожаловал, и, жалея, что не успела расспросить об этом Аньку.

- Добрый вечер, - проговорила я, мило улыбаясь. – Рады приветствовать вас в нашем ресторане. Вы бронировали столик?

Я смотрела на мужчину, не на блондинку. При ближайшем рассмотрении он выглядел старше, чем мне в первый момент показалось издали. Морщинки, не чёткий овал лица, да и выражение глаз выдавало. Непонятно почему, но в первую очередь взгляд его старил. В нём была не усталость, скорее, пресыщенность. Мужчина был одет броско, он явно молодился, но глядя ему в лицо, я могла с точностью сказать, что пятидесятилетний рубеж он перешагнул далеко не вчера. Но, по всей

видимости, старался об этом забыть. И для этого ему нужна была милостивая девочка рядом, которая тоненьким голосом без конца бы тянула:

- Марчик, я хочу шампанского!

Я всё-таки обратила на девушку внимание, от цвета платины на её голове и капризно сложенных губ меня едва не перекосило, но я профессионально, на высшем уровне этого самого профессионализма, удержала на губах улыбку.

- Потерпи, дорогуша, сейчас нас проводят за стол.

Неожиданно голос у мужчины оказался глубокий, завораживающий, очень приятный. Он посмотрел на меня и повторил:

- Дорогуша, мы хотим поужинать.

- Вы бронировали столик? – терпеливо повторила я свой вопрос. Снова улыбнулась, а мужчина вдруг ко мне присматриваться начал. Его взгляд остановился на моих губах, после чего бесстыдно спустился на грудь. Стало неудобно и некомфортно. А брошь на груди будто потяжелела, превратилась в камень и начала душить. Хорошо, что длилось это ощущение недолго. В следующий момент я думать забыла о парочке, что стояла передо мной, потому что за их спинами, словно из воздуха, возник Давид Кравец. Он, на самом деле, появился из ниоткуда, окончательно лишив меня воздуха и каких-либо мыслей и чувств. Которые мне весьмагодились бы, чтобы вспомнить о том, что я профессионал.

Давид, видимо, услышал наш разговор, потому что вместо приветствия, сказал:

- Мы заказывали столик. На фамилию Плетнёва. – Он кинул на блондинку весёлый взгляд. И явно передразнил: - Яна, дорогуша, ты же Плетнёва?

Я стояла и бестолково таращилась на эту троицу. То есть, таращилась я, конечно, на Давида, но затем мой взгляд метнулся к лицу мужчины, и я уже осознанно уловила сходство, оно было выраженное. Широкий лоб, голубые глаза, тёмные волосы зачёсаны назад очень похоже. По всей видимости, передо мной стоял отец Давида. Черты лица были схожи, а вот держались отец и сын совершенно по-разному. Кравец-старший изо всех сил старался казаться уверенным в себе, а у Давида это получалось само собой. Он не старался и вряд ли задумывался о том, чтобы произвести на кого-то впечатление.

- Я сейчас проверю, - проговорила я сбивчиво, вспомнив о своих непосредственных обязанностях. Принялась листать книгу заказов, но буквы предательски отказывались складываться в слова.

А блондинка тем временем удивилась:

- Я заказала столик?

Давид хмыкнул, шагнул к стойке администратора и перегнулся через неё, заглядывая вместе со мной в блокнот. На меня пахнуло невероятной свежестью одеколона, накрыло волной тепла, и я окончательно перестала соображать. И это привело к тому, что Давид первым ткнул пальцем в нужную строку.

- Вот она. Никому неизвестная героиня, - проговорил он прямо мне в лицо. Его дыхание коснулось моих щёк, и я решила, что мне всё это снится. Глаза подняла, и мы встретились взглядами. Я, наверняка, смотрела перепугано, а вот дорогой гость меня разглядывал. С интересом. И его взгляд тоже остановился на моих губах, ниже не опускался. Наверное, в отличие от своего отца, знал, что это неприлично.

Я отступила на шаг. Сказала:

- Я провожу вас к столику.

Давид кивнул, не торопясь отводить глаз, и всё-таки в какой-то момент его взгляд спустился к моей груди. Но смотрел он на брошь. А мне вдруг стало так стыдно! В один момент. Казалось, что я умру от жара, накатившего на меня. Мне показалось, что как только Давид увидит брошь на моей груди, он сразу всё поймёт, все мои тайные помыслы. Узнает, что я думала о нём не раз и не два после одной лишь мимолётной встречи, и приобретенное украшение стало неким символом моей заинтересованности им, раз я отправилась искать магазин, принадлежащий его семье. Ведь зачем-то я это сделала?

Самой бы себе ответить зачем. До сих пор не знаю.

Но Давид взгляд отвёл, на его губах мелькнула улыбка, милая, ничего не значащая, и в следующий момент он от меня отвернулся. Что-то сказал отцу, посмеялся над какой-то глупой фразой блондинки, а я аккуратно обошла их и направилась через зал к нужному столу, чувствуя странную, необъяснимую обиду. Не за себя, а за брошь. За то, что украшение, которое сразило меня своей красотой и необычностью, ничего не сказало хозяину магазина, в котором та провела, возможно, много месяцев. То есть, её признали той самой бижутерией, не стоящей внимания, ничего не значащей, хоть и сверкающей.

И я, надо думать, ей под стать.

Один из мужчин за столиком, за которым отдыхали московские гости, откровенно оглянулся мне вслед, когда я прошла мимо. Я краем глаза заметила, как он обернулся, но я прошла мимо, остановилась у соседнего стола и учтиво указала на него вновь прибывшим гостям.

- Располагайтесь. Официант к вам сейчас подойдёт.

Отца Давида, насколько я поняла, звали Марк. Он отодвинул для блондинки стул, а когда та присела и жеманно повела плечами, наклонился и поцеловал ту в щёку. Это выглядело глупо. Именно глупо. Почему-то. Но я поняла, что наблюдаю за его действиями чересчур внимательно, опомнилась, и поспешила глаза отвести. А когда сделала это, неожиданно натолкнулась на взгляд Давида. Он заметил мой интерес, и его это посмешило. Сам он выглядел расслабленным, на отца и его спутницу не смотрел, присел за стол и пристроил локоть на краю.

- Хорошего вечера, - пробормотала я, и шагнула прочь.

- Девушка, а у вас можно заказать цветы?

Пришлось остановиться, вернуться к столу москвичей и мило улыбнуться тому, кто весь вечер на меня глазел и даже пытался схватить за руку.

- Конечно, - ответила я. – В холле есть цветочная лавка. Какие именно цветы, и на кого оформить доставку?

Мужчина расплылся в довольной улыбке, а его взгляд упорно пытался нырнуть в мой скромный вырез на груди. На моей форменной рубашке было расстёгнуто всего две пуговицы, скромнее просто некуда, но он отчаянно старался что-то разглядеть.

- На меня. А цветы выберите сами. Какие вы предпочитаете?

- Розы, - автоматически ответила я. И тут же пояснила: - Думаю, все женщины любят розы, так или иначе. Не прогадаете.

- Я никогда не прогадываю. Закажите себе букет самых красивых роз.

Я моргнула. Сознание постепенно прояснилось.

- Мне? Спасибо, но я не заказываю сама себе цветы. Извините, меня гости ждут.

Ещё одна осточертевшая мне улыбка, и я направилась на своё рабочее место, к входным дверям. А сердце в груди делало кульбиты. Но совсем не из-за того, что меня пытались соблазнить букетом роз.

- Что он от тебя хотел? – спросил Петрович, подойдя ко мне через несколько минут.

Я нервно перелистывала книгу заказов.

- Ничего, - ответила я рассеянно, не поднимая глаз. – Пришли поужинать.

- В смысле? – озадачился начальник.

Я поняла, что сморозила глупость, посмотрела на Озёрского и переспросила:

- А вы о ком?

- О том столичном пижоне. А ты о ком?

- А-а. – Я выдохнула, незаметно махнула рукой. – Он пьян. Хотел поразить меня своей щедростью. Цветы подарить. И чтобы я сама их себе ещё и заказала. Что за мужики пошли? – вдруг пожаловалась я.

А Петрович сокрушённо качнул головой.

- Ну, Лидия.

Я глаза на него вытаращила, изображая невинность.

- А я при чём? Я же отказалась. Всё по инструкции, как вы говорили.

- Чувствую, будут у нас ещё неприятности.

- Из-за меня?

- И из-за тебя тоже. Работай.

Работать расхотелось. Зал полон, новых гостей не появлялось, и я торчала у входных дверей, и мне казалось, что у всех на виду, и все на меня смотрят. Стояла, гордо расправив плечи, пялилась в свои записи, которые никому, по сути, нужны не были, и изображала жуткую занятость. Только иногда позволяла себе кинуть быстрый взгляд в зал. И куда бы и на кого бы я ни смотрела, глазами, в итоге, находила Давида. Он выглядел хоть и расслабленным, но скупающим. Разговаривал с отцом, иногда улыбался, лениво, как Чеширский кот, а я смотрела на него и думала о том, что это ненормально для мужика, быть настолько притягательным. И при этом ужинать в компании отца и его молодой любовницы. А где очередь из влюблённых женщин модельной внешности, рвущих его на части? Или он настолько любит родителя, что готов пожертвовать личной жизнью на целый вечер, чтобы послушать лепет глупой блондинки? Интересно, она жена Кравцу-старшему или нет? Наверное, это невероятно мило и в то же время странно говорить окружающим, что этот хрупкий, белокурый эльф его мачеха.

В конце вечера мне на стойку приземлился букет красных роз. Честно, мне никто никогда такого шикарного букета не дарил. Не меньше двадцати штук головастых, бордовых роз. Я уставилась на них, затем подняла глаза и увидела своего столичного поклонника, который, по всей видимости, очень хотел свести с провинциальной администраторшей более близкое, я бы даже сказала, тесное знакомство. Часы показывали половину первого ночи, работать оставалось всего ничего, и я успела обрадоваться тому, что вечер прошёл без серьёзных эксцессов. Шумная компания московских коммерсантов покинула ресторан ещё час назад, чем всех порадовала, потому что к концу вечера они окончательно вошли во вкус и расшумелись, чего в «Алмазе» никак не приветствовали. По обрывкам их разговора было ясно, что веселье они планируют продолжить, и я их мысленно

благословила. А от взгляда «ухажёра» старательно скрывалась, пока он не прошёл мимо и не исчез за дверями ресторана. И уж точно я не ждала и не хотела увидеть его спустя час, даже с цветами. Причём, цветы он, в прямом смысле слова, бросил передо мной. Не слишком хорошее начало.

- Я купил тебе цветы. Розы, как ты хотела.

- Я не хотела, - отозвалась я спокойно. – Не нужно было тратиться.

- Да что это за траты, - ухмыльнулся он, явно бравируя. – Копейки.

- Как мило, - пробормотала я, с неудовольствием глядя на красивые цветы, которые, точно, были ни в чём не виноваты.

Мужчина наклонился через стойку, уставился на мою грудь. Делал вид, что читает моё имя на бейдже, но я знала, буквально физически чувствовала, что он разглядывает мою грудь, словно он до меня дотронулся.

- Лидия, - наконец прочитал он. Поднял глаза к моему лицу и улыбнулся. – А меня зовут Александр.

Пришлось кивнуть. В зале всё ещё были гости, и некоторые стали обращать на нас внимание.

- Очень приятно, - негромко проговорила я.

Вообще, парень был недурён собой. Лет тридцати с небольшим, русый, светлоокий, подкаченный. И сразу понятно, что при деньгах. Держался высокомерно и тряс передо мной букетом тысяч за десять с таким видом, словно он, на самом деле, стоил копейки, а не треть моей зарплаты. Возможно, для него это и не стоило ничего, но именно это, а ещё дурнинка во взгляде, и отбивала всякую охоту с ним знакомиться. И цветы его мне были не нужны, и имя его. Я больше всего хотела в этот момент, чтобы он нашёл себе другой объект для знакомства, и подарил эти розы ей. Мне было бы куда спокойнее. А теперь вот переживай, что у этого нетрезвого обалдуя на уме на мой счёт.

- Как насчёт того, чтобы продолжить вечер вместе? Обещаю насыщенную программу.

- Насыщенную чем?

- Приключениями и удовольствиями.

Я изо всех сил старалась быть вежливой и сохранять спокойствие.

- Спасибо, Александр, но боюсь, у нас с вами ничего не получится.

- Это почему?

- Нам запрещено встречаться с посетителями.

- А я не предлагаю встречаться. Я же тебя не замуж зову.

Вот от этих слов стало неприятно. Я даже перестала прятаться от его взгляда, и посмотрела Александру в лицо.

- А куда вы меня зовёте? Если не секрет.

Он недовольно насупился.

- Ты чего такая сложная, Лидия?

- Я не сложная, я серьёзная. И я только замуж. Кстати, живу недалеко от загса. Интересует?

- Ты бы не задавалась, - попросил он с намёком на угрозу. Я её явственно расслышала.

- Я работаю в этом ресторане администратором. Нигде не сказано, что обязана развлекать посетителей вне этих стен, более того, нам это запрещено. Я могу позвать управляющего, он вам об этом расскажет. Извините, но у меня нет желания терять работу из-за букета цветов.

Александр сверлил меня тяжёлым взглядом, после чего оттолкнулся рукой от стойки и выпрямился. Букет полетел мне в руки, а сам несдержанный посетитель развернулся и ушёл. В первый момент я выдохнула, но затем решила, что рано радуюсь. И через час мне самой придётся покинуть эти стены. И кто знает, что у этого настойчивого ухажёра на уме. Я была больше чем уверена, что живёт он в гостинице. А на безымянном пальце я успела приметить обручальное кольцо. Вот тебе и принц, окольцованный.

Посетители покидали ресторан. Я продолжала улыбаться, повторять слова прощания и приглашать их посетить наше заведение ещё раз. Глупые фразы, прописанные Петровичем и выученные мною наизусть. Хотя, бессмысленные, раз большинство посетителей появлялись в «Алмазе» едва ли не каждый вечер.

Семейству Кравец я тоже улыбнулась, а с Давидом даже глазами встретилась. Меня снова обожгло, а он посмотрел на меня и отвернулся. Был занят телефонным разговором, и на обслугу ему было откровенно наплевать. В общем, рабочий день заканчивался не слишком хорошо, настроение у меня к концу вечера сползло до нуля, а после того, как Давид отвернулся, не заметив моей улыбки, стремительно провалилось ниже плинтуса.

- Проблемы были? – спросила Анька, переодеваясь и зевая во весь рот. Я лишь отмахнулась.

- Дурак пьяный пристал. Из московских. Цветы притащил, а затем в лицо мне ими и зарядил.

Анька и ещё одна девочка-официантка, что оказалась поблизости, хором ахнули.

- И что?

- Да ничего. Воткнула его веник в вазу у входа. Хоть какой-то толк.

- Отшила?

- Конечно.

Мы покинули ресторан с чёрного входа, как и положено было поступать. По узкому тротуару обогнули здание гостиницы, и направились к стоянке такси. Общественный транспорт в это время суток не ходил, и приходилось тратиться на такси. Но Николай Петрович искренне считал, что платит нам достаточно для того, чтобы мы не ныли по этому поводу. Правда, поговаривали, что ежеквартально выплачивал бонусы, покрывая транспортные расходы. Поэтому я тоже не ныла.

Окна холла гостиницы и крыльцо были залиты светом, через панорамные окна можно было наблюдать, что, не смотря на позднюю ночь, в гостинице кипит жизнь, да и на улице не было безлюдно. От осознания того, что вокруг многолюдно, я успокоилась, напряжение меня покинуло, и я даже отпустила девчонок на такси, так как им было в одну сторону, а сама осталась ждать другую машину, не испытывая особого дискомфорта. Анька только попросила позвонить ей, как только окажусь дома, я пообещала и спокойно отпустила их. Даже рукой на прощание помахала. Осталась на пустой стоянке такси, уверенная, что свободная машина подъедет в течение нескольких минут, по-другому никогда до этого не случалось. Ночь тёплая, звёздная, я стояла под фонарём и таращилась на ночное небо, чувствуя, что устала. Хотелось горячего чая и спать.

- Отработала?

Я обернулась на голос, и мысленно ругнулась. Вот кого в два часа ночи на пустой стоянке такси мне не хватало. Заезжего Казановы.

Александр стоял напротив меня, сунув руки в карманы брюк, и, как мне показалось, покачивался. Видимо, был знатно пьян.

- Отработала, - кивнула я. Отвернулась, высматривала машину на дороге, но, как назло, такси было не видно.

- Что ж ты такая не чуткая, Лида?

Уже пятнадцать минут, как я не находилась на рабочем месте, и могла не придерживаться официоза и приличий. Поэтому сказала:

- А у вас, Александр, кольцо на пальце.

- И что?

- Ничего. Меня это не касается никак, а вот вашей жене явно не понравилось бы ваше стремление свернуть налево. И траты на букеты обслуживающему персоналу.

- А ты о моей жене подумала?

- О себе я подумала. Что мне нет никакой охоты развлекать незнакомого мужика в командировке. Вас тут через одного такие. На всех

меня не хватит.

- А я, смотрю, ты вне работы куда разговорчивее. – Он сделал ко мне шаг, и я невольно отступила. По сторонам огляделась. Куда все люди подевались? И такси?!

- Шли бы вы спать, - посоветовала я ему, правда, без всякой надежды, что он моему совету последует.

Александр щурился, пристально вглядывался в моё лицо. Явно что-то пытался во мне высмотреть, и я была уверена, что то, что он высмотрит, мне не понравится.

- Ты красивая, - сказал он. – Дерзкая такая. Но неужели думаешь, что можно вот так мужику цветы в лицо швырять.

- Это ты в меня цветы швырнул, - напомнила я ему, перейдя на «ты». Как развивалась ситуация, мне активно не нравилось, я искала выход, и понимала, что если ничего не изменится в ближайшую минуту, то мне останется только воспользоваться нетрезвым состоянием Александра, оттолкнуть его и бежать в гостиницу. Там светло, там люди, там он меня не тронет.

- Не понравились?

- А я должна была растаять? Это провинциальный город, конечно, но не настолько. Живые розы я видела.

- На самом деле, разговорчивая. Сразу видно, что мужика у тебя нет. Иначе научил бы вовремя затыкаться.

Это было самое милое, что я слышала в своей жизни.

Подумала об этом, но, слава богу, мне хватило ума вслух своё замечание не озвучивать. Вместо этого я ровным голосом попросила:

- Перестань на меня напирать.

- Я напирю? – Он насмешливо вздёрнул брови.

- Да. – Я в какой-то момент упёрлась ему руками в грудь, в попытке оттолкнуть, потому что за моей спиной неожиданно оказался столб.

- Я ещё даже не начинал.

Очередная шовинистическая наглость.

Я попыталась вывернуться из осады, а Александр взял и схватил меня за подбородок. Схватил больно, я головой дёрнула, но освободиться не получилось. Не зная, что ещё сделать, я попыталась пнуть нападавшего коленкой. Сколько раз видела этот фокус по телевизору, но, видимо, оборонявшимся девушкам на телеэкране попадались какие-то другие вредители, охотно подставляющие укромные места для удара. Мой оказался не таким, легко увернулся, и как-то так получилось, что его руки оказались на моих плечах, а он сам сзади.

- Отпусти меня! – потребовала я. Снова попыталась его пнуть, но, не видя куда пинать, меня постигла очередная неудача. А Александр уткнулся носом в мою шею и жарко задышал. Меня, если честно, передёрнуло. И от чужого дыхания на своей коже, и от стойкого запаха алкоголя. Я вцепилась в его руку, вцепилась ногтями, Александр ругнулся и меня встряхнул. Его захват стал сильнее, я ткнулась подбородком в сгиб его локтя, и так повисла на какую-то секунду, всё больше впадая в панику.

Краем глаза заметила машину, в первый момент обрадовалась, но это было не такси. Автомобиль, низкий, спортивный, проехал мимо, и я в отчаянии прикрыла глаза. Правда, тут же услышала скрип тормозов, автомобиль сдал назад и остановился. Хватка Александра ослабла, я этим воспользовалась и изо всех сил его от себя оттолкнула. Он покачнулся, сделал большой шаг назад и едва не упал. А я в сердцах выкрикнула:

- Идиот! – Схватилась за свою шею, которую он пережал, явно не осознавая свою силу. Глотать было больно.

Дверь автомобиля открылась, я обернулась и увидела Давида Кравца. Он вышел и теперь насторожено смотрел на нас.

- Что происходит? – поинтересовался он, обходя машину.

Он задал вопрос, а я могла только стоять и хлопать глазами, продолжая держаться за горло. С трудом сглотнула.

- Ничего не происходит, - отмахнулся злой и раздосадованный Александр. – Ехал мимо и езжай. Я со своей бабой разговариваю.

- Ты с бабой своей будешь разговаривать дома. Если там бабу обнаружишь. – Давид на меня посмотрел. – У тебя всё нормально?

Я снова сглотнула, снова стало больно, от этого обидно и страшно, и я головой мотнула.

- Садись в машину, - сказал Давид.

Я оглянулась, кинула злой взгляд на Александра, но говорить ничего не стала. Я больше всего боялась, что Давид возьмёт и уедет, оставит меня с этим психом. И сейчас дело было совсем не в том, что это Давид Кравец. Я обрадовалась бы любому спасителю, даже если бы рядом с нами остановился Петрович, которого наверняка с трудом видно из-за руля.

Давид открыл для меня дверь автомобиля, я как-то неуклюже забралась в низкий салон, а когда дверца хлопнулась, закрыла лицо руками. Как в кино. Давид Кравец спас меня от насильника. Только радости никакой. Чувствую себя грязной.

Давид открыл дверь со стороны водительского сидения, и я поторопилась убрать руки от лица. Осторожно выдохнула, потом руки вытянула, посмотрела на трясущиеся пальцы, после чего сжала их в кулак. Поняла, что Давид за мной наблюдает.

- Напугал, идиот пьяный, - пожаловалась я, и сама поразилась тому, насколько глухо прозвучал мой голос. Глухо и перепугано. Я, на самом деле, настолько напугана?

Давид кинул взгляд в зеркало заднего вида, Александр всё ещё стоял и смотрел на машину. Потом, кажется, сплюнул на асфальт. А Давид нажал на газ.

- Что ты делала в такое время здесь одна?

- С работы шла, - проговорила я. – Девчонкам в другой район, они уехали, а я такси ждала.

- Дождалась.

Я едва заметно пожала плечами. Сказать мне было нечего.

Я замолчала, и Давид кинул на меня быстрый взгляд. Спросил:

- Ты как?

Я плечи расправила, постаралась не выглядеть жертвой нападения. Я до сих пор до конца не понимала, было это нападением или недоразумением, которое подогрело мою буйную фантазию.

- Всё нормально, - ответила я. Повторила: - Просто напугал. Пьяный и наглый.

- Наглый, - подтвердил Давид, кивнув. Вдруг хмыкнул. – Настойчивый мужик. Цветы подарил.

Я на него посмотрела. Хотела кинуть короткий взгляд, но засмотрелась. Вдруг осознала, что я нахожусь в его машине, и он со мной разговаривает. Как со старой знакомой, на «ты», даже сочувствие проявляет, кажется, неподдельное.

- Нужны мне его цветы, - пробормотала я обиженно. – Таких, заезжих, как он, в «Алмазе» через одного.

- Это тоже верно. Кстати, меня зовут Давид.

- Я знаю.

Он посмотрел на меня, мне показалось, что я даже в темноте смогла увидеть, как сверкнули его глаза.

- Понятно.

Я на мгновение замерла от неловкости. Потом подумала о том, что он вряд ли знает, как зовут меня. К чему ему запоминать имя администратора ресторана, в котором он время от времени обедает?

- Я Лида.

- Лида? Очень приятно, Лида.

- Спасибо, что спасли. Что остановились.

- Трудно не остановиться, когда на тёмной улице какой-то мужик к девушке пристаёт. Борцовскими захватами. Странные у него понятия о соблазнении.

- Соблазнять он даже не пытался. По его разумению, я должна была умереть от счастья при виде букета цветов.

- А ты не умираешь от счастья?

Я отвернулась.

- Как-то нет.

- Где ты живёшь?

Я голову повернула, в первый момент взглянула с непониманием. Моргнула.

- Не нужно везти меня домой, спасибо. Высадите поближе к стоянке такси.

- Смотрю, тебе мало приключений. Решила повторить. Говори адрес.

Я секунду боролась с собой, после чего назвала адрес. Ехать нужно было на окраину, в спальный район, но Давид даже бровью не повёл. Мы свернули на светофоре и помчались по пустому проспекту.

- Тебе нравится в «Алмазе»?

- Отвлечь пытайтесь?

- Признаюсь. Но всё равно любопытно.

- Нравится, - ответила я. – Это ведь зачётное место в городе?

- Какое? – переспросил Давид. Повторил и тут же рассмеялся: - Зачётное? Давно не слышал этого словечка. Только Петровичу так не говори.

Я улыбнулась, глядя в окно.

- Не буду. Он точно не поймёт.

- Муштрует? – Я пожала плечами, не подтверждая, но и не споря с его догадкой. – Петрович он такой, кремень. Маленький, но крепенький. Ты знаешь, что он «Алмазом» управляет ещё с девяностых? Там раньше братва любила собираться, говорят, громкие у них загулы случались. А Петрович рулил и выруливал. За это его уважают до сих пор.

- Наверное, сейчас ему работа кажется детским праздником.

- Может быть. Как-нибудь поинтересуюсь. Но у тебя неплохо

получается, молодец.

- Вы за мной наблюдали?

- Сегодня – да. Ты так тарасилась на Янку, это было смешно.

- Ну вот, а говорите, что хорошо получается. Как сказал бы Николай Петрович: я вела себя крайне непрофессионально.

- Да ладно. Я тоже на неё долго так пялился. – Давид даже головой качнул. – Даже удивительно, где отец отыскивает из раза в раз таких беспомощных особ. Но он, реально, от них тащится. – Он кинул на меня весёлый взгляд. – Ты не такая?

- Точно, не беспомощная, - заверила я.

- Всё сама-сама?

- Я стараюсь. К тому же, когда с юности живёшь отдельно от родителей, да уезжаешь в мегаполис, не получается играть в беспомощность.

- А где ты жила?

- Год в Москве. Но это давно было, когда только уехала. Думала, что Москва – это мой город, что там можно всё, только стоит захотеть. Но, то ли я хотеть плохо умею, то ли во мне недостаточно талантов, но в столице я не прижилась. Уехала в Питер. Вот там я прожила пять лет. Обожаю Питер.

- А почему вернулась?

Потому что меня Мишка, засранец, бросил перед самой свадьбой, оставив без средств к существованию и особого выбора.

- Так сложились обстоятельства. Вернулась месяц назад, пришлось искать работу.

- И что, мы провинция?

- Везде провинция. Всё зависит от качества жизни.

- А-а, деньги.

- Думаете, мне это нравится? Но так и есть. Вот здесь надо свернуть.

Автомобиль свернул во двор моего дома, проехал по узкой дороге, и я представила, как диковинно, наверняка, смотрится дорогуший спорткар во дворе блочной пятиэтажки. Хорошо, что соседи спят, а то сплетен хватило бы на месяц.

- Спасибо, что подвезли. И спасли. – Я отстегнула ремень безопасности, повернулась на сидении, собираясь вежливо улыбнуться и попрощаться со своим спасителем, и вдруг меня прострелило. Моя рука в панике вернулась к груди, я опустила глаза, и едва не застонала. Броши на кофте не было.

- Что случилось? – спросил Давид, заметив выражение паники на моём лице.

- Брошка. – Я глаза закрыла. И вот тут уже не сдержалась: - Вот паразит! Я из-за него брошку потеряла! – Я готова была расплакаться, честно. И почти собиралась это сделать, пусть и на глазах чужого человека. Украшение было жалко до ужаса. Даже не из-за потраченных денег, а из-за того, что я успела к броши привязаться, по-настоящему. Она скрашивала мои последние дни, я смотрела на неё, и мне хотелось улыбаться. И вот из-за какого-то пьяного Казановы я её лишилась.

- Ценная?

- Ну да... - пробормотала я. Вспомнила о том, что это бижутерия и создалась: - Для меня ценная.

Я купила её несколько дней назад. Она мне так нравилась!

- Ладно, не расстраивайся. Значит, не твоя.

- Ну, как это не моя? Рудольф Маркович сказал, что она принесёт мне удачу. И вот, приехали!

- Рудольф Маркович? – переспросил Давид, после чего многозначительно хмыкнул. – Ну, раз Рудольф Маркович сказал, значит, всё так. Он в таких вещах толк знает.

Я поняла, что брякнула в волнении, язык прикусила, но было поздно. Оставалось притвориться непонимающей и несведущей. И поэтому я лишь огорчённо кивнула. После чего открыла дверь автомобиля и выбралась наружу. Вдохнула полной грудью прохладный, ночной воздух. От расстройства дышалось как-то по-особенному глубоко.

- Не по пути мне с удачей, - пожаловалась я самой себе.

- Не выдумывай. – Давид тоже из машины вышел, за мной наблюдал. – Хочешь, я вернусь к гостинице и посмотрю, не лежит ли она там где.

Я глаза на него вытаращила. После чего головой покачала.

- Не хочу.

- Почему? Стесняешься?

- И это тоже, - не стала я спорить. – К тому же, её, наверняка, там уже нет.

- Значит, надо положиться на судьбу. Если это твоя вещь, она к тебе вернётся. С особенными вещами всегда так. Ты даже не представляешь, что порой происходит с драгоценностями и антиквариатом, какая у банальных стекляшек судьба бывает, покруче, чем у людей. И какой-то самоцвет, ничего не стоящий, может оказаться в перстне особы королевской крови, и его цена взлетает до небес. Покруче любого бриллианта. Поэтому просто подожди.

- Она мне нравилась, - расстроено проговорила я, но кивнула. Буду ждать, надеяться на чудо. Что мне ещё остаётся? Я заставила себя

улыбнуться Давиду. Снова поблагодарила: - Спасибо вам. От меня сегодня одни неприятности, но вы кинулись мне на помощь. Вы герой.

- Герой, - хмыкнул он. Приглядывался ко мне. – Перестань мне выкать. Я этого не люблю. Ещё не дорос.

- Это неудобно.

- Перед кем тебе неудобно?

Ответа на этот вопрос я не нашла, дёрнула плечом и улыбнулась. Потом помахала рукой на прощание, и направилась к подъезду. И только когда вошла в квартиру и закрыла за собой дверь, поняла, что же, на самом деле, случилось. А, может, брошка и, правда, принесла мне удачу, сыграла свою роль? Я познакомилась с Давидом Кравецом.

Но, как бы то ни было, брошку было жалко. Я утром проснулась и первым делом подумала про неё. Где она сейчас, в чьём кармане лежит? Хотя, я почти не сомневалась, в чьём именно. Но не пойду же я требовать у обормота Александра потерянную мною вещь? Наверное, надо отпустить. Легко и не жалея.

- Как это, не жалея? – ахнула Анька, когда я ей позвонила и рассказала про свои приключения. Правда, не про все приключения, только про часть. Про участие Давида в них я почему-то решила умолчать. – Она сумасшедших денег стоит!

- Не таких уж сумасшедших, - вяло воспротивилась я. – Всего лишь двадцать пять тысяч...

- Всего лишь! Я и забыла, ты же у нас богатенький Буратино, у тебя двадцать пять тысяч рублей – это всего лишь! Ночью выйдешь на поле Дураков и нарастишь себе ещё полтинник. А вот когда такое сделаешь, тогда и будешь говорить: всего лишь!

- Ань, ну прекращай.

- Лида, надо пойти к этому хмырю и потребовать, чтобы он тебе брошку вернул!

- Я же не знаю точно, у него она или нет.

- Надо узнать, - упрямо нудела Анька.

- Я к нему не пойду! Он псих, у меня до сих пор горло болит.

- Тогда пойдём в полицию!

- Да, Петрович сильно обрадуется, когда я посетителя его ресторана обвиню в нападении. И я вылечу с работы. Скажет, что я сама виновата, что задницей перед ним крутила. Нет уж, чёрт с ним.

- Но это несправедливо! – приуныла Анька.

Мне её было нечем успокоить.

- Жизнь, вообще, штука сложная, и редко справедливая. Так что

расслабься, и получай удовольствие. Получаешь?

- По полной, - вздохнула сестра, и трубку положила.

Чтобы чем-то себя отвлечь, сделать что-то полезное, по крайней мере, для души и совести, я решила навестить отца. С тех пор, как устроилась на работу, времени совсем и не было, а всё-таки мы теперь живём в соседних дворах. Вряд ли остальные родственники будут рады меня видеть, но я не должна забывать о том, что я дочь, имею право знать и участвовать в жизни родного человека. А временами и заступиться за него. Зная свою мачеху, времена эти случаются не редко. Мы много лет жили в разных городах, я не лезла в их семью, и, признаться, увидев отца после долгой разлуки, пребывала в некотором замешательстве. Он стал совершенно не похож на того человека, на того папу, каким я его помню. Сильным, цветущим, в детстве мне казалось, что он самый лучший мужчина на свете. Хотя, так все девочки думают про своих отцов. А сейчас словно сдался и смирился. Луиза совершенно подмяла его под свою пяту, и направляет всего его действия в нужную ей сторону. К тому же, тётя Наташа едва ли не ежедневно сокрушалась из-за его судьбы, и строила одну страшную гипотезу за другой.

Конечно же, никто меня в гости не звал, и моему появлению, кроме отца, никто не обрадовался. Женька открыл дверь, увидел меня и недовольно поджал губы. Но в квартиру впустил, правда, забыв поздороваться.

- Пап, - крикнул он, отвернувшись, - Лида пришла!

Из комнаты выглянула его жена с ребёнком на руках, и я вдруг подумала о том, что никогда не видела её одну, без одного из детей на руках или у её юбки. До того, как мы породнились, я её не знала, на свадьбу меня не позвали, и впервые я увидела Иру уже с младенцем на руках, несколько лет назад приехав в короткий отпуск.

Я скинула с ног туфли, надела дежурные тапки, и, не дожидаясь приглашения, прошла на кухню. Взгляд сам собой скользил по стенам некогда родной мне квартиры. Здесь я прожила до восемнадцати лет, считала своим домом, а сейчас ничего не узнавала. Новый ремонт, контрастные обои, видимо, с намёком на определённый дизайнерский стиль, даже мебель в квартире мне незнакомая. Я не переступала этот порог последние три года, это точно.

Отец мне обрадовался. Он смотрел телевизор на маленькой кухне, сидел у окна и пил чай из большого бокала. Меня увидел, поднялся и улыбнулся. А я всё равно отметила отстранённость в его взгляде. Не по отношению ко мне, а, наверное, ко всему происходящему в его жизни. Он

ни на что не раздражался и ни на чём не заикливался. Жил так, как жил. Всё в его жизни сложилось, как считалось, жена, большая семья, дети и уже внуки. Работа, дом и старенький «жигулёнок» в гараже. Он искренне считал, что жаловаться ему не на что. А вот мне было его жаль.

- Лидуня, как я рад. Давно не виделись с тобой. Хочешь чаю?

- Не хочу, пап. – Я присела на табуретку у стола, окинула взглядом маленькую кухню. Стало как-то грустно. – Просто зашла тебя проведать. Какие новости?

- А какие у нас новости? Это в телевизоре новости, а у нас так... - Отец отмахнулся. Меня разглядывал. – Красивая ты стала, Лида. Взрослая такая. Давно тебя не видел, отвык.

Я растянула губы в улыбке.

- Привыкай. Кажется, я надолго приехала.

Отец брови сдвинул, в намёке на тревогу.

- А что такое? Неприятности? Деньги нужны?

- Деньги всем нужны, - философски отозвалась я. – И неприятностей у меня нет. Зато работа неплохая, придётся остаться, поработать.

- Работа – это очень хорошо. С работой сейчас туго. Завод-то мой закрыли. А я рассчитывал, что на пенсию уйду, сторожем туда пристроюсь. А что? Хорошее место, сутки через трое.

- Так нет же уже места, и завода нет. Что ты думаешь?

- Да это я так, по привычке. Попей чайку-то. А то худая какая-то.

- Ну вот, только что говорил, что красавица, а теперь худая.

- Ты всегда красавица. Вся в мать.

Я печально вздохнула.

- Мы с Анькой на кладбище ездили, - сказала я.

Отец мелко закивал, а от меня отвернулся, засуетился вдруг.

- Это правильно, это хорошо. На могилку ходить надо. Я тоже недавно был. – И добавил: - У всех был, всех помянул.

Привычная отговорка. Я знала, что папа частенько бывает на кладбище, но при Луизе всегда рассказывает о многочисленной родне, схороненной на городском кладбище, но никогда о маме.

- А ты часто поминаешь? – спросила я. Отец обернулся, а я взглянула многозначительно. – Странно выглядишь, похудел. И небритый.

Он поскрёб колючий, худой подбородок.

- Так а чего, я же на выходных. На работу пойду, побреюсь. Это обязательно.

- Пап, не пей, - не стала я больше юлить. – Много, по крайней мере.

- А я много не пью. – Отец неожиданно расплылся в широкой улыбке.

– Мы с Иванычем такой коньячок настояли, пальчики оближешь! Всё сами, всё экологически чистое.

- Знаю я ваш коньячок, - фыркнула я. – Первак чистейший. Так в гараже и капаетесь?

- Ты, Лидка, отца-то не учи. Отец учёный, лучше тебя знает. – Он поставил передо мной чашку с чаем. – Пей чай, вот пряники ешь. Про работу расскажи.

Я подумала, подумала, а пряник взяла. Откусила.

- Работа хорошая. Я с Анькой теперь работаю. Ей спасибо, сама бы я туда не пробилась.

- Так сестрёнка же, правильно, что подсобила. Тётка как?

- Хорошо. Борется с мировой несправедливостью.

- Любитель она этого дела.

Я отцу кивнула, и, понизив голос, поинтересовалась:

- А где оно?

Отец непонимающе нахмурился, и тоже шёпотом переспросил:

- Кто?

- Вселенское зло. Жена твоя где?

Отец тут же отодвинулся и сплюнул с досады. А я рассмеялась.

- Да ну тебя, Лидка! – Даже пальцем по краю стола постучал, как делал в моём детстве. – Сколько раз просил, не цепляйтесь вы друг к другу.

- Так мы и не цепляемся. Это я люблю.

Отец укоризненно качнул головой.

- На рынок пошла. Детям творог купить.

- Дети – это святое, - пробормотала я, подула на чай, прежде чем сделать глоток. В этот момент на кухню Женька заглянул. Остановился в дверях, привалился плечом к косяку и на меня посматривал. Затем спросил:

- Так что у тебя с невыносимостью провинциальной жизни?

Я принципиально на него не смотрела.

- Привыкаю, - ответила я. И решила порадовать: - Почти привыкла, работу нашла. А, глядишь, и замуж соберусь. Так что, об отдельной от родителей жизни, забудь. Единственный выход, найти тебе нормальную работу, и перестать плющить задницу в своём сервисе. Тогда квартиру купишь. Сам.

- Умная, да?

- Чтобы всё это понять, много ума не надо. – Я вскинула руки, изображая атлета. – Нужны мускулы.

- Дети, не ссорьтесь, - попросил отец. Я как раз дожевала пряник, допила чай и поспешила подняться.

- Пойду я. Папа, теперь ты ко мне в гости приходи. Лучше по утрам, вечерами я работаю.

- Слышали, слышали, - протянул Женя. – В кабак пристроилась. Прямо тянет тебя туда.

- Ага. Со сцены Есенина читаю. – Я наклонилась, отца в щёку поцеловала. Проговорила ему на ухо: - Помни, о чём я тебя просила. Тётка тоже беспокоится.

- Её хлебом не корми, дай побеспокоиться за кого-нибудь.

- Не за кого-нибудь, а за тебя. Мы же семья. – Я прошла мимо сводного брата, кинула на того задумчивый взгляд. – Пока, семья.

Женька мне не ответил, прошёл на кухню и сел на моё место. Что ж, не больно-то и хотелось. Хотя, помню, были, были времена, пусть и длились они совсем недолго, когда я с удовольствием возилась с ним и с Полиной, решив, что мачеха мачехой, а младшие брат и сестра – это совсем другое. Я водила их за руку гулять и помогала с уроками. Вот только вся эта идиллия не продлилась и года, и, кроме меня, об этом вряд ли кто-то помнит.

Выйдя из подъезда, я почувствовала себя лучше. В квартире на меня навалилась тоска, словно, меня кто-то удушить пытался, теми же воспоминаниями. Оказавшись на улице, я вдохнула полной грудью, сощурилась на солнце, а пока искала в сумке солнечные очки, к подъезду подкатило такси, и из него выпорхнула Полина. Судя по её виду и наряду, девочка только возвращалась домой, поутру. Кстати, часы показывали почти полдень. Полина вышла из автомобиля, одёрнула короткое платье, на какой-то миг покачнулась на высоких каблуках, видимо, ноги не держали после ночного веселья, меня увидела и поджала губы точно так же, как брат совсем недавно. Уверена, доведись мне сейчас встретиться с их матерью, на её лице появится точно такая же гримаса, один в один. Одно слово – семья.

- Ты что тут делаешь? – спросила Полина вместо приветствия.

- Отца навещала.

- А-а. А я подумала, что в тебе проснулась совесть, и ты пришла оценить, как мы тут друг у друга на головах сидим. Пока ты одна в двушке припеваючи проживаешь.

- Во-первых, не припеваючи, а, во-вторых, ты-то что жалуешься? Что-то мне подсказывает, что ты и ночуешь дома через раз. Никто тебе не мешает.

- Жизни меня учишь, что ли?

- Была бы охота, - фыркнула я. Окинула сестру беглым взглядом.

Кстати, туфли на ней новые и явно дорогие. Мне такие не по карману. – Просто жаловаться прекращай. Или выходи замуж и съезжай, разрядишь обстановку.

- Тебя спросить забыли, - проворчала Полина. Откинула за плечи длинные волосы, которые этим утром пребывали в некотором беспорядке. Сводная сестра выглядела невыспавшейся и от этого немного потускневшей. Но всё равно красивой и взрослой. Наверняка, отбоя от поклонников у неё нет. А она выбрала пузатого папика. Странно это, Анька права.

Мы не попрощались, Полина направилась к подъезду, а я молча развернулась и направилась в сторону своего дома. На душе было тягостно, и это после визита в родительский дом, к своей семье. Я остановилась и обернулась, подняла глаза к окнам квартиры. Увидела отца у кухонного окна, он помахал мне рукой. А мне стало ещё больше его жаль. Не знаю почему, может быть, из-за его наигранно-бодрой улыбки.

Конечно, приехав на работу в этот день, я не смогла пройти мимо стоянки такси, на которой вчера со мной случилась неприятность. Ожидать, что я найду брошь, было, откровенно, глупо, но я всё равно пошла. Вокруг люди, на стоянке несколько такси, водители рядом курят, собравшись в круг. А я остановилась и принялась оглядываться. Потом обошла вокруг фонарного столба, к которому меня вчера Александр прижал. Кругом асфальт, ни травинки, ни выбоины, закатиться брошь никуда не могла, и остаться незамеченной тоже. Оставалось только руками развести в бессилии.

Я, на самом деле, не собиралась ничего предпринимать. Несмотря на то, что брошку было очень жаль, вспоминать о вчерашнем происшествии было неприятно. В душе сразу начинались волнения, и совсем не из-за того, что меня спас мужчина мечты. Неприятно было именно потому, что на меня напали, а я, если честно сказать, не сумела оказать никакого сопротивления. Я растерялась, испугалась, и ни о какой смелости с моей стороны и речи не шло. В один момент я почувствовала себя ватной куклой. И это всерьёз напугало. А ведь раньше я была уверена, что случись со мной нечто подобное, я сумею оказать достойное сопротивление. Я думала так, выслушивая страшные истории подруг, знакомых и даже незнакомых женщин с экрана телевизора. Всегда так кажется. Думаешь, что ты обязательно что-нибудь сделала бы, не позволила, дала отпор. А когда подобное случается с тобой, ты теряешься и застываешь от ужаса. И вся надежда на какого-нибудь спасителя, хотя бы случайного.

Мне повезло.

Но выносить на всеобщее обозрение свой страх я не собиралась. Даже Аньке, при встрече, бодро улыбнулась, а когда она начала задавать вопросы, отзывалась легко, правда, больше отмахивалась, чем отвечала. А вот сестра была полна негодования.

- Нужно что-то сделать, Лида. Как-то этого козла наказать.

- Интересно, как ты собралась его наказывать, - усмехнулась я криво, и поспешила отвернуться к своему шкафчику. Я не хотела эту тему даже обсуждать.

- По крайней мере, нужно забрать у него брошь!

- Ты не знаешь, что она у него.

- А у кого? – Анька в возмущении всплеснула руками. – Ты же сама говоришь, что никого больше не было.

- Не было, - согласилась я.

- Значит, он забрал. Мерзавец. Я на него заявление в полицию напишу, хочешь? У меня знакомый есть!

- Ещё не хватало, - заволновалась я. – Чтобы меня таскали на допросы, и каждый раз видеть там эту рожу?

Анька привалилась спиной к стене, руки на груди сложила.

- Тоже верно. Но брошку жалко.

- Жалко, - в который раз за это утро вздохнула я. – Очень жалко. Она была такая красивая.

- Её княжна носила, - поддакнула Анька, а я заподозрила сестру в издёвке, и кинула на ту выразительный взгляд. Анька притворилась невинной и удивлённой, глаза на меня вытаращила. А затем поспешила ретироваться, сообщив, что до начала работы у неё ещё полчаса, и ей хотелось бы найти знакомую, что работает в гостинице горничной. – Она мне денег за такси должна, - отговорила Анька, и оставила меня одну.

Я, если честно, минуте тишины порадовалась. Настроение сегодня с утра было аховое, да и общение с близкими родственниками его никак не улучшило, и хотелось помолчать и себя пожалеть. В темном уголке. Поэтому я присела на скромный диванчик в углу, прижалась виском к стене, но пообещала себе, что через несколько минут выйду из раздевалки во всеоружии. То есть, с шикарной улыбкой на лице.

Розы, подаренные, если так можно выразиться, мне вчера Александром, так и стояли в вазе у двери. Я то и дело кидала на них недовольный, хмурый взгляд, хотя и понимала, что цветы ни в чём не виноваты. Им просто не повезло. Как и мне.

- Я всё узнала.

Анька налетела на меня, навалилась грудью на стойку администратора

и заговорила громким, восторженным шёпотом. Я на сестру исподлобья глянула, перевернула страницу книги записей, и всё же решила полюбопытствовать:

- О чём?

- Об этом московском гаде. Он живёт в 603 номере. И завтра уезжает.

- Слава Богу, что сегодня последняя смена, и до пятницы я совершенно свободна, - съязвила я.

- Да я не об этом. Хотя, это, конечно, слава Богу. Но я о том, что нужно непременно забрать у него брошь.

Я перестала переворачивать страницы, на сестру посмотрела. Предостерегающе.

- Ань, ты чего удумала?

- Хочу восстановить справедливость. – Анька даже кулаком по стойке стукнула, но не сильно, чтобы внимания не привлекать.

- Мы не знаем, у него ли брошка, - пыталась я её вразумить.

- Вот и надо проверить.

- Как?

- Я же тебе говорю, я всё узнала. Его номер убирает знакомая мне девочка. Как только этот гад уйдёт, мы незаметно войдём в его номер, она даст нам карту от замка, и мы посмотрим.

- Ты сдурела? Что значит, незаметно?

- То и значит.

- Ань, ты дылда под метр восемьдесят, да и я на каблуках недалеко ушла. У нас не получится быть незаметными.

- Хватит уже язвить. Он же не на центральной площади ночует. В коридорах людей немного. А мы войдём и просто посмотрим.

Я сверлила сестру взглядом, пытаюсь решить, так ли серьёзны наши проблемы, раз она говорит о том, чтобы вломиться кому-то в номер с таким азартом, после чего решительно качнула головой.

- Я не пойду.

- А я пойду, - упорствовала Анька. – Просто из принципа. А если ты мне сестра, то ты меня одну непустишь, - закончила она торжественно. Развернулась и отправилась прочь, вся такая гордая и решительная. А мне оставалось лишь ругнуться ей вслед неслышно. Конечно, я не пущу её одну. Но если тёте Наташе придётся нам обоим передачи в тюрьму носить, то она будет расстраиваться в два раза больше. Это огорчает.

Единственный вечерний перерыв у нас был в шесть вечера и длился он полчаса. Позже начинался наплыв гостей, и вырваться хотя бы на десять минут становилось практически невозможно. Да и из-под пристального

взгляда Петровича не удерёшь. Он руководил рестораном железной рукой, при этом, не вызывая у сотрудников никаких нареканий своей строгостью. Меня это неизменно поражало, но все без исключения управляющего уважали, а некоторые даже любили. А уж когда Озёрский принимался кулаком по столу стучать, в благоговении замирали. Это означало, что ресторан ожидают перемены и совершенствования, которые обычно вели к увеличению заработка, хоть и незначительно. Но всё равно ведь приятно, правильно? Петрович переставал быть довольным сложившимся укладом, впадал в раздражение, стучал кулаками и тут же выдавал решение проблемы или новую идею.

Кстати, кулаками Петрович стучал как раз вчера, и поэтому все находились в режиме ожидания. И свои дела надлежало делать поскорее, пока у нас вечерний перерыв и вовсе не отменили. Вот Анька за барной стойкой и приплясывала от нетерпения уже около часа. Я это прекрасно видела, как видела и горничную, которая недавно прошмыгнула к моей сестренке от дверей кухни и что-то той быстро на ухо нашептала. Признаться, у меня на сердце камень лёг. С нашего с Анькой разговора прошло четыре часа, и я очень надеялась, что она поостынет и передумает, но нет. С моей сестрой такого не бывает. Анька злопамятна до чёртиков, особенно, к чужим, особенно, к мужикам. А уж столичным проштрафившимся принцам я и вовсе не завидую. И вот теперь я краем глаза наблюдаю за тем, как Анька готовится к старту и то и дело посматривает на часы. Я невольно тоже наблюдаю за ходом стрелок. Час икс неумолимо приближался.

- Николай Петрович, мы на перерыв! – выдохнула Анька, проносясь галопом мимо Озёрского, как только большая стрелка коснулась двенадцати.

Петрович обернулся ей вслед, потом на опустевший бар, головой качнул. Затем строго взглянул на помощника бармена, молоденького мальчика по имени Дэн, брошенного своим учителем на произвол судьбы на третий день работы.

Анька же за руку вытащила меня из-за стойки администратора.

- Пойдём.

Я обернулась через плечо и послала улыбку Николаю Петровичу, который тут же принялся изучать книгу заказов, как только я оставила её без присмотра. А сестру одёрнула.

- Перестань вести себя, как сумасшедшая. Ты, можно сказать, идёшь на преступление, а привлекаешь к себе внимание.

Анька выдохнула, правда, шаг не сбавила, так и тянула меня за собой,

как на буксире. К служебному лифту.

- Нам надо торопиться. Ленка сказала, что он ещё час назад уехал.

- Так может он вернулся!

- Может, - согласилась Анька, решительно нажимая кнопку шестого этажа. Обернулась ко мне и упёрла руки в бока. – Поэтому она пасется там, и доложит нам обстановку, как только мы появимся.

Я подозрительно прищурилась.

- Что-то у тебя всё так складно и продумано. Признайся, ты подрабатываешь наводчицей?

- Дура ты. Я же для тебя стараюсь. Надо отомстить этому гаду.

- Как бы нас с тобой после не уволили с волчьим билетом.

- Не волнуйся. Мы аккуратно отомстим. Никто не узнает.

Я только глаза закатила, но как сестру переубедить, не знала.

Мы вышли на шестом этаже и оказались в скучном, сером техническом помещении, больше похожим на склад бытовой химии. И только выйдя за дверь, под ногами обнаружился дорогой ковролин, а тёплый свет лился на кремового цвета стены и милые картины на них. Анька вела себя как заправский шпион, ступала неслышно, озиралась и выглядывала из-за угла. Всё это выглядело комично, и я решила, что понаблюдаю. Почему-то не верила, что мы сможем попасть в чужой номер. Но всё оказалось довольно просто. Нас встретила та самая девушка по имени Лена, худенькая, какая-то бесцветная на вид, но зато глаза у неё горели под стать Анькиному огненному взору. Видимо, сестра подружке всё рассказала, а у той, скорее всего, свои счета к пройдохам-постояльцам, вот и кинулась справедливость восстанавливать. Она поманила нас пальцем к нужному номеру, возле него стояла тележка, уставленная всевозможными бутылками для уборки, а из кармана фартука достала карту-ключ. И вот тогда заговорила громким, тревожным шёпотом:

- Его нет. Я следила. Но вы всё равно побыстрее. Я буду в соседнем номере убирать, поспежу в коридоре.

Анька взглянула на неё, как на товарища-партизана, разве что руку не пожала, а когда дверь открылась, шмыгнула в номер. Я ещё колебалась, целую секунду, но сестра уже перешла черту, так сказать, совершила должностное, да и уголовное преступление, ради меня, между прочим, и поэтому бросить её в такой момент, было бы настоящим предательством. И поэтому я последовала её дорогой. Как говорится, сам погибай, а товарища выручай.

Правда, я не удержалась и шёпотом пожаловалась:

- Ну что, что мы тут делаем?

Дверь за нами беззвучно прикрылась, я невольно оглянулась, а потом, от безысходности, окинула взглядом номер. Надо сказать, что номер был не из дешёвых. Лично я в таких никогда не останавливалась, даже когда с Мишкой в отпуск ездила, а не одна. А тут просторная комната, панорамные окна, балкон с витыми решётками и мягкими креслами на нём. По одной стене низкая стойка для аппаратуры, большой плазменный телевизор на стене. Барная стойка в углу с высокими табуретами рядом, а у окна большая кровать с кроваво-красным покрывалом, всё аккуратно застелено. Видимо, горничная в номере уже побывала.

Я стояла и оглядывалась. А вот Анька шуровала по ящикам и шкафам. Понятия не имею, что искала. Я была уверена, что если бы Александр и подобрал мою брошь, то особой ценности в ней бы не увидел. Ведь её и не было. Кинул бы на журнальный столик или прикроватную тумбочку, явно не стал бы припрятывать или запирасть в сейф.

Про сейф Анька тоже подумала. В какой-то момент застыла, потом встрепенулась и вскинула вверх указательный палец, на манер Эркюля Пуаро.

- Сейф! Эх, жалко ключей нет.

- Можно вскрыть шпилькой, - пожала я плечами.

Анька оглянулась, на меня посмотрела с живым интересом.

- А ты можешь?

Я пожала плечами.

- Конечно.

Сестра, наконец, поняла, что я несерьёзно и обиженно надулась.

- Нашла время издеваться.

- Ань, пошли отсюда. Здесь ничего нет.

- Ты даже не посмотрела, - укорила она меня. – Стоишь, как истукан.

- Я не привыкла копаться в чужих вещах.

- А ты не в чужих копайся, ты своё ищи, - подсказала она. Потом откинула крышку чемодана, что стоял на краю постели. – Глянь, уже вещи пакует. Смываться надумал.

- Скатертью дорога, - не утерпела я. – Броши нет, пошли.

- Ну, уж нет, я его так просто не отпущу, - зловеще проговорила Анька, достала со дна чемодана белоснежную рубашку, повертела её в руках, после чего приложила накрашенными губами к воротничку. – Вот так, подарочек ему. – Рубашку свернула и положила её снова вниз, под стопку одежды. Кинула на меня многозначительный взгляд. – Что? Пусть жена его знает!.. Какой он гад.

Я фыркнула. Если честно, жутко нервничала, а оттого, что Анька

дурила, меня от ожидания начало подташнивать.

- Задвинь чемодан назад, - шикнула я на сестру. Та наклонилась, и в этот момент, к своему ужасу, я услышала мужской голос прямо за дверью, у которой стояла. И дверная ручка начала поворачиваться.

- Благодарю, - проговорил зычный баритон, - но у меня сегодня уже была уборка.

Лена явно пыталась заговорить зубы хозяину номера в коридоре. Мы с Анькой застыли, в панике глядя друг на друга, сестра, как рыба, открыла рот, и только глазела на меня, а я, в последнюю ужасную секунду, схватила её за руку, и пихнула в сторону окна.

- На балкон, на балкон, - зашипела я дурным голосом.

Мы выскочили на балкон, я задвинула стеклянную дверь, и мы на пару секунд окаменели, вжавшись спинами в шершавую стену. Но успокаиваться было рано. В номере намечилось движение, слышались шаги, я сглотнула раз, потом другой, чувствуя, что от волнения у меня пересохло во рту. Понимала, что как только мужчине придёт в голову выйти на балкон, мы будем пойманы с поличным. И тогда можно будет попрощаться с работой. А то и на полном серьёзе угодить за решётку.

Я пихнула сестру локтем, после чего кивнула на перила соседнего балкона. Анька посмотрела туда, затем перевела бестолковый взгляд на меня, но уже спустя секунду её глаза расширились от ужаса. Она даже пальцем у виска покрутила, но я грозно сдвинула брови и тихо, но на полном серьёзе, выдохнула ей в лицо:

- Лезь.

И она полезла. Знаете, наблюдать за тем, как кто-то перелезает с балкона на балкон, пусть тот и находился на расстоянии вытянутой руки, и то не фонтан, а вот лезть следом...

- Я тебя убью, я тебя убью, - бормотала я, перекидывая ногу через перила и делая шаг над пропастью. Шаг был небольшой, и не особо опасный, но мы находились на высоте шестого этажа, и это как раз было жутко. Я вцепилась в перила соседнего балкона, перекинула ногу, и в этот момент поблагодарила бога, что он дал мне длинные, крепкие ноги. Мне впервые было наплевать на то, красивые они или нет. Главное, что длинные.

Анька вцепилась в мой локоть, видимо, пыталась поддержать, мы посмотрели друг на друга, выдохнули, а потом повернулись в сторону номера, на балконе которого оказались. И меня едва не хватил инфаркт, когда за стеклом я увидела Александра. Он стоял к нам влоборота, разговаривал по телефону, но, по всей видимости, краем глаза успел

заметить движение на балконе, начал поворачивать голову, и вот тут мои нервы не выдержали, и я заголосила, снова принявшись подталкивать сестру:

- Лезь, лезь!

Анька глаза вытаращила, и уже, как заправский домушник, полезла через очередной балкон, очередное препятствие. Перелезала через перила, в суматохе и панике, и в очередной раз оказавшись на соседнем, не удержалась на ногах, приземлилась на четвереньки и ткнулась лбом об пол. А следом торопилась я. Как я перелезла за ней следом, я даже не запомнила. Я слышала только звук отодвигаемой балконной двери, и мне казалось, что у меня в мозгу вот-вот что-то взорвётся. Я подхватила Аньку, и буквально волоком втащила её в номер, в котором гудел пылесос. Пылесос гудел, а Ленка стояла бледная и только в ужасе таращила на нас глаза. А я всё повторяла:

- Бежим, бежим!

Мы с сестрой вылетели из номера и помчались по коридору, куда глаза глядят. Впопыхах перепутав направление, рванули не к служебному лифту, а к гостевому. Но думать об этом было некогда. Я видела Александра, видела, как он открыл дверь своего номера, но мы уже были у лифта, тот как раз открыл двери, мы влетели внутрь и в панике одновременно потянулись к кнопке первого этажа.

- Что случилось? – завопила Анька.

- Это был не тот номер, дурища, - застонала я, закрыла лицо руками.

Двери, наконец, закрылись, но лифт не двигался. Я руки от лица отвела, снова потянулась к панели с кнопками, но поверх моего плеча появилась мужская рука и нажала кнопку вперёд меня. Мы с Анькой в ужасе оглянулись, и уставились на Давида Кравеца. Тот с интересом нас разглядывал.

- У вас забег по гостинице?

Оказалось, что прошло всего двадцать минут. Двадцать самых худших минут в моей жизни. Мы с Анькой стояли на крыльце во дворе гостиницы, наблюдали, как на кухню выгружают продукты, а мы с сестрой выглядели, наверняка, как два приведения. Анька курила в затылок, а я только глазами хлопала, пытаюсь осмыслить произошедшее. Мы молчали, молчали, а потом Анька проговорила:

- Чёрт, а кому же я рубашку испортила?

Мы переглянулись, и начали смеяться. Хохотали, как помешанные. Я опустилась на каменный парапет крыльца, закинула голову назад и аккуратно вытерла слёзы, выступившие на глазах от смеха. Правда, весело мне совсем не было. Можно было только поразиться тому безумству, которое мы с Анькой сотворили.

- Александр нас видел, - сказала я, в конце концов.

- Пусть катится, - выдохнула Анька вместе с клубом дыма. – К нему в номер мы не вламывались. А стоило бы!

- Подружка твоя всё перепутала!

Анька плечами пожала.

- Бывает.

Я глаза на неё вытаращила.

- Бывает? Хочу тебя расстроить, с нормальными людьми такого не бывает!

Анька снова хохотнула, расправила плечи, снова затянулась и улыбнулась спокойно.

- Лишь бы Давид нас не сдал. Хотя, он не из таких.

- Зато он теперь думает, что мы обе чокнутые.

- Пусть думает, что хочет. Какое нам дело?

- Тебе да, - чуть слышно пробормотала я. Взглянула на часы. – Надо возвращаться в зал. А мне выпить хочется. стакан водки залпом.

Анька затушила сигарету, а меня похлопала по плечу.

- Ты переволновалась, пройдёт.

В зале ресторана я появилась с каменным выражением на лице. Знала, что Петрович встретит меня подозрительным взглядом. Он отчего-то всегда меня в чём-то подозревал. Вроде и относился неплохо, но подозревал. Видимо, доверия я ещё не заслужила.

И не заслужу, если буду по балконам скакать.

- Ты чего покраснелась? – спросил бдительный начальник.

Я притворно схватилась за щёки.

- Не знаю. Чай пила.

Озёрский хмыкнул, после чего вышел из-за стойки администратора, освобождая для меня рабочее место. А я заулыбалась только что появившимся гостям.

- Добрый вечер, добро пожаловать! Вы заказывали столик?

Я всеми силами изображала доброжелательность и спокойствие.

Вскоре появился Александр. Я внутренне напряглась, но заставила себя растянуть губы в улыбке, хотя, в ней не было ни намёка на приветливость. К тому же, он заявился один, без друзей-товарищей, и сразу ко мне подошёл, заказ столика его, кажется, вообще не интересовал. И сходу поинтересовался:

- Что это было?

Я удивлённо взмахнула ресницами.

- Что?

- Перестань выкручиваться. Что вы делали на моём балконе?

- Это были учения, - сообщила я ему якобы по секрету. – Проверка реакции работников отеля. Я справилась на «отлично».

Александр сдвинул брови, грозно и недоверчиво. И совсем не поджентельменски ляпнул:

- Чё ты лепишь?

Я вздохнула. Разговаривать с ним мне совершенно не хотелось. Если честно, после сегодняшнего всплеска адреналина, я даже злиться на Александра перестала, и уж точно больше не боялась. И поэтому заучено поинтересовалась:

- Вам столик предложить? Поужинать желаете?

- Ты чокнутая?

- А что? Боишься, что связался с чокнутой? Чокнутая так запросто обиду не спустит, догонит и в Москве.

- И чем это я тебя обидел?

- Действительно, - подивилась я. – Напал на женщину ночью, на стоянке, синяков наставил, напугал... Верю, что впечатлить, наверное, хотел, но я как-то не впечатляюсь от пьяных самовлюблённых придурков.

Он облокотился на стойку, ко мне наклонился и угрожающе проговорил:

- А если я на тебя жалобу напишу? Вылетишь отсюда с треском.

Я заставила себя сделать осторожный вдох, после чего посмотрела ему в глаза.

- А если я заявление напишу? Не забывай, у меня свидетель есть. Интересно, куда ты тогда вылетишь и с каким треском.

Он сверлил меня злым взглядом, после чего сделал шаг назад, направился было к двери, а я решила всё же поинтересоваться:

- Ты брошку мою не видел? Я её вчера потеряла.

Александр кинул на меня через плечо выразительный взгляд и ничего не ответил, но в глазах у него проскользнуло злорадство. Он вышел за дверь, а я в раздражении топнула ногой, ругнулась про себя, но потом лишь пробормотала себе под нос:

- Подавись.

Странно, но весь вечер я проработала в приподнятом настроении. Или нет, не так – во взбудораженном состоянии. Я улыбалась, даже смеялась, искренне делала комплименты гостям, и всё чего-то ждала. Как выяснилось, не зря. Ближе к закрытию появился Давид, глянул на меня с намёком, качнул головой в такт каким-то своим мыслям, но я догадывалась, о чём именно он подумал, увидев меня. И не смогла сдержать улыбки. Но открыто встречаться с ним взглядом, а уж тем более что-то обсуждать, было нельзя. И поэтому я лишь проводила его к столику и следующие полчаса украдкой наблюдала за тем, как он ест. Внутри порхали бабочки. Я явно сбрендила на этой работе.

Анька тоже выглядела загадочно и улыбалась. Даже когда мы переодевались в конце смены, собираясь домой. Я даже неладное заподозрила и спросила:

- Ты ведь никому не проболталась?

Сестра вытаращила на меня глаза.

- Нет, конечно, ты что?

- Вот и не болтай, - предостерегла я её.

На улице нас ожидал сюрприз. Не Александр и не Давид, к моему огромному огорчению, а бывший Анькин муж, Витя Беребесов. Его фамилия ему отлично подходила, с самой буйной юности его в глаза и за глаза называли Бесом. А объяснялось всё довольно просто: дурная голова его ногам никак покоя не давала. С Анькой они развелись два года назад, сестра материлась и топала ногами, и кляла себя за неосмотрительность и явное наступившее в какой-то момент помешательство, раз умудрилась выйти за Витьку замуж. Хотя, я то знаю, что она его любила, с самой юности. Я тогда ещё считала это странным, но парень-обалдуй казался сестре светом в окне. Ну, вот и досмотрелась в это самое окно. За четыре года брака Анька истратила кучу нервных клеток, пролила ведро слёз, что вообще никак на мою сестру не похоже, сломала о спину мужа два веника и

набрала десять лишних килограммов. А обалдую всё ни по чём. Он и разводиться не желал, не понимал причины. При том, что сам Витя к моменту развода полгода сидел без работы, пропадал с друзьями по пивнухам и гаражам, и даже завёл молоденькую любовницу. Но, по его мнению, на его счастливую семейную жизнь это никак не влияло. Ведь Аньку он любил и готов был носить ту на руках. Правда, после того, как вынес её на этих самых руках из загса, ни разу подобного фокуса не повторял. Но в своих фантазиях был крутым мужиком и идеальным мужем.

Если честно, я порадовалась за сестру после того, как та вновь стала свободной женщиной, и освободилась от тяжкого бремени. Анька уже два года, как плевалась при одном упоминании имени бывшего мужа, и поэтому я совсем не ожидала увидеть Витюшу под дверями ресторана. А он стоял грустный, под светом электрического фонаря, и пинал носком поношенного кроссовка камушек. А как нас увидел, оживился, даже улыбнулся. Правда, уже через секунду я поняла, что его оживление и улыбка ко мне никакого отношения не имели. Потому что, разглядев меня за плечом бывшей жены, Витёк скис. Что ж, обижаться глупо, я тоже не слишком рада его видеть.

- Явление, - пробормотала Анька недовольно. Но я заметила, как при этом она расправила плечи и выпятила грудь, стараясь показать свою усовершенствованную за последние месяцы фигуру во всей красе. А у бывшего мужа поинтересовалась, забыв поздороваться: - Что ты тут делаешь?

- С работы тебя встречаю. – Витюша рискнул улыбнуться. А после короткой паузы, в течение которой он, видимо, обдумывал свои шансы, короткая улыбка досталась и мне. – Привет, Лид. Ты в городе?

- В городе, - отозвалась я без энтузиазма. – Живу и работаю.

- Здесь, что ли?

- Здесь, - расстроила я бывшего родственника, чтобы знал, что запросто сюда теперь не потаскаешься.

- Ты зачем пришёл? – повторила Анька, придирчиво разглядывая «любовь всей своей жизни».

- Тебя хотел увидеть. Скучаю.

Сестра многозначительно глянула на меня. Передразнила:

- Он скучает. Год не виделись, он не скучал, а тут соскучился.

- Я всегда скучал, - бойко отозвался Витёк. – Просто занят был.

- Работу нашёл? – «порадовалась» я за него.

Витька в первый момент нахмурился, но после выпятил грудь колесом.

- У меня теперь свой бизнес.

- Обалдеть, - выдохнула я негромко. После чего присмотрелась к сестре: неужели та поведётся на столь примитивную уловку?

- Да правда!

Витя рискнул подступить ближе, а на Аньку смотрел заискивающе. Как подросток. Что было странно, непонятно и выглядело глупо. Для тридцатилетнего мужика почти двухметрового роста. Надо сказать, что Витенька у нас мужчина видный и рослый, наверное, именно на это Анька в своё время и купилась. Даже смазливый. Улыбаться умеет, в глаза девушкам заглядывать, и играть, так сказать, фактурой. Вот только жаль, что к этой фактуре не полагалось ни мозгов, ни совести. А то мог бы получиться и идеал мужчины. Хоть в кино снимай, и всех женщин мира обнадёживай. Но нет, не бывает в мире совершенства. Вот и стоит этот двухметровый обалдуй с глупой улыбкой и ножкой по асфальту шаркает, как подросток озабоченный.

- С Лёхой Сазоновым бизнес свой замутили, воду для кулеров развозим. У нас уже клиентская база набралась!

Я разглядывала Витька, и во мне, если честно, совершенно непонятно почему, просыпался материнский инстинкт. Хотелось мальчика пожалеть, по голове погладить, даже похвалить, а потом попросить пойти поиграть в другую комнату. Я бы, наверное, так и сделала, вот только Анька стояла, как вкопанная, и весь этот бред слушала.

- А денег где взял? – спросила она. – В долги влез?

- Да нет же! Машину продал. «Ауди» нашу старенькую. Анют, я ведь её до ума довёл, как я тебе и обещал!..

Я взгляделась в лицо сестры, поняла, что та, на самом деле, вслушивается в речи бывшего мужа и даже что-то обдумывает, и рукой на всё это махнула.

- Ань, я поехала домой, я спать хочу. А вы тут обсуждайте развитие бизнеса.

Анька вроде встрепенулась, на меня посмотрела, и я заметила на её лице сомнение, но она всё же решила остаться и дослушать сказку до конца. А мне сказала:

- Поезжай. Я на следующем такси...

- Я сам доставлю тебя до дома, - засуетился Витька.

Тень материнского инстинкта меня покинула, жалеть я его перестала, даже захотелось дать бестолковому мужику по лбу. Но мужик был не мой, к тому же, здорово меня выше и сильнее, поэтому я махнула сестре рукой на прощание и направилась к стоянке такси. Шла и раздумывала о превратностях судьбы. Никуда, судя по всему, от этой самой судьбы не

денешься.

Вместо такси уже через минуту рядом со мной остановилась знакомая мне машина. Я в первый момент замерла, не зная, как реагировать, потому что меня словно молнией поразило, и я превратилась в каменный столб. А сердце уже застучало, забило в груди, а на щеках выступил румянец. Хорошо хоть на улице темно, а при свете электрического фонаря такие детали рассмотреть невозможно. Дверь со стороны пассажирского сидения открылась, я невольно заглянула в салон и увидела приглашающий жест и улыбку Давида Кравеца. Улыбку, за которую можно умереть, право слово.

- Садись, я тебя до дома подвезу.

Я сделала незаметный вдох, пытаюсь привести чувства в порядок, по крайней мере, взять их под какой-то контроль, кинула взгляд через плечо, но сестра и её бывший муж стояли в полутьме у крыльца и, по всей видимости, были заняты разговором, и тогда я нырнула в салон спортивного автомобиля. На меня пахнуло свежестью мужского одеколona, который я отлично запомнила после вчерашнего вечера, а рассудок словно окутало сахарной ватой, причем розовой.

- Я могу и привыкнуть к личному шофёру, - попыталась пошутить я, а Давид в ответ на это усмехнулся.

- Не стоит.

Короткий ответ, не совсем приятный, на который я не знаю, как реагировать. Поэтому отвернулась к окну. Знать не знаю, что сказать. Раньше за мной подобного не водилось.

Мы выехали на проспект, Давид нажал на газ, автомобиль, кажется, взлетел над полотном дороги, и помчался вперед. Я потянула на себя ремень безопасности. А Давид в этот момент на меня посмотрел.

- Мне просто не даёт покоя наша сегодняшняя встреча в лифте. Это что такое было?

Я смущённо улыбнулась.

- Это была моя сестра. Двоюродная.

- Ясно. Значит, у вас сумасшедшая семейка?

Я засмеялась.

- Слава Богу, не настолько. Это у Аньки порой бывают вспышки... воодушевления.

- И на что она воодушевила тебя сегодня?

Я сложила руки на своей сумке, что лежала на коленях, разглядывала их секунду, после чего спросила:

- Обещаешь, что никому не расскажешь?

- Просишь поклясться?

- Наверное, да.

- Любопытно. Но мне на самом деле любопытно, поэтому я согласен: клянусь. А кому не рассказывать?

- Вообще никому. Это страшная тайна.

- С ума сойти. Ладно, клянусь. Заметь, уже дважды.

Я кивнула, сделала театральный вздох, якобы перед чистосердечным признанием, и рассказала Давиду о сегодняшнем приключении. В деталях. Он хохотал, а я ещё и про нашу же с ним встречу в лифте рассказала.

- Представляешь, как я испугалась, когда ты через моё плечо к кнопкам полез? Я думала, что это гад-Александр!

- Гад-Александр, - повторил он за мной, смеясь.

- А кто он? И, вообще, во всём этом нет ничего смешного. Всё могло закончиться плохо. И самое малое наказание было бы увольнением. А так бы и полицию могли вызвать.

- Могли бы, - согласился Давид, продолжая улыбаться. – Но тогда и в суде бы все хохотали, я уверен.

Я кинула на него укоряющий взгляд.

- Перестань смеяться надо мной.

Он смеялся, я пыталась изобразить недовольство, но на самом деле внимательно вслушивалась в звук его смеха, голоса, наблюдала за ним тайком, как он улыбается, и понимала, что млею от происходящего каждую секунду, каждую половину этой секунды, что нахожусь рядом с ним. И не могла припомнить, когда со мной подобное случалось. А лет мне, между прочим, не так уж и мало. А я о своём возрасте редко вспоминаю, даже наедине с собой.

- Если честно, ты права. Всё могло закончиться плачевно. – Давид вдруг кинул взгляд на мои голые коленки. – Как ты умудрилась в такой юбке с балкона на балкон прыгать?

- Понятия не имею, - честно призналась я. – В тот момент я об этом не думала. Нужно было просто успеть сбежать.

- Да уж. Хорошо вас Петрович учит, вы, девочки, готовы ко всему.

Я улыбнулась, покивала, но затем всё же посетовала:

- Жаль, что всё зря. Брошку я так и не нашла. Хотя, уверена, что он её забрал.

- Почему ты так думаешь?

- Во-первых, больше некому, а, во-вторых, когда этот гад ко мне сегодня подходил, тоже про балконы спрашивал, я ему в лоб вопрос задала: забрал или нет.

- А он?

Я в расстройстве пожала плечами.

- Притворился непонимающим. Хотя, я по глазам видела...

- Что ты там видела по глазам? – переспросил Давид протяжно, с особой интонацией, а у меня сразу под ложечкой засосало. Я сбилась с мысли, и поэтому лишь головой покачала, отказываясь продолжать развивать эту тему.

- Не расстраивайся, - попросил Давид, отреагировав на повисшую паузу. – Значит, так тому и быть. У меня дед так всегда говорит. Отделалась лёгким испугом.

- Да уж, лёгким...

Мы свернули во двор моего дома, и уже через полминуты автомобиль остановился у моего подъезда. Все эти неловкие моменты прощания, никогда не знала, как себя вести. Давид остановился, но двигатель не заглушил, только повернулся ко мне. Разглядывал. А я так поняла, что мне пора из машины выходить, раз он куда-то торопится. Хотя, куда можно торопиться в третьем часу ночи?

Спать, подсказал кто-то вредный внутри меня. Ещё совсем недавно я тоже хотела и собиралась добраться до дома и сразу лечь спать. А сейчас вот мнусь и, кажется, надеюсь на какое-то продолжение.

Давид продолжал на меня смотреть, но также молчал. И я, умирая от неловкости, нащупала ручку на двери автомобиля, надавила на неё.

- Я пойду. Спасибо, что подвёз. И выслушал.

- И согласился хранить тайну, - подсказал Давид, усмехнувшись.

Я поторопилась кивнуть.

- Да. За это отдельное спасибо.

Ничего не происходило (хотя, чего именно я ждала, сама не понимала), и я из машины вышла. Надеюсь, что не выглядела при этом смешной и неловкой. Всё-таки эти низкие спорткары предназначены не для таких длинных ног, как мои...

Сама себе польстила, и что? Давид-то молчит.

- Пока, - проговорила я, прикрывая дверь.

- Спокойной ночи, скалолазка, - услышала я, прежде чем хлопнула дверцей автомобиля.

Можно было, не боясь быть услышанной, сделать взволнованный вздох, после которого я направилась к подъезду. А за моей спиной взревел двигатель, и автомобиль уехал прочь, оставив меня наедине с лёгким разочарованием.

Немудрено, что сон, как рукой сняло. Я ходила по квартире, дважды принималась пить чай, но ничто не помогало унять внутреннюю

неудовлетворённость. Я вдруг поняла, насколько давно в моей жизни не было влюблённости, волнения, трепета. Настолько давно, что я и забыла, что могу всё это испытывать и радоваться переполнявшим меня эмоциям. С Мишей я всё это пережила несколько лет назад, да и то не скажу, что я когда-то по-настоящему его любила. Впрочем, как и он меня. Вот тех чувств, накала страстей, о которых так много рассказывают, снимают фильмы и пишут книги, не было. В начале наших отношений он меня обворожил, красиво ухаживал и, в конце концов, покорила тем, что так настойчиво добивался моего внимания. Но мы слишком быстро начали жить вместе, просто исходя из того, что оплачивать две съёмные квартиры в городе-миллионнике, было довольно накладно, и, наверное, именно этот факт не дал нашим отношениям как следует развиваться, стать глубже, или наоборот, вовремя не разведя нас в разные стороны. Возможно, будь у нас время побыть врозь, мне бы и мысли не пришло в голову, выходить за него замуж. И сейчас, спустя какое-то время, даже беря во внимание тот факт, что Мишка поступил со мной по-свински, я даже благодарна ему за то, что вовремя ушёл. Оставшись без него, и как следует обдумав последние пару лет своей жизни, не могу представить себя, связанной с ним браком. На всю оставшуюся жизнь. И чувствую себя по этой самой жизни здорово соскучившейся. Несмотря на то, что пришлось сделать не один шаг назад от своей цели.

Хотя, какая у меня, по сути, была цель? Жить в Питере, получше там устроиться? Как-то грустно обо всём этом размышлять, особенно в четыре утра. Осознать, что последние пять лет моей жизни, пять лет, которые я искренне считала самыми успешными и плодотворными, прошли впустую. Просто потому, что я знать не знала, чего хочу. У меня ничего не было, кроме работы, я ни к чему не была привязана, у меня даже дома не было. А любимый мужчина оказался вовсе не таким уж любимым. Сейчас я, по крайней мере, дома. К тому же, не вернись я, не сложились обстоятельства таким образом, я бы никогда не познакомилась с Давидом. И знать бы не знала, что такие невероятные мужчины всё-таки существуют на нашей планете. Которые заставляют моё сердце незнакомо замереть.

На этой позитивной мысли, я всё-таки забралась под одеяло, и, наконец, уснула. Снилось мне что-то тревожно-сладкое, я куда-то бежала, точнее, к кому-то, я, словно, женщина-кошка грациозно прыгала по балконам и крышам, и всюду меня преследовало лицо Давида. Даже не знаешь, радоваться такому сну или нет. Зато проснулась я в сладкой неге, потянулась, повозилась под невесомым одеялом, открыла глаза и вдруг решила, что всё ещё в моей жизни только начинается.

На работе я появилась вовремя, причем с парой фирменных пакетов из торгового центра по-соседству. Честно, не думала больше ни о каких мужиках, решив заняться лишь собой. Поэтому купила себе платье и замечательную сумочку. Маленькую, бесполезную, но безумно милую. В ресторане появилась, едва не напевая себе под нос, но встретила мрачную Аньку, облачающуюся в форменную одежду, и свои восторги решила поубавить. Присела на диванчик, наклонилась, чтобы расстегнуть босоножки, а у сестры поинтересовалась:

- Из-за чего ты недовольная?

- Из-за жизни такой.

- Какой такой? – фыркнула я. – Опять Витька настроение подпортил?

Анька поправила бабочку на шее, от зеркала отвернулась и посмотрела на меня. Руки в бока уперла.

- Лид, вот на фигура он явился? Я его год не видела.

- И что? Явился, и ты дрогнула?

- Да не дрогнула, - отмахнулась сестра, но как-то неуверенно. – Просто не понимаю, что ему надо.

- Вот ты загнула! Чего тут непонятного? Ему так удобно было сидеть у тебя на шее. Работать не надо, кормить себя не надо, за квартиру и то платить не надо.

- Представляешь, он от родителей съехал, - вдруг сказала сестра. – Квартиру снимает.

- Достижение, - согласилась я не без иронии. – К тридцати годам. Ещё про бизнес его расскажи.

- Плевать на его бизнес. Пусть хоть туалеты чистит, лишь бы деньги зарабатывал.

Я с пониманием покивала и важно заметила:

- Всё в дом, всё в семью. Тётя Наташа так обрадуется новому родственничку. Я уже предчувствую.

- Да какому родственнику, - тут же замахала на меня Анька руками. – Я не собираюсь с ним связываться, а уж тем более прощать. Просто... не чужой же человек. Я на него восемь лет жизни потратила.

- В том-то и дело, что потратила. Помни и не забывай.

Анька недовольно поджала губы, кажется, хотела что-то ответить, но в последний момент передумала. Обратила внимание на мои пакеты.

- Опять деньги тратишь?

- Если бы у меня были деньги, я бы их с удовольствием тратила, но их нет. Поэтому я себя радую, тем самым их приманивая. Знаешь, я недавно читала статью, там написано, что деньги любят позитивных, счастливых

людей, а не скряг и зануд.

- Ага, ага, а к улыбающимся сами в карман прыгают? Что-то не замечала такого. Так что, прекращай транжирить. Надеюсь, это не очередная брошка?

- Не напоминай, - попросила я, после чего показала ей сумочку, и заулыбалась, когда Анька непритворно ахнула от восхищения. И сама полезла в другой мой пакет, достала и принялась разглядывать платье.

Я продолжала улыбаться, не спеша переодевалась, в какой-то момент поставила ногу на стул, чтобы подтянуть резинку чулка. И совсем не ожидала, что в этот момент откроется дверь и на пороге появится хмурый Николай Петрович. Он дверь распахнул, сверкнул на нас глазами и даже выдал мрачное:

- Вы долго собираетесь языками чесать? Ресторан открывается. – И тут увидел, чем я занимаюсь, к тому же я замерла от его зычного голоса в неудобной позе, сплюнул с досады, зло сверкнул глазами и дверь захлопнул. А мы с Анькой переглянулись, обдумали, после чего расхохотались.

Я весь вечер ждала Давида. Не признавалась себе в этом, но каждый раз, как открывалась дверь в ресторанный зал, я ждала, что войдёт он. Но Давид так и не появился. Не сказать, что я расстроилась, или моё настроение подпортилось, но чувствовалось лёгкое разочарование. Я никак не могла забыть его смех. Такой искренний, волнующий, глубокий. Никто и никогда так не смеялся над моими шутками и рассказами. По крайней мере, мне не запомнилось.

Под конец рабочей смены я впала в меланхолию, гостей не было, как-никак, а будний день, на неделе наплыва посетителей никогда не ожидалось, поэтому я сидела на высоком стуле за своей стойкой администратора, подперев щеку одной рукой, и рисовала в блокноте чёртиков. Кто-то любит рисовать цветочки или кошачьи мордочки, а я любила чёртиков. Пририсовывать к любой мордашке рога и хвост, казалось мне любопытным. Даже из ангелочка можно было сотворить хулигана. Это как в жизни.

- Пошли домой, - зевнула Анька, подходя ко мне и заглядывая через плечо в блокнот. Ткнула пальцем в одного из чертей. – Это кто? На Луизу похож.

Я фыркнула от смеха, но ничего не ответила, блокнот закрыла.

Конечно, этим вечером за мной никто на спортивной, дорогой тачке не приехал. Я крутила головой по сторонам, вполуха слушая болтовню девчонок, пока мы вместе ожидали такси, а раздумывала о том, как бы они

удивились, появишься сейчас Давид из ниоткуда, и умчи меня в ночь. Конечно, это были пустые мечты, да и поступать так было бы довольно глупо, поэтому, оказавшись на заднем сидении потрёпанного «логана», я решила, что всё к лучшему.

- Чем займёшься в выходные? – спросила меня Анька.

Я пожала плечами.

- Уборкой.

- А я завтра к Стёпке иду, рулить, - вроде как похвастала сестра. Я сделала вид, что завидую её стремлению сесть за руль.

Утром меня разбудил телефон. Разбудил в несусветную рань, если принять во внимание, что уснула я в четвертом часу ночи. В восемь утра. Я поворочалась в постели, прежде чем поняла, что всё-таки придётся открыть глаза и ответить на звонок. Затем, не глядя, протянула руку, решив, что если это Анька со своей старой любовью к бывшему мужу или с новой к автомобильной езде, то я её прибью. Но в трубке прозвучал мужской голос, и я, спросонья, никак не могла понять, кто это. В конце концов, сказала бестолковому товарищу, который без конца требовал его узнать по голосу:

- Я сплю.

- Тогда просыпайся, - потребовали от меня и тут же порадовали: - потому что я у твоего подъезда.

Я открыла глаза, поглазела на потолок. Быстро соображать никак не получалось.

- Какая у тебя квартира?

- Тридцать пять, - машинально проговорила я. Почесала нос.

- А этаж?

- Третий.

- Иду.

Что значит – «иду»? В трубке зазвучали гудки, я телефон от уха убрала и на него посмотрела в полном непонимании. И уже в следующее мгновение соскочила с постели и кинулась к окну. У подъезда красовался тёмный спорткар. Я хлопала глазами, если честно, уже засомневавшись, что это всё не продолжение сна, а после бестолково заметалась по комнате. Что делать, куда бежать?

И что Давиду Кравцу нужно от меня в восемь утра?!

Бестолковые метания никак не помогли, я только успела глянуть на себя в зеркало, ужаснуться заспанной физиономии и спутавшимся волосам, как раздался звонок в дверь. Я была настолько взбудоражена неожиданным подъёмом, что даже забыла поволноваться перед встречей.

Я открыла дверь, и вдруг поймала себя на мысли, что ожидаю букета

цветов, в которые я лицом ткнусь, но ничего подобного не дождалась. Я даже толком не успела в лицо Давида посмотреть, только голову закинула, только глянула, а меня уже отодвинули в сторонку, чтобы не мешала. Кравец вошёл в квартиру, деловой походкой, а мне пришлось закрыть за ним дверь. Правда, прежде я совершила глупость, выглянула в подъезд, чтобы проверить отсутствие вездесущих соседей.

- У тебя кофе есть?

Я заперла дверь, повернулась и повторила с намёком и выражением:

- Я же сплю.

- Вижу. Кстати, милая пижамка.

Я вспомнила, что стою перед ним в коротеньких шортах и в майке с грустным львёнком. Тут же потребовала:

- Не смотри.

Давид, который выглядел на удивление бодрым и деятельным, не смотря на раннее утро, лучезарно улыбнулся.

- Да ладно, не тушуйся. Я к тебе, вообще, по делу заехал.

Я отыскала в ванной халат и торопливо в него завернулась. А когда вернулась в комнату, Давид сидел на подлокотнике кресла и качал ногой. Оглядывался, но без особого интереса. А когда я появилась перед ним, полез в карман и достал что-то, что покачивалось на цепочке и сверкало.

- Смотри, что я для тебя нашёл.

- Что это? – Я шагнула ближе и поймала подвеску рукой. Это оказался довольно массивный кулон в виде капли небесно-голубого цвета, а сам камень, лучезарный и сверкающий, был облачён в тёмного вида оправу. Я даже не могла сразу сказать, золото это или нет, металл потемнел от времени.

- Александрит, - объявил Давид и тут же разулыбался. – Символично, не находишь?

Я разглядывала камень, потом на Давида взгляд перевела.

- Это мне?

- Тебе. Нашёл вчера в одном из второсортных ломбардов. Там порой попадаются удивительные вещицы. Люди редко догадываются об истинной ценности вещей, которые поколениями валяются в шкапулках мам и бабушек. А в ломбардах работают ещё те специалисты. Вот и получается иногда выудить сокровище.

- А это сокровище? – тихо переспросила я.

Давид разглядывал меня, скрывал улыбку, а после моего вопроса многозначительно хмыкнул.

- Как тебе сказать... По той цене, что я за него заплатил, нет.

- Понятно...

- Что тебе понятно, - снова со смешком протянул он. С кресла поднялся и бесцеремонно развернул меня к себе спиной, а к зеркалу лицом. Надел кулон мне на шею, камень аккуратно лёг в вырез халата, в ложбинку на груди. Как и задумывалось. Давид остановился за моей спиной, разглядывал моё отражение, придирчиво. – Судя по оправе, начало века. Камень с изъяном, но в этом его прелесть. Если на свет помотришь, увидишь пузырьёк воздуха внутри. Но это его совсем не портит, он сверкает и приковывает взгляд.

Я коснулась украшения. Что ж, камень с изъяном, это как раз для меня.

- Спасибо, - сказала я, вспомнив о воспитании. За подарки, пусть утренние и неожиданные, стоит благодарить.

- Ты так расстраивалась из-за брошки.

- Я её любила.

Давид неожиданно фыркнул, от меня отвернулся, вновь окинул взглядом комнату.

- Какие громкие слова. Любила!

- А ты не любишь свои вещи? Например, свою машину.

Он кинул на меня хитрый взгляд.

- А что моя машина?

Я плечами пожала.

- Ничего. Но ты же не купил первую попавшуюся, наверняка хотел именно такую.

- Хотел, - согласился он.

- Значит, должен её любить.

- Ничего я не должен. Это всё громкие слова, и ничего больше. Так у тебя есть кофе?

- Растворимый.

- Расстроила. Но давай хоть такой.

Я, со старинным украшением на шее, отправилась на кухню, приготовить дорогому гостю растворимый кофе. Насыпала в чашки кофе, рядом на плите грелся чайник, Давид из комнаты рассказывал мне очередную историю из непростой жизни некоторых антикварных вещиц, а я стояла к нему спиной, время от времени кивая и поддакивая, а сама размышляла. Размышляла о том, что происходит. Для чего он приехал рано утром, для чего подарил подарок, для чего вообще вспомнил о моём существовании. Ответов у меня не находилось, но в душе наметилось приятное волнение.

- Во сколько тебе на работу? К обеду?

- У меня выходной. – Я подала ему чашку с горячим кофе. – Сегодня и завтра.

- Серьёзно? Петрович даёт вам выходные? А я думал в «Алмазе» всё ещё крепостное право лютует.

Я понимающе улыбнулась.

- Два дня в неделю я имею право отдохнуть.

- Странная у тебя квартира, - неожиданно сказал он. – На тебя не похожая. А в спальне чудоковатые обои.

- А ты уже и в спальню заглянул?

- Конечно. Я же любопытный.

Я с пониманием покивала, после чего пояснила:

- Квартира мне от бабушки досталась. Я же тебе говорила, что несколько лет жила в Питере. А здесь жил брат с семьёй, у него дети. А теперь во всём этом винегрете живу я.

- Ясно. Бабушка в наследство ничего интересного не оставила?

- Ты имеешь в виду клад? Смеёшься? Она всю жизнь на ткацкой фабрике трудилась, какие клады? Если только бюст Ленина где закопала. – Я руками развела. – Не у всех в прабабках княгини, мне не повезло.

Давид хмыкнул.

- Да, бывает.

Я кинула на него многозначительный взгляд.

- А вот тебе точно в наследство пару затопленных галеонов оставили.

Он смешно вытаращил на меня глаза, но было заметно, что невинность разыгрывает.

- Да ты что? Всё заработано потом и кровью. У меня предки простецкие лавочники.

- С лавками антиквариата, - подсказала я.

Давид сложил губы трубочкой, пытаясь скрыть улыбку. Скромно пожал плечами.

- Что поделать, семейный бизнес. Кстати, не такой простой.

- Главное, прибыльный, - вырвалось у меня. Я себя за подобное замечание тут же отругала, не хотелось бы показаться меркантильной, но Давида оно, кажется, позабавило. Он руку протянул и потрепал меня по волосам. Которые и без того выглядели не самым лучшим образом, я просто старалась об этом не думать.

- Собирайся, давай.

- Куда? – удивилась я.

- Раз у тебя выходной, возьму тебя с собой в путешествие по маленьким городкам. Прокатимся вдоль Волги, вдруг что интересное

отыщем. Или хочешь посидеть дома?

Я тут же качнула головой.

- Не хочу. – Сделала паузу, пытаюсь умирить собственный пыл, но получалось плохо. – Это было бы здорово, выехать из города.

- Вот и выедем. Только машину другую возьмём.

Моя душа пела. Неожиданный поворот в жизни, а хотелось думать именно так, и никак иначе, меня несказанно удивлял и воодушевлял. Я закрыла за собой дверь спальни, распахнула дверцы шкафа и принялась лихорадочно соображать, что же мне надеть в «путешествие». А Давид ещё крикнул из соседней комнаты:

- Купальник возьми!

Так, купальника у меня два, но в чёрном бикини я выгляжу весьма сексапильно. Интересно, не слишком рано подчёркивать сексапильность? С другой стороны, решу, что рано, а потом может быть поздно. Решено, беру чёрный.

Я еду отдыхать. Ощущение было именно такое. Джинсовые шорты, симпатичная футболка, сандалии и тёмные очки. А в сумке купальник. Что ещё нужно для счастья? Правильно, самый лучший мужчина на свете рядом. У меня полный комплект, кто бы мог подумать?

Выходя из подъезда, я чувствовала себя киноактрисой, за личной жизнью которой подглядывают из-за каждого угла. Опустила на нос тёмные очки, села в машину, и только когда Давид захлопнул за мной дверцу и направился к водительскому месту, я поняла, что надеть джинсовые шорты, было не слишком удачной идеей. Я плюхнула на голые ноги сумку, а когда Давид оказался рядом, приняла невинный вид. Соблазнять его с наскака, я не собиралась. Не дай Бог, подумает обо мне что-нибудь не то.

Оказалось, что жил Давид в большом новом доме у набережной. Высотка с панорамными окнами и подземным гаражом. Я этот дом видела только издали, пять лет назад на этом месте располагались старые двухэтажные дома, а теперь новостройка, а рядом разбили сквер. Мы въехали в подземный гараж, конечно, в гости меня не пригласили, и обижаться на это было глупо. Мы пересели в тёмный внедорожник, кстати, не представительского класса, с виду даже немного побитый, видимо, использовали его именно для путешествий по городам и весям, чтобы не жалко было. И вот спустя пять минут, уже покинули гараж и рванули по направлению к объездной.

- Значит, это и есть твоя работа? – спросила я, когда Давид вкратце пересказал мне цель нашей поездки. Пара районных городков, ломбарды и антикварные лавки в них. Несколько перекупщиков.

- Не только. Это, наверное, самая приятная часть. – Он кинул на меня весёлый взгляд. – Клады искать. Меня это с детства занимало. Если честно, сейчас в моих поездках необходимости нет, можно отправить людей, и я это делаю. Но... я так отдыхаю. От бизнеса, от суеты.

- А клады существуют? – спросила я с детской непосредственностью. Мне, на самом деле, было интересно.

- Ты имеешь в виду, зарытые и замурованные? – Я кивнула, а Давид пожал плечами. – Наверное. Люди испокон веков припрятавали накопленное или награбленное. Как-то деду принесли карту, какой-то купец перед революцией зарыл, а сам то ли за границу сбежал, то ли сгинул в пучине переворота.

- И что?

- Да ничего. – Давид даже засмеялся. – Ты думала, я поехал его выкапывать? Мерить шагами расстояние от сосны к берёзе на мифическом пригорке?

Я сделала вид, что расстроилась.

- А я бы поехала, - проговорила я с намёком.

- Ты авантюристка?

- Не сказала бы. Я много чего боюсь. Просто это интересно. Может он до сих пор там лежит.

- Может, - кивнул Давид. Загадочно улыбнулся и сказал: - Оставим на чёрный день. Будет необходимость, выкопаем.

- Значит, вся твоя семья занимается антиквариатом?

- В пятом поколении. Я воспитывался в доме деда, выпитывал, так сказать, атмосферу вместе с манной кашей по утрам. Так что, ничего удивительного, что заболел историей.

- А твой отец тоже ездит, как ты?

- Ага, и Янку с собой берёт, - хмыкнул Давид, но как-то уж чересчур язвительно. – Отец предпочитает всё новое и сверкающее. Пыль времён его не интересует. Он даже женится исключительно на новоделе.

Продолжать разговор в таком ключе мне показалось неловким, и я замолчала. Смотрела в окно. Мы выехали за пределы города, и вскоре на пути нам встретились первые сельские домики.

- А твоя семья? – спросил Давид.

Я на него посмотрела, в некотором смущении.

- У меня самая обычная семья. Никаких тайн и выдающихся заслуг.

- У нас тоже тайн нет.

- Зато вас окружают тайны.

- А ты сбежала от родителей в Питер, - подсказал Давид. – Смелая

девочка.

- От отца, - поправила я. – Мама умерла, когда мне было двенадцать. Отец снова женился... - Я неопределённо повела рукой в воздухе. – В общем, мы не слишком ладим. У мачехи свои дети, сын и дочь, я в её видение семьи не слишком вписываюсь.

- Значит, у тебя злая мачеха.

- Она не злая. Просто мы не можем никак найти общий язык. А сейчас уже и смысла нет его искать. Я пять лет никого из родственников не видела, даже отца, и не скажу, что сильно соскучилась. Правда, ругаю себя. Надо было приезжать, из-за папы.

- А что с ним?

Я развела руками.

- Ничего. Но я вернулась, и поняла, что совсем его не узнаю. Он больше не тот человек, каким я его помню. Каким он был в моём детстве. Теперь он чужой муж и чужой отец.

- А мой отец всегда был таким, какой он сейчас. И в моём детстве, и, наверное, в своём. Так что, и не знаешь, что лучше.

Я Давиду улыбнулась, но не слишком искренне. Зачем рассказала ему про отца и мачеху? Мы даже толком не знакомы ещё. Только сама расстроилась.

- Ладно, не переживай, - сказал он. Руку протянул и снова потрепал меня по волосам. Затем попросил: - Лучше достань с заднего сидения бутылку воды.

Как же я была довольна происходящим! Мне так нравилось разговаривать с Давидом, слушать его истории, мне нравилось, что он смеётся над моими шутками, вполне искренне, и я не обижалась, если он надо мной подшучивал. К тому же, все его шутки были безобидными и даже милыми. Мы были на одной волне. Мне было легко и интересно.

Мы проехали километров сто пятьдесят, после чего свернули с трассы на узкую дорогу. Я думала, что впереди нас ждёт первый город, но оказалось, что Давид привёз меня к стенам старинного монастыря. Я наблюдала за тем, как уверено он ведёт машину, и понимала, что он бывал здесь не раз, да и названия сёл и деревень с его языка слетали запросто. Кажется, он знал наизусть всю область, а, возможно, и соседние.

- Заходить не будем, - сказал Давид, выходя из машины. – Да тебя и не пустят, монастырь мужской, малочисленный, но здесь великолепное озеро. Послушники рыбу разводят, так что, вода чистейшая.

- Мужской монастырь, - проговорила я, якобы глубокомысленно, - и ты здесь часто бываешь.

Давид, спускаясь по пригорку к воде, оглянулся на меня через плечо. Усмехнулся.

- Не думай обо мне лучше, чем есть на самом деле. С моими грехами сюда далеко не сразу пустят. Но несколько лет назад я привёз им икону. Случайно натолкнулся в одной деревеньке. Бабулька умерла, а родственники её дом в наследство получили. Икона старинная, наверное, всю её жизнь в красном углу стояла, а они продать хотели.

- Ты купил?

- Купил. Не знаю почему. Я обычно иконы не покупаю, запрет какой-то внутренний. А тут купил, и в монастырь привёз. Просто не знал, куда ещё. Вот с тех пор и приезжаю иногда.

Я присела на траву, дышала чистым, пряным от жары и аромата цветов воздухом, на солнце зажмурилась. Озеро, на самом деле, великолепное, прямо под высокими стенами белокаменного монастыря, солнечные лучи отражались от тёмной воды, но я была уверена, что вода холодная, от подземных источников. На другом берегу крошечная пристань и лодка-плоскодонка на волнах качается. Поют птицы, летают бабочки, пчёлы жужжат, и никаких посторонних звуков. Нетронутая природа.

- Как же здесь здорово, - проговорила я, подставляя лицо солнцу.

Давид усмехнулся и поддразнил:

- В мужском монастыре?

Я показала ему язык.

Следующие несколько часов я наблюдала за его работой. Мы приехали в маленький городок в пойме, и принялись методично объезжать все ведомые Давиду точки скупки антиквариата. В большинстве случаев это были банальные ломбарды, но один раз мы приехали на квартиру к художнику, хмурому мужчине, который, не смотря на разгар дня и температуру воздуха под тридцать градусов за окном, расхаживал по дому в длинном махровом халате и старательно задёргивал тёмные, пыльные шторы на окнах. Зато у него Давид нашёл что-то для себя интересное, какую-то пожелтевшую от старости книгу и дамское зеркало на ручке в серебряной оправе. Я принципиально не вмешивалась в их разговор, разглядывала книги в дубовом шкафу, но краем глаза видела, как Давид отсчитывает купюры (довольно не маленькую сумму) и передаёт её мужчине. Тот даже не улыбнулся, никак не проявил свои эмоции, если они у него вообще были, просто сунул деньги в карман обвисшего халата и проводил нас до дверей.

- Куда теперь? – браво поинтересовалась я, снова устраиваясь в машине.

Давид посмотрел на часы на запястье. Смешно, но часы у него были

электронные, подобные носили ещё во времена молодости моих родителей. И странно было видеть их на руке стильного, обеспеченного молодого мужчины. Видимо, они были ему дороги по какой-то причине.

- Думаю, не мешает пообедать. А ещё искупаться. Жарко невероятно.

Мы объехали город по окраине и вскоре оказались у Волги. С левой стороны замелькали коттеджи, фруктовые сады, справа частные причалы и лодки, даже небольшие яхты и парусники. А затем показалась и обустроенная набережная с чередой ресторанчиков на ней. Мы пообедали на веранде, я смотрела на воду, и чувствовала полнейшее умиротворение и довольство. Давид ел с аппетитом, к нему обращались по имени-отчеству, по всей видимости, гость он здесь частый, а один раз даже подошли поздороваться. Меня он представить забыл, подошедший мужчина в годах кинул на меня оценивающий взгляд, но на этом его интерес к моей персоне иссяк. А я для себя решила, что принимать близко к сердцу равнодушное отношение незнакомого мужчины, с которым я и сама не горю желанием знакомиться, не стоит.

- Ты часто здесь бываешь? – спросила я Давида, когда мы направились к пристани, покинув ресторан. Он уверенно шагал по узкой улочке, я едва за ним успевала, потому что не переставала крутить головой по сторонам, осматриваясь. Как оказалось, находились мы не в городе, а в элитном коттеджном посёлке, и праздные зеваки сюда редко попадали. Им здесь были не рады, да и делать здесь особо было нечего. Цены в ресторане, где мы обедали, например, здорово кусались. Новые дома, специально отстроенная набережная и пристань, закрытый пляж. Чужих здесь не ждали. И Давид не был здесь чужим.

- Раньше приезжал каждые выходные. – Он вдруг остановился, развернулся и указал рукой на коттеджи, что тянулись вдоль берега реки. – У меня там был дом.

- А теперь нет? Как можно продать дом в таком месте, - с надуманным смешком проговорила я.

- Я не продавал, - совершенно спокойно отозвался он. – Жена при разводе отсудила.

В его голосе прозвучало такое равнодушие, что только от этого тона хотелось встать, как вкопанной посреди улицы, и постоять так, обдумывая. Но я лишь немного сбавила шаг, а после кинулась догонять Давида, потому что тот уверенно шагал вперед и на меня не оглядывался.

Я шла и молчала. Про жену, пусть и бывшую, мне знать не хотелось. Почему-то.

- Захар, здорово! – Давид протопал по деревянной пристани, подал

руку крепко сбитому мужику в майке-тельняшке. Мужчина был загорел и абсолютно лыс, вот как коленка. – Прокатиться дашь?

- Ты чего-то не по плану, - пробасил Захар.

- Да мимо ехали, решили сделать перерыв.

На меня кинули очередной равнодушный, но оценивающий взгляд. Это начинало напрягать.

- «Алина» готова. Сейчас ключи дам.

Давид неожиданно поморщился.

- А «Звезда»?

- Движок перебираю.

- Я точно не вовремя, - негромко проговорил Давид, после чего повернулся и протянул мне руку. Ободряюще улыбнулся. – Ну что, красивая, поехали кататься?

Я заставила себя улыбнуться.

Правда, напряжение отпустило меня, как только я оказалась на лодке, длинной, белой, и под палубой ровно заурчал мотор. Ветер подхватил мои волосы, пришлось спешно собирать их в хвост, а Давид нажал на газ, вывернул штурвал, и лодка понеслась по воде, вроде и не касаясь её, только брызги в разные стороны. Я поневоле засмеялась, вцепилась в поручни.

- Тебе нравится?

- Конечно!

Я смотрела на благоустроенный посёлок с борта лодки, когда мы проносились мимо. Хотелось помахать рукой, пусть и незнакомым людям, поделиться своим восторгом, но я знала, что местные жители воспримут моё поведение по-своему. Поэтому лишь улыбалась ветру, солнцу, брызгам воды.

Мы причалили к маленькому дикому пляжу на другом берегу, Давид помог мне спрыгнуть на песок, и тут же стянул с себя майку. Это действие было не для меня, я знала, он торопился нырнуть в прохладную воду, но я всё равно засмотрелась. Настолько, что забыла про себя.

- Вода – супер! – крикнул он мне, отплыв на приличное расстояние. – Иди сюда.

Я улыбалась ему, потом разделась, оставив шорты и футболку прямо на песке. Вошла в воду, осторожно, не разбегаясь, как он. Проплыла немного, чувствуя, как тело расслабляется в воде.

- Здорово, да?

Давид оказался рядом, я в первый момент забарахталась в воде, перевернулась и оказалась с ним лицом к лицу. Убрала с лица мокрые волосы.

- Здорово, - согласилась я.

Он меня разглядывал, очень внимательно, и улыбался по-особенному.

- На самом деле, здорово, - проговорил он тише, продолжая съедать меня взглядом.

Я почувствовала его руку на своей спине, она придвинула меня к мужскому телу, и мне уже не было необходимости держаться на плаву. Да я и не думала об этом в тот момент, и, наверное, утонула бы, засмотревшись в его глаза. А потом его горячие губы на моих губах, по-настоящему горячие после прохладной воды, и весь мир перестал для меня существовать. Поцелуй был жарким, глубоким, и я могла поклясться, что никто и никогда до Давида Кравеца меня так не целовал. Я схватилась за его плечи, потом обняла за шею, и поцеловала в ответ. Когда мы оторвались друг от друга, оба не могли справиться с дыханием в первый момент. Посмотрели друг на друга и засмеялись. А рука Давида в воде подхватила меня под ягодицы и легко приподняла, отчего я ахнула. А этот негодяй взял и бросил меня в воду. Правда, когда поймал, снова поцеловал.

Но я девушка с хорошо развитыми моральными ценностями, явно не из тех, кто стал бы резвиться на песке на диком пляже в первый, можно сказать, день знакомства. Поэтому ничего за поцелуями, пусть и жаркими, не последовало. Мы лежали на полированном борту лодки, отдыхая и болтая, а я про себя радовалась, что надела именно этот купальник, а не пёстрый, простоватый, который обычно надеваю на речку. Чувствовала себя королевой красоты, не меньше. Даже если это было не так, особой роли это не играло, главное уверенность в себе.

К пристани мы причалили час спустя, немного встрёпанными, но довольными. Я даже мужчине по имени Захар улыбнулась, совершенно искренне и сердечно, и поблагодарила, когда он подал мне руку, чтобы помочь сойти с лодки. А тот мою улыбку проигнорировал, а у Давида поинтересовался:

- Как движок?

- Отлично. Поёт.

- Серенады поёт? – поинтересовался женский, мелодичный голос.

Я на этот самый голос повернулась, и увидела совсем рядом девушку. Прямо скажу, небесной красоты. Высокая, грациозная блондинка, с самыми правильными чертами лица, которые я когда-либо встречала, даже на страницах глянцевого журналов. А тут без всяких журналов, стоит на пристани, в длинном лёгком платье, подол которого картинно треплет ветер. Её, на самом деле, только рисовать. Даже мне захотелось запечатлеть её образ. Правда, наряду с этим, у меня неприятно засосало под ложечкой

от дурного предчувствия.

- Хеви-металл, - вроде как отшутился Давид. Захару руку на прощание подал, после чего уже шагнул к девушке. Пригладил ладонью свои влажные волосы. Поздоровался: - Привет, Алина. Как дела?

Я посмотрела на буквы на борту лодки, на которой мы только что причалили. На ней значилось «Алина». То есть, хозяйка пожаловала?

- Не ждала тебя. – Алина тем временем перевела взгляд на меня. И почему все на меня сегодня так смотрят? Прицениваются и тут же теряют интерес. Это неприятно. – Заехал покататься?

Давид кивнул.

- Да, соскучился. Кстати, Захар молодец, движок перебрал мастерски.

- Я слышала. Спасибо, что проверил. – Она снова на меня посмотрела. – Но тебе не кажется, что это неприлично приводить к жене новых девушек знакомиться?

- А я вас и не знакомил. Даже не планировал. И ты мне, любимая, не жена. – Он протянул ко мне руку. – Пойдём.

Я его за руку взяла прежде, чем успела обдумать целесообразность этого действия. Наверное, было бы куда правильнее гордо прошествовать мимо них в одиночестве, но я просто не знала, как реагировать на происходящее. Под высокомерными взглядами бывшей жены Давида, да и вообще местного населения, я чувствовала себя неловко и будто я здесь не к месту. А тут он протянул мне руку, и я схватилась за неё, как за соломинку. Но на душе всё равно остался осадок. Такой, что мне не терпелось покинуть этот райский уголок на берегу Волги. Чем быстрее, тем лучше.

- Не обращай внимания, - сказал мне тем временем Давид. – Она истеричка.

Я промолчала, шла за ним к машине, и не оглядывалась.

Странное было ощущение. Словно я погостила в чужой жизни, при этом, после чувствовала неловкость. Будто гостем оказалась незваным. Хотя, так, наверное, и есть.

День вышел замечательным, я искренне так считала. Мне так нравилось общаться с Давидом, интересно слушать его истории, я наслаждалась, украдкой наблюдая за ним и слушая его смех. И пока мы были вдвоём, мне было просто и легко, но стоило оказаться среди людей, ему знакомых и понятных, я начинала чувствовать себя не в своей тарелке. Потому что я для этих людей как бы и не существовала. Они разговаривали с Давидом, их интересовал Давид, а на меня они в лучшем случае кидали равнодушный взгляд. В худшем меня окидывали взглядом с оттенком снисходительности, и уже после этого равнодушно отворачивались. Никто, никто из встреченных нами людей даже не подумал поинтересоваться тем, кто я и как меня зовут. Знакомиться со мной, по всей видимости, необходимости не было. А Давид ни разу меня не представил. Держал за руку, улыбался, но ни с кем не знакомил. Это, признаться, меня задело. И портило всё впечатление от прекрасно проведённого дня. Я не понимала подобного поведения, но каждый раз, как вопрос рвался наружу, я смотрела на свою руку в его ладони, и все слова куда-то исчезали. Не хотелось всё портить.

К тому же... к тому же, я не знаю, что его на самом деле связывает со всеми этими людьми, возможно, они даже не друзья, и выдавать какие-то подробности своей личной жизни, даже если они особыми подробностями ещё и не являются, совершенно ни к чему. А я ещё многого не понимаю.

До этого я додумалась уже на обратном пути в город, и немного успокоилась. Мы ехали на закат, слушали музыку, и я ощущала приятную усталость. Давид время от времени кидал на меня долгие взгляды и улыбался. А его улыбка заставляла моё сердце взволнованно биться. Всё-таки нельзя быть настолько обаятельным, это просто опасно.

Правда, в какой-то момент я не удержалась и спросила:

- Ты давно развёлся?

- Год назад, - сказал он. И тут же попросил: - Давай не будем об этом говорить. Не хочу.

Тон не был напряжённым или недовольным, но столь категоричный отказ обсуждать бывшую жену меня не порадовал. Видимо, не всё ещё

пережито и забыто, Давид переживает. А когда такой уверенный в себе мужчина переживает из-за женщины, это говорит о том, что она была для него очень важна. Я кинула на Давида осторожный взгляд. Наверное, двухтысячный за этот день. И подумала о том, насколько надо разочароваться в нём, чтобы отпустить, развестись с ним, когда он уже принадлежал тебе. Я не могла себе подобного представить.

Похоже, я начинаю влюбляться. В Давида Кравеца. Впору схватиться за голову.

Давид довёз меня до подъезда, я ждала, что напросится в гости или предложит продолжить вечер, но он лишь попрощался, правда, подставил щёку для поцелуя. Выглядел при этом милым и крайне довольным. Я посмеялась над его довольством и в щёку его поцеловала. А он банальным образом пообещал:

- Я позвоню.

И уехал. А я осталась одна у своего подъезда, в душевной растерянности, не зная, радоваться мне прошедшему дню или почувствовать себя брошенной и обманутой в лучших ожиданиях. Но что бы я не чувствовала, лучше было перенести все свои переживания по адресу прописки, подальше от чужих глаз. Что я и сделала. Ещё одним потеряннным взглядом окинула двор, и пошла в подъезд.

- Чем занималась вчера? – спросила меня сестра, когда мы с ней на следующий день встретились в кафе перед началом рабочего дня. Хотелось выпить кофе и перевести дух перед тем, как увидим любимого начальника, и тот сходу найдёт к чему придраться и чему нас поучить. – Я тебе звонила, а у тебя телефон был выключен.

- Да так, - отмахнулась я. – Гуляла.

- Одна?

Я сомневалась одну долгую секунду, после чего кивнула. Мне очень, очень, очень хотелось поговорить с Анькой. Обсудить, похачать вместе, попытаться что-то понять. Мы всегда так поступали, и очень многое сразу становилось ясным и понятным, а сомнения покидали. Но то, что касалось Давида Кравеца... На данный момент я не была уверена, что мне вообще есть, что рассказывать. А хвастаться вниманием местного мачо, которое, возможно, уже иссякло, будет чересчур глупо. Даже перед сестрой. Я буду казаться восторженной дурочкой, с глупой улыбкой сыпать невероятными подробностями прошедшего дня, а Давид при следующем визите в ресторан подмигнёт мне и пройдёт мимо. Что мне тогда делать? Не с тем, что мне тогда скажет сестра, даже если посмеётся над моими несбывшимися надеждами и ожиданиями, а с самой собой? С тем, что я

невольно успела себе нафантазировать?

Господи, я влюбилась. Когда успела?!

- А как твоё вождение? – опомнилась я, вдруг осознав, что долго молчу, а Анька на меня внимательно смотрит.

Сестра смешно наморщила нос.

- Я ещё не поняла. Это довольно странно. В тот момент, когда я начала получать хоть какое-то удовольствие и почувствовала себя всемогущей, едва не врезалась в дерево.

Я улыбнулась.

- Всё получится. Уж если ты, с твоим упрямством, не сдашь на права, не знаю, кто вообще сдаёт.

- Стёпка – гад.

- Почему? Приставал?

- Да нет. Подначивал. – Анька погрозила пальцем кому-то неведомому. – А ведь он педагог! Он обязан относиться с пониманием, с душой, а он... - Сестра только вздохнула, но тут же кинула на меня хитрый взгляд. – Про тебя расспрашивал. Говорит, увидел и обалдел.

- У него жена есть, вот пусть и балдеет.

- Я ему так и сказала. Сам виноват, не дождался. А мог бы.

- Ань, что ты выдумываешь? Мы после одиннадцатого класса расстались.

- Он об этом вряд ли помнит. Сейчас он может думать только о том, как всколыхнулся его пивной животик при виде тебя.

Я рассмеялась.

Прошла половина дня. Я, честно, не специально отслеживала, не смотрела на часы, я просто знала. И за прошедшую половину дня Давид и не подумал позвонить. А я ругала себя за то, что жду, за то, что вообще думаю об этом. Я взрослая женщина, в конце концов. Меня что, впервые позвали на свидание, первый мужчина на меня внимание обратил?

«Такой мужчина – впервые», ехидно заметил внутренний голос. Я после этого замечания повернулась к зеркалу и посмотрела на себя, точнее, ему в глаза. Многозначительно. Мол, хватит себя принижать. Жили мы без Давида Кравеца и дальше прекрасно проживём. Встретим кого-нибудь... в смысле, не кого-нибудь, а принца, а то и иностранца, благо на моей работе их в избытке, и будем самой счастливой и недосыгаемой.

«Но я другому отдана и буду век ему верна», вновь хмыкнул голос, а я разозлилась. Получается, что на саму себя, критически настроенную. А критиковать, между прочим, надо Давида, в нём недостатки искать, а не в себе. Я же всё делаю шиворот-навыворот.

- Ты опять что-то купила? – спросила Анька строгим учительским голосом, и кивком указала на кулон на моей шее.

Я прикоснулась к камню, качнула головой.

- Нет... давнишнее, - и украшение сняла. Если Давид всё-таки появится, ни к чему ему видеть, что я в первый же день нацепила его подарок и с ним не расстанусь.

Но переживала я зря. Давид не появился ни в этот день, ни на следующий, ни в наступившие выходные. Я приходила на работу, и первым делом проглядывала список имен людей, что бронировали столики на вечер, но фамилии Кравец не встречала. И меня съедала непонятная тоска. Анька заметила, что я грущу, попробовала выпытать причину, но не преуспела. К тому моменту я окончательно разочаровалась, и не призналась бы в своей глупой фантазии ни за что. И тогда она предложила развлечься.

- Зарплату же дали, - радовалась она. – Сходим, потанцуем.

- В начале рабочей недели?

- Да чёрт бы со всеми. У нас-то выходные.

Отказываться я не стала, но и обещания не дала. Отделалась неопределённым:

- Посмотрим.

Анька, пользуясь тем, что посетителей в ресторане ещё нет, навалилась на мою стойку, стараясь быть ближе ко мне.

- Ты мне не нравишься в последнее время, - заявила она, - думаешь о чём-то, молчишь.

- Хорошо, что думаю, - порадовалась я за себя. – А то, не думавши, можно такого натворить.

- Это всё отговорки. Скажи честно, что случилось? Мишка объявился?

Я глаза на сестру вытаращила.

- С чего бы? Он, наверное, и думать обо мне забыл.

- Тогда что?

- Переосмысливаю свою жизнь.

- Глупости, у тебя всё хорошо.

Я на Аньку уставилась, намеренно.

- А замуж, а детей?

Сестра отодвинулась, глянула на меня так, будто меня неожиданно кто-то сглазил или порчу навёл. Я знала, что заговори я на эту тему, Анька тут же отступит и в душу мне лезть передумает.

- Это как-то неожиданно.

- Что неожиданного? – удивилась я. – Замуж я совсем недавно собиралась.

- Но про детей не заговаривала.

Я в задумчивости постукала карандашом о край стойки.

- Может, поэтому Миша и передумал на мне жениться? Он собирался брать ипотеку и копить на холодильник, а я копила на туфли от Маноло Бланик.

- Купила?

Я вырвалась из задумчивости, перевела взгляд на сестру. Переспросила:

- Что?

- Туфли купила?

- Нет.

- Жаль. У нас с тобой один размер, дала бы поносить.

- Иди, работай, - посоветовала я ей.

Анька задорно улыбнулась мне напоследок, видимо, в попытке оказать моральную поддержку, и умчалась к себе за барную стойку.

В этот вечер меня ожидал сюрприз. Нет, не Давид, и ничего приятного. Но это было весьма неожиданно, настолько, что я в первый момент совершенно не знала, как реагировать. В «Алмаз» к ужину пожаловала Алина, бывшая жена Давида. Понятия не имею, какую фамилию она носит после развода. Она появилась не одна, в компании. Столик был забронирован ещё вчера, большой, у сцены, и мы ждали важных гостей, но я совсем не ожидала, что в их числе пожалует самая красивая девушка нашей области. Я могла злиться и язвить, но Алина, на самом деле, очень красива. В тот день, что мы встретили её на пристани, в длинном, лёгком платье в деревенском стиле, с распущенными волосами, и сейчас, с изысканной причёской и в модном, приталенном комбинезоне фиалкового цвета. Казалось, что на её лице нет ни намёка на косметику, что её красота естественная и нетронутая кисточкой для макияжа. Светлые волосы уложены, от них в электрическом свете словно сияние исходило, идеальные брови натурально тёмные, а пухлые губы от природы манящие. Всё это, конечно, было видимостью, любая женщина скажет, что невозможно, «нельзя быть на свете красивой такой», как поётся в известной песне, но, в то же время, если вспомнить, кто был её мужем... Какой же они были невероятно красивой парой!

Вот только на окружающих эта красавица смотрела колко и с превосходством. Мужчинам, судя по её спутникам, это импонировало, а вот мне, как простой смертной, приходилось мириться с подобным отношением. Это та ситуация, в которой очень остро ощущаешь себя человеком второго сорта. Работая в «Алмазе» я прочувствовала эту грань

особенно остро. В Питере я сменила несколько мест работы на должности администратора, и не припомню подобных чувств, а здесь в полной мере. Когда Анька предупреждала меня о царящем здесь снобизме по вине некоторых постоянных клиентов, я не особо поверила и вдумалась в её слова, не знала, что мне предстоит, а спустя полтора месяца, могла поведать многое. И о том, что наблюдала, и о том, что пережила сама. И поэтому сейчас, представ перед пожаловавшими гостями, ещё не заговорив с ними, по одним только взглядам и обрывкам фраз, могла сказать, что меня ждёт. Конечно же, меня удостоили парочкой холодных, равнодушных взглядов.

- Добрый вечер, добро пожаловать.

Моя вежливость потонула в их личных разговорах и если и была воспринята, то абсолютно, как должное. Кстати, ничего другого я и не хотела. Поскорее проводить их за столик, и надеяться, что вечер пройдёт спокойно, и мне не придётся решать никаких проблем, связанных с их столиком. И уж точно я не желала внимания Алины, не думала, что она обратит на меня внимание, но она в какой-то момент посмотрела на меня, вначале равнодушно, но затем, по всей видимости, узнала. В её глазах мелькнуло узнавание, интерес, она всмотрелась в моё лицо, после чего на её губах появилась улыбка. Да, это была улыбка, губы красиво растянулись, наверное, она не умела улыбаться некрасиво, но при этом в глазах появилась такая явная насмешка, что у меня по коже мурашки размером с кошку поползли, вот насколько неприятно стало. Словно она взяла меня и унизила. Чем именно, я так сразу сказать не могла. Ни словом, ни действием, но то, что унизила, я чётко осознавала.

Я проводила гостей за столик, стараясь больше не встречаться с Алиной взглядом. Но, видимо, ей наша встреча тоже показалась интересной, потому что она, не скрываясь, меня разглядывала. А когда присела за стол, и я уже собиралась тихо удалиться, громко поинтересовалась:

- Девушка, как вас зовут?

Я остановилась, всё же пришлось посмотреть на неё и даже улыбнуться. Как Петрович всегда учил и того требовал.

- Лида.

- Лида, - повторила Алина и кинула весёлый взгляд на мужчину рядом с ней. Тот, кстати, выглядел совсем не таким неотразимым, как Давид. Может, поэтому она и бесится? А мне выдали широкую, ехидную улыбку. – Будем знать.

- Приятного вечера, - проговорила я негромко, и, наконец, смогла уйти.

Правда, это мало исправило ситуацию. Потому что когда я вернулась

на своё рабочее место и решила бросить короткий взгляд на их столик, это уже не вышло незаметно. Потому что к этому моменту на меня уже смотрели все, и за столиком царило веселье. Мне даже гадать не надо было, чтобы знать: Алина поведала друзьям о нашей недавней встрече. А мне теперь хоть сквозь землю провались.

- Что ты сделала? – рассерженно шикнул на меня Петрович, подойдя. Взгляды гостей в мою сторону через весь зал не остались им незамеченными. Кто бы сомневался.

- Ничего, - ответила я, не глядя на него. – Я ей чем-то не понравилась.

- Алине Потаповой?

- Понятия не имею, как её зовут. И кто она такая. – Приврала, но совсем немного.

Озерский потёр лысину платочком, сверкнул на меня глазами. И пообещал:

- Я тебе потом объясню.

В общем, влипла я в неприятности. Из-за того, что оказалась не в том месте и не в то время.

Говорить о том, что весь вечер меня пытали насмешливыми или придирчивыми взглядами, проявляли повышенный интерес, нельзя. Обо мне довольно скоро позабыли, посмеялись и переключились на темы поинтереснее. Я тоже старалась не смотреть в сторону злополучного столика, как робот выполняла свою работу. Улыбалась и встречала гостей. А когда поневоле оказывалась рядом с Алиной, старалась выглядеть спокойной и неуязвимой. Очень надеялась, что всё позади. Что вечер закончится, гости разъедутся, и я не увижу Алину Потапову очень и очень долго. А если сильно повезёт, то больше никогда. Может, этот её ухажёр с широким лбом и руками орангутанга возьмёт и женится на ней, и ей больше не придётся охотиться за теми, с кем её бывший муж проводит выходные.

Но она всё же подошла ко мне. Точнее, уходя, бросила мне несколько колких фраз, которые, наверняка, искренне считала советами дамы более высокого полёта.

- Знаешь, я не удивлена, что встретила тебя здесь. У Давида, как у бывалого моряка, в каждом порту по бабе. Где ест, там и кружит, как ворон. Меня это всегда в нём расстраивало.

Я посмотрела на неё, но отвечать не стала. Не знала что, да и работой дорожила. А то ведь не заметишь, как слово за слово пойдёт. Петрович не простит, и так присматривается недобро. Поэтому я растянула губы в холодной улыбке и сказала:

- Всего доброго. Надеюсь, вам у нас понравилось.

- Очень понравилось, - хохотнул спутник Алины, услышав мои слова. Подошёл и обнял ту за плечи, а на меня бросил любопытный взгляд. Очень любопытный и оценивающий. Я подбородок повыше вздёрнула, а потом взяла и улыбнулась ему. Хорошо так улыбнулась, как я умею. Мужчина хмыкнул, а Алина взяла его за руку и поторопила:

- Пойдём, я устала.

- Пойдём, моя королева.

Они вышли из зала, а мне захотелось швырнуть им что-нибудь вслед.

Оказалось, что напряжение между мной и дорогой гостьей заметил не только Петрович. Закончив работу, я не успела войти в раздевалку, как на меня набросились девчонки.

- Что Алина от тебя хотела?

- Она просто стерва, - ответила я, причём вполне честно. – Не думаю, что ей нужен особый повод.

Девчонки переглянулись, хмыкнули, а Анька пожала плечами. Сказала:

- Она как с Давидом развелась, совсем зазналась. Появляется то с одним, то с другим. Наверное, его позлить хочет.

- Но они ни разу здесь не столкнулись.

- А зачем? Ему и так донесут.

- Так это он с ней развелся, все об этом знают.

- Да кто что знает? – фыркнула Анька и даже рукой взмахнула. – Нам точно не расскажут ничего.

Я крутила головой, слушая то одну, то другую. Это заметили и пояснили:

- Это как сериал, Лид. Честно. Они то женились, то ругались, потом мирились. И вот он с ней развелся. Но они оба такие офигенные, что не наблюдать за ними нельзя.

- И жалко их было, когда разводились. Оба так переживали, да, девочки?

- Что, - спросила я сдержанно, - такая любовь?

- Все говорили, что да. И не верили, что до развода дойдёт, но всё случилось. А ведь они такая пара! Им на судьбе написано вместе быть.

- Почему это? – снова не утерпела я. Слышать о том, что Снежная королева – Алина истинная судьба Давида, было неприятно.

- Ну как, оба красивые, оба дети из богатых семей. Дед Давида и дед Алины сто лет дружили, все это знают.

- Им и есть по сто лет!

- Все всегда знали, что они поженятся. И всегда будут вместе и

счастливы. Представляете, какие бы у них детишки родились красивые? Но нет в жизни справедливости.

- Вы на самом деле как ток-шоу с их участием смотрите, - сделала я попытку пошутить, но мне как-то не шутилось.

- Так всё у нас на глазах. Мы рядом, молчим, на нас внимания не обращают. А мы всё слышим и видим. Поневоле вникнешь.

- Я уже вникла, - заверила я их. - Мне одного знакомства хватило, чтобы понять, что эта дамочка стерва.

- А что ты хотела? – удивилась Анька. – Ей положено. По факту рождения.

- Подумаешь, - возмутилась я вполголоса, - королева. – Поднялась и направилась к своему шкафчику, переодеваться. Заглянула в сумку и посмотрела на кулон с александритом. В этот момент очень захотелось вышвырнуть его в мусор.

Ничего удивительного, что я совсем не обрадовалась появлению Давида на следующий день. Он вошёл в ресторан, улыбнулся всем, как обычно, а я упёрла взгляд в свой блокнот, желая провалиться сквозь землю. А всё потому, что отлично помнила, как вчера вечером, вернувшись домой в пустую квартиру, разревелась, как последняя дура. Не из-за него, нет, а из-за того, что в жизни на самом деле справедливости нет. И пока я честно тружусь и зарабатываю на жизнь, дочки богатых родителей, такие как Алина, имеют право указывать мне что правильно, а что нет. А я ей даже ответить не могу. Словно, я перед ней в чём-то провинилась. А я, между прочим, чужого не брала и ни в чём перед ней не виновата.

- Привет. – Давид выглядел весёлым и довольным жизнью, впору за него порадоваться. Вот только я была не в настроении. А он ещё подошёл, так запросто навалился на мою стойку, перегнулся через неё, и едва ли не в лицо мне заговорил. – Я голодный.

Я предостерегающе кашлянула, опасливо огляделась, но Петровича видно не было. Да и время обеденное, посетителей немного. Но я всё равно потребовала:

- Отодвинься от меня.

- А что такое? – Давид выпрямился, а на меня смотрел с любопытством. – Скрытничаешь?

Я всё же взглянула ему в лицо.

- А мне есть что скрывать?

- Не знаю. Расскажи.

Я хлопком закрыла блокнот.

- Я провожу тебя за столик.

- Лид, ты чего такая злая сегодня? На меня злишься?

- Нет.

- А мне кажется, что на меня. За то, что не позвонил? Так я занят был.

Я осторожно перевела дыхание, и как можно тише и спокойнее проговорила:

- Давид, я рада твоей занятости. Что ты работал. Но здесь работаю я, и у моего начальства есть определённые требования. Например, не заводить личных разговоров с посетителями. Мне и без того хватило неприятностей, на меня и так косо смотрят.

- Из-за чего?

Я взяла и честно сказала:

- Из-за твоей жены. – Я из-за стойки вышла и направилась к столикам. Давид за мной. Я чувствовала его взгляд.

- Я не женат, - сказал он в конце концов, но тут же добавил: - Но я тебя понял. Алинка здесь была и тебя узнала.

Я остановилась у свободного стола, указала на него рукой. Давид сел, сложил руки на столе и уставился на меня снизу. Выглядел в этот момент как добродушный пёс, который хочет, чтобы его погладили. Но я этого делать не собиралась. Не собиралась, нет. Не смотря на то, что рука сама к нему тянулась. И поэтому я решила поскорее от него отойти, оставив его вопросы и умозаключения без ответа. Только крикнула официанта, показавшегося в зале.

- Саша, обслужи Давида, - опомнилась и поторопилась добавить: - Марковича. Он торопится.

- Тороплюсь пообедать, - оповестил всех любимый клиент. – А в остальном, я до пятницы совершенно свободен!

Я обернулась на него через плечо, и поняла, что этот негодяй улыбается, и улыбается именно мне.

Мой телефон зазвонил уже через пару минут. Давид сидел за столом, ожидал заказ, и, по всей видимости, нашёл способ со мной пообщаться. Я на звонок ответила, продолжая сидеть к Давиду боком, и даже запретила себе смотреть в его сторону.

- Долго злиться будешь? – поинтересовался он.

- Я не злюсь. Я пытаюсь сохранить работу. Как оказалось, в этом заведении очень легко перейти дорогу власть имущим, просто по незнанию.

- Это кто у нас власть имущий? – подивился Давид. – Алинка, что ли?

- Она или её родственники, для меня никакой разницы. Мне Петрович чётко приказал никуда не лезть. И ни к кому.

- Интересно получается. Мне что, теперь у Петровича разрешения спрашивать каждый раз, как я с тобой переспать захочу?

Я моргнула в растерянности, кровь бросилась мне в голову, наверное, я даже покраснела. Не удержалась и на Давида посмотрела. Он послал мне через зал дурашливую улыбку, а я поспешила снова отвернуться. А в трубку сказала:

- Дурак.

Он засмеялся.

- А что? Это ты сказала, а не я. Нашла отца родного – Петровича!

- Тише ты.

- Лид, ну это несерьёзно.

- Вот именно. Ты пропадаешь на неделю, а потом появляешься весь такой прекрасный!..

- Я прекрасный?

- Не нарываешь на комплимент, Давид.

- Ладно, не буду. Скажи тогда, что мы вечером делаем.

- Не знаю, как ты, а я работаю. До двух.

- До двух, - повторил он и вздохнул. – Печально. Опять цветы, московские кавалеры...

- Ага, и гудящие от каблуков ноги.

- Тебе определённо нужен личный массажист.

- Нужен, - не стала я спорить, правда, не преминула заметить: - и именно личный.

- Фу, солнце, как не стыдно слушать ревнивых баб.

Что ответить на это, я не знала, поэтому замолчала. Разглядывала богатые шторы на панорамных окнах ресторанный зала. Давид тоже молчал, и что-то мне подсказывало, что его молчание не тяготило, он ждал развития ситуации. И я, в конце концов, спросила:

- Что ты хочешь?

- Хочу, чтобы ты злиться перестала.

- А я не злюсь. У меня нет оснований.

- А, даже так. Ну, хорошо, что – что, а основания я организовывать умею.

Я фыркнула, вроде как насмешливо, правда, Давид это вряд ли услышал, отключился тут же. Я кинула осторожный взгляд в его сторону, и увидела официанта Сашу, который принёс ему заказ, а после и Петрович подошёл, присел к Давиду за стол, и они о чём-то заговорили. А мне оставалось делать вид, что моё дело – сторона, и я здесь рабочие обязанности выполняю, и не больше.

Уходя, Давид мне слова не сказал. Правда, глянул по-особенному, проходя мимо. И снова весело хмыкнул, в такт каким-то своим мыслям. Я возмущённо закатила глаза, отвернулась в другую сторону, хотя, он уже успел выйти. Сама себе говорила, что его самовлюблённость – это недостаток, но мне хотелось улыбаться. Повод на него злиться, у меня, конечно, был, но глупая радость от встречи, разговора, кружила голову. Я реагировала на него, как девчонка. И ничего не могла с этим поделать.

- Смотрю, настроение у тебя исправилось, - заметила Анька, когда мы собирались домой. Вечер прошёл спокойно, без эксцессов и неожиданных гостей. Давид к ужину не вернулся и не звонил, но я не переживала, хотя, если честно, ждала его появления. Я его теперь всегда жду.

В ответ на слова сестры я пожала плечами. Взглядом старалась с ней не встречаться. Мне казалось, что стоит Аньке взглянуть мне в глаза, и она тут же всё поймёт. Она ведь отлично меня знает. И на лбу у меня прочитает: влюблена. И пока это слово не загорелось неоновыми буквами, лучше повременить с признаниями.

На улице нас снова Витёк поджидал. Я кинула на сестру многозначительный взгляд, к гадалке не ходи, а она явно знала, что её встречают. На лице ни тени удивления, и мне оставалось лишь подивиться её томительной тяге к бывшему мужу. Анька изо всех сил делала вид, что его визиты её никак не волнуют и ни одну струнку в душе не задевают, но Витёк упорно таскался за ней, а она не гнала. И даже беспокоилась за него. А это о многом говорит, согласитесь.

- Привет, девчонки, - разулыбался бывший родственник.

Я, в ответ на его улыбку, выдала печальный вздох. И отозвалась негромко, решив не лезть в чужую жизнь:

- Привет. – Надеюсь, наступит момент, когда и Аньке хватит такта и благодарности поступить также. Не кричать мне, что я чокнулась, и не топтать на меня ногами. – Пойду я. – К сестре повернулась, чмокнула ту в щёку.

- Подожди. – Анька попыталась схватить меня за руку. – Мы тебя проводим.

- Вот ещё, - фыркнула я. Разъезжать по ночным улицам, слушая Витькину болтовню, желания у меня не было. – Сама прекрасно доберусь. – Я сделала им ручкой, улыбнулась на прощание, и громко стуча каблуками, направилась к стоянке такси, намеренно ускорив шаг, и оставив эту парочку наедине. Шла и бормотала себе под нос: - И кто из нас чокнулся?

На стоянке ждал одинокий автомобиль с шашечками, но прежде чем я

успела к нему подойти, кто-то мигнул фарами из темноты, я присмотрелась, и в животе сразу закружили бабочки. То, что Давид ждал меня среди ночи, не могло ни впечатлить. И чтобы немного себя отрезвить, я мысленно проговорила: «Я – впечатлительная дура», но это несколько не помогло. Я села в его машину и поспешила захлопнуть за собой дверь.

- Что, опять маньяк? – спросил Давид.

А я указала рукой за стекло. В свете фонарей на стоянке показались сестра со своим «старым» новым поклонником.

- А-а, - понимающе протянул Давид и хмыкнул. – Влюблённые под луной.

- Ты был бы таким же влюблённым, если бы прогулялся под луной с бывшей женой.

- Окстись, женщина.

- Скажи это моей сестре.

- Что, бывший?

- Причём муж.

Давид капризно выпятил нижнюю губу.

- Это странно.

- Я скажу больше: это очень, очень странно! Мы два года пытались от него отделаться, и вот тебе сюрприз. Чудовище возвращается.

- А он в каком плане чудовище? – заинтересовался Давид.

- В моральном, - ответила я. – И в материальном.

- Ясно. – Давид на меня посмотрел. – Женщины, вообще, создания меркантильные.

- А мужики – подлые изменщики, - не осталась я в долгу.

Вместо того, чтобы обидеться или вступить в полемику, Давид разулыбался.

- Мне нравится тон нашего разговора. Думаю, нам нужно подойти к обсуждению более конкретно и детально, ты так не считаешь?

- В два часа ночи?

- В половине третьего. Отличное время для плодотворной дискуссии. Под хорошее вино.

Я не стала отвечать, отвернулась к окну, в надежде, что Давид в полумраке моей улыбки не разглядит. Да и что я могла ему ответить? Либо начать отказываться, говорить, что я совсем не такая, и просить отвезти меня домой. Либо согласиться, что выглядело бы неприлично. Поэтому я оставила выбор за мужчиной. Как поступают все мудрые женщины.

Даже не спросила, куда мы едем. Давид повернул ключ в замке зажигания, а я на пару секунд вжалась в спинку сидения, боясь, что Анька

меня всё же заметит в чужой машине, потому что, прежде чем сесть в такси, она принялась крутить головой по сторонам, явно не понимая, куда я делась.

Когда мы свернули на проспекте в противоположную сторону от моего дома и поехали в сторону набережной, я поняла, что Давид везёт меня к себе домой. Совершенно понятно для чего, но я ведь и раньше понимала, чем должен закончиться этот вечер, точнее, ночь. И сейчас делать большие удивлённые глаза глупо. И к тому же, я против не была. Напротив, я ждала развития наших отношений, и совсем не готова была думать о последствиях. По крайней мере, сейчас.

На этот раз въезжать в подземный гараж мы не стали, оставили машину на стоянке, и когда я захлопнула за собой дверь автомобиля, то огляделась. Вокруг дома кованый забор, а за ним ухоженный сквер, с аллеей и скамейками, а за подстриженным кустарником виднеется балюстрада набережной. Даже отсюда слышно, как плещется Волга. Совершенно особенные ощущения.

- Здесь жила бабушка моей школьной подруги, - неожиданно сказала я. Давид удивлённо вскинул брови.

- Серьёзно?

Я покачала головой, улыбнулась.

- Не в твоём доме. Здесь раньше были старые двухэтажные дома. Помнишь?

- Помню, конечно.

- И сквера не было. Были старые кособокие скамейки, а вон там гаражи. А мужики рядом в домино играли. И это всё казалось нормальным.

- А сейчас?

- Жизнь изменилась.

Давид обошёл машину, подступил ко мне. Приподнял мне пальцем подбородок, в глаза заглянул.

- У меня из окон потрясающий вид.

- Не сомневаюсь, - проговорила я, а про себя добавила, что у Давида Кравеца, вкупе с отражением в зеркале, всё в жизни должно быть потрясающим воображение.

Мы вошли в подъезд и поднялись на лифте на восьмой этаж. Оказавшись с Давидом в замкнутом пространстве, в кабине лифта, я, признаться, немного занервничала. Вроде всё ясно, понимаю, чего ждать – и жду! – но вдруг, откуда ни возьмись, вылезла юношеская неуверенность. Да Давид ещё, не стесняясь, меня разглядывал, и улыбался каким-то своим мыслям. Не хищно, не залихватски, но от его мягкой, загадочной улыбки

мне хотелось зажмуриться и сделать что-то по-девчачьи глупое.

И я это сделала, задала абсолютно дурацкий вопрос, он просто слетел с моего языка, как только я оказалась перед дверью квартиры Давида. Он достал ключи от квартиры, а я возьми и брякни:

- Ты один живёшь?

Он на меня посмотрел.

- А с кем, по-твоему?

От его насмешливого взгляда мне стало неудобно, я пожала плечами. Давид усмехнулся и меня успокоил:

- Живу один, не переживай. Няnek нет.

- Я же не об этом, - пробормотала я, а пока мужчина моей мечты отвернуться и занимался замком, я крепко зажмурилась. Всего на секунду, и легче мне совсем не стало.

- Прошу, - сказал он, первым переступая порог квартиры и включая свет.

Я сделала шаг. Тот самый шаг, после которого повернуть вспять трудно, практически невозможно.

- Проходи, осматривайся, - лёгким тоном продолжал Давид, проходя по комнатам и включая везде свет. – Теперь ты у меня в гостях.

- Я была плохой хозяйкой, - заметила я с оттенком недовольства на саму себя, а сама в этот момент решала трудную задачу – разуться мне в прихожей, или в кругу, в котором привык вращаться Давид Кравец, подобное считается смешным и плебейским. Судя по отсутствию ковров на полах в его квартире, и по тому, что он сам расхаживает по комнатам в уличной обуви, всё-таки не принято скидывать ботинки у порога и выдавать гостям поношенные тапочки. Да и, скорее всего, полы у него домработница драит. И я уже перестаю ей завидовать.

- Почему плохой?

- Угощала тебя растворимым кофе, - напомнила я.

- Ничего. На самом деле, я всеяден.

- Очень сильно сомневаюсь, - позволила я себе усомниться. Давид рассмеялся в ответ на это замечание.

- Подойди к окну, посмотри, - предложил он.

Я послушно направилась к большому окну в комнате, попутно стреляя глазами по сторонам, но стараясь делать это незаметно. Никаких тебе ковров, диванных подушек и милых сердцу безделушек. Что довольно странно для человека, настолько тесно связанного с антикварным бизнесом. Я, признаться, представляла себе камин с лепниной и старинную мебель в стиле рококо. Но в быту Давид оказался минималистом.

Я подошла к окну, задёрнутому лишь лёгкой, прозрачной тюлью, даже занавеской это назвать слов бы не хватило, лишь намёк. Я отвела её рукой и замерла, глядя на вид, что мне открылся. Звёздное небо над городом и лунная дорожка над Волгой. Вода едва заметно колыхается и серебрится, завораживая своим видом. А вдали освещённый яркими огнями мост через реку, и неровная линия силуэтов домов на другом берегу. Я смотрела, а потом свет в комнате погас, и всё, что я видела как бы в полумраке, приобрело особые формы и значение. Лунный свет стал ярче, а тени и отблески на воде будто ожили.

- Красиво? – спросил Давид где-то совсем рядом.

- Очень, - согласилась я.

- Очень красиво, - повторил он за мной и обнял.

Я на секунду задержала дыхание, прикрыла глаза, почувствовав его губы сначала на своей щеке, потом на шее. Его ладони легли на мою талию и сжали её, и я расслабилась в его руках. Потом сама повернулась к нему лицом и приподнялась на цыпочки. Мне очень хотелось повторить наш поцелуй. Я его неделю вспоминала, как бы не гнала от себя мысли о Давиде, его поцелуй снился мне.

- Мне нравится твой рот, - сказал он неожиданно, оторвавшись от моих губ. Голову поднял и теперь вглядывался в полумраке в моё лицо. Улыбнулся. – Он большой.

- Хочешь, я притворюсь, что ты первый мне об этом сказал?

Давид рассмеялся.

- Притворись. Мне будет приятно.

- Тогда мне тоже приятно, - смешливым тоном проговорила я. – Такой неожиданный и приятный комплимент.

Давид притянул меня теснее к себе, его ладони опустились на мои ягодицы и сжали их. А сам он выдохнул мне в губы.

- Похоже, ты не умеешь врать.

- Это плохо?

- Я ещё не разобрался.

Он приподнял меня от пола, снова поцеловал, и опустил на ноги.

- Пойдём, я покажу тебе квартиру.

Путешествие по квартире закончилось уже в следующей комнате, мы просто повалились на кровать, забыв включить свет, а в темноте я ничего не рассмотрела. Да мне и не интересно в тот момент было, какие обои у Давида в спальне. Он целовал меня, жадно, пылко, чем окончательно вскружил мне голову, я могла только отвечать на его поцелуи и, по возможности, помогать ему снимать с меня одежду. Вот проявись во мне в

этот момент внутренний голос, даже если бы это был бы голос тёти Наташи, который всегда производил на меня глубокое впечатление, я бы не обратила внимания. Никакие доводы разума в эту ночь на меня подействовать не могли, хотя я и подозревала, всерьёз подозревала, что совершаю ошибку. Связываюсь с человеком, который явно мне не пара. Который может подпортить впечатление о моей рассудительности и трезвости суждений на работе, а родственники (читай: Анька) повертят пальцем у виска, если узнают о наших отношениях. К тому же, у нас с ним, наверняка, нет никакого будущего. Но как же это мелко звучало и совершенно не могло произвести на меня впечатление, когда на меня производил впечатление лично Давид Кравец. Своими смелыми прикосновениями, глубокими поцелуями, запахом своего тела. Я растворилась в нём, я отвечала на лихорадочные поцелуи, гладила широкие плечи, и, ощущая особый трепет, проводила подушечками пальцев по его коже в особенных, интимных местах. Он вздрагивал, с его губ срывался стон, а мне хотелось улыбаться и застонать с ним в унисон. Я прижималась губами к его плечу и продолжала сладкую пытку. А потом в один момент Давид не выдержал, перевернул меня, вжал в постель, и я невольно ахнула, а после задержала дыхание, почувствовав проникновение. Мы оба замерли на пару секунд, Давид навис надо мной, чего-то ждал, или пытался рассмотреть в темноте, а, может, и прочувствовать, а я просто расслабилась. Наслаждалась каждым мгновением. И тихонько застонала, как только он шевельнулся. Обхватила его ногами покрепче, провела ладонью по спине. Подалась навстречу при первом же толчке. Давид, кажется, улыбнулся. Подхватил меня под спину, поддерживая, снова поцеловал. На этот раз поцелуй был откровенно хулиганским. Я же приподнялась, упёрлась рукой в кровать, откинула голову назад, со стоном облегчения и удовольствия принимая его каждый раз. Потом силы закончились, и я упала на постель, увлекая за собой Давида, обняла руками и ногами, подстраиваясь под его тело и движения, уткнулась носом в его висок. Я была нежна, податлива, и готова была понять и всё принять. Мне так давно хотелось почувствовать рядом с собой мужчину, уверенного, сильного, знающего. Хотелось пойти за ним и отдать себя всю без остатка. И, наконец, я этого дождалась, и готова была наслаждаться каждой минутой этой ночи.

В какой-то момент мои руки ослабли, соскользнули с плеч Давида, и я вытянулась на постели довольная, опустошённая и совершенно без сил. Давид упал рядом, одна рука легла поперёк моего живота, и от этого было приятно и жарко. Вообще, было невероятно жарко, кажется, даже воздух в

комнате раскалился. Я втягивала в себя густой, раскалённый воздух, и наслаждалась мыслью, что ничего ещё не закончилось, это лишь перерыв. А Давид рядом тяжело дышит и смеётся сквозь жаркий воздух и стучащее сердце.

- Это было круто, - сказал он.

Я похлопала его по руке.

- Кажется, это должна была сказать я.

Он снова рассмеялся.

- Опоздала. Нехорошо.

Я перевернулась на бок, положила голову на его плечо и довольно выдохнула. Пальцами пробежала по его груди, ощущая жёсткие волоски на ней.

- Пить хочу, - призналась я.

Давид с удовольствием потянулся, после чего на постели сел.

- Тоже буду радушным хозяином, и принесу тебе попить.

Он встал, а я опустила голову на согнутую в локте руку. Наблюдала за ним в полутьме. Как он встаёт, проходит по комнате, совершенно не стесняясь своей наготы. Хотя, чего ему стесняться? От одного взгляда на его тело, мне хотелось забыть о неге и ползти следом, протягивая к нему руки. Но я сдержалась, конечно, сдержалась, только посмеялась над своими постыдными мыслями и желаниями.

Я ненадолго осталась одна в комнате, лежала, глядя в потолок и прислушиваясь к своим ощущениям. Эмоции били через край. А потом вернулся Давид, с бутылкой вина и двумя бокалами.

- Я подумал, что пить воду было бы как-то банально.

- Правильно подумал. – Я приподнялась, прислонилась спиной к спинке кровати, держала бокалы, а Давид разливал вино. Я сразу сделала глоток, большой и жадный. Что ж, в винах я разбираюсь плохо, и ждать от меня перекачивания на языке изысканного напитка, в желании обсудить букет, явно бессмысленно.

Бутылка оказалась на полу, Давид растянулся на постели, у меня в ногах, потягивал вино и на меня поглядывал. Потом погладил по голой ноге.

- Стойкое ощущение, что у тебя давно никого не было.

Я в задумчивости хмыкнула. Со смешком переспросила:

- Очень давно?

- Ты мне и скажи.

Я сделала ещё глоток вина. Вытянула ногу, коснулась ею плеча Давида. После чего призналась:

- У меня тоже такое ощущение.

- Прозвучало ещё более загадочно.

- В Питере у меня был жених, - сказала я, решив не раздумывать о том, стоит ли с Давидом откровенничать. Просто хотелось поделиться с ним чем-то личным, пусть обидой и разочарованием. – Мы почти три года вместе жили, пожениться собирались. Но так и не поженились.

- Ты сбежала от него в провинцию?

Я вздохнула.

- Как ни прискорбно это признавать, но это он от меня сбежал. Точнее, бросил. За месяц до свадьбы.

- Что так?

- Знаешь, ещё месяц назад я бы сказала, что он идиот, гад и маменькин сынок. Но сейчас мне кажется, что он раньше меня понял, что всё между нами закончилось. А, может, и не было толком ничего. И брак сделал бы нас обоих несчастными.

- То есть, он всё это понял, а ты нет? Обычно женщины это понимают куда быстрее.

- Не буду спорить. Подозреваю, что это быстрее всех поняла его мама. К тому же, она меня всегда недолюбливала. Не хотела она невесту из провинции.

- Ах вот оно что!

Я слегка пихнула Давида ногой в плечо.

- Перестань! Это снобизм, он никого не красит.

Давид рассмеялся, после чего заверил:

- Я и не спорю. Гадкая женщина. Тебе повезло, что она не стала твоей свекровью.

- Вот с этим я соглашусь безоговорочно. – Я сделала ещё глоток вина, призадумалась. – Но, наверное, всё, на самом деле, давно закончилось. Раз я и вспомнить не могу, когда у нас с Мишкой был нормальный секс. В последний год всё стало скучно и предсказуемо.

- Сложно поверить, что с тобой может быть скучно. – Он поймал губами большой палец моей ноги, и я рассмеялась, но ногу не отдернула.

- Ты меня плохо знаешь, - весело проговорила я. – Я почти год была домохозяйкой со всеми вытекающими. Борщи, котлеты, фартук с оборками!..

- И запланированный секс по субботам, - подсказал Давид.

- По вторникам, - поправила я его. – Выходные мы обычно проводили на даче Мишиных родителей, а там с сексом было туго. Я всё удивлялась, как он у них появился, наверное, случайно. Но при его маме даже

намекнуть на что-то подобное считалось верхом неприличия, не то, что заняться сексом, когда родители спят через стенку.

- Как ты умудрилась за такого замуж выйти?

- Я и не вышла. Он меня бросил, забыл?

- Ты с ним жила столько времени, это всё равно, что быть замужем. Рассказываешь мне странные вещи.

Я пожала плечами.

- Не знаю. Когда мы познакомились, Миша мне понравился. Не сразу, - добавила я, даже пальцем в потолок ткнула, - но потом понравился. Он был такой серьёзный, такой воспитанный, правильный. У него был, то есть, и есть план на жизнь. И без работы никогда не сидел, не приучен. С ним всегда было надёжно, понимаешь? У него есть определённое видение жизни, весьма заманчивое для женщины, и мне в какой-то момент очень захотелось в него вписаться. Стать такой, какой он хотел меня видеть. Ему под стать, что ли. Ведь если он такой правильный и воспитанный, а я рядом с ним, значит, и я такая. Я даже с работы уволилась, когда стало понятно, что дело к свадьбе идёт. Потому что он считал, что так правильно. Он хотел обеспечивать семью. Разве это не фантастика в наше время?

- И что?

- Ничего, - пробормотала я, прижав бокал с остатками к губам. – По всей видимости, я где-то ошиблась, и экзамен не прошла. Мне дали отставку.

- Жалеешь?

Я отдала Давиду пустой бокал, а сама спокойно покачала головой.

- Как ни странно, нет. Я только сейчас понимаю, насколько мне было скучно. С ним и, вообще, соответствовать его стереотипам. Я без конца выбивалась из образа, чем его злила и разочаровывала. А я, оказывается, разочаровалась в нём давным-давно. Просто мне замуж хотелось, именно за него, потому что он вложил мне в голову правильность этого поступка. Это был финиш с красной ленточкой, понимаешь? Добежать, а что дальше – не ясно. – Давид внимательно меня слушал, а я вдруг рассмеялась. Над его внимательностью, над своей серьёзностью и даже долей трагичности. – И тот факт, что я сейчас в твоей постели, голая, и всё это тебе рассказываю, говорит о том, что всё к лучшему. Я не жалею. А ты?

- Я? – Он вроде бы удивился.

Я кивнула, подтолкнула его к развитию темы:

- Что развёлся, не жалеешь?

Давид головой мотнул, как большой, дворовый пёс, и полез ко мне. Поцеловал в живот, в грудь, и, наконец, добрался до губ.

- Не хочу об этом говорить, - сказал он, добавив в голос мёда. – Есть занятие куда интереснее, и предлагаю продолжить на том, на чём остановились.

Я положила ладони на его щёки, на поцелуй ответила, но ничего не могла поделать с собой, меня царапнуло его такое явное нежелание обсуждать бывшую жену. И как назло перед глазами встал образ Алины Потаповой, во всей её прекрасности и красоте, и пришлось отгонять его от себя, сосредоточившись на удовольствиях и её бывшем муже, что эту ночь проводил в моих объятиях.

А мои объятия жаркие и крепкие. Чтоб все знали и никто в этом не сомневался.

Наверное, всё самое важное так и случается – неожиданно. Ты живёшь своей размеренной жизнью, что-то планируешь, что-то себе обещаешь, выполнить и не забыть, взять и поменять что-то в своей жизни, а потом случается нежданное, и твоя обычная, размеренная жизнь, заботы и даже привычки, незаметно отходят на второй план. А то и вовсе ускользают от твоего внимания. И мне почему-то казалось, что с женщинами это происходит гораздо чаще. Мы влюбляемся, бывает, по щелчку пальцев. И далеко не всегда в подходящего человека. Мужчины, они более практичны, и к отношениям относятся продуманно. Они трезвы в своих желаниях, их не лихорадит в ожидании телефонного звонка или от признания, оброненного вскользь. Если я ошибаюсь, то мне, скорее всего, не везло, и я настолько чувствительных особей противоположного пола в своей жизни не повстречала.

Давид был ярким представителем первой категории. Он быстро переключался, из пылкого любовника превращался в занятого предпринимателя, а мне оставалось только ждать, когда у него снова появится время на меня. Ругала себя за то, что жду, за то, что переживаю, но я, кажется, по-настоящему влюбилась, впервые за много лет. Подобных эмоций не могла припомнить за собой с юности. Вот как тут не помянуть добрым словом Стёпку Морозова? Помню, его я тоже ждала, переживала, рыдала в подушку и без конца требовала от него признаний и проявления ответных чувств. И чтобы проявлял он их наглядно, чтобы я видела и понимала дословно, без всяких неуклюжих намёков.

Конечно, с тех пор прошло много лет, я повзрослела, слава богу, больше себя так не веду. Понимаю, что нельзя. Но, если честно, я и подумать не могла, что юношеская пылкость вернётся в мою душу. И теперь не знала, что с ней делать, а, главное, куда её спрятать понадежнее, в какой уголок души, чтобы Давида попросту не спугнуть. О его отношении ко мне, говорить было слишком рано, хотя и очень хотелось.

Мы проводили вместе время, к сожалению, не слишком много было этого времени. Давид часто бывал в отъезде, и порой забывал мне об этом сообщить. Я ждала звонков, ждала, что он появится, а он мог пропасть на несколько дней, а затем объявиться и сильно удивиться моим словам о его пропаже. Он же только легко пожимал плечами.

- Я был занят, - говорил он. Потом улыбался и говорил: - Но я о тебе

думал.

И я, как влюблённая дурочка, таяла от этих слов. И тут же забывала свои переживания, даже негодование по поводу того, что он совсем обо мне не думает, приходила к мысли, что эгоистка это я, а любимый мужчина много работает. И у нас мгновенно всё налаживалось. Хотя, Давид, скорее всего, даже не догадывался, что за три недели, что мы с ним встречались, у нас с ним что-то налаживалось, и уже не единожды. Для него все мои претензии и недовольства были непонятны и смешны. Глупые женские мысли.

Но из-за частых отлучек Давида, мне даже не приходилось особо напрягаться и врать Аньке, прятаться от неё. Сестра, конечно, замечала, что со мной что-то не так, приглядывалась, прислушивалась к моим телефонным разговорам, даже уличить меня попробовала, но так как фактов у неё никаких не было, ей каждый раз приходилось отступить. А я молчала, как партизан.

Но, если честно, не совсем понимала почему. Согласна, я переживала из-за работы. Но я же не с Петровичем собиралась откровенничать, а с сестрой, ближе человека у меня, наверное, и нет. И мне так хотелось поделиться, обсудить, проговорить все свои сомнения и дурацкие мечты, но меня каждый раз что-то останавливало. Какой-то внутренний ступор. Не покидало ощущение, что даже Анька не поймёт. Давид Кравец был одним из любимых клиентов «Алмаза». Всегда мил, улыбчив, щедр. Все девчонки без исключения его обожали, и с удовольствием сплетничали о нём в раздевалке, даже хихикали, обсуждая, как он на кого посмотрел, а кому улыбнулся по-особенному. Но всё это было не больше, чем словами. Потому что, работая в «Алмазе», повторюсь ещё раз, своё место в жизни ощущаешь, как нигде. Для посетителей ты всего лишь обслуживающий персонал, как бы ты ни выглядела, как бы белозубо не улыбалась, и какие бы брошки на форменную блузку не прикалывала. Поэтому мне вряд ли бы кто позавидовал или сказал, что я молодец. Скорее бы тревожно нахмурились. И Анька сделала бы это первой, а после проела бы мне всю плешь. Рассказывала бы мне, какая я дура, каждый день. А я и сама это знала, просто верить в это не хотелось.

То есть, не совсем так: хотелось верить в чудо. Вот в то самое, про настоящую любовь.

Но пока чудо где-то задерживалось, и поэтому я ждала, верила, а когда Давид всё же появлялся в ресторане, старалась улыбаться ему отстранённо и профессионально, пытаюсь не думать, что за женщина сидит с ним за столом во время ужина и с кем он говорит по телефону среди ночи. Всё это

меня как бы не касалось. Давид же вёл себя свободно, легко, в общем, как всегда. И даже рассказывал о своих делах, встречах, в том числе и о деловых ужинах, с теми самыми дамами. И когда я его слушала, мне становилось легче. А мои подозрения и просыпающаяся ревность сразу казались глупыми, моими большими фантазиями от неуверенности. Ведь если он со мной делится подробностями и планами, значит ему нечего скрывать.

И, вообще, у него нет причины что-то скрывать от меня, а я, по дурацкой женской манере, после трёх недель общения, уже раздумываю, где мы шкаф ставить будем. Борюсь с собой, но всё равно строю какие-то планы.

А какие планы, если он обычно появлялся среди ночи, а утром, как-то незаметно, когда я ещё не успевала опомниться, уже исчезал, ссылаясь на важные дела. Я не спорила, верила, что дел у него много, и все они, непременно, важные, но он уезжал и забывал обо мне, порой на несколько дней, и это выводило из себя. И он даже не извинялся за то, что забывал позвонить. Вот как сегодня. И вчера. Давид снова пропал на несколько дней, и я без конца об этом думала. Странно, я днём попыталась вспомнить, о чём же я думала, пока в моей жизни не возник Давид Кравец, и получалось, что о всякой ерунде. Об обеде, усталости, брошке и зарплате, которую никак не могла дождаться. И ещё о куче подобных мелочей. А тут мелочей в моей жизни поубавилось, ведь в ней появился ОН, и всё собой затмил.

Самой смешно. А вы ещё удивляетесь, почему я Аньке ничего не рассказываю. Потому что она не пальцем у виска повертит, она мне по башке настучит.

- Лидия, в каких облаках ты без конца летаешь? – Озерский с крайне заинтересованным видом листал книгу заказов, уже несколько минут просматривал записи, и я, признаться, успела отвлечься и позабыть о его присутствии. И когда Петрович обратился ко мне, без строгости в голосе, скорее, в раздумьях о моём странном поведении, я не сразу сообразила, что это он мне, и пора возвращаться на грешную землю. Вспомнить, что я на зарплате.

Я выпрямилась, скромно улыбнулась.

- Я девушка мечтательная, Николай Петрович.

- Так не весна вроде. Если с тобой к осени такое приключается, боюсь подумать, что нас через полгода ждёт.

- Всё будет хорошо, - заверила я его. – Обычно мои мечты далеко не заводят. Растворяются в реале куда быстрее.

- Ты ещё и пофилософствовать решила. Совсем плохо дело.

Я заставила себя встряхнуться, а на начальника взглянула с укором.

- Перестаньте надо мной посмеиваться. Я же не специально. Натура у меня такая.

- Натура у неё такая, - фыркнул Озёрский. – Ты своей натурой не особо крути, и тогда в философию ударяться не придётся. Нервы целее будут.

Я потёрла кончик носа, и пришла к неожиданной мысли.

- А ведь вы правы, Николай Петрович.

- Конечно, прав, - спокойно согласился Озерский. Достал из кармана платок и промокнул лоб. На меня посмотрел. – Я всегда прав.

Он пошёл от меня прочь, а я, не смотря на его правоту, что я искренне признала, показала ему вслед язык. Если ты всегда прав, это ведь не значит, что нужно этим без конца козырять. Другим-то неприятно, и даже обидно.

- Что тебе сегодня Петрович сказал? – любопытствовала Анька, когда мы вышли из ресторана после работы. Я вышла, каблуки привычно застучали по асфальту, отдаваясь эхом в дворе-колодце. Я, как оказалось, привыкла к этому за два месяца работы, к этому звуку, к этому зданию, ощущениям и ночному небу над головой, когда после вечерней суеты и электрического света хрустальных люстр, ты выходишь в ночную прохладу, и чётко понимаешь, что ещё один день прошёл. Я только отсчитывала дни, а всё остальное перестала замечать, а вот сегодня вышла, и помимо привычного, обнаружила под ногами жёлтые кленовые листья. В первый момент, это сбило с толка. Я смотрела на них, но вопрос сестры слышала.

- Ты видела?

- Как ты ему язык показала? О да. Надеюсь, он не станет запись с камер просматривать, - хихикнула Анька.

- Про камеры я не подумала.

- Так что он сказал?

- Жизни учил. Как всегда. Говорит, я невнимательная.

Анька окончательно развеселилась.

- К нему?

- Дура, - отругала я её за неуместные фантазии. – К жизни.

- А-а. – Сестра с умным видом покивала, но затем всё равно рассмеялась.

Я поддела носом туфли кленовый лист.

- Ань, осень наступает.

- Конечно, наступает. Раз бабье лето на носу.

Мы в молчании шли к стоянке такси, а я старалась не думать о том, что

меня там никто не ждёт. Чтобы в очередной раз не расстраиваться. Но, конечно же, расстроилась, кольнуло где-то в груди, но я даже вздохнуть себе не позволила. Села вместе с сестрой в такси, и только кивала, когда она принялась жаловаться мне на усталость.

- В отпуск хочу. И на море.

- Скажи об этом Витьке, - посоветовала я.

А Анька лишь головой качнула.

- Ему сейчас нельзя уезжать. У него бизнес.

Вот после такого заявления я, признаться, даже позабыла обо всех своих печалях, голову повернула и на Аньку уставилась. Честно сказать, ждала, что она после своего серьёзного тона рассмеётся. Но сестра молчала и с серьёзным лицом смотрела в окно.

- Ты сейчас пошутила? – всё же решила выяснить я.

Анька глянула на меня, моргнула. Снова качнула головой.

- Нет. – И тут же как-то по-особенному воодушевилась. – Представляешь, у него на самом деле что-то там закрутилось. Какие-то поставки, заказы. Я сама долго не верила. – Она даже ладонь к груди прижала, будто клялась мне в чём-то. Я же на неё смотрела и думала о том, что со мной всё ещё не так плохо. Лучше сомневаться, чем слепо верить. Особенно в такого, как Витька.

Я тоже отвернулась к окну, но молчала всего пару секунд, мне даже раздумывать особо не о чем было, только посетовать.

- Ты снова позволяешь ему втянуть себя в этот омут.

- Какой ещё омут? – попробовала сестра возмутиться, а я твёрдым голосом пояснила:

- В омут его многочисленной родни. И я совсем не удивлюсь, если узнаю, что ты снова звонишь его маме. Или ты и не переставала?

- Лида, будет тебе, - отмахнулась от меня Анька, но сделала она это настолько поспешно, что я поняла – попала в точку.

- Я так и знала, - кивнула я.

А Анька обиженно надулась, отвернулась от меня, некоторое время мы молчали, а потом она сказала:

- Мы с ним не чужие люди. У нас семья... была. Какая ни есть, а семья. Я столько сил в него вложила... Тебе не понять.

Я в досаде всплеснула руками.

- Конечно, мне не понять!

- Это ты принца ждёшь, - неожиданно выдала Анька, правда, шёпотом, придвинувшись ко мне, чтобы водитель не слышал. Но дело было совсем не в незнакомом таксисте, дело было как раз в её словах. – А я так не могу.

- Да никого я не жду, - обиделась я. Машина очень кстати подъехала к дому сестры, та махнула мне рукой на прощание, и, не сказав ни слова, из автомобиля вышла. А я осталась на заднем сидении одна. Прижалась виском к прохладному стеклу, и так ехала до своего дома, глядя на мелькающие за стеклом огни. Пыталась разобраться, почему слова о принце так меня задели, но понять так и не смогла.

Принц, как ни странно, поджидал меня на скамейке у подъезда. Удивительно было видеть Давида Кравеца на том месте, на котором днём соседки-пенсионерки любили отдыхать. А он сидел, уперевшись локтями в колени, и ждал меня. Поднялся, увидев, улыбнулся, но как-то устало. И спросил:

- Ты чего так долго?

Я шагнула к нему от такси, чувствуя, что сердце сжимается до неприятного сладко и томительно, недопустимо. Подошла и обняла, спрятав лицо у него на груди.

- Ты где был?

Давид немного растерялся от моего поведения, но уже спустя секунду его руки поднялись, и он меня обнял. Губы коснулись моего затылка.

- Я работал, - сказал он.

А я кивнула. Признаться, в эту секунду мне было совершенно всё равно, где и с кем он был, главное, что приехал ко мне.

Я взяла его за руку.

- Пойдём. Будем отдыхать.

- Ты устала?

- А ты? – ответила я вопросом на вопрос. Вроде невинно, но ответа ждала с нетерпением.

- Если считать с московскими пробками, почти десять часов за рулём.

- Ты был в Москве? – удивилась я.

- Дела были, - привычно отозвался Давид. Забрал у меня ключи от квартиры, и сам открыл дверь.

Это было так здорово, приходиться с ним домой. Особенно, когда Давид захлопывал дверь, и сразу прижимал меня к стене в темноте прихожей, чтобы поцеловать. Когда он оторвался от моих губ, я приподнялась на цыпочки, и словно вытянулась вдоль его тела, впитывая каждой клеточкой его близкое присутствие. Потёрлась носом о его шею, вдохнула знакомый аромат одеколона, по которому так скучала в последние дни.

- Я скучала, - призналась я. Ведь в таком признании нет ничего катастрофического, правда? Я же не в любви признаюсь. В шутку пихнула его в бок, решила пожурить. – Хотя, мог бы и позвонить.

- Мог бы, - легко согласился Давид. Отпустил меня, перед этим шлёпнув меня по ягодицам ладонью. Зажёгся свет, и я заморгала. – Но не позвонил.

- Не позвонил, - подтвердила я, наблюдая за тем, как Давид, потягиваясь, проходит на кухню.

- Лид, а еда есть?

- Еда, по обыкновению, в холодильнике.

Я скинула туфли с ног, слыша, как Давид на кухне хлопает дверцей холодильника. В моём доме он, кажется, обосновался. В его квартире после первой ночи мы больше не были. Зато ко мне домой Давид мог заявиться в любое время суток. Не то что бы я возражала, совсем нет, но время от времени меня посещала мысль, что к себе он меня больше не приглашает.

Я зашла на кухню, забрала у него кастрюлю с холодным супом.

- Давай погрею, - предложила я. – Но это странно, есть суп в три часа ночи.

- Плевать. Есть хочу.

- Как Москва? – задала я якобы невинный вопрос. На самом деле, мне очень хотелось знать, что же он там такое делал, что у него не нашлось времени, а, главное, желания, мне позвонить.

- Стоит Москва, куда ей деться. – Давид сел у окна, вытянул длинные ноги, а на меня кинул задорный взгляд. – Хочешь, покажу кое-что интересное?

- Конечно. – Я повернулась к нему. – Что-то купил?

- Можно и так сказать. – Он полез в карман, вытащил оттуда перстень. Массивный, тёмный, с кроваво-красным камнем.

Я перстень взяла, повертела в руках, разглядывая. Даже взвесила на ладони.

- Тяжёлый, - сказала я, наконец. – И старый.

Давид отобрал у меня украшение, головой мотнул и пожаловался вполголоса:

- Ты ничего не понимаешь.

Я фыркнула.

- Чего тут понимать? Кольцо и кольцо. Ну, старое.

- Это перстень с очень интересной историей. По легенде...

- Ах, там ещё легенда есть!..

- Ты слушаешь или нет?

- Слушаю, - согласилась я, и остановилась перед ним, сложив руки на груди.

- Так вот, по легенде Екатерина подарила его графу Орлову. Так

сказать, в знак своей огромной привязанности. Видишь вензель? Первая буква её имени. А с другой стороны буква его имени.

Я присмотрелась, всерьёз заинтересовавшись.

- Значит, он дорогой?

- Если всё подтвердится. Но дело не в цене.

- А в чём?

- В истине. Представляешь, каково быть обладателем подобной ценности? Говорят, Григорий Орлов подарком весьма дорожил, вот только не уберёг. Спустя какие-то месяцы перстень был утерян. А, может быть, банальным образом украден. Что, как я думаю, сильно опечалило влюблённого графа и императрицу.

- А вот я так не думаю.

- Почему?

- Потому что, скорее всего, ему подарили другой перстень. Чтобы он не печалился и не думал о мелочах. И как ты докажешь, что это тот самый, утерянный, с пальца Орлова, я не представляю.

Давид хмыкнул, кинул на меня быстрый взгляд, после чего тоже на перстень уставился, поглядел камень на свет. Хитро проговорил:

- А к чему мне доказывать, что это тот перстень всем вокруг? Мне нужно доказать это лишь одному человеку. Который его купит.

- Фу, как пошло, - заявила я, махнула на ухмыляющегося Давида рукой и вернулась к плите, чтобы выключить суп. – Откуда ты вообще знаешь, что Орлов когда-то перстень потерял?

- Есть записи его камердинера. Тот был человеком весьма основательным, и вёл буквально летопись происходящего. И там есть упоминание о перстне с драгоценным рубином, огранённым особым образом, и оправленным в червонное золото, с вензелями в знак любви двух знатных особ.

- И у тебя есть эти записи?

- У деда есть.

- То есть, доказательство.

- Конечно.

Я головой качнула.

- Умно.

Давид прищурился, глядя на меня.

- Лидия, не подрывай мою веру в отсутствие у женщин логики в принципе. А то мне жить будет страшно.

Я поставила перед ним тарелку.

- Ешь. Авантюрист.

Давид взял ложку, начал есть, а я за ним наблюдала. Потом решила поинтересоваться ради своего спокойствия:

- Но ты ведь не собираешься его никому продавать?

Он поднял голову, посмотрел на меня, совершенно невинно.

- Нет, конечно. Деду подарю. Комплектом к записям.

Я секунду раздумывала, верить ему или нет, обдумывала интонации, но Давид ни чем себя не выдал, и я, в конце концов, кивнула.

- Хорошо.

- Суп вкусный.

- Спасибо, - продолжая пребывать в задумчивости, проговорила я. Потрепала Давида по волосам и из кухни вышла.

Вскоре я выбросила из головы все мысли об утерянных перстнях, об императрицах и их фаворитах. Меня куда больше интересовал мой любимый мужчина, а не чужой. Которого я не видела долгие четыре дня, а он, видите ли, находился в поисках утерянного сокровища. Это, конечно, романтично, но я бы предпочла видеть его каждый день, пусть и без драгоценных рубинов в кармане. Пришлось продемонстрировать ему, насколько я соскучилась, в полной мере. Давид моему пылу удивился, а потом рассмеялся, решив, что меня настолько заводят тайны и драгоценности. Я спорить не стала. Пусть, до поры до времени, думает именно так.

Уснули под утро. И мне снилось что-то беспокойное и, без сомнения, величественное. Дворцы, камердинеры, а ещё псарня. Худые русские борзые носились по полю, лаяли, и не давали мне уловить суть сна. Кого я искала, и кого хотела найти. Наверное, графа Орлова. Правда, мне всегда было любопытно, чем он сразил в самое сердце великую императрицу Екатерину.

Разбудил меня телефон. Из невероятного сна я вырвалась, но глаза до последнего открывать не хотела. И когда проснулась настолько, чтобы осознанно сформулировать мысль, решила, что звонят совсем не мне, а вселенски занятому разными важными делами Давиду. Но нет, мелодия играла слишком знакомая, и глаза пришлось открыть, а рукой пытаться нащупать телефон на тумбочке. Чувствовала рядом Давида, он спокойно спал, даже похрапывал, звонящий телефон его совсем не беспокоил. А я в досаде ткнула пальцем по экрану.

- Что? Кто это? – недовольно проговорила я, намеренно понизив голос.

- Это Полина.

- Кто?

- Полина, - нараспев повторили в трубке, и несдержанно пояснили: -

Сестра твоя. Вроде как.

Я упала обратно на подушку.

- Господи, что тебе нужно?

- Ты ещё спишь? Время час дня.

- А ничего, что я до двух ночи работаю? – съязвила я и поторопила: -
Что ты хочешь?

- Дверь мне открой. У тебя звонок не работает.

- Какой звонок?.. – начала я, и уже в следующую секунду окончательно проснулась и мысленно ругнулась. Названная сестрёнка в своём репертуаре, снова явилась на порог тогда, когда сама сочла нужным. Я посмотрела на спящего Давида, потом на постели села, откинула одеяло. –
Иду.

На ходу сунула руки в рукава халата, а оказавшись в прихожей, первым делом посмотрела на себя в зеркало. Пригладила рукой растрепавшиеся волосы. И после этого уже шагнула к двери.

Полина смотрела на меня с привычным упрёком, я, вообще, с трудом могу припомнить её довольной хоть чем-то. Даже когда у этой красавицы всё хорошо, она с лёгкостью найдёт повод, к чему придраться. А уж наши с ней отношения и вовсе тёплыми назвать нельзя. И тем более странно увидеть её на своём пороге. Явно ей что-то нужно.

- У тебя звонок не работает, - повторила она свою претензию, и ткнула в кнопку тонким пальчиком с идеальным маникюром.

- Он мне не нужен. Ко мне гости не ходят, - ответила я, отступила в сторонку, позволяя ей войти в квартиру. Но чтобы не показаться чересчур радушной, тут же поинтересовалась: - Тебе что-то нужно?

Полина понимающе усмехнулась, но, исходя из того, что скинула с ног туфли и нацелилась проследовать в комнату, так сразу уходить не собиралась.

- Какая ты подозрительная. Я, может, поболтать. По-родственному.

Я хмыкнула.

- Интересно.

Полина присела на подлокотник дивана, на меня посмотрела, с превосходством и насмешкой. Вот именно за такие взгляды я Полину и не любила. Да и не только я, что скрывать.

- Ладно, не напрягайся. Мама попросила тебе квитанции принести. За прошлый месяц. Женька же здесь больше не живёт, а они ему на электронку приходят. – Полина достала из модной сумочки бумажки и протянула мне. Я покрутила их в руках, вздохнула.

- Конечно, чего ещё хорошего ожидать от любимой семьи поутру.

- Уже не утро. Кофе предложишь?
- Кофе портит цвет лица. Не слышала? Я стараюсь его не пить.
- Тогда чай.

Я кивнула, соглашаясь. Отправилась на кухню, Полина следом. Ей явно от меня что-то было нужно.

- Как отец? – спросила я.
- Хорошо. Что ему будет?
- Ты добрая.

- А что у него плохого случиться может? Одет, обут, накормлен. С внуками возится. Просил привет тебе передать.

Я кивнула. Убийственная семейная идиллия.

- А у тебя какие новости?

- А какие тебя интересуют? – Я поставила перед ней чашку, подумала про печенье в холодильнике, но знала, что сестре его предлагать бесполезно. Мучное и сладкое Поинка признала «рыхлой смертью» ещё в возрасте тринадцати лет. А я с тех пор ей врала, что тоже не притрагиваюсь ни к чему вредному. Правда, мне силы воли не хватало, я порой себя баловала, а после ругала. Ругань помогала мало. А вот сестра у меня кремень. Наверное, уже и забыла какой на вкус пряник. А в детстве мы их очень любили.

- Все. Что нового, как работа.

- Работа? – переспросила я, насторожившись. Руку в бок упёрла, глядя на Полину сверху, но быстро опомнилась, присела за стол напротив неё, и подула на горячий чай в своей чашке. – Хорошо работа, мне нравится. Интересно. А ты почему спрашиваешь? Тебе работа нужна?

Полина глаза на меня вытаращила, совершенно не скрывая своего изумления.

- Мне? У меня пока всё не так плохо. Я бы даже сказала, что наоборот, хорошо.

- Конечно, - согласилась я. – Работать тебе ни к чему.
- Николаша запрещает.
- Николаша? Этот тот мужчина? Полина, сколько ему? Пятьдесят?
- Какая разница? Главное, что он меня любит. И заботится обо мне.
- То есть, содержит?
- Слушай, тебе завидно?
- Интересно. Откуда такие дураки берутся. Да ещё в таком возрасте. –

Я засмеялась.

А Полина снисходительно проговорила:

- Дура ты. Была бы умнее, давно бы устроилась в своём Питере. Там

мужиков куда больше.

- Ты бы устроилась, - не усомнилась я. – Удивляюсь, как ты ещё в столицу не срулила. Нашла бы там себе миллионера.

- Там конкуренция больше.

- Ах, вот в чём дело. Всё же критически оцениваешь свои шансы.

- Не надейся.

Я на неё посмотрела, отбросив всяческое веселье. Спросила в лоб:

- Что тебе нужно?

Полина отбросила притворство, и призналась:

- Небольшая услуга.

- Уже боюсь.

- Перестань ёрничать. Я же серьёзно. Думаешь, мне нравится сидеть здесь и просить?

- Ты права. Не припомню за тобой подобного.

Полина независимо повела плечами, откинула назад длинные волосы. Надо признать, что волосы у неё были шикарные. Ухоженные, блестящие, волосок к волоску. По всей видимости, некий Николаша, на самом деле, денег на любимую не жалел.

- Николаша занимается бизнесом.

Я поморщилась. Одни бизнесмены кругом, куда не ткни. Куда делись слесаря и электрики? В природе не может существовать столько предприимчивости разом, это противоречит процессу эволюции.

- Ты можешь не называть его этим дурацким именем? Он взрослый мужик.

- Хочешь, чтобы я называла его Николаем Ивановичем?

- Так лучше, - согласилась я. – А то я чувствую себя неловко. Участницей ваших любовных игр.

- Ради Бога. Так вот, он занимается бизнесом. У него три теплохода.

- Серьёзно?

Полина важно кивнула.

- Последний он приобрёл совсем недавно.

- Очень за вас обоих рада.

- Ты дашь мне договорить?

Я буквально заставила себя промолчать, сделала большой глоток чая.

- Так вот, он собирается открыть на будущий год новое направление на туры выходного дня. И к нему приезжают потенциальные партнёры из Москвы.

- Это он учил тебя так говорить?

- Лида, мне давно не пятнадцать. Чтобы вращаться в определённых

кругах, деловых, нужно заниматься самообразованием. Что я и делаю.

- А-а. И что с партнёрами?

Полина очень аккуратно пристроила локоток на крае стола.

- Нужен столик в «Алмазе» на пятницу. На вечер.

Я едва чаем не подавилась.

- На пятницу? Ты с ума сошла? На вечер пятницы столы бронируют за месяц.

- Ну, Лидочка, я же знаю, что там есть постоянные брони! – Полина молитвенно сложила руки, но я верить в искренность её мольбы не торопилась. – А некоторые не приходят.

- И что ты мне предлагаешь сделать? Позвонить мэру и поинтересоваться, собирается ли он поужинать в ресторане или в эту пятницу его устроят и котлеты жены?

- Сделай что-нибудь! Ну, пожалуйста! Николаше это очень надо. А мне ещё больше!

Я кивнула, кинула на сестру ехидный взгляд.

- Чтобы твой Николаша произвёл впечатление на московских гостей, а потом на тебя счётом на своей банковской карте!

- Я, как умная женщина, во всём поддерживаю своего мужчину. Стараюсь помочь.

- Полина, ты что, замуж за него собираешься?

- А почему нет?

- Он же старый! А тебе только двадцать пять.

- Ты ничего не понимаешь! – привычно и знакомо повысила она голос.

Я в ответ только руками всплеснула.

- У него наверняка есть жена и дети твоего возраста.

- Это всё в прошлом!

Я подпёрла подбородок рукой, печально на неё взглянула.

- Я уже вижу тебя всю в чёрном на оглашении завещания.

- Дура ты, - снова возмутилась сводная сестра.

Я уже готова была подняться со стула и отвесить сестре подзатыльник, как нередко поступала в юности в ответ на её ехидство и насмешки. Не посмотрела бы ни на её возраст, ни на причёску волосок к волоску, но в этот момент заметила в коридоре Давида. Он стоял, привалившись плечом к стене и посмеивался. Явно успел услышать многое из нашего разговора. Он был небрит, встрёпан, с тёплым после сна взглядом, и он был великолепен. Я на мгновение даже забыла о сестре, о её требованиях помочь, и о том, что я, кажется, в третий раз за утро оказалась, по её словам, дурой.

- Нехорошо подслушивать женские разговоры, - сказала я ему, а Давид ухмыльнулся шире.

- Обожаю женские разговоры. Узнаёшь столько нового.

Полина повернулась на звук мужского голоса и на несколько секунд застыла, разглядывая гостя в моём доме. А я, признаюсь, наблюдая за ней в этот момент, ехидно подумала: сама дура. Потом напредила себе, что она всё же моя младшая сестра. И сообщила об этом Давиду. Тот на кухню вошёл, приглядываясь насмешливо. А Полина приподнялась со стула, протянула ему свою тонкую, изящную ручку для знакомства.

- Полина.

- Очень приятно, - с улыбкой гусара, заявил он. – Давид.

Я пнула этого гусара по лодыжке. Тот моргнул, сделал удивлённые глаза и невинно заявил:

- Вы совсем не похожи.

- К нашему обоюдному удовольствию, - сообщила я. Посмотрела на сестру, и мне захотелось пнуть и её, чтобы перестала глазеть на чужих мужиков. И ладно бы глазеть, а то нагло строила глазки мужчине, с которым познакомилась минуту назад. Я ей даже напредила: - Думай о Николаше.

Полина перевела на меня недовольный взгляд.

Давид тоже хохотнул, взял мою чашку и отхлебнул остывшего чая.

- Тебе кофе сделать? – спохватилась я.

Он головой мотнул.

- Нет, поеду. Меня дед ждёт. – Я вскочила зачем-то, а он поцеловал меня в щёку. – Я позвоню позже. – На Полину посмотрел, смерил ту изучающим взглядом. После чего сказал мне: - А девочке отдай мой стол, влюблённым надо помогать. Нам это где-нибудь зачтётся. А меня в пятницу всё равно не будет.

Мне захотелось в досаде ногой топнуть, но я вместо этого пошла за ним в прихожую.

- Опять собрался уезжать?

- Скорее всего. – Давид сунул руки в рукава лёгкой куртки, улыбнулся и снова ко мне наклонился. Теперь уже я его поцеловала, в губы. – Пока?

Что мне оставалось делать? Только кивнуть.

Когда за ним закрылась дверь, я ещё постояла немного перед ней, задавливая в себе недовольство и непонятное беспокойство. И только после этого вернулась на кухню. Встретила многозначительный взгляд сестры, и предостерегающе вскинула руку.

- Ни слова. Ты всё слышала. Стол у тебя будет.

- А он?..

Я перебила, не дав ей до конца задать вопрос:

- А он мой. Уж не обессудь. Каждому своё.

Но согласиться и выполнить просьбу сестры, было мало. Даже с помощью Давида. Прежде необходимо было морально подготовить к этому Аньку. Я целый день обдумывала, как это сделать, уже представляя и ужасаясь её реакции, потом ещё день, решив, что любимая двоюродная сестра заслужила спокойный выходной, но когда до пятницы осталось катастрофически мало времени, мне пришлось признаваться. Как я и думала, Анька вытаращила на меня глаза и взглянула в таком изумлении, что я испугалась за её лицо. Что с ним что-нибудь приключится, например, глаза так на выкате и останутся, как нас в детстве пугали.

- И ты согласилась? – завопила она.

Я тут же на неё шикнула.

- Не кричи. Люди же кругом.

Анька швырнула на диван свою форменную бабочку.

- А что ты предлагаешь мне сделать? – Она шлёпнула себя ладонью по лбу. – Как ты могла так поступить?

Я неловко пожала плечами.

- У меня не было особого повода ей отказать. Она же не денег у меня пришла просить.

- Пришла, и именно за деньгами! Чтобы за наш с тобой счёт обогатиться. – Анька руками всплеснула, покачала головой. – Нет, ты подумай, - не успокаивалась она, - это какой наглости надо набраться, чтобы требовать помощи? Для какого-то мужика!

- Ань, а с другой стороны, вдруг он, и правда, на ней женится? – Я ободряюще улыбнулась. – Представь, он её увезёт в свой дом, и мы про Полинку ничего не услышим.

- Даже не сомневаюсь в этом. Потому что мы с тобой тут же превратимся для неё в обслуживающий персонал. А ты предлагаешь начать ей привыкать к этому прямо сейчас!

Я, в конце концов, от неё отмахнулась.

- Ваша вражда зашла слишком далеко, - решительно заявила я. – Я Полинку тоже недолюбливаю, но мы не можем не здороваться при встрече. Надо поддерживать хотя бы видимость нормальных отношений. Не забывай, мой отец живёт с ними. И когда Луиза недовольна мной, она недовольна им.

Анька возмущённо сопела, принялась притопывать ногой от переизбытка эмоций.

- Это единственное, что заставляет меня смириться.

- Вот и отлично. – Я повернулась к зеркалу, чтобы застегнуть блузку. – К тому же, если она на самом деле станет его женой, то этот великовозрастный Николаша, будет доводиться нам родственником.

- Ещё один родственник, - сквозь зубы проговорила Анька. – Скоро толпа вокруг будет, а толку ноль.

- Почему ноль? – Решила я её подбодрить. – Он нас с тобой на теплоходе покатает.

Анька швырнула в меня расчёской, и после этого я замолчала.

Конечно, Полина в «Алмазе» появилась со всей доступной ей помпой. Наверное, все последние три дня к этому вечеру и готовилась. У меня, конечно, была надежда, что она на деловом ужине присутствовать не будет, но эта надежда была настолько мала и призрачна, что я давно с ней попрощалась. Практически в тот же момент, в который она и появилась. И вот сводная сестра вошла в двери ресторана под руку со своим избранником, с такой счастливой улыбкой, словно час назад несказанно обогатившийся её усилиями Николаша взял её в жёны, и вместе со свидетельством о браке, ей на руки выдали завещание, сулившее ей миллионы после его кончины. Умри он после этого в течение часа, Полина, наверное, улыбаться бы и не перестала.

Но, надо сказать, что на её фоне, Николай Иванович выглядел достаточно тускло. Как ни старался молодиться, возраст решительно брал его за грудки. И на близком расстоянии, посмотрев ему в лицо, я могла с точностью сказать, что пятьдесят ему исполнилось не вчера. Завидовать Полине расхотелось, не смотря на то, что на ней было обалденное платье цвета топлёного молока, и украшения, сверкавшие чересчур ярко и дорого для простой бижутерии.

Следом за ними вошли трое мужчин, одетые в куда более приличные костюмы, чем Николай Иванович. Видимо, большую часть средств он тратил на развитие бизнеса и на молодую любовницу. Или наоборот, сначала на Полину, а потом уже на бизнес. Теперь становилось понятно, почему они так остро нуждались в том, чтобы поразить воображение потенциальных столичных партнёров.

Я решила не переходить черту, и улыбнулась гостям хоть и радушно, но профессионально. За излишнюю теплоту и искренность Петрович меня ругал, говорил, что это не то, чего от меня ждут, и что от меня требуется.

- Добрый вечер. Я провожу вас за столик.

Эта зараза, что зовётся моей сводной сестрой, даже бровью не повела. Ни поздоровалась, ни посмотрела на меня, проплыла мимо под руку с

Николашей, оставив меня позади, разбираться с их же гостями. Старалась вести себя так, словно, ужинает в этом ресторане, по меньшей мере, раз в неделю. С превосходством посматривала по сторонам, улыбалась пленительно, а я переживала, что вздумает кому-нибудь рукой помахать. С неё станется.

- Девушка, можно воды без газа? – обратился ко мне один из мужчин, присаживаясь, и окидывая зал ресторана придирчивым взглядом.

Я продолжала улыбаться.

- Я немедленно пришлю к вам официанта. Надеюсь, вам понравится у нас. Хорошего вечера.

Я кинула на Полину колкий взгляд, но она была настолько занята собой и только собой, что не обращала ни на кого другого внимания. Правда, я заметила, что нашла взглядом Аньку за стойкой бара, и в её глазах мелькнуло злорадство. Я тихонько выдохнула, мысленно отругала себя за доброту, которая, без сомнения, меня погубит когда-нибудь, пообещала себе исправиться, и направилась на своё рабочее место. И про себя ругнулась, заметив Петровича, явно поджидавшего меня. Он стоял и барабанил коротенькими пальцами по столу. А как только я приблизилась, спросил:

- Кто это?

Я сделала удивлённые глаза.

- Кто?

- За столом Кравец. Ты заказы читала?

- Конечно. – Я протиснулась мимо него, присела на высокий табурет, специально открыла книгу записей. Набрала полную грудь воздуха, посмотрела на начальника честными глазами и выпалила: - Давид Маркович звонил днём, и просил предоставить столик его знакомым. У них деловые переговоры. Его самого в городе нет.

Петрович сверлил меня едким взглядом.

- Почему мне не сказала?

Я аккуратно пожала плечиком.

- Не посчитала это важным. На стол всё равно стояла бронь, какая разница, кто именно приедет ужинать. Извините, Николай Петрович.

Озёрский взял и погрозил мне пальцем, как маленькой.

- Темнишь ты, Лидия. Вкручиваешь мне. А я не люблю, когда мне вкручивают.

- Я даже слова такого не знаю, Николай Петрович, - заверила я.

Он недовольно качнул головой и направился прочь, а я, наконец, смогла выдохнуть. Осталось дождаться того момента, когда Полина

проплывёт мимо меня в своём дорогом платье в обратном направлении.

- Смотрит на меня, - зло прошипела Анька, когда я к ней подошла позже. Она смешивала коктейль в шейкере и трясла тот со всей злостью и яростью.

Я присела на высокий табурет, отпила воды из бокала, а сама посмотрела на Полину. Та сладко улыбалась, и, кажется, даже что-то мужчинам говорила, участвовала в дискуссии. С ума сойти.

- Я тебе этого никогда не прощу, - проговорила Анька.

Я в ответ лишь посмотрела умоляюще.

- Перестань. Пусть девочка поиграется. Она никогда не была в подобных ресторанах.

Эти слова Аньку немного успокоили, я расслышала, как она многозначительно хмыкнула. Разлила коктейль по бокалам, а официант их тут же унёс.

- А можно мне тоже воды?

Полина подошла к бару, мило улыбнулась. Особенно мило она улыбнулась Аньке, от чего ту снова перекосило. Пришлось мне попросить:

- Налей ей воды.

- Да пожалуйста, - с сарказмом протянула та, доставая чистый бокал.

- Милый у вас ресторан, - проговорила тем временем Полина, сверкая глазами и драгоценностями. Анька тоже на драгоценности внимание обратила. Нахмурилась.

- Откуда брюлики? Бывшую жену разорила?

- Не твоё дело. Ты шейкером трясёшь, вот и трясись.

- Полина, - встала я на Анькину защиту, - не забывай, благодаря кому ты здесь. Будь добрее.

- Я помню. А при чём здесь она? Ты ещё ладно, а она? – Сводная сестра допила воду с таким видом, словно это было дорогое шампанское. На меня посмотрела и широко улыбнулась. – А вот Давиду передавай огромное «спасибо». Можешь его заверить, что я умею быть благодарной хорошим людям. Хотя, ты вряд ли позволишь мне его отблагодарить, да? – Она рассмеялась, и направилась обратно к столу.

А я застыла под Анькиным изумлённым взглядом.

- У меня больше нет сестры.

Я на секунду зажмурилась, сил больше не было наблюдать Анькино возмущение. Мы стояли на каменном крыльце, у задней двери ресторана, Анька курила, а я маялась рядом, испепеляемая её трагическим взглядом.

- Давай не будем обсуждать это здесь, - попросила я, причём шёпотом, не смотря на то, что рядом никого не было. Но мне повсюду мерещились шпионы. Ощущение было, словно я охраняла государственную тайну. С кем я сплю.

- Ты нигде не хочешь это обсуждать.

- Если честно, то да, - призналась я. – Поэтому и не говорила.

- Даже со мной не хочешь? – Анька глянула обиженно. – С Полинкой обсуждаешь, а со мной нет?

- Да ничего я с ней не обсуждаю, не выдумывай. Просто она не вовремя явилась, у неё талант к этому, ты же знаешь. Ань, она даже не знает, кто такой Давид. Увидела его, и получила свою выгоду. Как всегда.

- И где это она его увидела, интересно?

Я начала злиться.

- Думаю, ты и сама догадалась. Ты же умная. И очень проницательная.

Анька глубоко затянулась, после чего вздохнула. Испустила тот самый огорчённый, печальный вздох, который я и ждала в её исполнении. От которого мне стало неприятно и тоскливо на душе. Вздох неодобрения. И взгляд такой же. Мне захотелось от всего этого сбежать, и я даже позволила себе это сделать, без всякого чувства вины. Кинула многозначительный взгляд на наручные часы, намекая тем самым, что перекур пора бы закончить, во избежание неприятностей, и распахнула перед сестрой дверь.

- Ты просто не хочешь со мной разговаривать, - обвинила она меня.

А я кивнула, соглашаясь.

- Не хочу. Потому что я знаю, что ты мне скажешь. Вот только эти доводы не работают, Ань. Я уже пробовала.

Анька открыла рот, явно собираясь ещё что-то мне сказать, но я развернулась на каблуках, и поспешила по узкому коридору обратно в зал.

Внутри у меня всё кипело. Непонятно почему, но мне трудно было говорить о Давиде с самыми близкими людьми. Я сразу начинала волноваться, впадала в панику, у меня перехватывало дыхание и, банальным образом, заканчивались слова. Я прошла по залу, кинула взгляд

в сторону проблемного этим вечером стола, удостоверилась, что Полина по-прежнему сияет и выглядит счастливой, и с гордым видом прошла мимо. Вот кто её просил трепать языком? Хотя, зная младшую сестру, странно было ожидать от неё деликатности.

С Николашей я всё же познакомилась. Чуть позже, когда ужин, наконец, закончился, их московские гости первыми покинули ресторан, а Полина со своим «мачо» остались, видимо, в желании посмаковать удачный вечер. Заказали ещё шампанского, признаюсь, я украдкой, но с интересом наблюдала за ними. Если честно, мне больше был интересен кавалер сестры, её я и без того знала, как облупленную. А вот Николаша (тфу, тоже привязалось), мне был весьма любопытен. А ещё мне было его жаль. Увидев его вблизи, я окончательно убедилась, что планы у Полинки на его счёт больше меркантильные. Что, правда, совсем не мешает ей быть по отношению к нему искренней. Любовью с её стороны не то что не пахло, а даже на дуновение намёка не было, но зато Полина жутко любила деньги, собственное удобство и роскошные подарки. И пока мужчина готов для неё стараться, она в ответ будет относиться к нему со всей искренностью и благосклонностью. Возможно, это не такой уж плохой вариант, к тому же для мужчины внешности и возраста Николая Ивановича. Такая девушка, как Полина, молодая и привлекательная, наверняка, кажется ему мечтой, но я была уверена, что ради этой мечты он пожертвовал куда большим. семьёй, отношениями с детьми. Такой жертвенности моя сестра точно не заслуживала, ведь совести не хватило отказаться от «подарка», судя по её собственным речам. Не удивлюсь, если она собственноручно Николашу из семьи и увела. Нашла удобный для себя вариант, сделала серьёзную ставку, и её удачно разыграла. По крайней мере, она сама уверена, что всё удачно.

Когда они всё же собрались уходить, я была убеждена, что также пройдут мимо, но они остановились, хотя, инициатива явно принадлежала не Полинке. Николай Иванович улыбнулся мне, и меня снова кольнула жалость, он казался нормальным мужиком, приятным и человечным, с тёплым, правда, немного усталым взглядом.

- Полина сказала, что вы её сестра. Вот, хотел с вами познакомиться, - немного неуклюже начал он. – И поблагодарить за помощь.

Я улыбнулась в ответ, ответила на его рукопожатие, а на сестру кинула быстрый взгляд. Полина смотрела куда-то поверх моего плеча. Вот зараза. Её будто в стае волчат воспитывали.

- Меня благодарить не за что. Моих усилий был самый минимум.

- Главное, желание помочь, а не усилия. Я, правда, рад с вами

познакомиться, Лида. – Николай Иванович ещё разок потрянул мою руку, прежде чем отпустить. – Как ни как, вы первый близкий человек Полины, с которым я знаколюсь.

- Вот как. – Я сделала удивлённые глаза. – А я думала, вы уже познакомились с родителями.

Полинка кинула на меня едкий взгляд.

- Познакоимся, когда время придёт.

А Николай Иванович поспешил кивнуть.

- Обязательно. Родителей уважать надо. Вот сейчас дела порешаем, и за свадебку, да, милая?

«Милая» выдала победную улыбку, правда, я так и не могла понять, чему она так сильно радуется, и что за победу празднует. А, глядя на Николашу, мне хотелось постучать ему по лбу кулаком, и сказать:

- Мужик, беги, беги обратно к жене. Пока не поздно.

Но вряд ли бы он внял голосу моего разума. Я ведь Анькиному не внимала, потому что сердце противилось. Вот и Николаша точно также. Он был ослеплён и, наверное, до сих пор не мог поверить своему счастью. Он так на Полину смотрел, с откровенным благоговением.

- Очень, очень рад с вами познакомиться, Лида, - повторил он мне на прощание. – Вы обе такие красавицы, даже удивительно. В одной семье две красавицы.

Я промолчала про наше с его благоверной названное родство, выдавила из себя улыбку, понадеялась, что добрую и благодушную, а вот Полина красиво сделала мне ручкой.

- Пока, сестрёнка. Я найду как-нибудь... пообедать.

Я исподтишка показала ей кулак.

Удивительно, но вскоре после их ухода позвонил Давид. И я так обрадовалась его звонку, что забыла удивиться тому, что он мог запомнить такую незначительную вещь, как помощь моей сестре с ужином. А он спросил:

- Как всё прошло?

- Ужасно, - не стала я скрывать. – И чтоб ты на будущее знал, что моей сестре не стоит ни в чём помогать, скажу, что она разболтала про нас Аньке.

- А что твоя Анька?

Я кинула взгляд в сторону бара, понаблюдала, как двоюродная сестра со всей страстью натирает бокалы белоснежным полотенцем. На лице мрачная сосредоточенность.

- Считает, что меня надо спасать.

Давид хохотнул.

- От меня?

- Конечно.

- Отстань. Анька хорошо ко мне относится, всегда добавляет лишнюю оливку в мартини, знает, как я люблю.

- Вот теперь молись, чтобы она помимо лишней оливки ещё чего-нибудь тебе не добавила.

- Как страшно. – Давиду всё было весело. – А как новый родственник? Сильно молодой?

- Не сильно, - опечалилась я. – Вряд ли ему хватит сил унести от моей сестры ноги. Она в него вцепилась, как клещ. Помнишь сказку «Муха-цокотуха»? Так вот, муха – это он.

- А ты бравый комарик? Бросишься спасать?

- Нельзя спасти того, кто спасаться не хочет, - вздохнула я. – Он счастлив.

- А ты?

- Что я? – в первый момент растерялась я.

- Ты хочешь спастись? У тебя тоже комарик объявился, сама сказала.

Я поводила пальцем по столу, в волнении прикусила нижнюю губу. Хорошо Давид этого видеть не мог. Но решила сказать правду.

- Нет, не хочу. Поэтому прекрасно понимаю Николашу.

Вместо того, чтобы проникнуться моими словами, моими признаниями, Давид захохотал.

- Николаша!

- Ну тебя, - обиделась я, и на этом мы простились. И не смотря на свою обиду, от его неожиданного звонка на душе стало тепло. И, наверное, от этой самой теплоты, я первой решила мириться с самым близким мне человеком. После работы подошла к Аньке и обняла её. А на ухо прошептала:

- Ну, прости, что не сказала.

Сестра хотя и дёрнула плечом, чтобы выказать мне всю степень своего возмущения, но я по лицу видела, что смягчилась. Прятала от меня глаза, но хмуриться перестала. Правда, не желала мне этого показывать, и продолжала играть в независимость.

В раздевалке были ещё люди, девочки-официантки переодевались, торопясь уйти домой, и поговорить не представлялось возможным. Что, если честно признаться, меня радовало. Я готова была просить у сестры прощения, но что именно ей сказать, пока не знала. Слов так и не подобрала. Поэтому обрадовалась, когда мне дали официальную отсрочку,

и пригласили завтра на обед. Правда, Анька не преминула укорить:

- Мама говорит, что ты совсем пропала. Спрашивала, чем занята. Вот и рассказывай ей сама.

Я притворно вытаращила на Аньку глаза.

- Всё, всё рассказывать?

Та фыркнула.

- Что хочешь, то и рассказывай.

Всё-таки Анька злилась.

После работы нас уже привычно встречал Витёк. Надо сказать, что деловая деятельность, уж не знаю, насколько она была бурной, ему шла. Он, кажется, приобрёл лишнюю долю уверенности, которую не стеснялся демонстрировать. Смотрелся настоящим героем – грудь колесом, взгляд с прищуром, а на губах появилась усмешка, уверена, что Анька считала её обворожительной. Почему-то она всегда неровно дышала к этому двухметровому балбесу. Но сегодня я перед ней здорово провинилась, и высказывать свои сомнения мне не следовало, и поэтому я бывшему родственнику улыбнулась.

- Привет, Витя, - проговорила я, аккуратно обходя его грузную фигуру. Если когда-то двухметровый Витька и был подтянутым и поджарым спортсменом, то с возрастом былая стать его начала покидать, остался рост и косая сажень в плечах. Остальное подпортил разгульный и бестолковый образ жизни. А Анька ему верит. И меня за Давида ругает.

- Привет, девчонки. Как поработали?

- Как всегда, - пропела я, идя впереди них, и стараясь не оборачиваться.

- Никто к вам не приставал? – тем самым, истинно мужским тоном, с собственнической интонацией, поинтересовался бывший родственник.

Я не ответила, зато услышала ровный голос сестры:

- Это приличный ресторан, Витя. Здесь ничего подобного не случается.

Анька старалась успокоить своего «ревнивого» богатыря. Что-то когда Витя сидел дома, и о стабильном заработке ему даже задумываться было лень, а Анька работала на двух работах, в ресторане и ночами смешивала коктейли в ночном клубе, чтобы как-то свести концы с концами, находясь «за мужем», Витю мало интересовало, пристаёт к ней кто, или насколько сильно она устаёт, пока он проводит время на диване или с друзьями. А вот сейчас он озаботился. Хочет показать, что повзрослел и поумнел?

Наверное, это и есть настоящая сестринская любовь. Мы видим ошибки друг друга, даже пытаемся их обсуждать, но когда одна из нас

принимает неверное решение или в очередной раз наступает на грабли, мы готовы простить. А порой промолчать, понимая, что даже ошибка иногда может сделать человека счастливым. Пусть и на какое-то время. А когда тяжёлый момент придёт, рядом, чтобы поплакать, будет сестра. Она поймёт, поддержит, и даже поплачет вместе с тобой.

- Лида, ты придёшь завтра на обед? – Услышала я Анькин голос, с намёком на строгость. Как оказалось, я задумалась, идя впереди них к стоянке такси, не слышала их разговор, увлечшись своими мыслями. – Я скажу маме, что ты придёшь.

Я обернулась, кивнула.

- Обязательно приду. Попроси её напечь блинчиков с яблоками.

- Уж для дорогой гостьи наверняка расстарается, - ворчливо проговорила Анька, но первой шагнула ко мне, обняла и поцеловала в щёку на прощание. – Ты доедешь одна?

- Конечно, доеду. Не переживай. – Я сделала Вите ручкой. – Пока, бизнесмен.

Села на заднее сидение автомобиля, захлопнула дверь и обернулась, глядя на эту парочку в заднее стекло. Вдруг задумалась: как, интересно, люди понимают, что встретили того самого человека, своего единственного? Понимание этого ведь не приходит сразу. А в какой момент? Например, в какой момент Анька поняла, что Витя, наш бестолковый богатырь, это её судьба? И поэтому нужно прощать его раз за разом? Или не поняла, и просто не может поступить иначе, потому что это сильнее неё. Мне вот тоже начинало казаться, что моя тяга к Давиду сильнее меня, она мной управляет, и это пугало. Потому что я сама отлично понимала, что для подобных чувств ещё слишком рано. И он вряд ли чувствует ко мне нечто подобное. Я, конечно, надеялась, что когда-нибудь он проснётся рядом со мной и просто подумает о том, что отныне ему хочется просыпаться рядом со мной всегда, но его постоянная занятость, увлечённость всем на свете, только не мной, его частые отлучки и отъезды, не оставляли мне почти никакой надежды. И о чём я должна рассказать той же Аньке? Что только и делаю, что жду? И надеюсь на что-то. Её Витя хотя бы караулит её каждый вечер у дверей ресторана. Как верный пёс. А чем похвастать мне?

Давид не звонил. Я проснулась утром, потянулась, открыла глаза, и первое о чём подумала, что сегодня пройдёт ещё один день без него. В ожидании. Ситуация начинала меня откровенно тяготить. Я никогда не знала, где он, с кем он, чем занимается. А когда я пыталась звонить сама, он зачастую на мои звонки не отвечал. И перезванивал тогда, когда считал

нужным. А я переживала, злилась, но как только слышала его голос, или видела его, в самый первый момент о своих подозрениях и переживаниях забывала. Подобное поведение даже в моей влюблённой голове никак не увязывалось с образом взрослой, уверенной в себе женщины. Ну как меня угораздило так влюбиться?

Решив не заморачиваться с приготовлением завтрака, я посмотрела на часы, и пришла к выводу, что время почти обеденное, и можно отправиться к тётке на блины. Перспектива вскоре оказаться на её кухне, на удобном диванчике, с чашкой горячего чая в руке и перед тарелкой румяных блинчиков, меня соблазняла. И решив долго не раздумывать, я вызвала такси, и отправилась в дом родственников.

Тётка меня от души расцеловала, прямо на пороге.

- Приехала, красавица, - громогласно высказалась она, словно подзывая соседей с половины подъезда из квартир выглянуть и воочию убедиться, что я красавица. – Давно тебя не видела, соскучилась прямо.

- Я тоже соскучилась, - не стала я её расстраивать. Совсем не обязательно сообщать любимой родственнице, что в последние недели в моей душе такой переполох, что я не скучаю ни по кому, кроме одного человека. Потому что даже думать об этом неправильно. Давид снова не звонит, я злюсь, и обещаю самой себе, что с этого дня, вот с той самой минуты, как открыла сегодня глаза, я стану себя уважать, и не позволю больше ему относиться ко мне столь равнодушно. Если он, вообще, ко мне неравнодушен. Этот момент необходимо прояснить. Потому что у меня запас нервов и терпения на исходе.

- Анька ещё спит?

- Спит, - кивнула тётка. Достала мне тапочки из-под комода, после чего поманила на кухню. Оттуда пахло моими любимыми блинами с яблоками и ванилином. Запах такой, что голова кружится. Я бухнулась на диванчик, прямо на мягкую диванную подушку, и в предчувствии вкусного завтрака, блаженно прищурилась. А тётя Наташа поставила передо мной пузатую кружку и тарелку. – Сейчас я тебя кормить буду, - сообщила она мне торжественно. И тут же головой качнула. – А то совсем осунулась. Лицо треугольником.

Я невольно схватилась за свои щёки.

- Да ладно, - не поверила я. – Всё на месте.

- Очень сомневаюсь. Что у вас, девчонок, всё на месте. Мозгов точно не хватает.

Передо мной поставили тарелочку с вареньем, положили ложку, а после и стопка блинов на глиняной тарелке появилась. У меня на душе

заметно потеплело.

Я принялась за блины, положила себе сразу два, и щедро полила вареньем сверху. А тётя Наташа присела напротив меня, подпёрла рукой пухлый подбородок, наблюдала за мной.

- Очень вкусно, - похвалила я, решив, что она ждёт именно этого.

Тётка кивнула, а потом вдруг попросила:

- Лида, скажи мне, как есть.

Я жевать перестала, глянула на неё с настороженностью.

- Что?

- Анька опять с нашим лоботрясом связалась?

Я пыталась подобрать слова для правильного ответа. Вот только, не знала, какой ответ будет правильным. Кого мне спасать: сестру от гнева её матери, или попытаться сберечь нервы тёти. Всё-таки она уже человек в возрасте, такого счастья может вторично и не вынести. Помнится, когда Аня с Витькой развелись, и он покинул этот дом, тётя, в порыве чувств, кричала зятю в окно, чтобы тот катился ко всем чертям со всей своей шибанутой семейкой. Правильно, после такого расставания, вновь встретиться с человеком несколько неловко. И тётя Наташа подобным желанием явно не горит, и Анька, судя по всему, всеми силами, старается этот момент отсрочить.

Не зная, что сказать, я неловко пожала плечами. Но это не сработало.

- Хоть ты мне не ври, - приказали мне, и я с некоторым усилием проглотила кусочек блина, что был у меня во рту. Решила попробовать тётку задобрить, правда, голос на всякий случай понизила.

- Говорит, он не лоботряс. Говорит, бизнесмен.

Тётя Наташа от души охнула, хлопнула себя ладонью по коленке.

- Кто бизнесмен? Витька бизнесмен?

Я снова пожала плечами, на этот раз открыто намекая на свою неосведомлённость.

- Ничего про это не знаю, - заверила я. – А меня она не слушает.

- Зато меня послушает, - угрожающе проговорила тётя, опасно прищуривая глаза. Что сказать, человек она весьма решительный. Всегда этому качеству завидовала. Аньке вот оно досталось, всё-таки родная дочь, а мне, по всей видимости, не от кого было забрать. Моя мама, насколько я её помню, была человеком мягким и понимающим, и мужа себе под стать выбрала. А я вот теперь мучаюсь.

- И что за напасть, - продолжала тётя сокрушаться, а сокрушалась она всегда со вкусом. – Нет бы путного себе нашла, упёрлась в этого обормота.

- Любовь, - попробовала объяснить я поведение сестры.

Тётка лишь фыркнула.

- Мозгов у неё нет.

- У кого нет мозгов? – заинтересовалась Анька, неожиданно оказавшись в дверях кухни. И судя по её тону и выражению лица, она отлично знала, кого в данный момент на этой самой кухне обсуждают. Упёрла руку в бок и кинула на меня пылающий взгляд. Вкупе с пижамой, разрисованной умильными кошачьими мордами, это смотрелось странно и пугающе одновременно. Наводило на мысль, что зло поджидает нас в самых неожиданных местах, бдительность терять никак нельзя.

- У тебя, - не стала скрывать от дочери горькую правду тётя Наташа. Из-за стола поднялась, вернулась к плите. А Аньке на освободившийся стул указала. – Садись и ешь.

Анька красноречиво поджала губы, но вступать с матерью в открытый конфликт всё же побоялась. Зато меня продолжала сверлить взглядом. Плюхнулась на стул напротив и прошипела:

- Проболталась?

Я решительно помотала головой.

- Это не я. Она и так догадывалась.

- Конечно, догадывалась, - согласилась тётя Наташа, ставя перед дочерью чашку с чаем. – А как тут не догадаться, если ты снова ходишь с этим идиотским выражением на лице? – Она вздохнула. – Уж сколько я молилась, сколько ночей не спала, всё просила, чтобы больше никогда его не видеть!.. И причину этого идиотизма в том числе. Нет, снова нарисовался, скотиняка! И кто на нас эту порчу наслал, не знаю. Всех в уме перебрала.

Тётя Наташа говорила всё это с таким серьёзным, сосредоточенным видом, что мне поневоле смешно стало. Но смеяться было нельзя, и поэтому я смотрела в окно и ела блины. Уже третий, кстати.

Анька пихнула меня под столом ногой. Я на неё посмотрела, поняла, что меня не пощадят.

- Мама, а почему ты Лиду не спрашиваешь, где она пропадает в последнее время. И с кем. Почему все шишки на меня?

Тётя остановилась перед столом, точнее, нависла над нами двоими, с подозрением переводя взгляд с дочери на меня и обратно. После чего мне кивнула.

- Рассказывай. Что натворила?

Я честно призналась:

- Ничего. Она всё выдумывает.

- Что я выдумываю? – возмутилась Анька. – Что ты с Давидом

Кравецом встречаешься?

- Что такого в том, что я с ним встречаюсь? – Я старательно косила под дурочку.

- С каким ещё таким Давидом? – Тётя нахмурилась. – Что за имя, он цыган? Лидка, не вздумай с цыганами связываться, без квартиры останешься.

Я закатила глаза, а сестре показала кулак, видя, как та довольно посмеивается.

- Никакой он не цыган. Если уж на то пошло, он еврей. Стопроцентный.

- Это как? – поддела бесстыжая Анька. – Обрезанный? Ты проверяла? Я швырнула в неё салфетку.

- Дура.

- А что, мне всегда интересно было.

- Вот и проверила бы, пока меня не было, - съехидничала я. – Тогда бы у тебя мама была спокойна и довольна, что ты встречаешься с молодым человеком из такой порядочной семьи. А не лезешь обратно в петлю.

- А откуда ты знаешь, что их семья порядочная? То, что у них денег куры не клюют, говорит как раз об обратном.

- Как это – не клюют? – переспросила тётя Наташа, причём испуганно.

- Да вот так, - Анька руками развела. – Там семейка ого-го. Один папаша чего стоит. А Лидка, дура, влюбилась!

- В папашу!

- В младшенького. Что ещё хуже. – Аня вдруг вздохнула, глянула на меня с печалью и сказала: - Что ж мы с тобой за дуры такие?

Я подпёрла подбородок рукой и тоже вздохнула. На этот вопрос у меня ответа не было.

- На самом деле влюбилась? – спросила меня Анька чуть позже, когда мы остались наедине в её комнате. Я сидела на разобранном диване, потурецки поджав ноги и прижав к животу подушку. А в ответ на её вопрос коротко кивнула. – А он?

Я плечами пожала. Сначала тихо проговорила:

- Не знаю, - а затем уже с чувством добавила: - не понимаю!

Анька головой качнула, отвернулась от меня и открыла шкаф, выбирала, что надеть. А мне сказала:

- Лид, это же Давид. Он по залу идёт, а на него все бабы, как гирлянды вешаются.

- Знаю.

- И зачем тебе это?

- Ань, ты так говоришь, как будто я этого хотела. Но случилось вот так. Я и сама, может, не рада.

- Тогда что?

Я помолчала, теребила угол подушки.

- Кажется, я его люблю. – Зажмурилась, даже рассмеялась. – Ань, я никого так не любила. Никого так не ждала, с ума не сходила. Не знаю, что делать с собой.

- Ты сдурела.

- Сдурела, - согласилась я. – Это именно то слово. Когда его нет, мне кажется, что я его ненавижу, что я злюсь, что он появится, и я ему всё выскажу. Всё, что думаю! А когда появляется... - Я руками развела. Потом повторила свою мысль: - Со мной никогда такого не было. – Усмехнулась. – Со времён Стёпки Морозова.

- Нашла, кого вспомнить! – Анька аж хохотнула от неожиданности.

- Ничего другого на ум не приходит.

- Тебе тогда пятнадцать было.

- Вот так я себя сейчас и чувствую. Веришь или нет. Глупой и странной.

Анька повернулась ко мне, присмотрелась с интересом, затем заговорщицки улыбнулась.

- Но он ведь классный, да?

Я в ответ не улыбнулась, проговорила серьёзным тоном:

- Чересчур. Таких не бывает. – Я отшвырнула от себя подушку. – Или бывают, но таким, как мы они не достаются. Их судьба такие, как Алина Потапова.

- Ну, видимо, что-то в их общей судьбе пошло вкривь и вкось. Кто сказал, что для тебя это плохо?

Я завалилась на диван и закрыла глаза. В который раз за это утро пожалала плечами, а про себя подумала: ну почему ты опять не звонишь?

- Возьми и позвони ему сама, - сказала сестра, а я встрепенулась, глянула на неё испуганно.

- Я что, вслух это сказала?

- Ну да. А что?

Вздохнула, не зная, как реагировать на свою беспечность.

- Видимо, всё плохо, - отозвалась я.

Анька глаза закатила, и настойчиво повторила:

- Позвони ему сама. Лида, я тебя не узнаю. Это когда ты из-за мужика так переживала?

Вообще, Анька права. Почему я отвела себе роль встречающей на

вокзале? В конце концов, самое страшное, что может случиться, это то, что Давид в очередной раз не ответит на мой звонок или его телефон окажется выключенным. Но он хотя бы будет знать, что я жду, скучаю, беспокоюсь. А не живу своей жизнью, порхая как бабочка, от цветка к цветку, не зная горя и печали.

Но на глазах сестры и тётки я звонить не осмелилась, переживая, что не смогу сдержать огорчения, если не смогу поговорить с Давидом. Вышла из их подъезда, прошла через заставленный машинами тесный дворик, и, оказавшись за углом, достала из кармана телефон и набрала номер. Честно, не ждала услышать голос Давида. Была готова к чему угодно неприятному, но не к его голосу в трубке. А он взял и ответил, причем, его голос прозвучал протяжно, насмешливо и только для меня, со знакомыми заигрывающими интонациями.

- Аллё, - пропел Давид, и я в первый момент растерялась. Но уже в следующий в меня словно одним глотком жизнь вдохнули. Мне стало легко, захотелось улыбнуться, оглянуться по сторонам и понять, что жизнь-то, на самом деле, прекрасна. И довольно проста, пока не начинаешь придумывать себе лишние проблемы, причём на ровном месте.

- Привет, - сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно, а не звенел от счастья, как у малолетки. – Ты занят?

- Ты очень вовремя позвонила. Могу сказать, что с этого момента я на сегодня освободился.

- Надеюсь, что как раз собирался позвонить мне.

Давид хохотнул.

- Подумывал, - то ли признался, то ли поддался на мою уловку он. – А чем занимаешься ты?

- Я наелась блинов у тётки, и теперь до пятницы совершенно свободна. Долг близкого родственника исполнила, навестила, выслушала, пообещала и дальше быть хорошей девочкой.

- А ты хорошая девочка?

- Хотелось бы надеяться.

- Мне нравится, когда ты плохая девочка. И всеми силами это показываешь.

Я невольно заулыбалась, но Давида решила припугнуть.

- Надеюсь, рядом с тобой никого нет. Иначе что люди подумают?

Давид весело хохотнул.

- Позавидуют. Так чем планируешь заняться? Не хочешь составить мне компанию?

- Опять собираешься прокатиться по городам и весям?

- Не совсем. Хочу деда навестить. Пусть порадуетя молодой красотке. А то он скучает наедине с домработницей.

Как можно было отказаться от такого предложения? Я его даже не ждала. По крайней мере, так скоро. А Давид неожиданно сам захотел познакомиться меня с дедом. С человеком, про которого по городу ходило больше слухов, чем правды. Борис Иосифович Кравец уже столько лет слыл затворником, что кроме слухов о его персоне ничего достоверного и не осталось. Девчонки в ресторане болтали о сокровищах, тайнах, преступлениях и баснословных миллионах этой семьи. Конечно, шёпотом, в глаза Кравцам даже Озёрский улыбался, ничего лишнего себе не позволял. А это о многом говорило. Петрович большие деньги за версту чуял, знал, перед кем раскланиваться. И поэтому мне было так любопытно.

Да даже если бы и не взыгравшее любопытство, разве бы я отказала любимому человеку, когда он захотел познакомиться меня со своей семьёй?

Через двадцать минут я уже сидела в машине Давида. Он подъехал за мной к торговому центру, и я встретила его появление сияющей улыбкой. Правда, он её, скорее всего, даже не заметил. Говорил по телефону, и мне лишь рукой махнул. Пришлось смириться с тем, что всё опять идёт не по моему плану, не так, как я успела себе напридумывать за последние двадцать минут ожидания его появления.

- Я буду в Нижнем не раньше понедельника, - говорил Давид невидимому собеседнику, и я заметила, как он неожиданно поморщился. Это было не для меня, в этот момент Давид отвернулся, и на лице была досада. То ли я появилась в его машине не вовремя, то ли звонок был несвоевременным, но моё присутствие его стесняло. А голос в трубке явно был женским, это я расслышать успела. – Я приеду, и мы поговорим, - продолжал он. – Про деньги я тоже помню. Давай, до связи.

Он отвёл телефон от уха, отключил собеседника и уставился на экран. Не знаю, что он там видел, ничего кроме заставки на экране не было, но Давид смотрел на него и молчал. Я за ним наблюдала несколько секунд, затем решила поинтересоваться:

- Всё в порядке?

И уже в следующее мгновение он посмотрел на меня и озорно улыбнулся.

- Да. А ты за меня переживаешь?

- Конечно, переживаю, - удивилась я.

- Это здорово, - отозвался Давид, разглядывая меня. Именно разглядывая, словно мы первый день знакомы. После чего протянул руку и коснулся моих волос. – Здорово, когда за тебя переживают. – Отодвинулся,

повернулся к рулю. – Поехали?

Я кивнула. Всё-таки иногда Давид вёл себя странно, и это раздражало. Но я не была уверена, что у меня было право раздражаться на него, а уж тем более, устраивать допросы.

- Как мне себя вести с твоим дедушкой? – спросила я через какое-то время.

Этот вопрос вызвал у Давида удивление.

- В каком смысле? Веди себя, как обычно. Как Лида.

Я улыбнулась его словам. А потом решила пояснить своё беспокойство.

- Он, наверняка, человек своеобразный... насколько я слышала. А ты приведёшь меня в дом. И что скажешь? – Мне, на самом деле, было любопытно, как Давид меня представит.

- Скажу, что ему жутко повезло. Что красивая девушка решила свести с ним знакомство. Ты только сразу не разбивай стариковское сердце, дай ему порадоваться.

Я заулыбалась. Кивнула, как прилежная ученица.

- Хорошо.

Вот только всё оказалось не столь хорошо и мило, как расписывал Давид. И Борис Иосифович Кравец вряд ли тосковал по женскому обществу. После пяти минут знакомства с ним, я начала приходить к выводу, что он вообще не способен тосковать по кому-либо. Ну, кроме внука, наверное.

Семейное гнездо семьи Кравец меня поразило. Хотя, я и ожидала чего-то подобного. Точно знала, что спокойной и равнодушной после этого визита не останусь. Слухи они хоть и слухи, но на пустом месте никогда не рождаются. А тут сокровища, тайны и миллионы, и никто ничего толком не знает и своими глазами не видел. А всё почему? Потому что спрятано всё за высоким забором, и доступа чужим на священные земли нет. Огромная территория с лесным массивом на ней, была огорожена высоким забором, хотя на расстоянии полутора километров вокруг никто и не жил. Всё тот же лес, те же высоченные сосны, безлюдно и тихо. От кого прятаться – не ясно. Хотя, возможно, не ясно одной мне, а вот семья Кравец отчётливо понимают, от кого себя оберегают.

Мы с Давидом въехали на территорию частного владения, массивные ворота за нами закрылись, и я, признаться, впервые в своей жизни, почувствовала себя в сказке. В страшной сказке. Когда неожиданно темнеет, тебя накрывает тревога, ждёт неизведанное, и ты понимаешь, что это вряд ли лесные феи и волшебные единороги у начала яркой радуги.

Скорее уж предчувствуешь, что через минуту окажешься у дверей мрачного замка, и на тебя из заросшей плющом башни будет посматривать какое-нибудь неблагообразное чудище. С неясными, порочными мыслями в голове. Почему-то я была уверена, что у всех чудищ в голове именно порочные мысли.

И сейчас, стоило нам оказаться за воротами, мне показалось, что на улице резко стемнело. Солнце спряталось, ветер затих, и стало как-то тревожно. Конечно же, я себе всё это придумала. Просто мы оказались под тенью высоченных сосен, в них терялся солнечный свет и запутывался ветер, а внизу было тихо и прохладно, казалось, что промозгло. Осень здесь, кажется, жила, именно отсюда приходила в город неподалёку.

Давиду я старалась не показать накрывшего меня беспокойства, потому что оно даже мне самой казалось глупым. Я крутила головой, изображая притворный интерес и восторг, а сама с напряжением ждала момента, когда же увижу дом. И когда увидела, могла только признать, что даже не удивлена. Чего-то в этом духе я и ждала. Хотя, совершенно не представляю, кто в нашей действительности подобное строит. Наши люди привыкли к уютным коттеджам, или к домам а-ля деревенская изба, некоторые особо продвинутые в последние годы стали строить себе нечто похожее на швейцарское шале. А тут, посреди тёмного леса, двухэтажный особняк в викторианском стиле, с множеством небольших окошек, тёмный и мрачный. У дома ни одной клумбы, ни одной скамейки, ничего, что бы сглаживало впечатление или радовало глаз. Ровный газон, подъездная дорожка, строгие линии и скучные цвета. Тишина гробовая, только лес за спиной шумит. Я вышла из машины и замерла, глядя на дом. Это же насколько нужно быть нелюдимым, чтобы жить в подобном месте и носа за забор не высовывать уже который год?

- Давид, ты уверен, что мы вовремя? Точнее, я... Вдруг твой дедушка не в настроении?

- Мой дед, Лида, - начал Давид наставительным тоном, - всегда не в настроении, так что, к нему можно приезжать в любое время.

Замечательно, подумалось мне.

Давид достал с заднего сидения бумажный пакет, захлопнул дверцу машины, а ко мне протянул руку. Улыбнулся легко. Я пыталась рассмотреть в его улыбке попытку меня приободрить, но ничего похожего не заметила. Он просто улыбался. И я запретила себе накручивать себя же, решила довериться любимому, и будь, что будет.

Мы направились к дому, я держалась за руку Давида, закинула голову, продолжая разглядывать дом, и тут уже пришла к выводу, что, не смотря на

царящую вокруг мрачность, мне любопытно. Я в подобных домах никогда не бывала. Да и вообще в домах, столь больших и шикарных. Ведь дом, сам участок, говорил о баснословной состоятельности его владельцев. Я глянула на Давида, пытаюсь прикинуть: состоятельность в наши дни – это сколько? Я ещё могла представить сумму в десяток, ну другой, миллионов рублей, но дальше фантазия мне начинала отказывать. С самими цифрами, нулями в хвосте, возникали проблемы.

В звонок, хотя он и находился у двери, бронзовый и привлекающий внимание, Давид звонить не стал. Просто толкнул тяжёлую дверь, та беззвучно распахнулась, и мы вошли в холл. И снова мрак. Да что же это такое? Просторный холл, высокие потолки, широкая лестница на второй этаж прямо перед нами, а из освещения лишь электрический канделябр с крошечными лампочками на стене. Давид закрыл дверь, и мы с ним остались в тишине и полутьме. Но его это, похоже, нисколько не смущало.

- Проходи, - сказал он. – Сейчас найдём Люсю, и будем пить чай.

- Кто такая Люся? – шёпотом переспросила я.

- Экономка деда. Она тут всем заправляет.

В гостиной было куда светлее. Дневной свет просачивался сквозь лёгкие занавески и освещал всю комнату. Я остановилась на пороге, разглядывая причудливый интерьер. Надо сказать, что дому явно не хватало, если не женской руки, то дизайнера по интерьерам. Какого-то единого стиля оформления не было. Зато антикварной мебели, картин на стенах, разных вещей, непонятного для меня назначения, статуэток и даже шкатулок, в избытке. По комнате можно было ходить, как по музею, всё разглядывать, и это заняло бы не один час. Я боялась пошевелиться, совсем, как в магазине антиквариата, опасаясь что-то задеть, разбить или испачкать. В центре комнаты стояла мягкая мебель на гнутых, резных ножках, обитая шёлковой тканью. Она выглядела настолько новой и нетронутой, что когда Давид радушным жестом хозяина указал мне на диван, предлагая присесть, я осталась стоять на месте, не зная, как смогу опустить свою пятую точку, обтянутую юбкой из сетевого магазина одежды, на данное произведение искусства. Это казалось настоящим кощунством.

Я сделала один осторожный шаг, затем ещё один, бочком смещаясь к старинной барной стойке, в которой, казалось, тысяча и один выдвижной ящичек, в желании рассмотреть, и вздрогнула, когда Давид выглянул из гостиной и зычно крикнул в коридор:

- Дед! Скажи Люсе, чтобы чай заварила! У нас гости!

Я, если честно, испугалась. Очень, очень не хотелось кого-то

напрягать своим присутствием. Меня не покидало стойкое ощущение, что мне здесь не место, и меня никто в этом доме не ждёт, чтобы ещё чаем меня поить.

- Я ждал тебя утром, - сообщил глухой, ворчливый голос из дальнего угла. Я даже подпрыгнула от неожиданности, обернулась и увидела в кресле с высокой спинкой грузного мужчину. Когда он там появился? Могу поклясться, что когда мы вошли в гостиную, в кресле никого не было. А сейчас он там сидит, седовласый, недовольный, с тяжёлыми очками на крупном носе. Аккуратно переворачивает страницы тяжёлой книги.

Давид вроде как и не удивился столь внезапному появлению и ворчанию. Ещё раз покричал во тьму коридора имя домработницы, вернулся в гостиную и остановился неподалёку от деда. Легко пожал плечами.

- Занят был. Ты ведь без меня с голода не умер?

- Кто ты такой, чтобы я без с тебя с голода помер? Ты мне на кусок хлеба с маслом зарабатываешь, что ли?

- Вообще, формально, в последние пять лет – да.

Борис Иосифович качнул тяжёлой головой, снял очки и, наконец, обвёл взглядом комнату. А я к нему присмотрелась. И взгляд, и профиль, и линия губ – всё в этом человеке выглядело неприятно, а он сам на мир смотрел с определённой претензией. Он обводил взглядом комнату, но смотрел сквозь меня. Словно я была прозрачным человеком-невидимкой. От этого становилось ещё больше не по себе. Мне захотелось кашлянуть или глупо улыбнуться, чтобы хоть как-то привлечь его внимание. Но подобное поведение вряд ли пришлось бы ему по вкусу. А ещё больше портить впечатление не хотелось, поэтому я продолжала молча стоять, изображая ещё одну безмолвную статую в этой комнате. Рядом с бледной фигурой какой-то греческой богини с меня ростом.

Но, наверное, Борис Иосифович меня всё-таки разглядел, хотя его взгляд на моём лице так и не остановился. Но хозяин дома выразительно крикнул, повёл носом, затем застегнул верхнюю пуговицу на кардигане, который явно знал лучшие времена, лет двадцать назад. С таким количеством сокровищ, собранных в одной только комнате, можно было бы позволить себе одежду поновее. Но кто я такая, чтобы давать советы человеку, умудрившемуся заработать миллионы? Может быть, он и заработал, потому что не бегал по магазинам одежды, как я, а вкладывал каждую копейку в дело. Стоит взять пример, а не критиковать.

- Дед, это Лида, - запросто представил меня Давид. – Она будет с нами обедать.

Теперь уже обедать. Я не была уверена, что смогу чай в этом доме выпить, а теперь предстоит обедать.

Я растянула губы в улыбке. Ведь совсем неважно, что хозяин дома смотрит сквозь меня. Необходимо быть милой и приветливой.

- Мне очень приятно с Вами познакомиться, Борис Иосифович, - проговорила я достаточно бодро и громко, вдруг подумав, что у человека в его возрасте могут быть проблемы со слухом.

Кравец-старший неожиданно усмехнулся.

- Что это тебе приятно? Я ещё ничего приятного не сделал и не сказал.

Я в растерянности взглянула на Давида, тот в ответ снисходительно улыбнулся. А мне посоветовал:

- Не обращай внимания. Дед в своём репертуаре. Ненавидит всех людей.

- А людей не за что любить, - продолжал Борис Иосифович ворчливо. Вдруг постучал горбатым пальцем по твёрдой обложке книги, что лежала у него на коленях. – Ещё мёртвых, великих деятелей и учёных, полководцев, я понимаю, полюбить ещё можно, они уже всё нужное и великое совершили, а остальных за что любить? Вот ты, - в меня неожиданно впелись два тёмных глаза, - что совершила в своей жизни?

Я открыла рот, и так замерла, раздумывая. Не поверите, но я в эту секунду реально задумалась: а что я в этой жизни нужного, хотя бы для себя самой, сделала?

- В Питер переехала, - сказала я после секундной паузы. – Правда, там всё как-то не очень сложилось.

- И ты вернулась. Домой.

- Вернулась, - кивнула я.

- А вот это правильно. У человека дом должен быть. Свой дом, - Борис Иосифович нарисовал в воздухе пальцами квадрат. – А когда человек, как тварь бездомная...

- Тварь бездомная – это я, - со смешком подсказал Давид, глядя на меня.

- Дом – это крепость, твоя крепость, - продолжал вещать ворчливый старик. – А ты свой отдал, выбросил, все усилия насмарку.

Я мало что понимала в речах Кравца-старшего, а то, как он тыкал узловатым пальцем во внука, меня и вовсе пугало, поэтому я всё же рискнула присесть на обитый шёлком диван, на самый краешек. Пыталась слиться с интерьером, но внутренне понимала, что не тяну. Ни воспитанием, ни внешним видом, которому не хватало изысканности, просто для того, чтобы на этом диване сидеть и внимать, наверное, чему-то

умному и важному, а я не дотягиваю интеллект. Я даже не сделала в этой жизни, как оказывается, ничего выдающегося. Подвига не совершила, планету не открыла, теорему не доказала.

- Ты такой же, как твой отец. Всё бесполезно. Оставили меня на старости лет влачить жалкое существование...

- Дед, ты увлекаешься, - совершенно невозмутимо проговорил Давид. Я присматривалась к нему, пытаюсь понять, зол ли он, расстроен ли, после всех этих слов его деда, я не понимала, насколько справедливых или надуманных, мне хотелось подойти и взять Давида за руку. Чтобы он чувствовал мою поддержку. Но он выглядел по-прежнему спокойным и беспечным, а затем и вовсе посмотрел на меня и спокойно пояснил: - Он жалуется на мой развод. Считает, что я должен был жить с женой во благо двух семей. И все были бы счастливы.

- Никто бы не был счастлив! – Борис Иосифович выпрямился на кресле, хмуро сдвинул брови. – Предназначение человека не в том, чтобы быть счастливым, а в том, чтобы приносить пользу.

- Кому? – сорвалось у меня с языка, но мне, правда, стало интересно.

Взгляд Бориса Иосифовича, наконец, остановился на моём лице, просто впился в него.

- Семье, - ответил он. – Тем людям, что тебя родили, учили, даже кормили, хотя обсуждать этот вопрос жутко пошло. Семья – это отлаженный механизм, каждый должен быть на своём месте и заниматься своим делом. Приносить пользу.

- Как в муравейнике, - влез Давид.

- От тебя требовалось правильно жениться!

- А я правильно развёлся. Дед, ну, в самом деле, есть охота.

Борис Иосифович замолчал, пошамкал губами, совсем, как столетний старик, а после спросил:

- Ты привёз перстень?

- Привёз.

Кравец-старший протянул к внуку руку, открытой ладонью вверх, напоминая в этот момент ребёнка, просящего игрушку. У него даже глаза загорелись, и он, кажется, совсем позабыл о своих нравоучительных речах, что произносил ещё минуту назад. Давид достал увесистый перстень из кармана и положил на ладонь деда. Тот тут же сжал пальцы в кулак, зажимая внутри ещё одно полученное сокровище, и, по всей видимости, в ту же секунду потерял к нам интерес. А Давид кивнул мне.

- Пойдём, я покажу тебе дом, и заодно поищем Люсю. Я умираю от голода.

Я поспешила подняться с дивана, шагнула к Давиду, но никак не могла отвести глаз от лица Бориса Иосифовича. Тот сидел с закрытыми глазами, так и держа перстень в кулаке, и то ли молился, то ли медитировал, то ли мысленно разговаривал со своим новым сокровищем, но выглядел он в этот момент крайне странно. А я поняла, что не слишком хочу узнавать этого человека поближе. И уже не радуюсь, что Давид решил познакомить меня со своими родственниками. Что-то мне подсказывает, что их наше знакомство мало тронет.

Это был странный дом со странными хозяевами. Давид рассказал мне, что дом Борис Иосифович построил больше двадцати лет назад, даже не дом, а крепость отшельника, и как только смог, так и переселился в эти стены. И за прошедшие пару десятилетий выезжал за территорию считанные разы, а последние пять лет и вовсе ни разу. Даже на свадьбе его не присутствовал, хотя так за неё ратовал. Можно сказать, что союз внука и Алины Потаповой самолично и организовал. Запланировал много лет назад, продумал и молодых людей поженил, так как его старинный друг и дед Алины до торжественного дня не дожил.

- Но он всегда об этом мечтал, - с неприятным смешком сказал Давид, проводя меня по комнатам. Он говорил о своём браке крайне неохотно, а если и говорил, то с язвительностью и насмешкой. Наверное, это должно было показать его несерьёзное отношение и к свадьбе, и к разводу, но со стороны выглядело иначе. Что он до сих пор злится и переживает. И меня это, по понятным причинам, радовать не могло. Каждый раз, как всплывало имя его бывшей жены, меня изнутри будто кипятком обливали. Но я терпела, потому что одно дело чувствовать неприязнь и беспокойность, и совсем другое жить в неведении. Уж лучше пусть рассказывает. Я помолчу.

Но находясь в этом доме, я ощущала дикий дискомфорт. Меня даже антикварные вещи, расставленные повсюду, не занимали. Комнаты были заставлены мебелью, завешаны картинами, уставлены бронзовыми статуэтками и мраморными фигурами. Рай для воров. Вот только в каждом углу камеры и постоянно работающая охранная сигнализация. Поэтому я отсоветовала себе приближаться к чему-либо на расстояние нескольких шагов, даже если очень любопытно. То тут, то там замечала мигающие красные огонёчки, и чувствовала себя в музее под пристальным наблюдением. Как здесь, вообще, можно жить?

Давид говорил, что недостаток света в комнатах не случаен, яркий свет вреден для картин, что прохлада, от которой мне постоянно хотелось поёжиться, благотворно действует на дерево и гипсовые скульптуры, и выходило, что это не дом, а музейное хранилище. И среди этого, в холоде и полутьме уже много лет существует Борис Иосифович Кравец, в своём потрёпанном кардигане. Ещё бы у него характер не испортился в такой атмосфере!

Кроме деда Давида в доме постоянно проживала экономка, Люся. Пока

мы искали её по дому, у меня была единственная надежда увидеть, наконец, человеческое лицо, простое и радушное. Ведь должен же быть в доме противовес мрачному, нелюдимому хозяину. Но надежды мои не оправдались. Когда я увидела Люсю, мне при знакомстве достался хмурый взгляд исподлобья и негромкое приветствие. Скорее уж женщина что-то буркнула себе под нос, чем со мной поздоровалась. Такая же мрачная личность, как и её хозяин, насупленная, с беспокойно сдвинутыми бровями, в каком-то немыслимом сером балахоне. Она суетливо обмахивала ряд фарфоровых статуэток на комодке и что-то бормотала себе под нос. Мне стало совсем не по себе.

- Люся, я тебя обыскался, - запросто обратился к ней Давид. Взял в руки фарфоровую сову, повертел её в руке, разглядывая, и поставил обратно. – Ты нас обедом накормишь?

- Обед в три часа. – Женщина остановилась, и вместо нас посмотрела на циферблат напольных часов у стены. Её взгляд на нём задержался, и я тоже посмотрела. До трёх часов оставалось пятнадцать минут. – Я накрою на стол вовремя.

- Это было бы неплохо. И перестань уже пыль гонять с места на место. Займись делом поприятнее.

- Борис Иосифович всегда вечером проверяет. А вчера рассердился.

- Рассердился? Ты этому удивилась? – хмыкнул Давид, но Люся оставалась совершенно серьёзной.

- Сказал, что нужно картину с барышней на площади перевесить на другую стену, чтобы на неё днём солнечный свет не падал. А я не догадалась. Смотрю на неё, дура бестолковая, а перевесить не догадалась. – Люся всплеснула руками, огорчённо вздохнула, отложила метёлку для пыли и вытерла руки о цветастый, но застиранный фартук.

Давид же головой качнул.

- Ты не должна об этом догадываться, это не твоя забота. Если ему нужно что-то перевесить, пусть скажет мне.

Люся кинула на него странный взгляд, потом обратила внимание на меня, и, кажется, ещё сильнее нахмурилась. Или расстроилась, по её безрадостному взгляду так сразу и не определишь.

- Люся, это Лида. Она будет обедать с нами.

- Нужно накрыть на ещё одного человека, у нас гости, - пробормотала Люся словно в прострации, и поспешила от нас по коридору. Я смотрела вслед её сутулой фигуре, и боялась даже что-то спросить у Давида, настолько мне всё странным казалось. Вдруг он решит, что тоже стал в моих глазах странным?

- Не обращай внимания, - негромко посоветовал Давид. – Люся хорошая, исполнительная, но ума недалёкого. Несчастливая женщина. Наверное, поэтому и способна вытерпеть все капризы деда. Она его боготворит.

- Они живут здесь вдвоём? Ты уверен, что это не опасно?

- Не представляю, кто согласится за ними присматривать. Нормальный человек за день в этом доме умом тронется. А они так уже пятнадцать лет живут. Знаешь, мне кажется, что Люся и в городе ни разу в жизни не была. В селе неподалёку раньше располагался коррекционный детский дом, Люся там работала то ли уборщицей, то ли санитаркой. Не удивлюсь, если там до совершеннолетия и воспитывалась. Жила в комнатке в бараке на отшибе. А потом детский дом закрыли, детей распределили, а ей свезло с моим дедом познакомиться. Уж как они общий язык нашли, не знаю, наверное, потому что Люся всё делала молча. До сих пор как тень по дому передвигается, и деду не мешает. Но как только он её имя произносит, она уже тут как тут, чай ему подаёт, тапочки на ноги надевает. В общем, полная идиллия. Подозреваю, что дед именно этого хотел получить от двух своих жён. Но у тех оказались мозги и характер. – Давид как раз снял со стены приличного размера картину, и на секунду замер с ней в руках. Я подумала, что раздумывает, куда перевесить, а он вдруг на меня посмотрел и усмехнулся. – Представляешь, если он ей всё своё состояние оставит? Что тогда делать?

- Жениться, - брякнула я.

Давид скроил несчастную физиономию.

- Спасибо. Хотя... отец может поработать героем.

- У папы есть Яна, - напомнила я.

Давид пренебрежительно фыркнул. Пристраивал картину на противоположную стену.

- Янка не стена, во имя семьи можно и подвинуться.

- Ужасный разговор, - пожаловалась я. – Люся – несчастная женщина, а мы за её спиной обсуждаем её жизнь.

Давид отступил от стены на несколько шагов, картину на новом месте разглядывал. Оглянулся на меня через плечо.

- Правда, считаешь её несчастной? А мне кажется, она здесь счастлива. Она, конечно, мало что понимает и соображает в ценности того, что её окружает, но за любую фарфоровую собачку порвёт любого. Помню, она разбила блюдце из сервиза, не ценного, так горевала целый месяц. Реально казнила себя, будто преступление совершила. И как бы странно она не выглядела и что бы себе под нос не бормотала, поверь мне, её слово в этом доме куда весомее даже моего.

Стол к обеду накрыли в столовой. Просторная комната, много окон, правда, тяжёлый парчовые шторы сдерживали дневной свет, и в комнате было также мрачно и прохладно, как и везде. Я едва заметно ёжилась, сидя за длинным дубовым столом, перед семейным фарфором и серебром, удивляясь непонятному для меня официозу. К тому же, мы с Давидом оказались сидящими по разные стороны стола, а на месте хозяина с гордым видом восседал Борис Иосифович. А Люся суежилась рядом, причём вокруг него, а не гостей. Белоснежная скатерть, накрахмаленные салфетки, фарфоровая супница в центре, а меня одолевает нереальность происходящего.

- Людмила, перестань кружить по комнате, у меня от тебя голова кругом. Корми нас. – Борис Иосифович положил руку на скатерть, и я уставилась на его скрюченные, узловатые пальцы. А ведь он не такой уж и старый, ему еще нет восьмидесяти лет, а выглядит он на все сто двадцать. Но сила в руках у него есть, и пальцы хваткие. Я несколько раз случайно замечала, как ловко он поднимает или переставляет вещи с места на место. Видимо, это и было его жизнью. Изо дня в день ходить по дому, набитому сокровищами, и двигать их с места на место, общаться с ними, разговаривать, пересчитывать, мысленно оценивать своё богатство.

- Людмила, у нас в доме гостя, нечасто такое случается, правда?

Люся как раз остановилась рядом со мной, налила мне суп в тарелку. Услышала слова хозяина, и мелко закивала. А я негромко, но вежливо поблагодарила её за поданный обед.

- Когда у нас были гости в последний раз?

- Алина Михайловна приезжала вас навестить, - вполне чётко проговорила у меня над ухом Люся. Я машинально повернула голову, среагировав на неприятное для себя имя, и неожиданно встретила прямой взгляд экономки. Не такая уж она и убогая, знаете ли. Теперь я в этом уверена.

- А вы, девушка, чем занимаетесь?

- Дед, ну не приставай ты к Лиде, дай нам поесть спокойно.

- Что значит, не приставай? Я должен знать, кто ко мне в дом пришёл.

- Неудивительно, что к тебе никто и не приходит. С твоей привычкой допрашивать.

- Я работаю администратором в ресторане, - не стала я скрытничать. – Очень интересная работа.

- Правда? – Кустистые брови Бориса Иосифовича пришли в движение, он явно показывал своё недоверие к моим словам. – И чем она так интересна?

- Работа с людьми – всегда интересна.
- Кому как. Я вот людей всегда недолюбливал. Бестолковые создания. Я рискнула улыбнуться.
- И такие попадают.
- А что вы делаете рядом с моим внуком?

Я едва супом не подавилась после такого прямого вопроса. Глянула на Давида через стол. Тот, не скрываясь, усмехнулся, откинулся на спинку стула, а деду сообщил:

- Мы друзья с Лидой.

Это слово, замечательное по своей сути, «друзья», меня отчего-то задело. Конечно, представить сам процесс объяснения Борису Иосифовичу стадию развития наших с Давидом отношений, достаточно трудно, но мог бы сказать, что мы встречаемся. Раз уж пригласил меня в дом, усадил за стол со своим дедом, но Давид этого не сказал. И, в итоге, получил от деда то, что получил. Очередное недовольство.

- Твой отец тоже дружил. Долго дружил, с половиной баб в этом городе. Несколько раз задруживался до того, что женился, и ничего толкового из этого ни разу не вышло.

- Дед!..

Борис Иосифович неожиданно развернулся ко мне и спросил:

- Ты видела его последнюю жену?

- Яну? – переспросила я.

Кравец-старший мотнул головой.

- Не помню, как её зовут. Глупа, как пробка. И бесконечно ноет.

- Она не ноет, дед, она так разговаривает.

- Я уже старый человек, я много думаю, у меня есть на это время. Иногда сижу и гадаю: как у меня мог получиться такой никчёмный сын. Хотя, если вспомнить мою первую жену, та тоже интеллектом не блистала. Но что-то в ней всё-таки было...

Давид откровенно хохотнул.

- Я даже знаю что, дед. Ты был моложе, у тебя были вполне человеческие, приземлённые инстинкты и желания. Потом их не стало, и ты покрылся пылью от своих книг. И заплесневел.

Я кинула на Давида через стол укоряющий взгляд, но Борис Иосифович, судя по его спокойному виду, ничуть не обиделся.

- Марк – это моё разочарование. Наверное, мне следовало уделять ему больше времени, но я был занят... - Борис Иосифович указал рукой на внука. – Этого мальчика я попытался спасти. Забрал его у никчёмных родителей и воспитал. Вложил в него всё, что мог. А он не оценил. А всё

почему? Потому что времена такие, кошмарные. Попомните моё слово, милочка, всё это приведёт нас к катастрофе. Мальчик вырвался в мир, и опошился.

- Это называется взрослением, дед.

- Ты заразился разворотом у своего отца.

Я смотрела в свою тарелку, и понимала, что не могу съесть ни ложки.

- Во времена моего отца, деда, всё было правильнее, культурнее. Никто не думал о том, как справиться нужду, все думали, как правильно жениться. И женились, раз и на всю жизнь. А сейчас?

- Ты тоже не пример для подражания, - заметил Давид. И шутливо погрозил деду пальцем. – Ты думаешь, я ничего не знаю?

- А я себя в пример никому и не ставлю. Поэтому живу здесь, очень тихо, обдумываю свои ошибки. Люся мне помогает. Я ей всё про себя рассказал. Она одна может меня в чём-то обличить, и я ей поверю.

- Господь с Вами, Борис Иосифович, - испуганно забормотала экономка у него за плечом, натирая полотенцем хрустальную конфетницу. Кажется, Давид прав, она без конца что-то трёт и чистит. – Вы святой человек, кто вас в чём обличить может?

- Молчи, дурында. Я тебе всё сказал про себя, ты когда-нибудь моим правнукам перескажешь. Я-то их вряд ли дождусь, а у тебя миссия.

- А может, ты мне расскажешь, а я передам? – насмешливо переспросил Давид.

- Ты ещё не дорос. Я хотел одно время, а потом выяснилось, что глупо ещё дело. Всё, что мог, ты испортил. – Борис Иосифович снова на меня посмотрел. – Был у меня приятель, Митя Потапов, хороший был человек, душевный...

Давид с готовностью поддакнул.

- Ага, сидели вместе.

Я от неожиданной информации глаза вытаращила, а Кравец-старший на внука рукой махнул.

- Ты то дело тёмное не вспоминай, тебя тогда ещё и в проекте не было, и папаши твоего, кстати, тоже. Так вот, вас не было, а мы тогда ещё друг другу поклялись, что придёт день, и станут наши семьи одним целым. Мы через десятилетия эту клятву пронесли, вам, молокососам, этого не понять. Старших надо слушать, раз своих мозгов у вас нет, а не хорохориться. Сказали деды как надо, так благодарны будьте. – Борис Иосифович, кажется, тоже про обед позабыл, на стуле откинулся, гладил себя по щетинистому подбородку, окунувшись в воспоминания. – Вот родилась бы у Митьки девка, а не сын, всё по-другому бы вышло. Я бы Марка на ней

женил, глядишь, у него бы совесть и мозги проявились, а так... - Он рукой безнадежно махнул. – Момент упущен был. А этот, - он указал на Давида, - уже самостоятельный вырос, образованный. Сам, говорит, хочу решения принимать.

- Я же сделал, как ты хотел. Я женился. Но мне не понравилось, имею право.

- Надо было обождать, - наставительно проговорил Борис Иосифович.
– А не с плеча рубить.

- Сколько ждать? Лет до сорока?

- Скажите, милочка, вы замужем?

Весьма странный вопрос. Я поводила ложкой в супе, всё же рискнула взглянуть Борису Иосифовичу в лицо, головой покачала.

- Что так? В вашем возрасте уже пора рожать.

Я моргнула. Мне неожиданно стало смешно.

- Я принца жду.

- О-о. Это интересно.

Я глянула через стол на Давида, тот никаких возгласов не выдавал, но смотрел насмешливо и заинтересованно. Я же притворилась воодушевлённой, плечами пожала.

- Думаю, у меня ещё есть время. И определённая надежда. Ведь кому-то они встречаются.

- А вам встречались?

- В кино, - со всей серьёзностью ответила я.

- А я? – удивился Давид.

- Не знаю, не уверена, - решила я не щадить его чувства, и пока Борис Иосифович отвернулся, показала любимому язык.

- Вот видишь, дед, стоило познакомиться с тобой девушку, так я уже и не принц. А потомок какого-то тёмного прошлого.

- Ничего тёмного в моём прошлом нет, - деловито проговорил Борис Иосифович, неожиданно вспомнив об остывающем супе и взявшись за ложку. – Разве немного мутного.

- Спасибо, успокоил.

- Раньше времена другие были. Чуть отступил от черты, так ты уже не такой, как все. А я лишь хотел заниматься любимым делом. А меня спекулянтom называли.

- Так ведь приторговывал, дед.

- А ты считаешь, что те, кто меня обвинял, и клеймо мне на лбу ставил, антиквариат не уважали? Ещё как уважали! А серёжки жёнам, а колечко любовнице? И не абы что, не новодел какой-нибудь, а подавай им с

камушком драгоценным, да с легендой мистической, чтобы дыхание перехватило. – Борис Иосифович странно, зловеще усмехнулся, после чего развёл руками. – Люди глупы и корыстны, испокон веков так было. На этом и стою, и тебе в наследство передам. Да ты и сам всё знаешь.

- Ты под впечатлением? – спросил меня Давид, когда обед, наконец, закончился. Мы с ним покинули столовую, и я, признаться, вздохнула с облегчением. Не скажу, что Борис Иосифович смутил или угнетал меня своими вопросами в лоб, но определённый дискомфорт я под его сверлящим взглядом ощущала. И меня он всерьёз не воспринимал, очередная подружка, которую внук непонятно для чего притащил в дом, несерьёзно. И из-за этого «несерьёзно» я переживала. По крайней мере, ощущала стойкое разочарование. И Давид совсем не спешил меня успокоить или переубедить. Все речи деда он воспринимал, как должное.

Я обогнала его на пару шагов, подошла к окну в коридоре, и выглянула на улицу, отодвинув занавеску. А на его вопрос ответила неопределённо:

- Наверное. Я никогда не встречала таких людей, как Борис Иосифович. Он вращается в своей вселенной.

- Это точно. И вся его вселенная уместается в этом доме.

- А ты на него злишься?

- Я? – Он вроде бы удивился. – За что?

- За свой брак. За то, что он в какой-то момент убедил тебя, что знает лучше.

Давид помолчал, я поняла, что сказала нечто неприятное для него, а когда заговорил, в его голосе прозвучали язвительные нотки.

- А может он и, правда, знает лучше? Может, это я всё испортил?

Я на него посмотрела, а он отвернулся. И только отрывисто проговорил:

- Поехали в город.

Неудачный день.

Мы мчались по шоссе по направлению к городу, молчали, а я смотрела в окно. Думала, если честно, даже не о Давиде, о чём-то своём, но достаточно неприятном и беспокоящем. О том, что я как-то незаметно влезла в его дела, отношения, и почему меня всё это так сильно заботит. Для чего мне себя терзать? Тем более из-за того, что было до меня.

- Что не так? – в какой-то момент не выдержал молчания и спросил Давид, кинув на меня серьёзный взгляд. – Я зря тебя позвал с собой?

Я отвела взгляд от окна.

- Нет. Я рада, что позвал.

- Тогда что?

- Давид, я не расстроена и не злюсь. Что тебя так беспокоит?

- Ты всю дорогу молчишь. Вряд ли это закончится чем-то хорошим.

Мои губы тронула улыбка.

- Я не могу всегда быть в хорошем настроении. Это как раз ненормально.

- Но что-то тебя беспокоит, - настаивал он. – Дед наговорил лишнего.

- Борис Иосифович тут совершенно не при чём. Просто каждый раз, как всплывает имя твоей бывшей жены, ты меняешься в лице. Ты начинаешь язвить, фыркать, даже грубить. А я не знаю, как на это реагировать.

Давид сжал и разжал пальцы на руле, смотрел на дорогу перед собой, а после паузы возразил:

- Ты не права. – Но вышло у него несколько неуверенно.

Я разгладила ткань юбки на коленях, решила с ним не спорить:

- Не права, так не права.

Он всё же кинул на меня выразительный взгляд.

- Лид, чего ты добиваешься? Чтобы я перед тобой душу открыл, чтобы тебе спокойнее стало?

- Очень сомневаюсь, что мне станет спокойнее.

- Я вот тоже так думаю!

Я сделала осторожный вдох, на него не смотрела, уставилась в одну точку перед собой. И буквально заставила себя произнести:

- Вот только в подвешенном состоянии живу я, а не ты.

Давид сдвинул брови, нахмурился.

- В каком подвешенном состоянии, что ты выдумываешь?

- Я сказала то, что чувствую.

Он был недоволен, сильно недоволен, и моими словами, и всем разговором в целом. На меня не смотрел, но я с одного взгляда украдкой определила степень его внутреннего напряжения. Давид сидел, расправив плечи, с отяжелевшим подбородком и поджатыми губами. И я, надо сказать, тоже впервые видела его рассерженным и настолько недовольным. Что получается, это наша первая ссора? Но когда-то она должна была произойти, невозможно без конца радоваться и порхать.

- Хорошо, - произнёс он спустя минуту. – Я больше не буду упоминать её имя.

- И это, по-твоему, решит проблему?

- А это уже проблема?

- Именно это я и хочу выяснить! – не сдержалась я. – Давид, я не беру всё это с потолка, я не истеричка. Но у меня стойкое ощущение, что у вас

обоих это не пройденный этап. Мне, знаешь ли, не слишком нравится, когда ко мне в ресторане подходит твоя бывшая жена и начинает говорить мне всякие гадости, по крайней мере, намекать на них. А я не понимаю, как реагировать. И какое я, вообще, имею отношение к вашим размолвкам и недоговоркам. Что мне ей нужно отвечать? И на какие слова я право имею?

- Алина с тобой разговаривала? – Он, кажется, всерьёз удивился. – Когда?

Я вздохнула.

- Давно, - созналась я. – Но сути это не меняет. Она появится в следующий раз, и в следующий, и мне нужно быть готовой. Хотя, я не понимаю, чему ты удивляешься. Ты подразнил её мной, у тебя, наверняка, были для этого свои мотивы, а она отыграться решила на мне.

Давид нелепо пожевал губами, в этот момент весьма напомнив мне Бориса Иосифовича.

- А почему ты мне не сказала?

Я руками развела.

- Во-первых, не видела смысла, предчувствовала, что ты отреагируешь именно так. А, во-вторых, ты не так часто появляешься, чтобы я портила эти моменты разговорами о твоей бывшей жене. Выцарапать мне глаза она не пыталась, и на том спасибо.

- С какой стати ей выцарапывать тебе глаза?

- Наверное, с той самой, с которой она всеми силами пыталась меня унижить, и рассказать, какая я дура, что тебе верю. У неё ведь должна быть для этого причина?

Давид прикрыл глаза на мгновение, головой качнул.

- Как мне надоели все эти женские разборки.

- Ах, тебе надоели! – вырвалось у меня, я искренне возмутилась. – То есть, ты бегаешь по бабам, и печалишься из-за того, что они тебе проблемы создают! Что у них вопросы появляются, а не только улыбка идиотская на лице при одном твоём появлении!

- Лида, ну что ты начала?

Я возмущённо выдохнула, снова отвернулась от него и сложила руки на груди.

- Я с ней поговорю, хочешь? – предложил он, в конце концов.

Всё-таки мужики идиоты. Последнее, чего я хочу, чтобы он с ней встречался и что-то обсуждал. Даже если вопрос идёт о моей защите и спокойствии. Но сказать это Давиду, значит, признать свою слабость, поэтому я лишь независимо повела плечами.

- Поступай, как считаешь нужным.

Он тронул меня за коленку.

- Обиделась?

- Нет. Немного злюсь.

- И что мне сделать?

Я плечами пожала, на него по-прежнему старалась не смотреть. Давид же, кажется, успокоился и отмяк. Его ладонь погладила меня бедру.

- Предлагаю заехать в ресторан и съесть вкусный десерт. Когда ты ешь сладкое, ты начинаешь улыбаться.

Я на него посмотрела.

- В какой ресторан?

- Точно не в твой. Кроме него в городе, ресторанов достаточно. – Давид протянул мне руку. – Мир?

Я выдержала секундную паузу, после чего кивнула, и вложила в его ладонь свою руку.

- Мир, - согласилась я, и у меня внутри всё сжалось от накатившего тепла, когда Давид осторожно сжал мои пальцы.

И всё равно я была рада случившейся размолвке, или ссоре, или откровенному разговору. Я даже не знала, как точно определить то, что в этот день произошло между нами. Но, по крайней мере, я набралась смелости что-то Давиду сказать, признаться в том, что есть моменты, которые меня беспокоят. Показала, что я не безропотное существо, что послушно ожидает его в постели, когда бы он ни появился. Но, по всей видимости, для него это оказалось откровением, потому что весь остаток дня я замечала задумчивые взгляды, которые Давид бросал на меня. И я пока не знала, стоит мне радоваться тому, что он задумался о наших отношениях, или пора начать волноваться.

- А из-за чего тебе волноваться? – задала неприятный для меня вопрос Анька. Совсем недавно мне так хотелось поделиться с ней, посоветоваться, а теперь я была не рада вопросу, тону, и всей ситуации. – Он тебе ничего не обещал.

- Знаю, - проговорила я с ноткой отчаяния в голосе.

- Так заставь его пообещать.

- Как?

Анька остановилась передо мной, руками развела.

- Обычно. Лида, это стандартная ситуация, начальная стадия дрессировки. Заставить мужика пообещать. Выполнит – получит кусочек сахара, не выполнит – будет виноват, и кусочек сахара получишь ты. Забыла теорию?

- С ним теории не работают.

Анька лишь пренебрежительно фыркнула.

- Можно подумать, ты пробовала. Ты только дрожишь перед ним, и боишься слово неправильное сказать.

Было неприятно осознавать, что сестра, по сути, близка к правде.

- Он же хотел защитить тебя от бывшей. А это уже половина поступка. Я скептически усмехнулась.

- Не верю, что он на самом деле соберётся это сделать. Да мне это и не нужно. Её поведение и отношение ко мне всё равно не изменятся. Лишь хуже станет.

- Думаешь, она ревнует?

Я плечами пожала.

- Кто знает... - Я глаза зажмурила. – Она ревнует его, он переживает из-за развода с ней. А между ними я. И как я должна себя чувствовать?

- Погано, - подсказала Анька, и мне оставалось с ней только согласиться. Именно так я себя и чувствовала.

На следующий день Давид появился в ресторане, в компании отца и Яны. Это тоже оказалось испытанием для меня. Я неожиданно растерялась, улыбалась натянуто, но кроме Давида на это вряд ли кто-то обратил внимание. Марк Борисович смотрел на свою молоденькую жену, и внимал только ей, а та выглядела привычно восторженной, словно бабочка, с детской непосредственностью оглядывала окружающую её действительность и хлопала кукольными ресницами. А я сразу вспомнила Бориса Иосифовича, как тот пренебрежительно отзывался о молоденькой жене сына, как он фыркал и красноречиво поджимал губы.

Марк Борисович с женой не обратили на меня никакого внимания, проплыли мимо к постоянно зарезервированному для их семьи столику, а Давид задержался рядом со стойкой администратора. Навалился на неё, попытался заглянуть мне в глаза, поймать мой взгляд.

- Как настроение?

Я изо всех сил старалась сохранить нейтральное выражение на лице, и головой по сторонам не крутить, чтобы не выглядеть взволнованной.

- Устала, - созналась я. – Принимаем московскую делегацию из какого-то крутого банка. На кухне переполох.

- Опять женихи столичные.

- Да, девчонки все при параде.

- А ты? – спросил Давид с усмешкой.

- А я всегда при параде, - отозвалась я с загадочной улыбкой. – Меня должность обязывает.

Он усмехнулся.

- Действительно. Что-то я не сообразил. – Давид медлил, приглядывался ко мне и улыбался. Я, в конце концов, сделала страшные глаза и шикнула на него.

- Иди уже.

Он разулыбался шире.

- Я тебя встречу.

- Было бы неплохо, - согласилась я. И посмотрела на него чистым, спокойным взглядом, демонстрируя профессиональную выдержку и спокойную улыбку.

- Что-то ещё, Давид Маркович?

Он как раз ухмыльнулся, собрался что-то ответить, а я его отругать, всё же столь открыто выставлять наши отношения напоказ в стенах ресторана не стоило, я и так замечала любопытные взгляды, что на нас кидала Анька через зал. Не хватало ещё, чтобы Петрович внимание обратил и начал задавать вопросы. А Озёрский вопросы задавать умеет, я это точно знаю, на себе проверить успела. Но уже в следующий момент мне стало не до Петровича и не до его каверзных вопросов. Потому что в дверях ресторана, прямо у Давида за спиной, появилось прекрасное видение. Для меня, это прекрасное видение было в кавычках, а все остальные, кажется, привычно млели при виде Алины Потаповой. Она вошла, приостановилась, и заученным, шикарным жестом откинула за спину белокурые волосы, которые и делали её похожей на ангела. Сияющий глубокий взгляд, манящие губы, едва подчёркнутые румянами высокие скулы – и все мужчины у её ног. Даже простоватый фасон платья, её не портил. Я в таком молниеносно превращалась в простушку, а она смотрелась королевой, по всей видимости, в любом наряде. Испортить прекрасный облик было невозможно. И это опять же несказанно злило.

Но в первый момент я не почувствовала ни злости, ни досады, я просто смотрела на неё, и внутренне замерла, не зная, чего ожидать. И от Давида, от его реакции, и от судьбы. Но он пока бывшую жену не заметил, смотрел на меня, и мне на одну секунду, на одну дикую секунду, захотелось вцепиться в него, и потребовать, чтобы он смотрел только на меня, не на неё. Я даже почувствовала, как судорожно сжимаются мои пальцы на ткани его рубашки, хотя всё это время стояла неподвижно, будто впад в оцепенение.

А Алина, наконец, заметила нас, или бывшего мужа, а потом уже меня, как приложение или ненужное дополнение к сиюминутной картине мира, что ей открылась, и я успела заметить недоумение в её взгляде, быстро сменившееся недовольством. Но, надо признать, что эта девушка прекрасно

умела контролировать свои эмоции, и ей понадобилась всего секунда, она как раз сделала несколько шагов по направлению к нам, и от недовольства на её лице и следа не осталось. Насмешка и снисходительность. Она подошла и даже коснулась плеча Давида рукой. И вот тогда он её заметил. Повернул голову и тут же выпрямился, как на пружине. Я невольно задержала взгляд на его лице. Смешно, но у этих двоих даже эмоции были одинаковые, один в один. И умение с ними справляться. Давид только вздох ещё выдал усталый, а когда на меня посмотрел, видимо, что-то прочёл в моих глазах, вовсе помрачнел.

- Привет, дорогой. - Когда Давид выпрямился во весь рост, Алине пришлось запрокинуть голову назад, чтобы посмотреть ему в лицо. – Давно тебя не видела.

- Надо этому радоваться, - буркнул Давид себе под нос. Прищурился, глядя на меня.

Алина тоже на меня посмотрела, растянула губы в улыбке.

- Не скажете мне «добрый вечер»?

- Добрый вечер, - произнесла я.

- Извините, не помню, как вас зовут...

- Я не думаю, что вам это нужно, - не удержалась я, - но у меня есть бейдж, на нём написано.

- Ах да, бейдж... Милое украшение.

- Алин, может, хватит? Ты пришла ужинать? Иди, ужинай.

- А ты зачем пришёл?

Давид отступил на шаг, и ей пришлось убрать руку с его локтя.

- Помнится, я тебе больше не муж. Так не задавай вопросов.

- Ты грубиян, Давид. Всегда таким был.

Он вроде как безразлично пожал плечами.

- У меня это семейное.

Из-за столика у стены незнакомая мне девушка махала рукой, я так поняла, что именно Алине. Слава Богу, мне не придётся провожать её к столику. Но напоследок мне достался холодный, почти оскорбительный взгляд, из которого куда-то вдруг подевались насмешка и снисходительность, и Алина Потапова, наконец, отошла от стойки, оставив нас с Давидом с глазу на глаз. Я молчала, он сверлил меня взглядом, после чего вдруг негромко попросил:

- Только спокойно.

Я выдала шикарную улыбку и сообщила ему:

- Я спокойна. Иди за стол.

Он пошёл через зал, а я продолжала стоять, гордо вскинув голову и

расправив плечи, и продолжала улыбаться кому-то неведомому. А сама наблюдала за тем, как у столика Кравец, к которому и направлялся Давид, его бывшая жена радушно расцеловывается с его отцом и мачехой. Они обнимались, о чём-то мило щебетали, смеялись, а когда Давид приблизился, я расслышала голос Марка:

- Давид, что ты там застрял? Алина пришла!

У меня было ощущение, что мне на грудь опустилась гранитная плита. Было тяжело дышать, очень хотелось устроить истерику, как в плохом кино. Но истерики я не уважала, и устраивать их совершенно не умела, поэтому оставалось лишь терпеть. Но гадкое чувство из души никак не хотело уходить, даже во рту стало горько. И казалось, что все в зале, без исключения, смотрят на меня. Все, кроме Давида и его семьи. А остальные с интересом наблюдают за моим унижением.

Но в этот вечер я многое поняла. Мне впервые представилась возможность понаблюдать со стороны. Я прикрывалась официальной улыбкой, какими-то профессиональными обязанностями и заботами, общалась с гостями, подходила к столикам, интересовалась, всё ли гостям нравится и устраивает. Николай Петрович не уставал напоминать мне о необходимости проявления внимания, и сегодня я безукоризненно исполняла все его поручения. Но мои мысли были заняты совсем не гостями, я украдкой наблюдала за Давидом. Видела, на расстоянии чувствовала, что он недоволен. Давид был задумчив и мрачен, совершенно не слушал отца и мачеху, а когда те начинали обращаться к нему с вопросами, откровенно отмахивался. Сидел, откинувшись на стуле и пил коньяк маленькими, но частыми глотками. А я подумала о том, что он вряд ли вспомнит, что обещал меня встретить после работы.

А ещё он без конца посматривал в сторону бывшей жены. И это больше всего меня ранило и задевало. Каждый его взгляд в ту сторону, словно кинжалом вонзался в моё сердце. И я уверена, что Алина тоже замечала его взгляды, и его недовольство. Вот только ей беспокоиться и волноваться было не из-за чего. Он же смотрел на неё. Она была весела, улыбочива, сидела в компании подруг и отлично проводила время. А внимание бывшего мужа поднимало ей самооценку. По крайней мере, я чувствовала бы нечто подобное.

- Перестань ему наливать, - шикнула я на Аньку, улучив момент и подсев к ней в баре. Налила себе стакан воды, а шёпотом обратилась к сестре. Та вытаращила на меня глаза.

- Интересно, как ты себе это представляешь? Передам с официантом, что ты запретила? Я, конечно, могу, но...

Я лишь вздохнула. Сделала пару глотков. Если честно, мне тоже хотелось напиться. Я уже успела возненавидеть этот вечер, свою судьбу, работу, и отдельно Алину Потапову. То есть, я и раньше к ней с душевной теплотой не относилась, но сегодня определилась окончательно в своём отношении к ней. Я не завидовала ни её красоте, ни богатству, ни успешности. Я злилась из-за её отношения к бывшему мужу, из-за того, что она откровенно наслаждалась его душевным дискомфортом, а, возможно, и страданиями. И, не удивлюсь, если намеренно всё это в нём подогревала. Наверняка, за столько лет общения, знакомства, близких отношений и даже брака, она выяснила все его болевые точки. И научилась на них давить. А мне было обидно и больно, за себя, я уже начала понимать, каких громадных замков на песке успела настроить в своём воображении, и, в то же время, пусть и, понимая насколько это глупо, мне было жаль его.

Я всё поняла за этот вечер. И всё, что мне оставалось, это сесть в баре, выпить залпом бокал вина, и зареветь.

- Лид, плюнь ты на них, - сказала Анька. Я подняла на неё глаза, встретила взгляд полный сожаления, и поняла, что всё происходящее мне не кажется. Это не моя богатая фантазия и ущемлённое женское самолюбие. Кошмар происходит на самом деле.

Анька вдруг сделала круглые глаза, видимо, пытаясь мне на что-то намекнуть, но соображала я в данный момент медленно, и прежде чем успела о чём-то догадаться, почувствовала чужую руку на своём плече. В первый момент дёрнулась от неожиданности, затем ощутила знакомый аромат одеколона, а когда Давид наклонился ко мне, на меня пахнуло резким запахом коньяка. Я даже отвернулась.

- Мы сегодня пьём? – спросил он.

Я аккуратно убрала его руку со своего плеча. Очень аккуратно, надеясь, что на его фамильярность внимания никто не обратил.

- Это ты сегодня пьёшь, - негромко ответила я. – А у меня перерыв.

- Перерыв, - повторил он вроде как с печалью. Поставил на барную стойку пустой бокал, и попросил: - Анют, повтори.

Анька, дурында, кинула на меня вопросительный взгляд, а что я могла сказать? Я показательно отвела глаза. Зато Давид игру глазами приметил, довольно громко и возмущённо фыркнул.

- Не надо смотреть на неё, надо делать, что говорю я.

Я со стула поднялась, собираясь уйти, не хотелось подогревать конфликтную ситуацию. Но Давид схватил меня за руку.

- Ты куда?

- Работать, Давид, - негромко, но твёрдо проговорила я. – Отпусти

меня, все смотрят.

- Ты из-за этого переживаешь?

- А ты не переживаешь? – решила я усомниться в его решимости.

Он, как и полагалось, полупьяному человеку, решительно мотнул головой.

- Нет.

- Очень за тебя рада. – Я попыталась расцепить его пальцы на своём запястье. Это казалось бесперспективным делом, и я снова попросила: - Отпусти. И возвращайся за стол.

- Ты из-за этого злишься? Что я там, а ты здесь?

Я посмотрела ему прямо в глаза, в надежде, что Давид под моим прямым взглядом начнёт соображать, даже сквозь алкогольный туман в голове.

- Что значит, здесь? – переспросила я. – Это моя работа. И мне моя работа нравится. Кто бы что ни думал.

- А кто что думает?

- Перестань пить, - шикнула я на него, когда Анька налила в его бокал очередную порцию коньяка.

- А то что?

- Да ничего, - разозлилась я. Рукой дёрнула, но этот болван ещё сильнее сжал пальцы.

Конечно же, наша перепалка у барной стойки не могла остаться незамеченной. Мало того, что гости, сидящие рядом, начали посматривать с любопытством, так ещё и Петрович примчался. И, конечно же, с претензией уставился на меня, а не на дорогого гостя.

- Давид, какие-то проблемы? – Озёрский остановился рядом с нами, пытаюсь своим маленьким тельцем закрыть нас обоих от глаз остальных гостей.

Давид развернулся к нему всем корпусом, одной рукой удерживая меня, а в другой бокал с коньяком. Головой покачал.

- Нет, всё хорошо. Только работницы у тебя, Николай Петрович, с характером. Пить запрещают.

- В каком смысле, запрещают? – переспросил Озёрский и на меня уставился гневным взглядом. Мне от этого взгляда стало совсем нехорошо. Ведь понятно, что дело не в выпивке, Петрович мгновенно всё понял, ситуацию проанализировал, и нашёл виновного. Меня.

- Откровенно, - немного невпопад ответил Давид.

Я заставила себя улыбнуться, хотя никому моя улыбка не была нужна, и никого не обманула.

- Я уговариваю Давида Марковича вернуться за столик, - сказала я, - и продолжить дегустировать французские напитки там. В конце концов, его там ждут. – Я снова дёрнула рукой, но Давид и в этот раз пальцы не разжал.

- Никто меня там не ждёт. Посмотри, - он даже рукой повёл. – Сидят, воркуют. Я им не нужен. Я, вообще, никому не нужен, - закончил Давид с трагизмом.

Я со значением посмотрела на начальника.

- Я считаю, что Давиду Марковичу просто необходимо вызвать такси. И отправить его...

- Куда? – весьма заинтересовался Давид.

А я с нажимом проговорила:

- Домой.

Давид неожиданно ухмыльнулся, глядя мне в глаза.

- Я знаю, почему ты меня спровадить хочешь. Всё я знаю.

- Очень за те... за Вас рада!

- Тише, - вдруг шикнул на нас обоих Озёрский. – Идите оба с глаз.

Давид ткнул в него пальцем.

- Очень мудрое решение, Петрович. Ты, вообще, мужик мудрый. Мы посидим. – И он за руку повёл меня к столику. Я лишь беспомощно оглянулась на сестру, которая с активным интересом наблюдала за происходящим, встретила взгляд Петровича, и вот тогда поняла, что мне лучше не сопротивляться. Взгляд начальника меня обжёг, он, словно, говорил: делай, что хочешь, но избеги скандала.

- Садись. – Давид отодвинул для меня стул, получилось у него не слишком галантно, и тон был требовательный, а не любезный.

Я присела за стол, под удивлёнными взглядами отца и мачехи Давида. Сам Давид сел на соседний стул, и даже ко мне придвинулся. А отцу сказал:

- Пап, это Лида.

Марк Борисович окинул меня изучающим взглядом, особых эмоций на его лице не проявилось, но он кивнул мне, в знак приветствия.

- Добрый вечер. Вы, как я понимаю...

- Мы с вашим сыном дружим, - поспешила я порадовать заботливого отца. – Приятно познакомиться, Марк Борисович. – Я и Яне улыбнулась. Улыбалась, а у самой внутри разгорался вулкан протеста.

Яна меня разглядывала с детским любопытством.

- Вы будете с нами ужинать? – поинтересовалась она. – Это хорошо, иногда мне так не хватает женского общества. С тех пор, как Алина ушла, я могу говорить только с Маркушей. А он же мужчина, я ему не во всём могу

признаться. Да, любимый? – Она потрепала любимого под подбородком, как щенка. А потом указала тонким пальчиком на мою грудь. – Ой, а что это?

- Это бейдж с моим именем, - пояснила я. – Я работаю в этом ресторане администратором. Вы сегодня прошли мимо меня.

- Работаете?

- Представь, Яна, - проговорил Давид нараспев, - некоторым людям приходится работать. Даже если это красивая, молодая девушка.

- Я так понимаю, - с лёгкой насмешкой проговорил Марк Борисович, - подружились вы здесь же? В ресторане?

- Считаешь, что я часто здесь бываю?

- По всей видимости, да.

- Что поделать, - пожал Давид плечами. – Кручусь, как белка в колесе. – Он вытащил из-под скатерти наши сцепленные руки и положил их на стол. Правда, быстренько разжал пальцы на моём запястье и сдавил ладонь. Я тоже смотрела на наши руки. Просто потому, что встречаться взглядом с его отцом или мачехой, мне больше не хотелось. В одном взгляде насмешка, в другом непонимание, и всё это относится к моей персоне, моему статусу и месту рядом с Давидом Кравцом.

Я осторожно пошевелила пальцами.

- Мне нужно возвращаться к работе, - негромко, но настойчиво проговорила я. Голову повернула и посмотрела на Давида. – Отпусти мою руку.

Он сверлил меня взглядом, потом скрипнул зубами, я даже услышала этот звук. Но пальцы, наконец, разжал. А я поспешила подняться. Вежливо улыбнулась напоследок его отцу.

- Приятно было познакомиться, - сказала я, и решительным шагом направилась через зал.

К концу вечера на меня красноречиво поглядывал весь персонал ресторана. И Николай Петрович поглядывал, весьма выразительно, но при этом ничего не говорил. Хотя, сказать ему было что, я по глазам видела. Обсуждал со мной рабочие вопросы, завтрашний день, изучал книгу заказов, и только время от времени надувал щёки, как индюк. И лишь когда мимо нас прошла Алина Потапова с подругами, и, не скрываясь, кинула на меня холодный взгляд, я услышала негромкий, но чёткий приказ:

- Улыбайся.

Я улыбнулась. А что, большего унижения, чем в этот вечер, представить трудно. Одна улыбка меня не убьёт, и не спасёт.

Давид исчез из ресторана как-то незаметно, к выходу Марк Борисович прошёл лишь с Яной под руку, та смешно помахала мне рукой, а отец Давида даже головы не повернул. Желания проститься с «подругой» сына у него не возникло.

- Давид через кухню ушёл, - сообщила мне Анька, когда мы, наконец, оказались в раздевалке. Жуткий вечер всё же заканчивался.

Я, в ответ на её слова, лишь кивнула. А сестра вдруг выдала невесёлый смешок.

- Но он, конечно, сегодня дал жару. Я за ним такого и не припомню.

- Говорят, что дурь с возрастом не у всех проходит, - сказала я. – К некоторым даже возвращается.

- Ты злишься на него?

В раздевалке больше никого не было, и можно было говорить свободно. Правда, голос повышать всё же не стоило. А мне хотелось, очень хотелось взять и заорать, чтобы внутреннее напряжение отпустило.

- Аня, какой смысл на него злиться? Или ты считаешь, что его сильно заботит, злюсь я или нет?

Сестра ко мне присматривалась, затем, видимо, решила приободрить.

- Лида, он же пьяный, что с него взять?

- Вот и я о том же, - расстроилась я. – Взять с него нечего.

Я не ждала увидеть Давида на улице, хотя он сам несколько часов назад пообещал меня встретить после работы. Но, если честно, видеть его я желанием не горела. До этого дня не могла подумать, что он способен на столь нелогичные, даже скандальные поступки. Просто от злости или расстройства. Но принцев, как известно, не бывает, не смотря на то, что

временами мы старательно наделяем кого-нибудь этими качествами. Идеальностью, смелостью, порядочностью и бескорыстностью. Пытаемся разглядеть в человеке несуществующее, и закрываем глаза на недостатки. Но приходит момент, когда розовые очки перестают работать, и становится горько и обидно.

Конечно, я всегда понимала, что Давид не принц, что у него куча секретов, возможно, для меня неприятных, но они никогда не касались меня напрямую, ни его тайны, ни его дела. Я была где-то с краю, и он лишь в нужный для него момент поворачивался ко мне лицом, и мы отлично проводили вместе время, минуя проблемы и взаимные претензии. И, наверное, мне стоило порадоваться тому, что наши отношения перешли на новую стадию, даже если она опасная, и каждый шаг нужно делать очень осторожно. Он начал открываться передо мной, вот только открытия сплошь неприятные. Но меня нисколько не беспокоит его неидеальность, я готова помогать, решать проблемы, вникать в его дела. Вот только я теперь ещё больше уверилась в том, что моя помощь ему не нужна, у него другой образ и в мыслях, и на сердце. И я понятия не имею, что произошло с его браком, но Давид явно ещё не пережил развод, как пытается всех в этом убедить, и меня в том числе. А ведь прошёл год.

Всё время нашего с ним общения, я хотела верить в любовь, во взаимность, в сказку, которая, как говорят, порой случается. Встречаются два человека и живут всю жизнь вместе. Как две половинки одного целого. Как это прекрасно встретить человека и понять, что это именно твой человек, что с ним легко, понятно и тепло. Со мной такое случилось, ведь, правда, случилось! Вот только моя сказка взаимности не нашла.

- Пообещай мне, что не будешь плакать, - потребовала от меня Анька, когда мы подошли к стоянке такси.

- Не буду, - сказала я.

- Не будешь обещать или не будешь плакать?

Я растянула губы в улыбке, в порыве чувств сестру обняла.

- Не буду плакать, - пообещала я. – Потому что толка от этого никакого.

- Правильный вывод. – Анька ободряюще ущипнула меня за щёку. – Ну их, этих мужиков. Всё у нас будет хорошо.

На часах два часа ночи. Новый день начался.

Я села в такси и захлопнула дверь. Закрывает глаза, как только поняла, что сестра меня не видит.

- Тяжёлый день? – участливо спросил таксист.

- Жуткий, - призналась я.

По дороге домой я что только себе не придумала и не представила. Давид уехал нетрезвый, один, в неизвестном направлении. Я даже вообразила, как он караулит Алину у ресторана, в желании с ней поговорить. А потом они уезжают вместе. И я, додумавшаяся до такого, едва не задохнулась. То ли от ревности, то ли от разочарования. Но уж чего я точно не ожидала, так это обнаружить Давида Кравеца в своём подъезде, сидящим на ступеньках у моей двери, с бутылкой виски в руках.

В первый момент я остановилась, глядя на него и не зная, что предпринять и как реагировать. Потом посоветовала себе сохранять спокойствие. Не радоваться заранее его приходу, и не переживать из-за слов, что он мне скажет. Ведь неизвестно, зачем он пришёл.

- Перешёл на виски? – спросила я, доставая ключи от квартиры из сумки.

Давид побултыхал напиток в бутылке. В ней было не больше половины.

- Странно пить французский коньяк в подъездах.
- То есть, мой подъезд не первый, в котором ты пьёшь.
- Если честно, я поначалу спутал, и с час сидел в соседнем.
- Замечательно.
- Ты на меня злишься?
- Считаешь, что у меня нет повода? Соседи могли вызвать полицию.
- Я не буйный. Тихо сижу, тихо пью.

Я открыла дверь и вошла в квартиру. Запретила себе наблюдать за тем, что будет делать Давид. В таком состоянии я лицезрела его впервые, и чего ожидать не знала. Скинула туфли с ног и прошла в комнату. И только услышала, как в прихожей захлопнулась дверь. А затем шорохи, вздохи, какой-то стук, и вот он, наконец, появился в комнате, и поспешил с очередным вздохом опуститься на диван. После короткой паузы решил сообщить:

- Мне плохо.
 - Мне тоже, - порадовала я. – Ужасный вечер.
 - Ужасный из-за меня?
 - В первую очередь.
 - А что я сделал? Я познакомил тебя с папой. А ты разозлилась.
- Я повернулась к нему.

- Ты познакомил меня с папой? – переспросила я его. – Протащил меня за руку по всему ресторану, у всех на глазах, будто я кукла. Просто потому, что имел на это право, как ты посчитал! А после заявил, что ты со мной дружишь!

- По-моему, это сказала ты.

- Потому что днём раньше ты озвучил эту мысль своему дедушке! Мне нужно было поддержать легенду! – невольно повысила я голос. И тут же закрыла глаза, стараясь успокоиться. Взмахнула рукой. – Давид, у меня нет никакого желания сейчас это обсуждать с тобой, три часа ночи.

Он глубокомысленно хмыкнул, моргнул.

- Хочешь, чтобы я ушёл?

Я разглядывала его пьяного, сидящего на моём диване. Я хотела, чтобы он ушёл. Хотела остаться одна, обдумать ситуацию, а, может, и поплакать. Но выпроводить Давида за дверь глубокой ночью, пьяного, у меня не хватило духу.

- Будешь спать на диване, - сказала я ему.

- На диване? – переспросил он, причём недоверчиво. – То есть, ты вот так решаешь проблемы?

- Мне даже интересно, какие проблемы можно решить подобным образом?

- Вот и мне... интересно! – Он выразительно запнулся.

- Я не решаю никаких проблем! И решать не собираюсь. Решай свои проблемы сам!

- Ах вот как! – Давид неприятно засмеялся. – Прошла любовь!

Я в гневе ткнула в него пальцем.

- Не смей говорить мне о любви! Тем более, в таком тоне.

- Я всё равно не понимаю, в чём я виноват!

Я остановилась перед ним.

- Если ты не понимаешь, то это, на самом деле, серьёзная проблема. Причём ко мне она не имеет никакого отношения. И даже если бы я захотела в это влезть, у меня бы вряд ли что-то получилось. Потому что это не моя проблема! – повторила я внушительно. Замолчала и нервно облизала губы. – А просто сидеть рядом и держать тебя за руку, прости, слишком тяжело.

Давид меня выслушал, вроде бы внимательно, потому что хмурился, но затем тяжело качнул головой.

- Я тебя не понимаю.

- Вот поэтому я и предлагаю тебе лечь спать.

- Я не хочу спать. Я хочу разобраться в том, что ты вбила себе в голову!

- Ах, это я себе вбила в голову!..

- Ты опять про Алинку?

- Это не я про Алинку, это ты про неё.

- Лид, ты дура?

Я встретила с ним взглядом, после чего взяла и кивнула.

- Да. Понимаю это всё чётче и чётче.

- Я тоже.

Я показательно указала ему рукой на дверь.

- Дорога на все четыре стороны тебе открыта, Давид. Ветер в спину.

- Как хорошо ты заговорила, - поразился он. – Ненадолго тебя хватило.

- В каком смысле?

- Ну... - Он изобразил руками в воздухе нечто неопределённое. – Когда мы познакомились, ты была милой, весёлой, нетребовательной. По мозгам мне не ездила.

- Правда? А ты казался нормальным мужиком, адекватным и уверенным в том, что ты делаешь. Все мы ошибаемся, как показывает жизнь.

- И в чём же я стал неадекватным?

- Нормальные люди не ведут себя так, как ты себя сегодня вёл.

Давид поморщился.

- Все иногда выпивают, Лида!

- Да, вот только поводы и причины у всех разные, согласись. – Я в один момент вдруг выдохлась и присела на кресло. Руки сцепила. Понимала, что следующие слова мне придётся заставить себя произнести. – Ты всё ещё переживаешь из-за развода.

Давид вскочил с дивана, как ужаленный, будто и пьян не был. А на меня с высоты своего роста взглянул зверем.

- По-моему, это у тебя проблема, - выдохнул он. – Ты ревнива без меры.

- Я не ревную, - сказала я, стараясь не смотреть ему в лицо. – Просто пытаюсь смириться с той реальностью, что есть. Раньше у меня не было оснований вникать в это, я не думала о твоей бывшей жене, наверное, вообще ни о чём не думала. А в последние дни ты мне всё наглядно продемонстрировал.

- Что? Что я жену люблю? – Давид неприятно ухмыльнулся, покачал головой. – Не люблю. Поэтому развёлся.

- Тогда из-за чего ты бесишься? Из-за того, что она тебя не любит? Или, как ты считаешь, недостаточно?

Он молчал. Стоял, смотрел на меня и молчал. А в глазах такая темнота, что я поняла – угадала. И сама уже этому была не рада. Я помедлила ещё секунду, после чего тоже поднялась, а Давиду негромко сказала:

- Я ложусь спать, я устала.

Он наблюдал за мной, как лев на охоте. Одними глазами. Продолжал стоять посреди комнаты, напоминая мрачную статую, и только взглядом меня преследовал. Поэтому я захлопнула дверь спальни, просто чтобы избавиться от его взгляда. Закрыла дверь и прижалась к ней лбом. Сердце билось где-то в горле, было больно, а в душе глухое отчаяние. А всё из-за смятения, из-за того, что я неожиданно для себя оказалась на пороге чужой души, и дальше ничего не видно, сплошной туман. Хотелось развернуться и убежать, ведь не зря предупреждают, что лезть к другому человеку в душу, дело неблагодарное. Я и не хотела, как-то случайно получилось наступить на больной мозоль любимого мужчины.

Я стояла, прижимаясь лбом к прохладному дереву, закрыв глаза, и слушала его шаги за дверью. Давид прошёл по комнате туда-обратно, после чего ушёл на кухню. А я раздумывала о том, почему он здесь. Почему не уходит, хлопнув дверью, проклиная меня за то, что лезу, куда не надо. Зачем ему я, эта маленькая, чужая квартира, все эти разговоры и ссоры. Мне очень хотелось понять, что именно его здесь держит. Помимо изрядной доли алкоголя. К тому же, он уже не казался таким уж пьяным.

В какой-то момент я рискнула приоткрыть дверь и выглянуть в другую комнату. Кухни отсюда видно не было, но я уловила запах сигаретного дыма. Давид курил. Видимо, всё-таки изрядно нервничал. Я снова прикрыла дверь, принялась переодеваться. Очень хотелось спать. Лечь, закрыть глаза и забыться. И я легла, прямо поверх покрывала, закрыла глаза и сложила руки на животе. Не слишком ободряющая поза, но я лежала и глубоко дышала. В какой-то момент поняла, что последнюю минуту ни о чём не думаю.

- Ты спишь?

Я открыла глаза.

- Нет.

Давид стоял у кровати и смотрел на меня. Затем улёгся рядом, пристроился плечом к плечу, по моему примеру сложил руки на животе и тоже уставился на тёмный потолок.

- Я плохой человек? – спросил он через минуту.

Я нервно сглотнула.

- Я не знаю, - сказала я правду. – Сегодня я поняла, что вообще плохо тебя знаю.

- Лид, я никогда не притворялся.

- Верю. Но у тебя не было необходимости быть со мной настоящим. Я ведь никто. Случайность в твоей жизни. Их, наверняка, было немало.

Давид неловко молчал, кажется, даже вздохнул, я не поняла, но ему

явно стало не по себе от моих слов.

- Не говори так.

Я горько улыбнулась в темноту.

- Сейчас ты скажешь, что я хорошая.

- Хорошая.

- Спасибо, Давид.

Он перевернулся на бок, стал смотреть на меня в темноте.

- Я же не пытаюсь тебя обидеть. Ты, на самом деле, очень хорошая. И я не собирался тебя обманывать.

- Само так получилось, да?

- Нет. Я вообще тебя не обманывал. Скажи, в чём я тебе соврал?

Если мужчина не хочет слышать то, что ты ему говоришь, то достучаться до него практически невозможно. И ведь он прав, он мне не врал. Потому что ничего никогда не обещал.

Как ни горько это признавать. Я сама себя обманула.

Поэтому я согласилась с ним.

- Ты прав.

Наверное, я произнесла это каким-то особо обречённым тоном, потому что Давид возмутился.

- И всё равно я виноват, да?

- Да ни в чём ты не виноват, - не сдержалась я. На кровати села, спустила ноги на пол. – Сколько раз я должна повторить? Я виновата, я. В том, что слишком увлеклась. Придумала то, чего нет, и не было.

- И что же ты придумала?

Я обернулась к нему.

- Как и любая нормальная женщина, которая встречается с мужчиной, которая спит с ним, которая беспокоится и хочет заботиться о любимом человеке. Я придумала себе отношения, и что они к чему-то приведут в итоге. Теперь я понимаю, что с тобой это не ведёт ни к чему.

- Я какой-то не такой?

- Тебе это не нужно.

Он недовольно поджал губы, снова улёгся и даже глаза закрыл. Думал. А я, признаться, в этот момент на него смотрела, вдруг осознав, что это может быть наш последний вечер вместе. Скандальный, с тяжёлыми разговорами, но вместе. И в мечтах, он, конечно, должен был сейчас открыть глаза, посмотреть на меня и сказать:

- Мне это нужно. И я хочу этого с тобой.

Но это были лишь мои мечты, а в реальности Давид продолжал молчать, и его молчание убивало во мне последнюю, пусть и крохотную

надежду.

Давид вдруг сел, отодвинулся от меня и привалился спиной к стене. Лицо рукой потёр, а когда на меня посмотрел, развёл руками.

- Я не понимаю, для чего всё усложнять. Разве нам плохо? Я и так каждую свободную минуту провожу с тобой. Что тебя не устраивает?

- Ты серьёзно? – переспросила я.

- Да, вполне. Ты говоришь о развитии отношений, что это к чему-то должно привести. К чему? К очередному штампу в паспорте? Когда мы будем жить под одной крышей, есть за одним столом, просыпаться в одной постели. Мы и так всё это делаем, Лида.

- При чём здесь штамп в паспорте? – обиделась я. – Я что, замуж за тебя напрашиваюсь?

- Ты только что сама сказала!..

- Ты всё переворачиваешь! Я не прошу на мне жениться сейчас и немедленно. Но, Давид, я хочу понимать, хотя бы для себя, кто я такая! На что я право имею, что я, вообще, значу. – Я с кровати вскочила, чтобы не сидеть больше у него в ногах, как собачка. – Да, ты спишь в моей постели, ты ешь за моим столом, мы даже проводим вместе выходные. Но это происходит только тогда, когда ты этого захочешь! А если ты не хочешь, то мне не нужно звонить, о чём-то предупреждать, ты уверен, что я сижу и жду. А я не понимаю, чего именно я жду? Я не подруга, не жена, любовница в удобное для тебя время. Я, получается, вообще нечто удобное, что не имеет названия!

- Вот сейчас ты уже преувеличиваешь.

- Я так не считаю! Я отлично для себя уяснила, что я Давиду Кравцу не ровня. Мне говорят об этом все вокруг: и твои родственники, и мои друзья и знакомые. Я администратор в ресторане, и гожусь лишь на то, чтобы скрашивать твоё одиночество. В те моменты, когда ты одинок! Хорошо, я готова обдумать эту ситуацию, но тогда скажи мне об этом сам. Будь смелым, будь последовательным, и скажи, что я нужна тебе в определённом качестве. И я буду понимать, от чего мне отталкиваться. И нужно ли мне это, вообще! Я не хочу быть запасным вариантом в твои выходные.

Давид взъерошил волосы и едва остановил себя от того, чтобы застонать в голос.

- То есть, я должен прямо сейчас решить, насколько у нас всё серьёзно? Вот прямо сейчас?

Я устало покачала головой.

- Не должен. Раз за два месяца в твоей голове даже мысли такой не

появилось, то ты точно ничего мне не должен.

- Лида, я уже был женат. И ничего хорошего из этого не вышло. Я не знаю почему! – Давид развёл руками. – И женщину, на которой я был женат, я знал практически всю свою жизнь. Ты понимаешь? Я с ней вырос, я с ней разговаривал миллион раз, обо всём. У нас была куча всего общего! Воспоминаний, родственников, планов на будущее. Я даже влюблён в неё был, и в какой-то момент, сложив всё это вместе, я решил, что это не такая плохая идея – сделать её своей женой. Чтобы в моей жизни всё сложилось не так, как у родителей, у деда, у многих знакомых. Я на Алинку смотрел, я не один год к ней присматривался, и я понимал, что она идеальна. Не во всём, конечно, но на фоне наших реалий, ни одной женщине её не превзойти. Я чётко представлял нашу семейную жизнь, потому что мы отлично друг друга знаем. Мы три года прожили вместе, прежде чем собрались пожениться. Я знал о ней всё.

Я стояла перед кроватью, перед Давидом, слушала его пламенную речь, и не знала, как защититься от того, что слышу. Как справиться с очередным разочарованием лишь от того, что на Алине Потаповой он всё же хотел жениться, что это не договорной брак, о котором он мне рассказывал ранее. Что он её любил. И хотя его слова тоже были полны обиды, скорее на судьбу, чем на бывшую жену, мне от этого легче не становилось.

- И не смотря на всё это, ничего не вышло, - сказал Давид. – Ты не была замужем, ты не представляешь, что это такое. Когда каждый день ты просыпаешься с мыслью, что ты обязан. Заботиться, оберегать, выполнять просьбы и требования, а в перспективе ты не только муж, но и отец семейства. И тебе об этом постоянно напоминают, подготавливают тебя. И ты уже не сам по себе, и люди, которых ты раньше уважал, так сказать, на расстоянии, оказываются твоими родственниками, и начинают учить тебя жить, работать, детей делать. А самое главное, чтобы жена всегда была довольна, улыбалась, и у неё было хорошее настроение. А настроение ей не поднимает твоя занятость, повседневные дела, проблемы. Ей всегда необходимо быть выше рутины и всех окружающих. А ещё у неё есть миссия – родить наследника. А если ты устал или занят, то ты априори виноват, что не справляешься. Ты же муж!

Под конец его речи, я начала злиться.

- Мне тебя пожалеть?

- Да не надо меня жалеть! Я просто говорю тебе, что ты не понимаешь!.. И после двух месяцев... - Давид взмахнул рукой, пытаясь подобрать правильные слова, - обжиманий в машине, ты хочешь от меня

каких-то выводов и решений. Серьёзных!

- Давид, а тебе не приходило в голову, что ты сам себя перемудрил? Ты сам себя сейчас слышал?

Он воинственно выдвинул вперёд подбородок.

- Что опять не так?

- С тобой или со мной? – Я упёрла руку в бок и принялась рассуждать:
- Значит, ты у нас такой продуманный, весь такой взвешенный, в стремлении не совершить тех же ошибок, что и твои родители. И жену ты себе решил по уму выбрать, как дед предложил. Умницу и красавицу, из порядочной семьи, всю такую идеальную, - не удержалась я от язвительности. – Чтобы она содержала идеальный дом в идеальном порядке и рожала тебе идеальных детей, я всё так поняла?

- Ни хрена ты не поняла, - обиделся он.

Я остановила его взмахом руки.

- Я всё поняла правильно. Просто когда я это озвучила вслух, тебе самому стало противно. Нет, я ничего не говорю, мы все стремимся к совершенству, поэтому и я, как последняя дура, в тебя влюбилась. Ты же у нас совершенство! Под стать своей бывшей жене. Вот только ты не учёл одной маленькой детали. Думать о совместной жизни и о детях нужно не с тем человеком, который кажется тебе идеалом, а с тем, кто тебя примет со всеми твоими заморочками, тараканами в голове и косяками. Для кого ты идеалом не будешь, кто тебя будет тупо любить. Ждать тебя с работы, слушать тебя, когда всё плохо, лечить, когда ты заболеешь, не дай Бог. И детей тебе рожать не потому, что вы подходите друг другу по статусу и квалификации генов, а тебе.

Давид мрачно кивнул.

- Да, именно вот из-за таких чистых и открытых отношений, я вырос без родителей.

- То есть, тебя не устраивает никак? И до какого возраста ты собираешься порхать, как мотылёк? До возраста твоего отца, чтобы потом выбрать себе Яну?

- Лида, ты уже начинай думать, прежде чем что-то сказать.

Я заставила себя остановиться, перевести дыхание. Кивнула, признавая свою вину.

- Прости. Это было чересчур.

Я от Давида отвернулась, постояла у окна, глядя через лёгкую тюль на посветлевшее небо. Скоро солнце взойдёт, а мы всё что-то выясняем.

- Ты всё ещё переживаешь из-за развода, - проговорила я негромко и стоя к нему спиной. Зажмурилась, пользуясь тем, что Давид не видит моего

лица. Эти слова, даже в повторе, давались очень тяжело. – И не говори мне, что это не так. Ты рядом с ней нервничаешь, злишься, делаешь глупости.

- И из этого следует, что я переживаю? – чересчур насмешливо переспросил Давид. А у самого в голосе неуверенность.

- Зачем ты меня спрашиваешь? Ты знаешь это лучше кого-либо.

Он потёр лицо ладонью, откинул голову, прижавшись затылком к стене, и прикрыл глаза.

- Она не хотела разводиться, - вдруг сказал он. – А я... наверное... поступил, как трус. Собрал вещи, пока её дома не было, и уехал в город. И нас не развели, представляешь? – Давид невесело хмыкнул. – Дали три месяца на примирение, и все эти три месяца со мной никто не разговаривал. Ни она, ни её родители, ни мой отец. Хотели дать понять, какой я подлец и дурак.

- И ты проникся.

- Я не хотел расставаться врагами! Я хотел, чтобы всё было цивилизованно.

Я повернулась к нему.

- Давид, ты на самом деле веришь в сказки про то, что можно расстаться с человеком, и впредь считать его своим другом? Тем более в такой ситуации? Наверное, это бывает только с теми, кто ничего друг к другу и не чувствовал. Да ты сам не смог бы с ней дружить! Конечно, очень приятно думать, что ты весь чистый и порядочный, что никому в жизни ничего плохого не сделал, но так не бывает. Ты поддался эмоциям и бросил жену. Что, по твоему мнению, должно было дать ей повод с тобой поддерживать дружеские отношения? То, что ты такой замечательный человек?

- Лида, а ты что принялась меня лечить?

- Я тебя не лечу. Я удивляюсь, - добавила я тише.

- Знаешь, что меня в вас раздражает?

- В ком это, в нас? – решила я уточнить, хотя, прекрасно поняла, на что Давид намекает.

- В женщинах. Вы живёте с уверенностью, что мужики идиоты. А вы все разбираетесь в жизни, как заправские психоаналитики! Все, как одна, с дипломами!

- Потому что вы поступаете, как идиоты, - не сдержалась я. – А потом невинно хлопаете глазами и удивляетесь тому, кто всё это сделал, ведь вы всё это время в сторонке простояли!

- И что, что ты хочешь мне всем этим сказать? Что я моральный урод? Сволочь?

Я осторожно втянула в себя воздух.

- Я хочу сказать, что тебе не мешало бы сесть одному, и спокойно подумать о том, что происходит.

- Но ты уже всё про меня поняла, да?

- Не язви, пожалуйста. И не выставляй меня ревнивой дурой.

- Хорошо. – Давид поднялся, остановился посреди комнаты, уперев руки в бока. – Я сяду и подумаю. Раз ты советуешь мне это сделать, - с ехидством добавил он. – А ты не боишься, что я надумаю что-нибудь не то?

Я осторожно расправила плечи, стараясь показать уверенность в себе, которой, правда, в помине не осталось.

- Это будет твоё решение.

- А что будешь делать ты?

- Жить. Жила же я до тебя, как-то. Думаю, и дальше проживу. – Я аккуратно обошла его и из спальни вышла. Не знаю, куда направлялась, просто невыносимо стало находиться с Давидом в тесном пространстве, под его испепеляющим взглядом.

- То есть, мне уйти? Ты всё решила?

Я резко обернулась.

- Вот не надо этого делать! – с нажимом попросила я. – Не надо перекладывать это решение на меня. Я попросила тебя сесть и подумать, чего хочешь ты. А облегчать себе решение за мой счёт, не нужно.

- Опять не так. – Давид развёл руками. Он тоже вышел в большую комнату и присел на мягкий подлокотник дивана. На меня посмотрел, покачал головой. – Я не понимаю, что тебе нужно. Ты хочешь от меня каких-то решений, признаний. При этом, стоит мне уличить тебя в этом в открытую, ты тут же встаёшь в позу, и заявляешь, что тебе ничего от меня не нужно. Ты тоже не совсем честна, милая. Даже с собой. И ты права, мы не знаем друг друга. Два месяца – это, вообще, не срок. Что я должен тебе сказать? Ты правды хочешь? – Давид пожал плечами, смотрел прямо мне в глаза. – Я тебя не люблю. Ты хорошая девочка, мне с тобой хорошо и интересно, но я не люблю тебя.

Эти слова прозвучали, как выстрел. Они пронзили моё тело в районе сердца, я буквально чувствовала рану и холод в ней, но почему-то продолжала стоять, смотреть на него, даже голос его воспринимала. И слёз не было, наверное, я окаменела от обиды. Конечно, обижаться на человека за то, что он не чувствует к тебе того же, что чувствуешь ты, глупо, но это всегда так больно и обидно. Одно слово разрушает все мечты и надежды, и они рушатся внутри тебя, складываясь, как карточный домик, одна на одну.

Но мне всё же пришлось нервно кашлянуть, чтобы спустя несколько

секунд вернуть себе способность говорить.

- По крайней мере, ты сказал правду, - глухо проговорила я.

- Лида, я не хотел тебя обидеть.

- Знаю. Ты никого не хочешь обидеть, это смысл твоей жизни.

Давид с шумом втянул в себя воздух, а я поняла, что избегаю смотреть на него. Сжала руку в кулак, ногти впились в кожу ладони.

- Наверное, тебе лучше уйти, - проговорила я. – Мне нужно поспать.

- Гонишь.

- Давид, уходи, - попросила я с нажимом. – У меня кончились силы.

Он поднялся, на секунду замешкался, видимо, не зная, как правильно уйти, и, в конце концов, просто направился в прихожую, не сказав мне ни слова. А я продолжала стоять посреди комнаты, и только ждала, когда хлопнет, закрываясь, входная дверь. Казалось, что на это потребовалась целая вечность. Дверь хлопнула, Давид ушёл, и стало тихо. А я молча стёрла со щёк слёзы.

Самым лучшим сейчас, было лечь и уснуть. Надежды на то, что я проснусь спокойной и вылечившейся от своей влюблённости, не было, но хотелось забыться. А я лежала в тишине и глотала слёзы. И всё вспоминала слова Давида о том, что он меня не любит. Он произнёс их так уверенно, без тени сомнения, видимо, на обдумывание этого решения ему не требовалось ни времени, ни смелости. Со мной у него всё просто. Не нужно прислушиваться к себе и что-то решать. Я в его жизни никто, случайность.

Проснулась я на следующий день, ближе к обеду. С распухшим от слёз лицом, с красным носом и тоской во взгляде. Долго смотрела на себя в зеркало, пытаюсь понять, можно ли спасти ситуацию (не отношения с Давидом Кравецом, а с лицом), окончательно осознала, что всё плохо, и некоторое время набиралась смелости для того, чтобы позвонить Петровичу и сказать больно. Особо притворяться не пришлось, с голосом была беда, он хрипел и дрожал, и Озёрский уже спустя минуту моих сбивчивых объяснений, разрешил мне на работу не приходиться. Один день.

- Одного дня мне хватит, - заверила я начальника. С облегчением повесила трубку и забралась обратно в кровать.

За окном мрак, морозящий дождь, и настроение у меня под стать. Но лить слёзы и голосить от расстройства, я себе запретила. Лежала и смотрела в одну точку. Телефон звонил несколько раз, я каждый раз вздрагивала, подскакивала на постели, призналась себе, что всё-таки жду звонка Давида, но звонил не он. Анька, мачеха, но я ни с кем не хотела разговаривать. Сестре написала, что заболела, чтобы та не волновалась и не

обрывала мне телефон, и снова ложилась в постель с одной-единственной целью – тарачиться в стену. Почему-то казалось, что от этого процесса становится легче.

Ближе к обеду в дверь позвонили. Я насторожилась, недовольно заворочалась, мысленно ахнула, припомнив свой вид в зеркале этим утром, но с кровати поднялась. И первым делом подошла к окну, глянула вниз. Машины Давида у подъезда не было. Но, может, это и хорошо?

Глянув в глазок входной двери, я едва не застонала в голос, увидев мачеху. Принесла нелёгкая...

- Ты почему на звонки не отвечаешь? – нарвалась я на обвинение вместо приветствия, как только открыла дверь.

Я отступила в сторону, впуская её в квартиру. Отвечать не хотелось, к тому же Луиза тут же впиалась взглядом в моё лицо, и нахмурилась сильнее, чем обычно.

- Что с тобой? У тебя грипп? У нас же дети.

- Могу только посочувствовать, - пробормотала я, торопясь от неё отвернуться и возвращаясь в комнату.

- Язва ты, Лидка. Доброго слова от тебя не дождёшься.

- Что нужно?

Луиза без разрешения прошла по комнате к старому буфету и открыла верхний ящик.

- Женя документы здесь оставил. На квартиру. Ты не видела?

- Зачем они мне?

- Документы всё-таки.

- Зачем мне ваши документы? – начиная злиться, повысила я голос. – Берите и делайте, что хотите.

- Я и делаю, что хочу. То есть, что мы все хотим.

- И папа тоже?

- Конечно, - вроде бы удивилась мачеха. – Он же муж семьи.

- Муж семьи, - повторила я, пытаюсь проникнуться серьёзным статусом отца. – Круто. И что вы всем коллективом хотите?

- А то тётка тебе не доложила!

- Про дом, что ли? – Я недоверчиво хмыкнула. К мачехе присмотрелась. – Что за внезапная тяга к лесам и полям?

- К каким ещё лесам? Коттедж на окраине города присмотрели. Семья у нас большая, нужно расширяться.

Понятно, у них семья большая, а я, вроде как, и не семья вовсе.

Мачеха добралась до нужной папки с документами, ящик задвинула и повернулась в мою сторону. Снова ко мне присмотрелась, внимательно,

даже голову на бок склонила.

- Странная ты какая-то, опухшая. Плачешь или пьёшь?

- А что хуже?

- Хуже только вместе, - наставительно произнесла Луиза. – Я Полину всегда учила: реветь – последнее дело, особенно из-за мужиков. Надо себе цену знать.

Я хмыкнула.

- Помнится, мы с ней вместе росли. А мне ты такого не говорила.

- Потому что ты никогда никого не слушаешь, с малолетства себе на уме. Кому же надо насильно тебе в голову что-то вдавливать? Нужно быть добрее к людям, Лида. А не так как ты, волчонком вечно смотришь.

- Учту, - пробубнила я. В другое время я вряд ли бы позволила обзывать себя волчонком и злыдней, но сегодня у меня сил не было вступать с мачехой в полемику. К тому же, на моём самолюбии вчера уже знатно потоптались, ещё одной порции я просто не выдержу. Так что, я постаралась как можно скорее родственницу проводить до дверей.

- Не забудьте предупредить, как съезжать соберётесь, - попросила я, стоя на пороге, - а то нагряну в гости к чужим людям. Все вместе удивимся.

- А ты почаще об отце вспоминай, - прилетел мне с лестницы очередной укор, - и к телефону подходи!

- Как скажете, - буркнула я себе под нос, и закрыла дверь.

Ну вот, жизнь не замерла, планета не перестала крутиться, несмотря на моё горе, значит, всё не так плохо.

К концу дня я раскаялась в том, что выпросила больничный. Находиться дома в одиночестве стало невыносимо. Хотелось выть, но не отчаяния, а от тоски. Хотелось отвлечься, с кем-нибудь поговорить, не о себе, а о чем-то нейтральном, пустом и бессмысленном. Обсудить сегодняшнее блюдо дня или глупый фильм, что идёт в кинотеатре. Понятия не имею, что идёт сейчас в кинотеатре, но готова обсуждать. Единственное, что удержало меня дома, это всё ещё опухшие глаза и красный нос. Их невозможно было ничем замазать или скрыть, и Петрович вряд ли обрадовался бы, увидев меня в таком виде. Даже если бы желание работать вбежало в ресторан вперёд меня. И поэтому я осталась дома, пила чай, смотрела в окно, как старушка, и невольно прокручивала в голове сложившуюся ситуацию. Мысленно с Давидом разговаривала, и в моих размышлениях он со мной соглашался, ведь я, как считаю, права. И всё так складно, так логично с моих слов выходило, что хоть звони ему и всё объясняй заново, но я знала, что вне моей головы Давид куда упрямее, запутаннее и у него наверняка найдётся масса доводов, чтобы доказать мою

неправоту. Ещё и добавит, что лезу не в своё дело. И будет прав, но мне понадобится некоторое время для того, чтобы отвыкнуть думать о нём, о его делах и проблемах. Он сказал вчера четыре слова, которые всё расставили по своим местам. Точнее, мне указали на моё место, и с этим придётся смириться. Зачем мне человек, которому я не нужна, правда?

И каждый раз, как эта здравая мысль меня посещала, на глаза наворачивались горячие слёзы, и мне приходилось глубоко дышать, часто моргать, чтобы предотвратить очередную волну бурных рыданий. Не буду я плакать, я завтра пойду на работу.

- Что с тобой случилось? – накинулась на меня Анька, когда мы на следующий день встретились в раздевалке. Я раздвинула губы в улыбке.

Надо сказать, что половину сегодняшнего утра я потратила на то, чтобы скрыть на лице следы вчерашних переживаний. И мне это неплохо удалось, правда, косметики на лицо пришлось наложить едва ли не тонну, да ещё постараться, чтобы всё это выглядело естественно. Меня сегодня можно на выставке выставлять, в качестве художественного произведения. Или пристроить в уголке дома деда Давида, под круглосуточную охрану.

- Я плохо себя чувствовала, - сказала я сестре, не желая её расстраивать. А чтобы уйти от опасной темы, как можно дальше, сказала: - Луиза приходила, они всё-таки продают квартиру и покупают дом.

- Мама не обрадуется.

Я дёрнула плечом.

- У них большая семья, - повторила я слова мачехи, - им надо.

- Знаю я её семью, всю поголовно. Ты и дядя в неё не входят.

- Ладно, не наговаривай.

- И больше ничего не случилось?

Я остановилась перед зеркалом, застёгивала форменную блузку. На сестру кинула лишь быстрый взгляд через зеркало.

- Если ты о Давиде, то всё нормально. Мы расстались. Кажется.

Анька застыла столбом, обдумывала информацию. Затем нахмурилась.

- Как это – кажется?

- То есть, я попросила его уйти, он ушёл, и на этом всё. Не думаю, что он позвонит.

Сестра руками развела.

- И что теперь?

- Ничего. – Я бодро улыбнулась. – Буду кивать ему при встрече в ресторане. – Застегнула последнюю пуговицу, к Аньке повернулась и хлопнула её по плечу. – Не я первая, не я последняя. Умирать не собираюсь.

Я ещё крутилась в раздевалке, занималась своими делами, а Анька

задумчиво наблюдала за мной из угла. Не знаю, что высмотрела, может, мне, на самом деле, удалось продемонстрировать запас жизненной энергии, потому что сестра в какой-то момент заявила:

- Это хорошо, что ты так держишься. Но мне всё равно жаль, Лида.

- Мне тоже, - отозвалась я деревянным голосом, и на этом мы разговор закончили.

Я прошла на своё рабочее место, ресторан вот-вот должен был открыться, наступало обеденное время, а я про себя читала молитву, чтобы этот день прошёл спокойно, без неожиданных и неприятных сюрпризов. Пролистала книгу заказов на вечер, никого опасного для себя в списке гостей не увидела, и порадовалась.

- Ты точно не больна? – строго поинтересовался Николай Петрович, приглядываясь ко мне. – Не дай Бог, кого заразишь.

- Ни на кого чихать не буду, - заверила я его. А начальник выразительно постукал коротким пальцем о край стола администратора.

- Лидия... - начал он, а я его перебила:

- Со мной всё хорошо, Николай Петрович. И никаких неприятностей я вам больше не доставлю, обещаю.

- Я запомню твоё обещание. А если надо и припомню.

В этом я не сомневалась, добросердечностью и всепрощением Петрович не отличался.

Кого я хотела увидеть в этот день меньше всего, не считая Давида? Это Алину. А она появилась вскоре после открытия, я как её увидела, входящую в ресторан, едва удержалась, чтобы не рвануть из зала, в надежде переждать трудную минуту. Но собрала последние силы в кулак, и осталась на месте, смотрела, как она направляется ко мне, и настраивала себя на улыбку, пусть фальшивую и формальную, но улыбку. Мне же за это зарплату платят, да? Но, как выяснилось, обедать Алина не собиралась, подошла ко мне и смотрела недовольно. Белокурая, с прозрачной кожей, огромными голубыми глазами, в которых плескался укор. Изящная ручка легла на стойку, на тонком пальчике сверкал дорогой перстень с тёмным, почти чёрным камнем. Явно старинная, дорогая вещь. Правильно, Алина Потапова ничего другого не носит, не удивлюсь, если перстень подарил ей дед Давида, он же её едва ли не родной внучкой считает. Мне не хотелось на неё смотреть, а тем более разглядывать, но её образ будто сам по себе впечатывался в моё сознание, а я вспоминала, как Давид рассказывал мне о ней, о её красоте и идеальности. И я поневоле чувствовала себя рядом с ней гадким утёнком, вот только утёнок был крупнее лебедя, более неловким и нелепым.

- Добрый день, - поприветствовала я её. – Желаете пообедать?

- Не желаю, - в тон мне отозвалась гостя. Тоже меня разглядывала, с явным неудовольствием. После чего сказала: - Хочу с тобой поговорить. Мы можем... куда-нибудь выйти на пару минут?

Я, признаться, растерялась, принялась оглядываться, а к нам уже спешил Николай Петрович, озабоченно хмурясь.

- Алина Михайловна, рад вас видеть. Какие-то проблемы?

- Нет, но... Николай Петрович, можно я у вас сотрудника украду на пару минут? У нас личный разговор.

Озёрский сверкнул на меня глазами, явно предостерегая и коря, но отказать не посмел.

- Конечно. Не торопитесь.

Нет бы сказал:

- Ни в коем случае, она занята, на весь день! – и я бы осталась на рабочем месте, переполненная благодарностью любимому начальнику за то, что спас меня от неприятного разговора, а он лишь расшаркиваться принялся.

Я вышла из ресторана вслед за Алиной, та шла уверенной походкой, явно зная, куда направляется. Мне оставалось лишь следовать за ней. Мы поднялись по лестнице на второй этаж, и вскоре оказались на просторном застеклённом балконе. Кадки с фикусами, столики под светлым тентом, цветы в вазах, а из людей никого. Как только мы вышли на балкон, Алина сбавила шаг, а потом и вовсе обернулась ко мне.

- Ты можешь объяснить мне, что случилось?

Я на всякий случай отступила от неё на шаг.

- А что случилось?

Алина прищурилась, что ей, кстати, совсем не шло.

- Давай сэкономим и твоё время, и моё. Не будем отвечать вопросом на вопрос. Я знаю, что что-то случилось. И, по всей видимости, ты в этом сыграла не последнюю роль. Я не хочу знать, что именно тебя связывало с моим мужем, но если тебе удалось вывести его из себя, то ты должна это исправить.

Я негромко хмыкнула.

- Насколько я знаю, он не является вашим мужем, - напомнила я ей. – Так почему я оказалась что-то вам должна?

- Ты понятия не имеешь, о чём говоришь.

- Очень может быть. Но у вас нет права чего-то от меня требовать. Если Давид чем-то недоволен, я считаю, что он достаточно взрослый и самостоятельный для того, чтобы озвучить свои претензии мне лично. Если

ему есть, что мне сказать.

- Ему нечего тебе сказать.

- Тогда я совсем ничего не понимаю. Зачем вы пришли ко мне? Отругать меня, что-то выяснить или за него заступиться?

- Ты совершенно не знаешь его.

Это заявление прозвучало для меня неприятно, хотя и было правдиво, но из уст Алины Потаповой услышать его было вдвойне тяжело.

- Ты не знаешь, почему он сделал такую глупость, что со мной развёлся. А я знаю, знаю, что совсем скоро он одумается, и всё будет, как прежде. И мне совсем не нужно, чтобы новые знакомые вносили в его жизнь сумятицу, и вкладывали в его голову глупые мысли.

- Я так понимаю, что всё это в мой адрес.

- Ты правильно понимаешь, - кивнула она. – Он мне вчера позвонил совершенно пьяный, и нёс всякую ерунду про то, что ему нужно решить, как жить дальше. Сказал, что ты потребовала от него определиться. Определиться с чем, хотелось бы спросить?

- А он вам не сказал? Странно. Он же вам позвонил, а не мне. Спросили бы.

- Перестань мне дерзить. – Алина сделала шаг ко мне и уставилась мне в лицо. Непонятное ощущение, когда очень красивый человек смотрит на тебя очень зло. Ангелам, как бы, такие эмоции не свойственны. Но Алина Потапова, судя по всему, тот ещё ангел. – Мне совершенно всё равно, что между вами было. Таких, как ты, у него всегда была тьма. И меня никогда это не беспокоило. От особо притких и настырных я избавлялась. И от тебя избавлюсь, запросто. Одно моё слово – и ты не будешь здесь больше работать. Ты не будешь работать в этом городе ни в одном приличном заведении. Но... - Алина отступила от меня и изобразила снисходительную улыбку. – Я не стану этого делать, уверена, что мне не стоит напрягаться, ты не глупа, и сделать выводы сможешь сама. Поэтому скажу только одно: держись от моего мужа подальше.

Мне даже сказать в ответ ей было нечего. Дело было не в том, что я испугалась или впечатлилась, хотя и не ждала от девушки с ангельской внешностью подобного тона и требований, но я понимала, что спорить с ней бесполезно. Да и зачем? Что я собираюсь ей доказывать? У меня нет ни одного козыря на руках.

- Я пойду, - сказала я, - нужно возвращаться к работе.

Я уже успела повернуться и сделать шаг, как Алина меня окликнула. Правда, так и не запомнила моего имени, или это было своего рода унижение.

- Пстой.

Я обернулась. Алина смотрела на меня задумчиво.

- Запомни адрес: Нижнеколоменский проезд, дом два. Квартира, если не ошибаюсь, восемь. Спроси Марию Кочергину.

Я нахмурилась.

- Кто это?

- Это причина, по которой мы развелись. И причина, по которой Давид ко мне вернётся, когда успокоится. Надеюсь, что после этого ты оставишь его в покое. И перестанешь заставлять его совершать глупости.

Я заставляю Давида совершать глупости!

Я думала об этом до конца рабочего дня. По моему мнению, он и без меня с этим отлично справлялся, ещё до нашего с ним знакомства. Конечно, первое впечатление Давид Кравец производит совершенно иное, но, в конце концов, даже идеальный мужчина встал под общий со всеми особями своего пола знаменатель. Эгоист и параноик. Вот только понимание этого факта, совсем не остудило мои чувства, и с принятием решений я не спешила. Всё ещё ждала развития ситуации.

Хотя, какое развитие, если Давид, расстроенный и опечаленный, поспешил позвонить бывшей жене, а не мне. А та, как выяснилось, и рада стараться. Я, конечно, и раньше подозревала, что Алина не просто так бывшего мужа без конца подначивает, поддерживает его, так сказать, в тонуе своей язвительностью и остротами, и подобная тактика приносит хорошие плоды, не поспоришь. А теперь я знаю наверняка, всю изнанку нашей истории, и никакого места для себя в банке с пауками, в которой неожиданно оказалась, не нахожу. А что это значит? Правильно, что из этой банки пора выбираться. Я в последнее время всерьёз ощущаю себя на месте участника реалити-шоу, словно за стеклом живу. Все ходят, в глаза мне улыбаются, а сами исподтишка наблюдают за моей жизнью, всем интересно, чем же дело закончится. Когда мне официально дадут отставку. Ведь не может в реальной жизни случиться такого, чтобы Давид Кравец и какая-то девка с ресепшена! Наверное, его родственники и знакомые именно так обо мне отзываются.

- Что она от тебя хотела? – спросила Анька, улучив момент и оставшись со мной с глазу на глаз.

- Ничего особенного, - неохотно ответила я и, стараясь не встречаться с сестрой взглядом. – Просила оставить её мужа в покое.

- Ого. – Анька замолчала, обдумывала. Потом переспросила: - Они решили снова сойтись?

Я листала книгу заказов, без всякой необходимости, лишь бы что-то делать. Листала быстро, выдавая этим степень своей нервозности, но поделаться с этим ничего не могла.

- Не знаю. Это их дело.

Анька потёрла кончик носа, на меня смотрела с сожалением.

- Она тебе хамила? – Я не ответила, а сестра кивнула, подтверждая

собственные выводы. – Алина может, я знаю. За ангельской внешностью скрывается злая жаба.

Я не удержалась и зло хмыкнула.

- Правда? И что, все это знают, но предпочитают закрывать глаза на её недостатки?

Анька плечами пожала.

- Наверное. Мужики-то уж точно. А мы... мы что, мы молчим. Наше дело маленькое.

- Я тоже себя не на помойке нашла, чтобы выслушивать её оскорбления.

Анька беспокойно сдвинула брови.

- Ты с ней разругалась?

Герой из меня какой-то неправильный, когда врага в опасной близости нет, я переполнена желанием воевать.

- Нет, - созналась я, - но общаться с ней впредь, желания у меня не возникает.

Анька вдруг схватила меня за руку.

- И правильно, не ругайся, Лид, не надо. Они богатые, нам их не понять. Алина Потапова так и будет здесь желанным гостем, а тебя уволить могут. Не порти себе жизнь.

- Не буду, - буркнула я, совсем не порадовавшись доводам сестры. Ну почему в жизни всё так несправедливо?

Нижнеколоменский проезд, дом два, квартира восемь. Это где-то на окраине, старые дома. Дома ещё старше, чем наши панельные «хрущёвки». Вот только зачем я об этом думаю, если не собираюсь плясать под дудку Алины Потаповой и отправляться по этому адресу? Но имя некой Марии Кочергиной не давало покоя. Я гнала от себя эти мысли, гнала, но они заполняли ту пустоту, что появилась после ухода Давида. И я сейчас могла думать лишь о нём, об Алине Потаповой, а думать об этих двоих, тем более вместе, мне совершенно не хотелось, либо о неизвестной мне Маше. И о её роли в жизни Давида. Раз уж, как утверждает Алина, он из-за неё развёлся, значит, это была не просто интрижка. Как со мной, надо полагать. Но зачем-то меня поставили в известность об этой особе, вряд ли просто для того, чтобы лишний раз уколоть. Алина отчего-то посчитала, что мне нужно это знать. И что эта информация окончательно разрубит затянувшийся узел. По крайней мере, для меня.

Будь я немного умнее, не пошла бы на поводу у соперницы. Ведь мы соперницы, как ни крути, по крайней мере, пока Давид не появится и не поставит точку. Я не сомневалась, что это произойдёт, и непременно со

мной, и ожидание сводило с ума. Именно поэтому я не могла мыслить трезво и во благо себе. Наверное, поэтому снова умолчала о том, что меня тревожит, и не сказала ничего Аньке. Та уехала после работы домой, успокоенная моими уравновешенными речами, я обещала, что не буду делать глупостей, и что работа для меня дороже романа с ненадёжным человеком. Ведь это даже не отношения, это роман. Правда, это были не мои слова, слова сестры, мне бы на них духу не хватило. Сейчас, по крайней мере.

Прошло уже несколько дней, а Давид так и не появлялся. Не звонил, не писал, по всей видимости, ему больше нечего было мне сказать. А вот у меня накопилось столько всего, доводов, причин – и помириться, и расстаться. У меня никак не получалось договориться с самой собой, и это главное, что сводило с ума – неопределённость. Я ведь продолжала ждать его появления, не смотря ни на что. Называла себя глупой, и всё равно ждала. Мне необходимо было решить, понять для себя, что делать дальше. Конечно, более умная, более смелая и взрослая женщина взяла бы и набрала его номер, и спросила напрямую, а я, каждый раз беря в руки телефон, понимала, что мне откажет голос в тот же момент, как Давид ответит на мой звонок. И я не звонила, я ждала. А ждать – это самое невыносимое, самое ужасное и тягостное, что может случиться с человеком.

И, наверное, именно поэтому, чтобы как-то избавиться от тяжести в душе и прервать бессмысленное ожидание, я и поехала в этот Нижнеколоменский проезд. Проснувшись чуть свет, и осознав, что уснуть больше не смогу, я просидела пару часов на кухне, пила кофе и наблюдала, как за окном становится светлее, во дворе начинает бурлить привычная, каждодневная жизнь. А потом в один момент решила, поднялась из-за стола и отправилась переодеваться. До начала рабочей смены оставалось пять часов, и я решила, что этого времени мне должно вполне хватить для того, чтобы выяснить, что же меня ждёт по этому адресу. А, при необходимости, и успокоиться.

Чего ждать, я совершенно не представляла. Точнее, столько всяких гипотез настроила, что Алина Потапова могла бы собой гордиться. Сна и покоя она меня лишила. Кстати, у меня мелькнула мысль, что бывшая жена Давида могла всё выдумать, чтобы поставить меня в ещё более глупое и унижительное положение. Правда, я вспомнила выражение её глаз в тот момент, и мысль об обмане решительно отменяла. Что-то за всем этим стояло, что-то серьёзное, и это что-то ей также не давало покоя.

Таксист привёз меня на Нижнеколоменский проезд, и мы некоторое

время катались между старыми, трёхэтажными домами, пытаясь найти дом под номером два. Я смотрела в окно на почти сельский пейзаж, с белёными домами, с палисадниками полными цветов, и с кособокими лавочками перед подъездами. В ветхих домах не было балконов, и бельё на уличных верёвках здесь сушилось повсеместно. И не смотря на разгар рабочего утра, на улице было тихо, словно день здесь начинался значительно позже, чем во всём городе. Здесь никто не торопился и никуда не бежал – ни в школу, ни на работу.

- Школа здесь раньше была, - сказал мне таксист, разговорившись. – Я помню. На окраине, деревянная. А потом её снесли, а новую так и не построили, дети теперь на автобусе на Васильевскую ездят. У меня здесь тётка когда-то жила, и брат в той школе и учился. А потом они в город переехали.

- Это тоже город, - удивилась я. – Просто окраина.

- Слишком крайняя окраина, - усмехнулся мужчина. – Деревня деревней.

А, по мне, здесь было довольно мило. Я поблагодарила водителя, когда он остановился у дома под номером два, расплатилась и вышла из автомобиля. Принялась оглядываться. Конечно, было несколько странно видеть покосившиеся сараи неподалёку, брошенные на газоне детские велосипеды, далеко не новые, цветы, растущие повсюду, словно на огороде, а особенно, чужое нижнее бельё выдающегося размера на бельевой верёвке, но от всего этого веяло странным спокойствием. По всей видимости, жизнь здесь текла вяло и неспешно, все друг друга знали, и вряд ли опасались быть ограбленными. Всё на виду.

Я постояла перед подъездом нужного мне дома, разглядывая ветхое крыльцо и кота на ступеньке, толстого, с недовольной мордой. Кот на меня косился, потом сделал несколько шагов и лёг на траву. А я продолжала стоять и смотреть на дом, на окна. Восьмая квартира, совершенно точно, находится на втором этаже. Вот только, что я скажу, когда позвоню в дверь? Если даже сама не представляю, зачем приехала и что собираюсь выяснять.

Стоять и глазеть на окна старого дома, можно было бесконечно долго, меня спугнула тётка в цветастом халате, что появилась на крыльце соседнего подъезда и принялась ко мне с подозрением присматриваться. Живя на этой улице, точно не стоит бояться воров и бандитов, незамеченным не пройдёт никто. Чтобы избавиться от прокурорского взгляда исподлобья, я поспешила зайти в подъезд. Поднялась на второй этаж по кособоким деревянной лестнице. В маленьком подъезде пахло хлоркой от намытой лестницы, а на подоконнике цвели герани. Ощущение,

что я попала в странный сон.

Дверь в восьмую квартиру оказалась новой, дорогой, единственная подобная в подъезде. Я в последний раз мысленно сказала себе, что я дура, ведусь на придумки Алины Потаповой, а после нажала на кнопку звонка у двери. И замерла в ожидании.

Из-за двери не доносилось ни звука, мне уже показалось, что я жду бессмысленно и довольно долго, как вдруг услышала звук отпираемого замка. Тяжёлая дверь открылась, и я увидела женщину. Она куталась в махровый халат, выглядела бледной и сонной. А ещё уставшей и какой-то неживой. У неё даже взгляд был неживой, равнодушный и тусклый.

- Вы что-то хотели?

Я на мгновение замялась, после чего сделала попытку улыбнуться.

- Здравствуйте. Я ищу... Марию Кочергину. Мне дали этот адрес, но я не уверена...

Женщина открыла дверь чуть шире.

- Я Мария Кочергина. Что вы хотели?

А, на самом деле, что я хотела?

Я смотрела на неё, и понимала, что мне нечего ей сказать. И не о чем её спросить. Передо мной стояла обычная женщина среднего возраста, не красавица, уставшая и измотанная. Отёкшее лицо с заметными припухлостями под глазами, волосы тусклые и в беспорядке, будто она только что встала с постели. Неухоженная, в потёртом, свалявшемся от долгой носки махровом халате, и в дешёвых тапочках с вышитым бисером цветком.

Я с трудом заставила себя оторвать взгляд от её лица, всё пыталась понять, что же Алина хотела мне сказать, направив к этой женщине, и поэтому выдала первое, что пришло в голову:

- Мне дали ваш адрес... Алина Потапова.

- Алина? – переспросила женщина, и я впервые заметила в её взгляде искру любопытства. – Зачем?

Вот тут я пожала плечами и честно сказала:

- Не знаю.

Женщина ещё секунду ко мне приглядывалась, затем открыла дверь шире и предложила:

- Проходите.

Я, если честно, в первую секунду замешкалась, но затем всё же переступила порог её квартиры.

Маленькая прихожая, не больше, чем моя собственная, мебель не новая, обои на углу изрисованы, видимо, ребёнком. Но в квартире тихо,

кажется, никого больше нет.

- Проходите на кухню, - сказала Мария и добавила: - раз уж пришли. Не разувайтесь.

Я прошла по узкому коридору на маленькую кухню, окинула быстрым взглядом царивший там бардак, немытые чашки на столе, недоеденный бутерброд на тарелке, пакет с мусором у стены. Я остановилась в нерешительности, но за моей спиной появилась хозяйкой и подсказала:

- Садитесь у окна. Извините, но чай предлагать не буду, я не в том состоянии, да и настроении, для приёма гостей.

Я опустила на стул, заверила, что ничего не хочу. К тому же, Мария остановилась передо мной, встала в дверном проёме, и принялась меня разглядывать. Любопытство в ней проснулось, кажется, неугасимое.

- Как вас зовут? – спросила она после паузы.

- Лида.

Мария сложила руки на груди.

- И Алина дала тебе мой адрес. – Едва заметно усмехнулась. – Видимо, крепко ты её достала.

Я, конечно, поняла, о чём она. Пожала плечами.

- Я бы так не сказала.

Мария устало вздохнула, запахнула ворот халата на груди, будто замёрзла.

- Просто так она бы тебе эту встречу не устроила. Давид ей запретил лезть ко мне.

Заветное имя прозвучало, и меня словно иголкой в самое сердце кольнули. Я наблюдала за Марией, за тем, как она перемещается по маленькой, захламлённой кухне, но старалась наблюдать незаметно.

- Извините, мне не нужно было приходить. Я даже не знаю, зачем пришла.

- Как зачем? Наверняка, Алина нарасказывала тебе ужасов, заинтриговала, наговорила кучу лишнего...

- Она ничего не сказала. Только адрес и ваше имя.

- Вот видишь, информация урывками интригует ещё больше.

Мой взгляд поневоле скользил по столу, давно немытой плите и раковине, полной посуды. И я настолько увлеклась созерцанием представшего передо мной хаоса, что не успела отвести взгляд, и Мария его перехватила.

- Ужасаешься?

- Нет, что вы... - попыталась я выкрутиться из щепетильной ситуации, но прозвучало не слишком искренне. Я, может, и не ужасалась, но не

понимала, как можно жить в таком бардаке.

- Да ладно, что я, не понимаю? – Мария равнодушно махнула рукой. – Всё понимаю. Но пусть всё так остаётся. – Она присела на стул напротив меня, так и сжимала пальцами отвороты халата. Печально улыбнулась. – Давид мне домработницу нанял. Представляешь? Пусть, говорит, приходит раз в неделю, убирает... А я не хочу, не хочу чужого человека в доме. Пусть всё будет так, как есть.

- Давид у вас был?

- Недели две назад. Ему неприятно меня видеть. Я так думаю. Или это мне не хочется с ним говорить? Даже не знаю. – Мария подняла на меня глаза. – А ты ему кто? Новая любовница?

Это слово неожиданно царапнуло. Я глаза отвела. Но нужно было что-то отвечать.

- Наверное.

- Ты красивая. Хотя, и не в его вкусе. Он блондинок любит. – Мария вдруг улыбнулась, совершенно открыто. Указала на свои тёмные волосы. – Всех вокруг и себя в том числе, в этом уверяет. А любит он только одну блондинку. За что только непонятно. Алинка его – стерва первостатейная. Я ему ещё тогда об этом сказала, когда он жениться на ней надумал. Говорю: что тебе не живётся спокойно? Зачем ты себе такое ярмо на шею вешаешь? Ей ведь не муж нужен, а пудель дрессированный. А он, дурак, не послушал.

Я снова её разглядывала, её бледное, измождённое лицо. Мария даже когда улыбалась, радостной совсем не выглядела. На вид ей было лет сорок, но я понимала, что, на самом деле, меньше. Просто с этой женщиной что-то случилось, настолько ужасное и печальное, что у неё в какой-то момент опустились руки.

- А вы?.. – начала я, но сбилась и замолчала.

А Мария смело встретила мой взгляд.

- Перестань мне выкать. От этого только хуже.

Я кивнула.

- Хорошо. Тогда скажи мне, для чего я здесь.

- Откуда же я знаю? – удивилась Мария. – Видимо, у тебя были серьёзные причины для того, чтобы прийти. Чтобы послушать эту бестию с ангельским личиком и пойти по её наводке.

Тогда я решила задать прямой вопрос.

- У вас с Давидом что-то было?

- Было, - ответила она без всякого промедления. Правда, после раздвинула губы в очередной печальной улыбке. – Но настолько давно, что

уже и не вспомнить. – Мария вздохнула. – А, глядя на меня, и не поверить. – Помолчала несколько секунд, а когда подняла на меня глаза, спокойно пояснила: - Первая любовь. По крайней мере, у меня. Мы учились с Давидом в одном классе. Здесь раньше школа была...

- Я знаю. Но я не думала, что он здесь учился.

- Десятый и одиннадцатый класс. Его тогда из гимназии выгнали за плохое поведение, дед его разозлился, и отправил доучиваться к чёрту на рога. Так и говорил. Оказалось, что это здесь.

Глядя на эту женщину, странно было даже подумать, что они с Давидом одного возраста, да ещё влюблены друг в друга были. Первая страсть, романтика, поцелуи под луной и клятвы... Сейчас Мария выглядела старше своего возраста, обрюзгшей и несчастной. И образ Давида Кравеца, того Давида, что я знала и видела несколько дней назад, совсем с ней не вязался.

- Они и жили здесь. Борис Иосифович тогда только замыслил себе мавзолей строить, и они здесь квартиру купили, в доме у дороги. Давно это всё было... - Мария качнула головой, а сама нервно водила ладонью по краю кухонного стола. И казалась отстранённой, видимо, погрузилась в воспоминания. – Жили вдвоём. А ещё к ним женщина приходила убираться и готовить. Это так дико в те времена казалось, вся улица их обсуждала. А уж деда Давида все ненавидели, склочный он мужик. – Мария подняла на меня глаза. – Ты с ним знакома?

- Немного.

- Значит, представление имеешь. Борис Иосифович ещё тот фрукт. Деньги из воздуха делал, кому угодно, что угодно продать мог, ничего не стеснялся. Половина улицы в его побрякушках ходила, и каждый верил, что купил старинную, дорогую вещь.

Я поневоле усмехнулась, правда, Мария вряд ли заметила.

- А я Давида всегда ругала. Дед его под себя подлаживал, на семейный бизнес, так сказать, настраивал, говорил, что я девка безродная, и внуку его не пара.

- Знакомо, - пробормотала я.

Мария на меня посмотрела.

- Но, что самое интересное, прав был старый прохвост, не пара мы с Давидом. Но как я его любила, - с придыханием и без всякого стеснения, скорее, с ностальгией, добавила Мария. – Хотя, его, наверное, все женщины так любят. Даже Алина.

- Он всё-таки стал с дедом работать, - решила я немного отойти от неприятной для себя темы.

- Конечно, стал. У него это в крови, страсть ко всему чужому.

- В каком смысле?

- Во всех. Или ты думаешь, Борис Иосифович себе не достойную замену вырастил? Это отец у Давида никчёмный, как павлин выхаживает, сколько его помню, а Давид в дела деда с головой полез. А в его делах, в планах на будущее внука, фигурировала лишь Алина Потапова. Она тогда мелкая ещё была, лет четырнадцать ей было, но у этой мумии планов на две его жизни. Поверь. И никогда к нему спиной не поворачивайся. У него рука не дрогнет, даже в таком преклонном возрасте. – Мария вздохнула, качнула головой в такт своим мыслям. – Если бы Борис Иосифович тогда не влез в наши отношения, кто знает, как бы всё повернулось. Мы ведь пожениться собирались, вот такая любовь была. – Мария повернулась ко мне лицом. – Три года после школы встречались, жить вместе собирались. Родители мои ещё живы были, всё свадьбу ждали, внуков...

- Первая любовь редко заканчивается чем-то хорошим, - осторожно заметила я.

Мария мелко закивала, а по её щеке вдруг покатила слеза. Одна, вторая. Она их поспешно стёрла, выдохнула и со стула поднялась. Из кухни вышла, а я осталась сидеть, чувствуя неловкость, и не зная, что предпринять. Может, пойти за ней, попытаться успокоить? Ещё раз сказать, что с первой любовью редко кому везёт. Но пока я раздумывала, Мария вернулась, в руках у неё была фотография в рамке. Она мне её протянула, и я, в первый момент, подумала, что на фото Давид, только ещё совсем мальчик. Но присмотревшись, осознав, что снимок не такой уж и давний... я внутри похолодела.

- Вот чем закончилась, - проговорила Мария, и плакала, уже не скрываясь. – Сыночек мой, Тёмочка.

Я в шоке разглядывала фотографию. Улыбающийся мальчика лет двенадцати, с футбольным мячом под мышкой, темноволосый, взгляд живой и искрящийся от энергии, совсем, как у Давида.

- А где... - невпопад проговорила я, не в силах оторвать взгляд от мальчишеского лица.

Мария снова опустила на стул, всё вытирала и вытирала слёзы.

- Два года уже почти прошло, а я всё никак поверить не могу, всё жду, что домой придёт.

У меня комок к горлу подкатил.

- Его машина сбила, у школы, на Васильевской. И водитель-то не виноват, мальчишки же, дорогу перебежали, а зима, гололёд... Затормозить не успел. – Мария приложила руку к груди, будто ей дышать нечем было. –

Но мне-то от этого не легче! У меня-то сына нет больше!

Я аккуратно поставила рамку с фотографией на стол, мальчишка, так похожий на моего любимого человека, его продолжение, продолжал смотреть на меня счастливыми глазами.

- Он через неделю умер, в больнице. Мы так надеялись, так ждали, что в себя придёт. Давид врачей из Москвы привёз, профессора какого-то, клиники в Израиле и Европе обзванивал, собирался туда везти... А Тёмочка не дожил, не справился. Головой сильно ударился. А мы так его любили!

- Маша, мне очень жаль, - проговорила я одними губами. В горле стоял ком. Я смотрела, как она плачет, её буквально трясло, как при судорогах, и я понимала, что сама готова заплакать.

- Давид его так любил. Не жил никогда с нами, бывал наездами, но любил сильно. Виноватым себя считал, что семьи нормальной сыну не дал. А как Артём подрос, начал его с собой брать, то по области они ездят, то на футбол записал, старался ни одной тренировки не пропустить. Даже к деду возил, семья же всё-таки. – После этих слов Маша безнадежно махнула рукой. – Но этому кровопийце внуки от безродной девки не нужны, он о фирменных детях мечтал, с печатью о подлинности качества.

- Ребёнок-то при чём?..

- Не при чём, - согласилась Маша. – Но ему разве объяснишь? Но я Тёме говорила, чтобы он из-за деда не расстраивался. Главное, папа в нём души не чаёт.

- Почему же вы не поженились? – рискнула спросить я.

Мария плакать перестала, но выглядела грустной и смотрела в стену перед собой. После моего вопроса, дёрнула плечом.

- Как-то не сложилось. Повзрослели оба, любовь на убыль пошла, а тут беременность. Родители меня ругали, конечно, говорили, что замуж надо, пусть женится, столько лет вокруг да около ходит. Наверное, если бы Давид предложил, я бы согласилась, может быть, и счастлива была с ним. Но он в то время начал на деда работать, вскоре командировки начались... потерялся он во всём этом, понимаешь? Изменился, повзрослел. Я за ним угнаться не могла.

- Зато от Алины Потаповой не потерялся, - весело заметила я.

- От неё потеряешься. Танк, а не девка. Красивая, избалованная, знает, чего хочет. Я в первый раз её увидела, она ещё подростком была, но тогда уже смотрела на меня свысока. Всем своим видом показывала, что я ей не соперница. Понимаешь, ей с малых лет внушили мысль, что Давид – её судьба, что они когда-нибудь обязательно поженятся. И она всех соперниц на пути локтями расталкивала. Пока не доросла до того возраста, когда

Давид на неё всерьёз внимание обратил.

- И влюбился?

- Да кто ж этих мужиков поймёт? Говорил, что да. И выглядел влюблённым. Но, знаешь, я их отношения с самого начала наблюдала. Мы со временем с Давидом друзьями стали, я к нему на поклон никогда не ходила, на шею не вешалась, штамп в паспорте не выпрашивала... как некоторые. И он со мной делился, порой совета спрашивал. А что я могла ему посоветовать в отношении этой цацы? Давид когда её увлёкся, в слова деда истинно поверил. Что так и надо, что Алина Потапова для него лучшая партия, идеальная женщина и в будущем жена. Объединение семей, капиталов... Нам с тобой не понять. А он поверил, полюбил, наверное. Они ведь долгое время вместе жили, прежде чем пожениться. Вот только Тёму она никак признавать не хотела. Знала, конечно, что у Давида сын, но даже попытки не предприняла увидеть, познакомиться. Даже перед свадьбой. Это Давиду не нравилось, знаю, что не нравилось, но ругаться с ней он не хотел. Да и нам с сыном, знаешь ли, такие родственники без надобности. Которые в глаза улыбаются, а у самих камень за пазухой. Поэтому я тоже молчала. Да и что я сказать могла? Давид сам решил на ней жениться. А потом беда случилась... и всё сломалось.

- Она когда мне адрес дала, сказала, что здесь причина их расставания. И почему он к ней вернётся.

- Ей хочется так думать. А, может быть, мы чего-то не знаем, может быть, она права. Если честно, мне всё равно. Пусть он сам думает, с кем ему жить, куда возвращаться. – Маша снова опустилась на стул. Вздохнула. – Что нас с ним сейчас связывает?

- Не говори так, - сказала я. – Вас очень многое связывает. Самое лучшее, что было в его жизни, это то, что было у вас двоих. Ребёнок. Никакие жёны, любовницы тут не при чём.

- Я знаю, она считает, что у Давида стресс, что он никак не оправится от потери сына, что он сошёл с ума... немного. Не верит, что он ушёл от неё.

- А ты?

Маша пожала плечами.

- Не знаю. Я в последние два года вообще ничего не знаю. И не понимаю. Живу в каком-то нереальном мире. Даже на улицу не хочется выходить, людей видеть. Давид меня к психологу возит, злится, ругается, а у меня не получается жить дальше. А вот он старается, я вижу. – Маша нервно облизала губы. – Если честно, меня это злит.

- Он мужчина. Но он тоже мучается.

- Да. У нас обоих пустота в жизни образовалась, провал какой-то. Тёмочки не стало, и наши с Давидом жизни словно провалились куда-то. Я даже просила его не приезжать больше, но он...

- Это хорошо, что он тебя не оставляет. – Я окинула кухню ещё одним взглядом. – Ты ведь одна живёшь?

- А больше и нет никого. Родители умерли, друзья как-то потерялись. Знаю, что сама в этом виновата, но я первый год никого видеть не хотела. Давид что-то делает, продукты привозит, даже домработницу нанял, а мне тяжело. Тяжело и его видеть, и деньги от него брать.

- Он о тебе заботится, это хорошо.

- Я иногда гоню его, а потом понимаю, что если Давид не приедет и не позвонит, то я, вообще, никому не буду нужна. – Маша произнесла это негромким, задумчивым голосом, а потом вдруг повернула голову и посмотрела на меня с интересом. – А ты что же, влюбилась?

Я молчала первые секунды, после чего растянула губы в печальной улыбке.

- По-моему, это уже не имеет особого значения. Думаю, что всё закончилось.

- Алина?

- Наверное, и она тоже. Как ты говоришь, я тоже ему не пара. Работаю в ресторане, где семейство Кравец обедать и ужинать любит. Увидела его, обомлела, как девчонка. Высокий, красивый, богатый. Подмигнул, улыбнулся, и я, как последняя дура...

Маша кивнула.

- Знакомо. Вот только Алина всерьёз обеспокоилась, раз прислала тебя ко мне. Значит, зацепила ты Давида.

- Она говорит, что я заставляю его совершать глупости.

- Это какие?

- Наверное, думать о жизни, о том, что он творит. Как с людьми поступает. И с ней в том числе.

- Так ты посягнула на её территорию?

- Я понятия не имела, что за ней числится ещё какая-то территория, - отозвалась я с ехидством. – Он сказал мне, что в разводе, и меня это вполне устраивало. А когда он начал делать глупости при каждом её появлении на горизонте, а я стала задавать вполне закономерные вопросы, оказалось, что я никто и звать меня никак. Что ж, я не глупая, я всё поняла.

Маша меня разглядывала.

- И что будешь делать?

Я недолго раздумывала, потом головой качнула.

- Ничего. Я ничего не собираюсь делать. Бегать за ним и упрашивать я тоже не стану, как бы тяжело ни было. Но смысла я в этом не вижу.

- Ну, и правильно. Если честно, Лида, я тоже думаю, что он к ней вернётся. Она умеет им управлять, а это много. И нужно либо оставить всё, как есть, либо начинать войну.

- Если бы я знала, что мне есть за что воевать... - проговорила я с сожалением.

- Но ты его любишь?

Я с трудом сглотнула вернувшийся комок в горле.

- Ты его тоже любила, ребёнка родила. Это много решило?

Маша молчала, отвернувшись к окну. А мне пришлось извиняться:

- Мне через час нужно быть на работе, пора идти. С тобой всё хорошо?

- Да, - кивнула она будто в прострации. – У меня ничего не болит, я совершенно здоровый человек.

- Я не об этом...

- Я поняла. – Она грустно улыбнулась. – Давид всегда задаёт мне этот вопрос. Даже после похорон спросил, всё ли у меня хорошо. Не знал, что ещё сказать. А со мной всё хорошо, к тому же я трусиха, покончить с собой у меня даже тогда духа не хватило. Что уж теперь? Я жива, я дома, чего-то жду...

Я руку протянула и коснулась её плеча.

- Нужно быть сильной, - сказала я. – Как бы тяжело ни было.

Маша кивнула. Поднялась, чтобы проводить меня до двери. А я уходила от неё с тяжёлым сердцем, вдруг представив, что она сейчас закроет за мной дверь, и снова останется одна, наедине со своим горем. И безысходностью. В четырёх стенах, в которых всё напоминает об ушедшем из жизни сыне. Страшно даже представить в каком психологическом кошмаре каждый день живёт эта женщина.

На работу я приехала в подавленном настроении, но, в то же время, ощущала безудержную злость на одного единственного человека. Которому, видимо, наплевать на чувства других людей.

- Привет, как дела? – улыбнулась мне Анька, проходя мимо.

Я кивнула ей в ответ, растянула губы в улыбке и пообещала чуть позже подойти в бар, чтобы вместе выпить по чашке чая. А как только сестра отошла на приличное расстояние, продолжила листать книгу заказов, отыскивая телефонный номер Алины Потаповой. Я даже здороваться с ней не стала, когда она ответила на звонок. И наплевав на все доводы разума, в лоб поинтересовалась:

- Зачем вы отправили меня к Маше?

- Она не захотела с тобой говорить?

- Почему же, она со мной поговорила. Да, я узнала много подробностей о жизни Давида. Но, во-первых, я не понимаю, для чего вы это сделали, а, во-вторых, неужели вам не жалко эту женщину? Она ребёнка потеряла, а вы отправляете к ней любовниц бывшего мужа поговорить за жизнь? Чтобы она ещё раз всё это пережила? Вы, вообще, нормальный человек?

- Давай ты не будешь мне хамить, - с нажимом и недовольством проговорила Алина, но я её снова перебила.

- Это не хамство. Ваш поступок – хамство, и не по отношению ко мне. А по отношению к чувствам Маши, да и к Давиду. Вы используете смерть их ребёнка в своих интересах, чтобы, как вам кажется, отвадить очередную женщину от него. Это низко и гадко. И я знаю, что вы мне сейчас скажете, начнёте меня пугать последствиями. Не утруждайтесь, Алина Михайловна, давайте остановимся на том, что вы сделали всё, что могли, а я не расскажу об этом Давиду. Но не ради вас, а ради него.

Я положила, точнее, бросила трубку на рычаг, и тогда уже взволнованно выдохнула. Сердце в груди колотилось, а щёки горели. Я даже ладони к ним приложила, но это мало помогло. Я ещё несколько минут после короткого, но очень неприятного разговора, приходила в себя.

Вечером, почти перед самым закрытием, появился Давид. Я совсем не ожидала его увидеть, в последние дни, после своего ухода из моей квартиры, он даже не звонил, никак не давал о себе знать. И я где-то в глубине души успела отчаяться и поверить в то, что больше его не увижу (хотя, вряд ли он из-за меня пойдёт на такую жертву, как перестать посещать любимый ресторан, но всё же...). К тому же весь день думала лишь о том, что узнала от Маши, переживала, настолько прониклась её слезами и болью. И, если честно, появлению Давида на фоне своих переживаний, я не обрадовалась. Знала, что как только увижу, взгляну на него уже совсем другими глазами. Начну высматривать тень горечи потери на его лице, печаль в глубине глаз, которой раньше не замечала, и не смогу мыслить здраво. Да и не была уверена, что Давид захочет со мной общаться. С его характером, вполне мог пройти мимо и даже взглядом не удостоить.

Но он появился в ресторане, трезвый, гладко выбритый, с ясным взглядом, и сразу подошёл ко мне. Секунду-другую мы молчали, смотрели друг на друга, и, не знаю, как он, а я чувствовала лёгкую неловкость.

- Привет, - сказал он.

Я не стала радоваться его спокойному тону, не спешила улыбаться,

только легко кивнула.

- Привет.

- Ты заканчиваешь через час? Я тебя дождусь.

Я приложила все душевные силы, чтобы усмирить зачатки ни на чём не основанной радости, что вспыхнули во мне. Снова кивнула.

- Хорошо.

Давид отошёл от стойки, отмахнулся от подоспевшего официанта, и прошёл в бар. Я украдкой наблюдала за ним, видела, как Анька гостю натянуто улыбнулась, явно не знала, как себя вести. А Давид устроился за стойкой и попросил кофе. Он не улыбался, как обычно, не был приветливым и милым, наоборот, выглядел задумчивым. Пил кофе и думал о чём-то, даже по сторонам не смотрел. А у меня от нехорошего предчувствия руки затряслись.

- Вы помирились? – зашептала мне не менее взволнованная Анька, когда мы встретились с ней в раздевалке. Я переодевалась, говорила себе, что нужно поторопиться, ведь Давид ждёт на улице, а сама едва заставляла себя шевелиться. Пальцы напрочь отказывались застёгивать пуговицы на блузке.

В ответ на вопрос сестры, я лишь неопределённо пожала плечами.

- Ничего пока не знаю.

Анька меня разглядывала, после чего схватила за локоть и сжала его в знак ободрения.

- Будь сильной. Ты самая красивая, самая классная, и пусть сдохнут от отчаяния те, кому мы не достались.

Я всё же улыбнулась, такому напутствию грех было не улыбнуться. Потом взяла сумку, негромко попрощалась и вышла из раздевалки.

Ни в какие хорошие новости я не верила. Я знала, что, скорее всего, это будет наш с ним последний разговор. И пока шла к стоянке, просила себя лишь об одном: не плакать. Хотя, слёзы уже жгли глаза, и я на себя злилась. Хорошо, что в машине царил полумрак, и когда я села на пассажирское сидение, Давид хоть и посмотрел на меня, но предательского волнения, вылившегося на мои щёки лихорадочным румянцем, заметить не должен был.

- Привет, - сказал он ещё раз.

А я снова кивнула, как и час назад.

- Привет.

- Как у тебя дела?

- Неплохо. А у тебя?

Он потёр щёку ладонью, а я с жадностью ловила каждое его движение,

пытаясь запомнить.

- Я пару дней вёл себя плохо.

- Пил?

- Откуда знаешь?

Я отвернулась, нацепила на лицо лёгкую усмешку.

- Птичка на хвосте принесла. Тебе стало легче?

- Не знаю. По-моему, от вина легче не бывает. Лида, я хотел попросить прощения, - сказал он после короткой паузы. – Я наговорил тебе всякого, и вёл себя, как скотина. Я был не прав, извини.

- Наверное, я в чём-то тоже была не права. Тоже наговорила лишнего.

- Тебе простительно, ты женщина.

- Прозвучало снисходительно.

Давид сидел боком, лицом ко мне, и в какой-то момент протянул руку, будто хотел коснуться моей щеки, но в последний момент себя одёрнул. И его ладонь легла на спинку моего сидения.

Зато он сделал попытку улыбнуться, как раньше, легко и игриво.

- Я не должен был воспринимать тебя так, теперь я понимаю. Я думал, что мы с тобой хорошо проведём время, и не больше. А с тобой так нельзя.

Вот оно, началось. Я очень аккуратно перевела дыхание, чтобы Давид ни в коем случае не понял, что я еле сдерживаюсь.

- Ты очень хорошая, Лида. По-настоящему классная.

В желании прервать его хвалебные речи в мой адрес, я задала вопрос в лоб:

- Ты помирился с женой?

Давид опустил глаза, потом откинулся назад, и его рука соскользнула со спинки моего сидения. А ведь почти касалась моего плеча. Он молчал дольше, чем следовало, словно ему было неловко передо мной, словно прежде ему предстояло развестись со мной.

- Я, наверное, уеду на некоторое время.

Я горько усмехнулась, отвернулась от него.

- Спасибо, что сообщил. Что сказал лично, а не просто исчез.

- Лида, ну зачем ты так? Я бы так не поступил. Но... Всё сложнее, чем ты думаешь.

- Уверена в этом.

Давид развернулся, откинулся на спинку сидения, а руки положил на руль.

- Я тебе уже говорил, мы с ней... знакомы сто лет, и вместе были долго.

- Я помню. Ты её любил.

- Да, - отозвался он и повторил: - любил. Поэтому...

Он замялся, даже поморщился, а я решила ему подсказать:

- Поэтому ты решил дать вашим отношениям ещё один шанс.

Давид на меня посмотрел.

- Ты издеваешься?

Я качнула головой.

- Нет. Я же сказала всё правильно. И ты... вы с ней имеете на это полное право. Я же видела, что с тобой происходит, что ты мучаешься, и я первая тебе об этом сказала. Так что, мне не на что обижаться. – Давид молчал, будто насторожившись, и меня слушал. А я продолжала, как заведённая: - Ты мне ничего не обещал, ты мне ничего не должен, даже объясняться со мной среди ночи, ты был не обязан. Но ты набрался смелости и терпения. Я рада. – Ещё минута и один долгий взгляд. Я смотрела на него и понимала, что эту минуту я не продержусь. – Надеюсь, ты поступаешь верно, и будешь счастлив.

- Ты злишься?

- Я не могу на тебя злиться! – вырвалось у меня. Я всё-таки коснулась его, на прощание, пальцы скользнули по рукаву его пиджака, но я тут же отдернула руку. – Пока, - сказала я, и потянулась к ручке двери.

- Я отвезу тебя домой, - попытался остановить меня Давид, но я уже на него не смотрела. Качнула головой и вышла из машины. Слёзы потекли из глаз, перед глазами пелена, а я шла по стоянке, видя неподалёку мутный контур такси. Даже не слышала, как Давид из автомобиля вышел и направился следом за мной. Но не догнал, не остановил. Я дёрнула ручку задней двери, села на сидение, и лишь услышала его голос у окна со стороны водителя:

- Брат, отвези девушку домой, проследи, чтобы всё было хорошо. – И денег таксисту дал.

А я сидела, отвернувшись, и смотрела в окно.

Меня только что бросили.

Анька приехала утром. У нас с ней был выходной, но, видимо, ей было беспокойно, раз она встала спозаранку и примчалась ко мне. Я открыла ей дверь и молча отошла в сторону. Сестра переступила порог, с тревогой ко мне присматривалась.

- Ну что? – спросила она негромко.

- Всё нормально, - сказала я. – Всё, как и должно быть. – Я захлопнула входную дверь и направилась в комнату. – Он помирился с женой, и, кажется, куда-то уезжает.

- С ней?

- Всё может быть. – Я широко махнула рукой. – В закат! Пусть катятся оба, - разозлилась я, в конце концов.

Анька стояла посреди комнаты, уперев руки в бока, и за мной наблюдала. А когда я сорвалась на крик, поддержала:

- Вот это правильно, лучше злись!

Я улыбнулась, чувствуя, что нахожусь на грани истерики.

- Я злюсь, я злюсь! – Потом лицо руками закрыла.

Анька подошла и попыталась руки от моего лица отвести.

- Лид, не надо реветь. – Она вдруг в меня вцепилась. – Знаешь что, а поехали на дачу к Витькиным родителям? Их сейчас там нет, а я ключи у него забрала. Там сейчас красота, золотая осень. Подышим воздухом... Вина купим и пирожных!

Я дышала глубоко и ровно, заставляла себя так дышать. Затем сделала один глубокий вдох, расправила плечи, взглянула на сестру ясным взглядом, и кивнула.

- Поехали. Поехали куда угодно.

- Вот и хорошо, - засуетилась Анька, - вот и замечательно. Иди, переодевайся.

Наверное, сестра заранее знала, что я соглашусь, она у меня умная. Потому что за дверью обнаружился увесистый пакет с бутылкой вина, упаковкой моих любимых пирожных и всякой снедью. Мы вызвали такси, Анька в предвкушении трясла ключами от дачи, и расписывала мне тамошние красоты. А я вдруг сказала:

- Давай заедем ещё за одним человеком.

- Каким? – удивилась Анька.

- Я вас познакомлю. Ей, поверь, куда больше нужен бокал вина и пирожное.

Анька лишь плечами пожала, спорить не стала. А я попросила водителя свернуть на Нижнеколоменский проезд.

Маша удивилась, увидев нас за дверью. Всё в том же халате, растрёпанная и бледная, смотрела на нас с недоумением и растерянностью. А я не стала вдаваться в подробности, решительно переступила порог её квартиры и сообщила:

- Мы едем на дачу, пить вино. У нас есть целая бутылка. Переодевайся.

- Лида, что случилось? – спросила она меня упавшим голосом.

А я браво улыбнулась.

- Ничего. Я же обещала, что буду жить дальше. Вот и буду. И тебя заставлю. Одевайся.

Я остановилась, вытерла пот со лба и отступила на пару шагов от стены, чтобы оценить плод своего труда. Новые обои смотрелись обалденно. По моему мнению.

- И всё-таки я была права, - не упустила я возможности себя похвалить. – Не нужны никакие цветы, узоры... Для спальни полосы идеально подходят. Скажите, что я молодец!

- Молодец, - не слишком воодушевлённым голосом проговорила Анька, подпрыгивая, чтобы дотянуться кистью с клеем до верхнего угла стены. – С ума сойти какая ты молодец. Новый год на носу, а мы обои клеим! Нельзя было подождать?

- Чего? – строго переспросила я. – Первого января? В новый год с новыми обоями.

Маша подошла и протянула мне стакан.

- Попей компотика, - предложила она.

Я с энтузиазмом ополовинила стакан, но Анька, вредная натура, снова всё испортила.

- Компотика! – повторила она. – Я шампанского хочу! Девочки, Новый год или нет?

- Через четыре дня, - спокойно ответила Маша. Она, вообще, человеком была очень спокойным по натуре, и на все Анькины вспышки и возгласы никак не реагировала.

- Лид, лезь наверх, клей обои, - скомандовала сестра, и я с готовностью вскарабкалась на стремянку, подхватила кусок обоев, что мне Маша подала.

Возможно, Анька была права, и конец декабря – время для поклейки обоев и, вообще, начала ремонта, не слишком удачное. Но я в последние месяцы находилась в лихорадочном состоянии и настроении, мне постоянно хотелось что-то делать, чем-то заниматься и что-то вокруг себя менять. Не могла сидеть на месте и ничего не делать. В голову сразу начинали лезть глупые мысли, воспоминания, хотелось себя пожалеть, а это, я уже выяснила, было не слишком полезным занятием. Я всеми силами старалась не вспоминать человека, который сказал мне в глаза, что я хорошая и даже замечательная, а затем развернулся и ушёл. Прошло три месяца с тех пор, как мы с Давидом виделись в последний раз, я перестала ждать, перестала лить слёзы по ночам, но вспоминать всё ещё было больно

и неприятно. Всегда неприятно, когда тебя бросают, не оценив. Но раз так случилось, я пришла к выводу, что Давид Кравец меня не достоин. И мне совершенно наплевать на то, что о моём решении думают остальные женщины в этом городе. Пусть продолжают вздыхать ему вслед и верить, что он идеал, но я теперь знаю, что у этого человека проблем чёртова куча, и некоторые из них с головой и с совестью.

Ну вот, стоило вспомнить о нём, как я опять злюсь.

Я, стоя на стремянке под потолком, оглядела комнату. Мы поклеили уже больше половины. Комната маленькая, но светлая. В ней когда-то жил Тёма. Я специально начала ремонт с этой комнаты, представляя, насколько Маше тяжело здесь находиться. Когда предложила сделать ремонт, ждала, что она откажется, придумает любую причину, но она держалась молодцом, и после паузы, в течение которой Маша напряжённо молчала, в конце концов, согласилась. И вот мы переклеивали обои в комнате их с Давидом сына, чтобы в новый год войти обновлёнными и готовыми жить дальше.

Анька тоже собиралась обновляться, с нами за компанию, и для этого перекрасилась в брюнетку. Кстати, ей очень шло.

За Машу я и переживала, и радовалась. За прошедшую осень мы здорово подружились. Но даже если бы этого не случилось, я всё равно не смогла бы оставить её в этих стенах, впустую проживать свою жизнь. Я даже думать не могла о том, что она на два года похоронила себя в этой квартире, похоронила вместе с сыном, оставшись одна среди тусклых воспоминаний. О сыне, о родителях, о том, что когда-то было, но в счастливое будущее так и не переросло. Я буквально заставила её выйти на улицу, я водила её по магазинам. Мы с Анькой под руки отвели её в салон красоты, и хотя Маша перемены в своей внешности поначалу воспринимала без особого энтузиазма, это всё равно пошло ей на пользу. Она больше не видела в зеркале женщину, что стояла у могилы сына. Ей изменили цвет волос, причёску, сделали макияж, и Маша превратилась в интересную женщину, у которой ещё всё впереди.

Конечно, Давид её никогда не бросал, и он, наверное, молодец, делал, что мог, содержал, даже к психологу водил, вот только от врача привозил потерянную женщину обратно в эти стены и оставлял одну. У Давида всегда было полно дел и планов, мне ли не знать. А Маше нужен был не психолог, ей было необходимо живое общение, чтобы было чего ждать и ради чего жить.

Достойную цель в жизни мы пока не придумали, но у нас ещё всё впереди, в новогоднюю ночь собираемся загадывать желания. Лишь бы на весь список минуты времени хватило.

Зато нашли Маше работу, я считала, что замечательную. Уже месяц Маша работала в цветочном салоне при гостинице, помощником флориста. Ухаживала за цветами, училась собирать букеты. Большое количество людей и общения её с непривычки напрягало, она терялась и даже в панику впадала пару раз, но работа с цветами ей была явно по душе. И я за неё радовалась. А ещё радовалась, что работая при гостинице, я могла за ней присматривать. Если честно, чувствовала ответственность. Маша была замечательным человеком, но в некоторые моменты слишком мягким, а от ударов судьбы стала потерянной, как сбитый лётчик. Понятно, что с таким характером, она даже в свои лучшие годы, не смогла бы сойтись в равной схватке за мужчину с такой стервозой, как Алина Потапова. Вот и проиграла, сдав свои позиции без боя.

- Мне тоже надо обои в спальне переклеить, - сказала я. – Надоело жить в розовых облачках.

- Как жизнеутверждающе, - хмыкнула Анька. – А ещё угрожающе. Так ты из нас вскоре ремонтную бригаду сколотишь.

- А что такого? Откроем свой бизнес.

- Бизнес – это когда ты сидишь в кожаном кресле в кабинете, с видом на Волгу. А не обои клеишь.

- Перестань жаловаться. Новые обои – это всегда к лучшему. Как и новая причёска.

- У нас у всех новые причёски, - улыбнулась Маша.

- Вот и я о том же. – Я спрыгнула с лестницы, снова огляделась, и решительно заявила: - Мы молодцы, девочки! Определённо молодцы.

Анька присела на пуфик в углу, на меня глянула с намёком.

- А ты, значит, решила в бабушкиной квартире ремонт сделать. То есть, Питер в твоих планах больше не фигурирует?

Я вздохнула. Подошла к окну и присела на край подоконника.

- Не совсем понимаю, как это связано, - начала я, но затем решила не хитрить, и призналась: - Мне предложили работу в Питере. – Девчонки притихли, смотрели на меня во все глаза. Я же неожиданно почувствовала себя виноватой, руками развела. – Я сама не ожидала. Позвонил знакомый управляющий на прошлой неделе, я когда-то на него работала, вспомнил, что летом я искала работу.

- И что? – поторопила меня Анька.

- Да ничего, - фыркнула я. – Если бы он мне это полгода назад предложил, я бы до потолка прыгала от радости, а сейчас... Поначалу обрадовалась, а потом представила, что сейчас снова буду собирать вещи, приеду в Питер... и буду там одна. Все друзья потерялись, точнее, меня из

вида потеряли и благополучно позабыли. Придётся начинать всё сначала, то есть, с самого начала. А мне уже не двадцать, - с сожалением закончила я.

- Тебе страшно, - сказала Маша, глядя на меня с грустью.

А Анька глубокомысленно добавила:

- Плохие, значит, друзья были.

- Я и не спорю, - с печалью согласилась я. – И, вообще, девочки, если честно, у меня о Питере странные воспоминания. Я так любила этот город, так мечтала там жить, что это было важнее всего. На то, что у меня там не складывается, я предпочитала закрывать глаза, очень долго. А здесь я, в конце концов, дома. Здесь у меня есть вы. Мне не одиноко.

Маша улыбнулась, подошла и обняла меня. А Анька вставила свои весомые пять копеек:

- Где родился, там и пригодился. Не зря говорят. Значит, ты остаёшься?

- Остаюсь, - кивнула я.

- Это правильно. Значит, будем клеить обои. У Маши, у тебя, потом ко мне перейдём.

Я засмеялась.

- Вот только Луиза не обрадуется, и Женька тоже. Они всё ждут, что ты отчалишь и освободишь квартиру.

- Пусть не ждут. У них теперь целый дом, пусть обживают.

В семье отца за эту осень тоже произошли большие перемены. Моя мачеха всё же сумела продать нашу трёшку, и купить дом на окраине города. Понятия не имею, где она взяла недостающую сумму денег, потому что дом выглядел на сумму, серьёзно превышающую ту, что они смогли бы выручить от продажи квартиры. Но у меня было серьёзное подозрение, что помог Луизе в этом Николаша. Будущий зять изо всех сил старался понравиться родственникам невесты, а чем ещё он мог замаскировать свой возраст, как не серьёзными финансовыми вливаниями в бюджет семьи? Слава Богу, меня на знакомство с родственниками не пригласили, хотя, Полине и Луизе вряд ли даже в голову эта мысль пришла, а вот приглашение на свадьбу я получила. Вполне официальное, на открытке с белыми голубками. И Анька с тётёй Наташей, кстати, тоже. Видимо, мероприятие планировалось торжественное и шикарное, и необходимо было умыть всех родственников, даже тех, кого терпеть не могли. Или их в первую очередь. Так что, впереди у нас историческое событие: Полина в шикарном свадебном платье и свадебный кортеж из белых теплоходов. Семейный бизнес во всей красе. И мы с Анькой – две бедные, неустроенные старые девы в качестве созерцателей чужого счастья и

предприимчивости. Сестра уже заявила, что ни за что не пойдёт, но я не верила. Вряд ли упустит возможность найти пару изъянов, тем более увидеть собственными глазами, чтобы после тыкать ими Полинке в лицо всю оставшуюся жизнь. Или, по крайней мере, столько, сколько продержится этот брак.

Закончив с обоями, я отправилась в ванную, отмывать руки от клея, а возвращаясь, услышала в комнате негромкий голос Маши.

- Сказала Давиду, чтобы он больше не присылал мне денег.

- Он звонил? – тут же переспросила Анька. – А ты Лиде говорила?

- Не говорила, - ещё тише сказала Маше. – Хотела с тобой посоветоваться, говорить или нет.

Повисла пауза, а затем Анька решительно заявила:

- Не нужно. Уехал, и скатертью дорога. Она только недавно успокаиваться начала.

- Вот я тоже так подумала...

Конечно, так просто сестра бы этот разговор не закончила, не тот у неё характер. И я совсем не удивилась, услышав её вопрос:

- И что он ещё сказал? Где его черти носят?

Я замерла. Не хотела замирать, вообще, что-то чувствовать только при звуках этого имени – Давид, хотелось быть равнодушной и сильной, но никак не получалось. И я продолжала стоять за стенкой и подслушивать, с бьющимся сердцем ожидая новостей.

- Он в Италии, у матери. Говорит, работает.

- Знаем мы его работу, - фыркнула Анька. – Он ведь там не один... работает?

- Да, конечно, не один. – Маша тоже переполнилась возмущением. – Он и не скрывает, что они помирились. Но как я об этом Лиде скажу?

- Она и так догадывается.

- Одно дело догадываться, а другое... Господи, какой же он дурак. Лида такая хорошая, а он с этой бестией всё носится, всё ещё верит, что Алина идеальная женщина.

Мне так хотелось появиться в дверях комнаты и спокойным, равнодушным голосом сказать:

- Просто наш роман был случайностью, всё прошло, - и на самом деле ничего не чувствовать. Но внутри всё сжалось, и снова стало обидно, обидно не за что-то конкретное, а просто на жизнь, и на то, что меня, такую замечательную, полюбить не сумели. И чтобы эту обиду от девчонок скрыть, чтобы их не тревожить своими переживаниями, я тихо ушла на кухню, и несколько минут сидела там одна, в тишине, глядя в окно, и

стараясь успокоиться. А потом они меня хватились, появились вместе, и мне пришлось улыбаться и выкручиваться.

- Чаю хочу, - сказала я бодрым голосом. – Давайте пить чай.

В последние годы декабрь перестал быть зимним месяцем. Дождь, лужи, оттепели. И лишь к самому концу года, к последней неделе, если повезёт, приходили морозы и шёл снег. Вокруг становилось бело и приятно глазу, после, казалось бы, бесконечной серости и грязи. Я шла домой от автобусной остановки по хрусткому снегу, дышала морозным воздухом, и старалась не думать о Давиде. У меня это получалось, честно. Поначалу было тяжело, я, на самом деле, остро переживала потерю, отвыкала от него, каждое воспоминание о нём отдирала от себя с кровью. И лишь удивлялась тому, как быстро и крепко к нему привязалась. Всего лишь за какие-то пару месяцев. Я всегда так ждала его, с таким интересом его слушала, мне было легко и приятно рядом с ним. И даже понимая, что наши с ним отношения в большей степени держатся на мне, я позволила себе его полюбить. Сильно и отчаянно. И поэтому так трудно смириться с неоправданными надеждами и нереализованными чувствами. Моей любви не нашлось выхода. Мне всегда казалось, что со мной Давид был бы счастлив. Даже когда я узнала всю правду о его жизни, я не испугалась, даже не растерялась, я отлично знала, что мне делать. И даже, что ему сказать, как поддержать. Но он слушать не захотел. Захотел вернуть жену. Что ж, это его выбор. Я тоже свой когда-нибудь, наверное, сделаю.

- Привет.

Я дошла до своего подъезда, остановилась, услышав голос, и обернулась. У машины, припаркованной неподалёку, стоял мужчина и мне улыбался. Новый сосед, звали его Леонид. Мы познакомились несколько недель назад, когда он только заселялся в съёмную квартиру в соседнем подъезде. Лёня таскал вещи из машины, а я шла мимо. И он так на меня засмотрелся, что выронил коробку прямо в лужу. Конечно, мне не нужно было смеяться, и я не собиралась насмешничать над его неловкостью, но тот факт, что при виде меня у мужчин начинают дрожать руки, показался мне забавным и очень милым. И я заулыбалась. И с тех пор мы здороваемся и даже болтаем, если встречаемся во дворе. Лёня был милым парнем. Симпатичный, кареглазый, улыбочивый. Он умел рассказывать забавные истории с серьёзным видом, и удивлялся, когда я начинала смеяться. А потом говорил, что у меня замечательный смех и обворожительная улыбка. Уже два раза это говорил. И я дважды изображала из себя скромную, милую девушку, не привыкшую слышать комплименты от мужчин. Непонятно, почему мужчины всегда покупаются на этот фокус?

- Привет, - отозвалась я и шагнула к нему навстречу.

- Гуляла?

- Если бы. У подружки клеили обои. В новый год с новыми обоями, - озвучила я наш сегодняшний лозунг.

- Сами клеили? – подивился Леонид и сдвинул на затылок шапку. Кстати, шапка ему совсем не шла. – Девичьим отрядом?

- А что такого? – изобразила я задор и отвагу. – Мы всё можем!

Лёня улыбнулся.

- Молодцы. Но в следующий раз, если мужская сила понадобится, зови. Помогу с удовольствием.

- Запомню, - пообещала я. А он вдруг достал из кармана конфету и протянул мне.

- Держи. Ты сегодня заслужила.

Я взяла у него конфету, секунду смотрела на неё в прострации. Уже и не помню, когда мне кто-то конфету давал.

- Спасибо. Вкусная?

- Вкусная. Я уже пять съел.

Лёнина непосредственность, надо сказать, подкупала. Я смотрела на него, точнее, приглядывалась, затем благодарно улыбнулась.

- Обязательно съем. – Отступила на шаг. – Пойду, завтра на работу надо раньше. Праздничные дни, - пояснила я. – Спасибо за угощение.

- Лида!

Я снова обернулась. Лёня стоял в нескольких шагах от меня со странным выражением на лице, неожиданно нахмурился. А потом выпалил:

- Хочешь, я тебя завтра с работы встречу? Ты же ночью заканчиваешь, одной опасно возвращаться.

Он, на самом деле, был милым. И, кажется, смущался в этот момент безумно. Что довольно странно для взрослого парня, а Лёне было тридцать, я знала, он мне сам как-то сказал. А он смущался и угощал меня конфетами.

А чем чёрт не шутит?..

- Встреть, - согласилась я, решив не произносить опасное слово «хочу». – Но я заканчиваю в два.

Леонид расплылся в счастливой улыбке.

- Я приеду в два, - пообещал он.

Я улыбнулась ему на прощание.

- Договорились. – Помахала рукой. – До завтра.

Последние рабочие дни года обещали быть самыми сумасшедшими.

Заказы сыпались, как из рога изобилия. Соседний ресторанный зал, в котором обычно кормили туристов по программе «шведский стол», поспешно переделывали для приёма гостей в новогоднюю ночь. У сотрудников гостиничного комплекса и ресторана, праздника не предвиделось. Все крутились, как белки в колесе. Я половину дня занималась тем, что носилась по двум залам в компании декораторов, согласовывая украшения и споря с Николаем Петровичем по поводу того, в каких углах ставить новогодние ёлки. То есть, это он хотел в углах, а я предлагала посередине зала, а столы поставить полукругом, чтобы всем было видно сцену. Я спорила с Озёрским до хрипоты, пока тот не махнул на меня рукой и не пожелал мне идти вместе с ёлками куда подальше. То есть, делать, что я хочу, только больше к нему по этому поводу не приставать.

- Ты, Лидия, - сказал он, - бываешь невозможно упряма. Дай Бог тебе в новом году встретить мужика, с терпением, как у слона.

Я победно улыбнулась в ответ на эту тираду и медовым голосом проговорила:

- Спасибо, Николай Петрович. Надеюсь, сбудется.

Озёрский на меня зыркнул, головой качнул, и умчался, решать другие жизненно-важные вопросы. А я прошла к Аньке в бар, присела на высокий табурет и выдала довольный вздох.

- Что, дождала? – спросила меня сестра, а я с довольным видом кивнула. И решила немного пошутить:

- Скоро в этом ресторане будет всё, как я хочу.

Анька фыркнула, а мне посоветовала:

- Говори тише. Не дай бог Петрович услышит, и решит, что ты на его место метишь.

Я сделала страшные глаза, а потом рассмеялась. И тут вспомнила, что хотела с Анькой поделиться интересной информацией.

- А меня сегодня после работы будет встречать молодой человек! – похвалилась я.

Анька перестала натирать бокал полотенцем, смотрела на меня во все глаза.

- Серьёзно? Кто такой?

- Новый сосед. Зовут Леонид.

- Ого. Леонид! Это звучит гордо.

Я насмешничать перестала и более спокойно продолжила:

- Милый молодой человек. Конфетой меня вчера угостил.

- Вкусная?

- Да, с орешками. Я люблю с орешками.

Анька ко мне присматривалась с определённым умыслом, после чего негромко и серьёзно сказала:

- Это правильно. Пусть милый молодой человек тебя встретит.

Я подняла на неё глаза, и столкнулась с сестрой взглядом. Растянула губы в искусственной улыбке.

- Да, я тоже так подумала. Новый год же... новые планы, новые знакомства. – Поспешила подняться. – Пойду работать.

Сегодня был один из тех дней, когда семейство Кравец напоминало мне о себе с самого утра. Я приходила на работу, открывала книгу заказов, и видела в ней их фамилию. И каждый раз теряла покой, в страхе ожидая, кто же нас сегодня посетит. Но за три месяца Давид не появился ни разу, я знала, что он в отъезде, но когда-то он должен был вернуться. И поэтому я каждый раз нервничала. А когда вечером появлялся Марк Борисович под руку с Яной, вздыхала с облегчением. Сегодня всё повторилось, я улыбнулась, поприветствовала, пожелала хорошего вечера. Отец Давида стойко игнорировал меня с того самого вечера, как в нетрезвую голову его сына пришла нелепая идея нас познакомить, а вот Яна, от своей детской непосредственности, всегда была со мной приветлива. Начинала улыбаться и болтать то о причёске, то о платье, то о фитнес-центре, что посещала. Я в ответ на её болтовню лишь улыбалась и кивала. Девочку было жаль, хотя, это она приходила в «Алмаз» дважды в неделю ужинать под руку с обеспеченным мужем, а не я. И сегодняшним вечером, встретив их у входа, я проводила дорогих гостей до их столика, пожелала приятного аппетита и удалилась. Шла через зал, улыбалась гостям, если встречалась с ними взглядами, и радовалась тому, что в свете новогодних праздников, мне разрешили сменить форменную юбку и блузку на платье, и я выбрала из своего гардероба самое новое, самое элегантное, и чувствовала себя в нём королевой. Не зря мужские взгляды провожают меня через зал. Николаю Петровичу это, конечно, не понравится, но должен же быть и у меня праздник? Никакой пошлости, никакого вызова и вульгарности. Я элегантна и скромна, просто я красавица. Я раз за разом себе это мысленно повторяла, и мне хотелось улыбаться и дарить людям праздничное настроение.

А потом я увидела его. Давид вошёл в ресторан, и на его лице не было ни намёка на радушие, довольство или спокойствие. Он остановился в дверях на несколько мгновений, и окинул зал ресторана тяжёлым взглядом. И в этот момент не был похож сам на себя. Серьёзный, без привычной улыбки на лице, задора во взгляде. А я застыла между столами, и далеко не

сразу смогла прийти в себя, настолько неожиданным стало для меня его появление. Наверное, в этот момент с моего лица стекли все краски. И я не могла понять, как мне пойти ему навстречу, заставить себя на него посмотреть, а уж тем более как улыбнуться, что-то ему сказать...

Он сам пошёл мне навстречу, и я на расстоянии чувствовала его взгляд, он меня буквально ощупывал им. И мне стало нечем дышать.

Говорить мне ничего не пришлось. Как только Давид Кравец появился в ресторане, зал будто пришёл в движение. Со всех сторон слышались приветствия. За моей спиной поднялся мужчина, и протянул Давиду руку. Давиду пришлось навесить на лицо улыбку, он что-то кому-то говорил, с кем-то здоровался. А я осталась в стороне, оглушённая, понимая, что мне, наверное, нужно радоваться такому ажиотажу вокруг его появления. И только почувствовала, как меня простреливает жаром, когда Давид внезапно оказался рядом со мной, заглянул в глаза и процедил негромко:

- Надо поговорить.

Я моргнула, но не успела ничего ответить, он уже отошёл от меня, окунувшись в круговорот городской светской жизни, в которой не вращался несколько месяцев. Но по нему не было заметно, что соскучился. Я видела, что он напряжён, улыбается через силу. Но я поспешила сбежать, спряталась за стойкой администратора, чувствуя, как меня трясёт изнутри. Я три месяца боролась с собой, старалась забыть, не ждать больше, в какой-то момент даже успокоилась, поверив, что не увижу Давида ещё очень долго, а, возможно, и никогда. А потом он вошёл в эти двери, и ожидание закончилось. Но что-то мне подсказывало, что ждала я не этого.

Я заставляла себя не смотреть в его сторону, весь вечер. Боялась, что он заметит моё внимание к нему, а этого никак нельзя было допустить. Давид ужинал в компании отца и мачехи, совсем не пил, и был мрачным и недовольным. Что-то его всерьёз беспокоило. И о чём он, интересно, собрался со мной разговаривать?

- Три месяца где-то пропадал, а вернулся злющий, как чёрт, - прокомментировала событие вечера Анька. – Я даже не помню его таким.

- Семейная жизнь накладывает свой отпечаток, - проговорила я негромко. Выпила воды и поспешила от барной стойки отойти. Мало мне собственных пугающих мыслей, так ещё Анька обстановку нагнетала. Вечер подходил к концу, и мне необходимо было быть на своём рабочем месте и попрощаться с гостями. – Всего хорошего, с наступающим! – повторяла я одно и то же, раз за разом, и улыбалась. Когда мимо меня прошествовало семейство Кравец, моя улыбка померкла, но заученную фразу я всё же произнесла. Правда, постаралась не встречаться ни с кем

взглядом, надеялась, что они просто пройдут мимо, и я смогу, наконец, вздохнуть свободно. Давид пронёсся мимо меня на крейсерской скорости, даже не посмотрел, что, наверное, должно было меня порадовать. Но я сжала зубы от злости, просто потому, что не понимала, что происходит, и чем я ему вдруг не угодила. Несколько месяцев ни слова, ни звонка, а я опять же в чём-то провинилась!

Если честно, за всеми этими событиями я совсем забыла о том, что после работы меня встречает молодой человек. Так много об этом раздумывала и говорила в течение дня, а появление Давида мгновенно эту мысль из головы вытеснило. У меня пропало настроение, желание с кем-то видаться и что-то обсуждать, а уж романтический настрой и вовсе сошёл на нет. Даже очередная конфета вряд ли его вернёт. Я вышла с работы, простилась с Анькой у выхода, её встречал верный Витёк, и мне не хотелось им мешать, к тому же в последнее время их воркование жутко действовало на нервы. И я поспешила обогнать их по направлению к стоянке такси, и только когда увидела знакомый «форд», вспомнила про Лёню. Если честно, мысленно ругнулась, но тут же отсоветовала себе быть скучной стервой, а всё из-за одного человека, и нацепила на лицо радушную улыбку. То есть, я как раз собралась улыбнуться, потому что Лёня поспешил выйти из машины мне навстречу, но в этот же момент из машины на другой стороне дороги вышел Давид и тоже ко мне направился.

Я остановилась, переводя взгляд с одного улыбающегося мужчины, на другого мрачного и хмурого. Давид тоже остановился, приметив чужое присутствие незнакомого мужика. В общем, остановились все. Только Лёня первые секунды ещё продолжал мне улыбаться, пока не осознал, что в его продуманное появление и ухаживание кто-то бесцеремонно вмешался.

Давид снова направился ко мне, на этот раз медленно, как тигр на охоте, приглядываясь к сопернику. На его лице обозначилось откровенное недоумение. Он окинул взглядом скромный автомобиль, его владельца, а, подойдя ко мне, спросил:

- Кто это?

Я сунула руки в карманы шубы, повернулась так, чтобы Лёня не мог различить моего лица под светом фонаря.

- А какое тебе дело?

- То есть, это всё-таки тебя встречают?

- И всё-таки это тебя не касается, - в тон ему ответила я. После чего повернулась и обратилась к Лёне: - Подождёшь несколько минут?

Тот кивнул, настороженно приглядывался к Давиду, но затем сделал несколько шагов назад, отошёл за свою машину и закурил. А я повернулась

к нему спиной, на Давида посмотрела.

- Что ты хочешь?

Давид хмыкнул. Стоял передо мной, высокий, насмешливый, разглядывал меня, как в первый раз, потом руки в карманы дублёнки сунул.

- Ты хорошо выглядишь, - сказал он. – Причёску сменила.

Я покачала головой.

- Я не хочу это выслушивать.

- Это не комплимент.

- Даже так?

Давид выдвинул вперёд подбородок, выглядел донельзя раздражённым.

- Лида, ты зачем лезешь туда, куда тебя не просят?

Я непонимающе нахмурилась.

- В каком смысле?

- Зачем ты лезешь в мои дела? – с нажимом повторил он.

- Я лезу в твои дела? – изумилась я. – Если вспомнить, что тебя несколько месяцев не было в городе, и мы с тобой не виделись, довольно странное заявление.

- Перестань юлить, ты всё отлично понимаешь!

- Нет, я не понимаю! – повысила я голос. – Что тебе нужно от меня?

- Лида, всё в порядке?

Я оглянулась на Лёню, попыталась успокоить его жестом руки, к тому же он мне сейчас здорово мешал, просто своим присутствием. Я бы предпочла, чтобы он сел в машину, и не становился свидетелем очередной нашей с Давидом ссоры. Но Лёня явно не собирался этого делать.

Давида его присутствие тоже раздражало. Он стрелял в сторону Лёни глазами то и дело, понижал голос, но всё равно срывался на злобный рык.

- Какого чёрта ты полезла к Маше? Что тебе нужно?

Я отступила на шаг. Так вот в чём дело.

- Ты из-за этого примчался из Италии?

- Ты даже знаешь, что я был в Италии!

Я разозлилась.

- Мне всё равно, где ты был! Езжай обратно!

- Хватит нести всякую чепуху, - оборвал он меня. – Зачем ты к ней полезла? Она больной, несчастный человек!

- Правда? – Я нехорошо усмехнулась. – Это кто так решил? Ты?

- Ты сдурела? Мало того, что ты влезла, куда тебе не следует, - в мою жизнь! – так ты меня ещё и учить вздумала?

Я невежливо ткнула в него пальцем.

- Твоя жизнь, это твоя жизнь, Давид. Мы все давно осознали, что она неприкосновенна. Но у других людей, может, тебя это удивит, тоже есть жизнь. С тобой никак не связанная. И если ты думаешь, что я общаюсь с Машей, чтобы быть поближе к тебе, чтобы какую-то информацию о тебе таком расчудесном получать, то ты сильно ошибаешься. Маша – моя подруга, я её люблю, и я о ней забочусь.

- И давно вы стали подругами?!

- А вот это не имеет никакого значения! – Я руками развела. – Ты чего так разволновался? Тебя что, кто-то тронул, тебе жить мешают, семейные отношения налаживать? У тебя кто-то что-то просит? Тебя не было несколько месяцев, и мы прекрасно без тебя справлялись.

Давид смотрел на меня в полном возмущении.

- Кто это – мы?

Я легко пожала плечами.

- Мы с Машей. И нечего на меня так смотреть, - разозлилась я. – Что ты хочешь мне сказать? Что ты о ней сильно заботишься? Деньги присылаешь? Много раз ты о ней вспоминал, пока жену по Европе возил?

- Не смей так со мной разговаривать!

- Я, вообще, с тобой разговаривать не хочу, - объявила я ему. Развернулась, собираясь уйти, но тут же передумала. Подступила на шаг, и посмотрела Давиду в лицо, правда, для этого мне пришлось откинуть голову назад. – Перестань делать из неё больного человека, - проговорила я с нажимом. – Она два года просидела в четырёх стенах, в этой квартире, будто на кладбище. Ей не нужны врачи, а уж тем более психиатры. Ей жить надо дальше, как-то, но жить, Давид. Ты же живёшь, через боль, но живёшь. Почему ты ей в этом отказываешь?

Он отвернулся от меня. Молчал, подбородок будто каменный, и словно дышать перестал. Весь напряжённый и разозлённый.

Я сделала шаг назад.

- Хочешь её поддержать, - продолжила я, - приезжай к ней и поговори с ней. Узнай, как у неё дела, похвали перемены в её жизни, даже если они тебе не по душе. Но для неё это важно! Она мать твоего ребёнка, ей не нужны от тебя деньги. А не можешь поддержать, тогда не мешай, - попросила я. – Мы эти месяцы отлично без тебя справлялись, и дальше справимся. Будь спокоен! Занимайся своей жизнью.

- То есть, опять получается, что я кругом не прав? – спросил он мне вслед. – У тебя всегда не прав я! Вот только я не понимаю, кто дал тебе право исправлять мои ошибки? Исправляй свои, - выдал он и открыто указал на Лёню.

Я снова вернулась. Это было чёрт знает что такое, но Давид стоял на месте, а я бегала перед ним туда-сюда.

- Во-первых, не ори на всю улицу. Там люди с работы идут, - я указала на арку, за которой находился чёрный вход гостиницы. - А, во-вторых, по поводу моих прав, узнай у своей жены.

Давид моргнул, после чего недовольно поджал губы, а я кивнула, подтверждая посетившие его в этот момент догадки.

- Да, да. Это она отправила меня к Маше в своё время. Наверное, чтобы я прониклась, ужаснулась, испугалась... не знаю, что она сама из-за этой ситуации чувствует. Но я после позвонила ей и сказала, что она подлая тварь. Что заставила несчастную женщину ещё раз пережить весь ужас потери, лишь бы я от тебя отстала. Но, думаю, что её моё мнение не слишком озаботило, и спит она спокойно. Она же идеальная. Ангел во плоти! Надеюсь, тебе тоже с ней спится хорошо, - закончила я, понимая, что наговорила лишнего. Но уж слишком разозлилась.

И Давид разозлился. Схватил меня за локоть, сильно, больно, но я решительно свою руку освободила.

- Не трогай меня.

Направилась к машине, рванула на себя дверь и села на переднее сидение. Лёня сел следом, был молчалив и задумчив, и я, чтобы сдвинуть ситуацию с момента, об который мы все споткнулись, попросила:

- Поехали.

Давид остался на стоянке, я всё же кинула на него взгляд, когда автомобиль проезжал мимо него, и я видела, знала, чувствовала, что он не просто зол. Он здорово расстроен. Но я запретила себе его жалеть.

Лёня молчал, наверное, боялся что-то сказать или спросить, чтобы всё окончательно не испортить. И тогда я решила не притворяться, не делать вид, что ничего не случилось, и сказала:

- Это мой бывший любовник.

Лёня голову повернул и посмотрел на меня. Долгим взглядом.

- Настолько бывший, что кроме общих претензий ничего не осталось, - добавила я.

Лёня кивнул, стал смотреть на дорогу, и продолжал молчать. А я расстроилась из-за того, что у меня снова всё вверх тормашками, я даже на первое свидание не могу сходить без неловкости и дурацких приключений.

Конечно, от этого вечера больше нечего было ждать. Лёня довёз меня до дома, мы скомкано попрощались, и я зашла в свой подъезд. И разревелась, как дура, не успев войти в квартиру. Напряжение, что держала в себе половину вечера, вырвалось наружу, и я плакала дома, стирая слёзы

с лица рукавом халата. И думая не о том, в чём меня Давид обвинил, не о том, что он мне сгоряча наговорил, а о том, что после всего, что я ему сказала, и про Алину его разлюбезную в том числе, он поехал к ней. И спать лёг в её постель. И завтра, когда он ей расскажет – если расскажет! – о произошедшем, она сделает всё, чтобы выйти из мутной воды чистой. Не удивлюсь, если заявит, что я всё придумала, и она меня к Маше не отправляла. А Давид возьмёт и поверит.

Паранойя.

Днём, приехав на работу, я первым делом отправилась в цветочную лавку. Застала Машу за опрыскиванием цветов. Она была в лавке одна, всё делала неспешно, и выглядела задумчивой. И невесёлой. Я вошла, колокольчик над входной дверью мелодично звякнул, и Маша обернулась. Улыбнулась мне в знак приветствия.

- Привет.

- Привет, - отозвалась я, прикрывая за собой дверь.

- Чаю хочешь?

- Не отказалась бы.

Маша отодвинула для меня стул, включила электрический чайник с узором из розочек на боку, и засуетилась с чашками. А я за ней наблюдала. И, глядя на неё, лишь больше убеждалась в правильности своих поступков. Что бы Давид ни говорил, а на людях, занимаясь делом, Маша выглядела и чувствовала себя лучше. Нужной. А он слишком привык считать себя единственным человеком, который ей необходим после смерти сына.

Маша тоже кидала на меня многозначительные взгляды.

- Ты бледная. Не спала?

- Да так... - ушла я от ответа.

А Маша с пониманием кивнула.

- Давид приехал.

- Приехал, - согласилась я. – Но ко мне это никакого отношения не имеет.

Маша вздохнула, присела напротив меня, подула на горячий чай. Сказала:

- Прости меня.

Я удивлённо посмотрела.

- За что?

- Я тебе не сказала, что он мне звонит.

- Было бы странно, если бы он тебе не звонил. Он о тебе переживает.

- Всё равно. Я ведь знала, где он... с кем. Просто не знала, как тебе сказать. Не хотелось расстраивать.

- Я и так знала, Маш.

- И вернулся он, наверное, из-за меня. Я ему сказала, что на работу устроилась, что мне больше не надо денег присылать.

- А он психанул, - догадалась я.

- Он насторожился.

- Вот пусть настораживается дальше, - не выдержала я.

Маша задержала чашку у своих губ, меня разглядывала. Потом спросила:

- Он с тобой говорил? Что сказал?

- Неважно, что он сказал. Важно, что я тебе скажу. – Меня несло. – Семейная жизнь ему на пользу не идёт, вернулся он с явным психозом!

Маша хмыкнула, вдруг улыбнулась.

- Что-то мне подсказывает, что психует он не из-за Алины.

- А из-за кого? Хочешь сказать, что из-за меня?

- А ты этого не хочешь?

Я судорожно втянула в себя воздух. Обдумывала её слова.

- Не знаю. Раньше хотела, а потом оказалось, что я его почти не знаю.

Вот таким, каким я видела его вчера, я его не знаю.

- Это многое меняет?

- У него во всём виновата я!

- В чём?

Я выдержала паузу, не зная, стоит ли признаваться, но решила, что поступать, как Давид, и ограждать Машу от всего, не стану.

- Говорит, я лезу не в своё дело. Потому что ты – это его дело.

- Глупости. И не слушай его. Он просто злится. – Маша протянула руку и похлопала ею по моей руке, как-то по-матерински, будто с высоты своего опыта. Хотя, надо признать, кому разбираться в душе и тайных помыслах Давида Кравеца лучше, чем ей? – А на посторонних для него людей он никогда не злится, поверь.

- У него жена есть, - проговорила я с долей ехидства, - пусть злится на неё. Никогда не поверю, что повода не даёт.

И, словно подслушав наш разговор, дверь цветочной лавки открылась, с тем же звуком мелодичного колокольчика, мы с Машей повернули головы и застыли, увидев в дверях Алину Потапову. Она стояла и смотрела на нас. Без удивления, зато с неприятным прищуром. Будто раздумывала, что с нами делать после совершённого предательства. Ведь, судя по её взгляду, она застала нас в момент заговора против её светлоликой персоны. Посмотрела на Машу, просверлила взглядом меня, после чего захлопнула дверь и пошла прочь. Мы смотрели, как она удаляется, сквозь стеклянные

стены цветочной лавки. После чего переглянулись.

- Ничего хорошего не будет, - вздохнула Маша. А я предложила:

- Давай пить чай.

Над входом в ресторанный зал вешали красивую гирлянду. Время обеденное, посетителей немного, я сидела на высоком стуле за стойкой администратора и наблюдала за работой электриков. От скуки мотала ногой.

Хотя, нет, не от скуки. Скучать мне не давали одолевающие мысли и неожиданные проблемы, свалившиеся на голову, как снег в декабре, а всё из-за приезда Давида. С женой. Алина Потапова крутилась в гостинице с самого утра, я не понимала, что она здесь делает, раз в ресторан носа не кажет. Даже, улучив момент, сходила в холл, на ресепшен, и аккуратно расспросила знакомую девочку. Та любознательно хмыкнула, а я взглянула на неё с намёком. Порой люди своё любопытство не контролировали. И, конечно же, как только по гостинице разнёсся слух о том, что Давид вернулся, все вновь начали поглядывать на меня многозначительно. Снова нашлось, что обсуждать! Моя с ним история (именно моя с ним, и никак иначе, ведь принять тот факт, что Давид Кравец всерьёз заинтересуется девушкой с ресепшена, невозможно), будоражила умы, наверное, всех работников женского пола огромного гостиничного комплекса. Меня-то толком до этого никто не знал, а сейчас я была звездой и объектом для наблюдения. А тут я рискнула выпросить про жену Давида. Чем она в гостинице занимается. Если честно, до того момента, как я задала этот вопрос и встретила взгляд приятельницы, я не задумывалась о том, что мне лучше придержать своё нездоровое любопытство при себе. Но было поздно. И пока я себя мысленно ругала, Оксанка уже что-то искала в компьютере, после чего загадочным шёпотом проговорила:

- Номер 355. Итальянец остановился, бронировала Алина Потапова.

Я нахмурилась.

- Что за итальянец?

- Старый какой-то. Я его помню, у него маленькая собачка.

- Понятно, - пробормотала я.

Оксанка смотрела на меня во все глаза.

- А что происходит? – спросила она жадно.

Я моргнула, глянула удивлённо.

- Ничего. Сверяюсь с книгой заказов. Петрович отслеживает всех иностранцев перед праздниками.

Совершенно невысказанное объяснение, и Оксанка мне, конечно, не

поверила, но я широко улыбнулась, и отправилась обратно в ресторан, старательно делая вид, что ничего не происходит. И как раз увидела Алину, выходящую из лифта, вместе с мужчиной плотной комплекции, в костюме цвета баклажан, и с маленьким йорком под мышкой. Мужчина смешно жестикулировал, с интересом поглядывал по сторонам и то и дело наглаживал свою собачку.

Я наблюдала за ними, дошла до цветочной лавки, забрала у Маши вазу с белыми розами, присыпанными блёстками, чтобы поставить рядом со своим рабочим местом. И, конечно же, на обратном пути, как назло, попалась им встреч, столкнулась нос к носу. Мужчина сбился с шага, и, видимо, с темы разговора, на меня уставился, надо сказать, весьма благосклонно, а я ему улыбнулась. А что не улыбнуться странного вида итальянцу, правда? А вот Алина наградила меня убийственным взглядом.

- Что ты здесь разгуливаешь? – шикнула она, а я взглянула удивлённо. После чего решила возмутиться:

- Я работаю. – Показала цветы, в первую очередь итальянцу, сопроводив это очередной улыбкой. – Правда, красиво?

Наверное, он по моей воодушевлённой улыбке уловил смысл моих слов, потому что расплылся в ответной и сообщил:

- Bella!

- Добро пожаловать в Россию, - проговорила я специально для него по-английски, и итальянец просиял.

- Уйди уже, - нетерпеливо попросила меня Алина.

Я направилась дальше по своим делам, не взглянув на неё, зато одаривая открытым взглядом и улыбкой всех мужчин, что попадались мне встреч.

- Что ты творишь, - качал головой Озёрский, когда позже подошёл ко мне, по всей видимости, выказать своё недовольство. Откуда он узнавал обо всём, что происходило в гостинице без его непосредственного участия, оставалось только догадываться. – Расхаживаешь по гостинице, словно дома у себя. – Начальник ткнул пальцем в мою грудь. – Вот в этом платье.

- Платье очень хорошее, - не согласилась я. – И совсем не пошлое. Просто оно мне идёт, и на меня смотрят.

- Кто?

- Люди.

- Мужики на тебя смотрят.

Я скромно улыбнулась.

- Мужики тоже люди. Вам ли не знать, Николай Петрович?

- Ты дошутисься, Лидия.

Я умоляюще посмотрела.

- Вы мне обещали, что я все праздничные дни буду одеваться, как хочу, а не в форменную одежду. Николай Петрович, я же стараюсь! Я очень тщательно отбираю платья.

- Я тебе не про платья, - понизив голос, с настойчивостью проговорил он. При этом смотрел мне в глаза с прямым намёком. – Ты кого разозлить хочешь? Или кому-то что-то доказать? Алина Потапова уже приходила ко мне жаловаться на твоё поведение.

Я замерла.

- Она жаловалась? – переспросила я негромко. Хмыкнула. Меня это отчего-то позабавило, а вот Озёрский смотрел на меня со всей серьёзностью и предостережением. – И что сказала?

- Говорит, что ты занята чем угодно, но не своими прямыми обязанностями.

- А ей откуда знать? Про обязанности? Она ни дня в своей жизни не работала.

- Лида!

Я заставила себя сбавить обороты, даже выдохнула.

- Хорошо. Я постараюсь не попадаться ей на глаза.

- Уж постарайся. В эти дни особенно. В гостинице живёт деловой партнёр Давида, Алина Михайловна проводит с ним много времени. Здесь.

- Итальянец? – бойко переспросила я.

Озёрский предостерегающе сдвинул брови.

- Не твоего ума дело.

- Хорошо, - покладисто согласилась я. Но решила кое-что прояснить: - Но, я надеюсь, вы понимаете, что в её внимании и отношении ко мне, моей вины практически нет. Она просто меня не терпит.

- Имеет на это право. Как и ты её не любить. Но ты на работе, а она нет. Подумай об этом.

- Подумаю, - пообещала я, если честно, расстроившись.

- Они у нас ужинают этим вечером. – Николай Петрович ткнул пальцем в запись в книге заказов. – Будь на чеку.

Час от часу не легче. Озёрский ушёл, а я продолжала таращиться на злосчастную запись. Как-то трудно работать стало, я постоянно жду неприятных гостей. Мало мне Давида с его претензиями, так ещё и его жена решила на мне отыграться. А за что, спрашивается? Всё сложилось в её пользу, как того хотела Алина. А я всё равно виновата во всех грехах.

Раздался жуткий грохот, я вздрогнула, кажется, даже подпрыгнула. Посмотрела на электриков, которые повалили металлическую стремянку.

- Что случилось? – повысила я голос.

Молодой мужчина в рабочем комбинезоне обернулся, взглянул на меня свысока и сообщил:

- Рабочий момент.

Я лишь головой качнула.

- Постарайтесь избежать подобных моментов. У нас тут через одного иностранные гости. Не дай бог им что-то на голову свалится.

Молодой человек мне улыбнулся, по-мужски зазывно, но его улыбка была совершенно неуместна.

- Девушка, с наступающим вас.

Я фыркнула, но засмеялась и покачала головой.

- Не надо со мной флиртовать, - попросила я, и ткнула пальцем в гирлянду над дверью, что уже висела, как ей и положено, но ещё не горела. – Дело надо делать.

- Егор, не отвлекайся, - попросил улыбчивого напарник. Мужчина был постарше, выглядел серьёзным и вдумчивым, даже хмурым. И в отличие от товарища, работал без перерывов и пауз.

Я забрала книгу заказов и направилась в центр зала, проверить готовность забронированных столов, а Егор, как назвал его напарник, смотрел мне вслед, я чувствовала его взгляд. Так что, не зря я выторговала у Петровича две недели отказа от дресс-кода, платье мне определённо идёт.

Каждый предпраздничный вечер в ресторане проходил с особым шиком. Концертная программа, по-новогоднему украшенный зал, особое праздничное меню и дамы в дорогих нарядах. Ни одного свободного стола. И настроение у гостей приподнятое. Люди, приходя, улыбались, здоровались, некоторые друг с другом обнимались и целовались, поздравляя с наступающими праздниками. Шампанское лилось рукой, из меню заказывали самые дорогие и экстравагантные блюда, все были милы и доброжелательны с окружающими. Даже с персоналом. А ещё щедры. После каждой смены официанты не уставали радоваться, пересчитывая чаевые.

И я бы радовалась праздничной атмосфере и пребывала в хорошем настроении, если бы меня заранее не предупредили о грядущих неприятностях. По крайней мере, я не ждала ничего хорошего от сегодняшнего визита Алины Потаповой. А она, к тому же, пришла не одна. Итальянец ладно, милый мужчина, сменивший дневной костюм цвета баклажан на небесно-голубой и шейный платок ему в тон, но вслед за ним в двери вошёл Давид, и мне стало откровенно не по себе. Итальянец меня узнал, расплылся в улыбке, что-то трещал на своём быстром языке, я

кивала, делая вид, что понимаю, но его нескончаемый поток комплиментов не давал возможности всем остальным пройти мимо меня с гордым видом. Я улыбалась, со всеми поздоровалась, вела себя абсолютно профессионально, ни на шаг не отступая от инструкций и, в конце концов, аккуратно взяла разговорившегося итальянского гостя за локоток, и развернула в сторону зала. Направилась к их столу. Всеми фибрами души и каждой клеточкой своего несчастного организма чувствуя, как мой затылок сверлит две пары глаз. Подойдя к столу, я отодвинула для Луки, как я узнала по дороге, успев познакомиться, стул, и развернулась к счастливым новобрачным. На новобрачных, а уж тем более счастливых, Давид и Алина были совершенно не похожи, оба стояли с мрачными лицами и терзали меня нетерпимыми взглядами. Но если Алина просто меня не терпела, судя по её выражению лица, ей очень хотелось меня если не отравить, то зарезать, она бы сделала это и тупым столовым ножом, то во взгляде Давида было нечто большее. Он был раздражён, но ему было, что мне сказать. Наверное:

- Как ты мне надоела!

Что ж, может, и надоела, но могли поужинать и в другом ресторане, наш город, слава Богу, не из одной улицы состоит. А здесь моя вотчина, и я никуда не собираюсь исчезать, увольняться, ради того, чтобы сделать чью-то жизнь немного проще. Даже свою.

- Прошу, ваш стол готов, - проговорила я со сладкой улыбкой. – Официант к вам сейчас подойдёт. Что-нибудь ещё для вас сделать?

Алина глянула мне в лицо.

- Уйди.

Кстати, когда она злится или кого-то ненавидит, то особо красивой не выглядит. Внутренний свет из глаз уходит, и перед вами предстаёт обзлётная, расстроенная особа.

- Как скажете, - пропела я. Сама покладистость.

Я прошла мимо неё, если честно, мне не терпелось отойти от них на приличное расстояние, немного не рассчитала, или случилось что-то другое, но я задела рукой руку Давида. Он повернул голову, глянул на меня с подозрением, а я рванула прочь.

- В России много красивых девушек, да, Давид? – услышала я голос Луки. Он говорил по-английски, с заметным акцентом. Но то, что он сказал, мне понравилось.

Это было странно, меня, по крайней мере, удивляло, но я весь вечер ловила на себе взгляд Давида. Он смотрел на меня, украдкой, без всякого одобрения, но он смотрел. Как когда-то при мне на Алину Потапову. Я

боялась как-то реагировать, встречаться с ним взглядом, дать ему понять, что я замечаю его внимание, но я замечала, и мне оставалось лишь гадать, что у него на уме. Весь вечер я порхала по залу, встречала гостей, провожала до столов, несколько раз приходилось проходить мимо стола Кравец, и я изображала занятость и отстранённость от сложившейся ситуации.

- Лидочка, вы сами, как праздник, - с обаятельной улыбкой выдал мне один из постоянных посетителей, прощаясь у дверей. – Прямо светитесь.

Я смущённо улыбнулась в ответ.

- Спасибо, Павел Сергеевич. Я очень стараюсь поднять всем настроение.

- У вас определённо получается, - похвалил он. После чего ненавязчиво взял меня за руку, наклонился и коснулся губами тыльной стороны моей ладони. Я понимала, что он играет, может, даже заигрывает, и чтобы окончательно обратить всё в шутку, я сделала перед ним книксен. Мы вместе рассмеялись, после чего частый гость откланялся и простился. А я выдохнула, довольная собой, даже сама себе улыбнулась. А что? Директор банка, между прочим. Разведённый.

Правда, ему уже под шестьдесят.

Но всё равно приятно!

Я развернулась на каблуках, и снова встретила взгляд Давида, направленный на меня через весь зал. Он смотрел с прищуром. А я взяла и показала ему язык.

Господи, что я делаю? Надеюсь, никто не видел. Точно уволят.

Вскоре в ресторан с некоторой опаской зашла Маша. Для начала тревожно оглянулась, а затем поспешила подойти ко мне. Протянула мне букет красных роз. Таинственно улыбнулась.

- Просили тебе передать.

Я замерла в удивлении, но после руки за цветами протянула.

- Кто?

- Мужчина, - пустилась Маша в пространные объяснения. – Импозантный такой. С красным галстуком.

- Павел Сергеевич, - догадалась я. – Благодарил за вечер.

Маша обстоятельно кивнула.

- Хорошая благодарность. И он очень обходительный.

- Тебе понравился?

Маша улыбаться перестала, моргнула от неожиданности моего вопроса.

- Ты что? Ему ты нравишься.

Я рассмеялась, с удовольствием разглядывала цветы.

- Ему сейчас все женщины вокруг нравятся. Он недавно развёлся.

Маша, наконец, высмотрела в зале Давида, а когда тот повернул голову, осторожно махнула ему рукой в знак приветствия. Тот, кажется, вздохнул при виде неё, и на этот самый вздох отреагировала Алина, и на стуле развернулась, посмотрела в нашу сторону. Всё в природе взаимосвязано, по-другому не скажешь.

- Как ты здесь работаешь? – пробормотала Маша, приглядываясь к идеальному семейству.

- Я на передовой, - с готовностью сообщила я. – Я боец.

- Я тобой горжусь, - совершенно искренне проговорила она, отступая.

– Пойду, мой рабочий день закончился.

Я послала ей воздушный поцелуй. И на прощание поблагодарила:

- Спасибо за цветы!

- Мне не за что. – Маша улыбнулась, и поторопилась выйти за дверь.

- Лида, очень красивые цветы, - улыбнулся мне ещё один постоянный посетитель на прощание. – Тебе к лицу.

- Спасибо, - пропела я.

Вечер подходил к концу, гости расходились, я всем желала хорошего вечера, и настолько заговорила и закрутилась, отвлеклась на очередной комплимент, что не заметила благородное семейство, тоже собравшееся нас покинуть. И Давид наверняка слышал разговор и прекрасно видел, как я улыбаюсь. Но ничего мне не сказал, кивал, слушая итальянца, а сам на букет поглядывал.

- До свидания, - проговорила я, глядя прямо в глаза Алине Потаповой, и не устаивая её мужа даже взглядом. – Надеюсь, вечер вам понравился.

- Ужасный вечер, - негромко проговорила Алина. – И ужасный ресторан.

Улыбка на моём лице стала ещё лучезарнее.

- Мы постараемся сделать ваш следующий вечер в нашем ресторане незабываемым.

Мы встретились с ней глазами, столкнулись, разве что искры из нас обеих не посыпались. Алина меня взглядом уничтожала, а я продолжала улыбаться, чтобы другие гости ничего не заметили.

- Похоже на угрозу, - проговорила Алина и направилась к выходу твёрдым шагом. И лишь спустя пару секунд вспомнила про мужа, остановилась и позвала:

- Давид.

Я опустила глаза в книгу заказов. Не хотела видеть, как он

поторопится на её зов.

- Лидия, - старательно растягивая последнюю гласную букву в моём имени, проговорил Лука, - я правильно произношу? - Я поспешила кивнуть. – У вас замечательный ресторан.

- К сожалению, не у меня. Я здесь работаю.

- Правда? Вы очень похожи на хозяйку, без вашего присутствия в зале было бы тускло, - сказал итальянец, а я радовалась тому, что в этот момент к нам подошёл Николай Петрович, и лично выслушал мнение иностранного гостя. – Вы звёздочка, Лидия.

- А вы поэт, Лука. Определённо.

Итальянец довольно рассмеялся, сверкнул белозубой улыбкой на смуглом лице и направился к поджидавшим его Давиду и Алине.

Когда они вышли из ресторана, я посмотрела на Озёрского и победно улыбнулась. Тот стоял рядом, старался выглядеть скептически настроенным к моим талантам, но я видела, что на его губах усмешка.

- Перестань так явно радоваться, - сказал он мне. – Это всего лишь ненормальный итальянец.

- Почему это он ненормальный? – решила я обидеться за Луку. – По моему, очень даже...

- Провожай гостей, звезда.

И ради чего я стараюсь, убиваюсь на этой работе? Никакой благодарности в ответ.

- Тебя сегодня опять сосед встречает? – спросила меня Анька, когда мы переодевались в раздевалке, наконец закончив рабочий вечер.

Я присела на низкий диванчик, скинула туфли и вытянула ноги, чувствуя, как они гудят от усталости. Пошевелила пальцами на ногах. А в ответ на её вопрос лишь плечами пожала.

- Вряд ли. Кажется, ему Давид совсем не понравился.

- И он так быстро сдался? – Сестра расстроено развела руками. – Что за мужики пошли?

- Может, у него конфеты кончились меня подкармливать? – рассмеялась я. Потянулась за сапогами, что стояли в углу.

- Или он понял, что против Давида Кравеца не потянет?

Я выразительно глянула на неё.

- В этом вся и беда. Что он с первого взгляда производит сокрушительное впечатление. А вот потом уже показывает, кто он есть на самом деле.

- А кто он на самом деле? – заинтересовалась Анька.

- Дурак, - ответила я моментально. Запечалилась, а вот сестра

рассмеялась.

Не знаю, насколько Давид был человеком не умным, но явно неосторожным. Иначе, с какой стати ему было и в этот вечер поджидать меня на стоянке? Я даже не обрадовалась, честно. За те месяцы, что его не было, столько раз фантазировала, как выхожу ночью после работы, а он меня ждёт, как когда-то, с желанием поговорить, что-то изменить, и я была уверена, что наша встреча вызовет во мне уже знакомую эйфорию, которую я однажды пережила, а вот теперь совсем не радовалась. Потому что знала: ничего хорошего Давид мне не скажет.

- Пожалуй, я пойду, - заявила Анька, а я взглянула на неё, как на предательницу, когда сестра поспешила к свободному такси.

Давид проводил её взглядом, стоял у своей машины и курил. Когда Анька села в автомобиль и захлопнула дверь, спросил:

- Рыцарь сегодня запаздывает?

- А ты начал курить?

Он поморщился, я даже на расстоянии это заметила, и выбросил сигарету. А мне в ответ недовольно проговорил:

- С вами ещё и запьёшь.

- Это с кем – с нами? – любопытствовала я. Такси отъехало, я краем глаза видела в заднем стекле любопытную Анькину физиономию, а сама сделала несколько шагов по направлению к машине Давида.

- С бабами. Чокнутыми.

Я головой качнула.

- Как мило прозвучало. И чем же мы тебе не угодили?

Давид сверлил меня взглядом.

- Наверное, не надо заводить гарем, - сказала я ему, решив не дожидаться ещё одного едкого замечания. – И всё бы у тебя было спокойно и понятно.

- Лид, ты раньше другой была, - сказал он мне. – Весёлой, добродушной, на мозги мне не капала. Но надолго тебя не хватило.

- Так и ты поначалу другим был, Давид, - в тон ему проговорила я, стараясь не показать обиды. – Решительный, обаятельный, свободный. Прямо не знаю, где тот Давид потерялся.

Он недовольно хмыкнул, разглядывал меня исподлобья. Потом с шумом втянул в себя воздух, видимо, мысленно приказывая себе успокоиться. Кивнул на машину.

- Садись, я тебя домой отвезу.

Я смотрела на него, затем покачала головой.

- Я с тобой не поеду.

Он взорвался в один момент. На лице отразился целый фейерверк чувств, от раздражения до откровенной злости и непонимания.

- Лида!..

- Перестань на меня кричать, - попросила я. – С чего ты взял, что я с тобой куда-то поеду? Ты без конца на меня орёшь, предъявляешь какие-то претензии, я виновата во всём, что происходит, а потом являешься среди ночи, и я должна с тобой куда-то ехать? Что ты, вообще, здесь делаешь? Ты, вроде как, женатый человек!

- Тебя это сильно злит?

Я отступила на шаг.

- Нет, - сказала я, если честно, сама с собой до конца не разобравшись, злит меня это или нет. – И я не хочу злиться, Давид. Я, вообще, к этому не хочу иметь никакого отношения. Мне хватает того, что твоя жена каждый раз меня взглядом насквозь прожигает, словно я в чём-то виновата. Словно я у неё мужа увела! Ты выбрал её, ветер тебе в спину. Но тогда перестань мне жизнь портить. – Я вовремя отвернулась, взмахнула рукой, привлекая внимание водителя подъехавшего такси.

- Мне даже интересно, как я тебе жизнь порчу? По-моему, у тебя всё замечательно. – Я направилась к такси, и Давид направился за мной. Захлопнул заднюю дверь, когда я попыталась её открыть, и мне пришлось замереть рядом с ним, чувствуя, как он нависает надо мной и пышет злостью. – Ты освоилась, мужиков в ресторане не меряно. Цветы дарят, руки целуют.

Я повернулась к нему, закинула голову и взглянула Давиду в лицо. И повторила его же недавний вопрос:

- А тебя это сильно злит? – Он упрямо выдвинул подбородок, а я добавила: - Я никому ничего не должна. Тебе в первую очередь. Мы с тобой чужие люди, и всегда были чужими. А всё, что между нами было, это я себе придумала. Ведь так, Давид? Я это придумала. Но я больше в это не верю. Я навела порядок в своей голове, и мне всё стало ясно. Я была фантазёркой, я ошиблась, а ты женатый человек. И жену ты любишь. А мне нужно идти дальше, по параллельной от тебя дороге, чтобы Алина Михайловна ни в кое случае не тревожилась. И я именно так стараюсь поступать. И поэтому никак не могу понять, что делаешь ты. Здесь, ночью!

Я понимала, что ему ответить мне нечего. Наверное, он и себе на этот вопрос ответить не мог, его просто тянуло. Поговорить со мной, что-то высказать, прояснить. Но я в этом для себя никакой радости не видела. Давид себя успокоить хотел, или развлечь. А что прикажете делать мне? Подстраиваться под новые обстоятельства, под его жену? Хорошей

развязки я в этом не видела. Скорее всего, эти игры закончатся убийством, причём моим. Алине Потаповой решительности и мстительности не занимать, и если она не отступилась от Давида при звании бывшей жены, то при нынешних обстоятельствах, мешкать и сомневаться не станет. И прав Озёрский, я останусь без работы, и без головы.

Давид убрал руку, и я смогла открыть дверь. Но всё же замешкалась, на секунду, но в душе что-то до боли натянулось и стало невероятно грустно и тягостно. И я узнала это ощущение, отголосок того отчаяния, что я испытала, прощаясь с Давидом несколько месяцев назад. Когда он говорил – прости, я тебя не люблю и ухожу к другой. И сейчас мне снова предстояло принять решение и самой уйти от него. Правда, в этот раз было проще, в этот раз я понимала, что поступаю верно.

- Я просто беспокоюсь за тебя, - сказал он вдруг, и тон его был до того спокойный, что не вызывало сомнений – врёт. Он придумал это объяснение и для себя, и для меня в самый последний момент. Чтобы не оставить за мной последнее слово.

Я невольно усмехнулась. А Давиду посоветовала:

- Поезжай к жене. Счастливы женатые люди по ночам по городу не бродят. По крайней мере, я представляю семейную жизнь именно так.

Я, наконец, села в такси, захлопнула дверь, но некоторое время ещё, кажется, не дышала. И боялась повернуть голову и взглянуть в окно, вновь увидеть Давида. А в голове всё крутилось слово, которое я придумала несколько месяцев назад, чтобы себе самой объяснить случившееся со мной: фантазёрка, фантазёрка. Зачем я всё это придумала? Придумала для себя роковую любовь и идеального мужчину.

Идеальных людей, вообще, не существует. Разве я до встречи с Давидом Кравецом об этом не знала?

До Нового года оставалось всего два дня. Я проснулась утром, подошла к окну и порадовалась пришедшей настоящей зиме. Всё кругом бело, воздух морозный, а солнце кажется далёким и от этого ещё более ярким. Под окнами, на детской площадке, дети лепят снеговика, огромного и кривоватого, но им, кажется, вид снежного друга нравится. Сосед выбивает ковёр, кто-то идёт из магазина с покупками, а снег перед подъездом усыпан разноцветным конфетти. Кто-то уже успел опробовать хлопушки. Несмотря ни на что, предновогоднее настроение царит вокруг. И я улыбнулась именно этому настроению, надеясь, что оно и меня посетит.

Решив, что и мне не помешает бутылка шампанского на Новый год, я собралась в магазин, и у подъезда встретила Валентину Ивановну. Та меня остановила, принялась выпрашивать как дела, схватила под руку и,

притопывая ногами по хрусткому снегу, принялась пересказывать дворовые новости. Я бы назвала их сплетнями, но Валентина Ивановна на такое определение, наверняка бы, обиделась. Она считала свои сведения важными, даже если никого кроме неё, они не интересовали. Я решила старушку не обижать, время у меня было, на работе мне надлежало быть после обеда, поэтому я стояла рядом с соседкой, и с серьёзным видом ту выслушивала, иногда кивая и поддакивая. А потом из соседнего подъезда вышел Лёня, заметил нас, и после короткой заминки улыбнулся. Я тоже улыбнулась, совершенно не собираясь подтолкнуть его к каким-либо дальнейшим действиям. Если честно, вполне удовлетворилась бы его приветливой улыбкой. Но Леонид, видимо, решил, что этого мало и следует проявить больше внимания, и к нам с Валентиной Ивановной подошёл.

- С наступающим вас, - сказал он, посмотрел мне в лицо и улыбнулся шире.

Я кивнула.

- И тебя.

Валентина Ивановна переводила свой любопытный взгляд с моего лица на его. Затем бойко заговорила:

- Спасибо, Лёничка, и тебя с праздниками. Где собираешься отмечать? Наверное, с друзьями-подругами?

Леонид скромно пожал плечами.

- Думаю, пока.

- Молодёжь должна быть с молодёжью, - назидательно заметила соседка. И тут же дёрнула меня за руку. – Слышишь ли, Лида? Нужно праздновать Новый год.

Я, не скрываясь, вздохнула.

- Я его уже вторую неделю праздную, на работе. Устала, если честно.

- Вот и отдохнёшь. В хорошей компании. Я же не предлагаю тебе вокруг ёлки в хороводе скакать.

Я непонимающе глянула на Валентину Ивановну.

- В какой компании?

Старушка-затейница совершенно спокойно указала рукой на Леонида.

- Я думаю, у Лёни компания хорошая. Он сам очень положительный молодой человек, и ответственный, не бросит девушку одну в Новый год.

Мы с Лёней в первый момент растерянно переглянулись, после чего я на соседку глаза вытаращила, и громким шёпотом заговорила:

- Тётя Валя, что ж вы меня так позорите? Я ж не брошенка какая-то, навязываете меня!.. Мне что, деться некуда?

- А куда тебе деться? – не сбавляя тона и совершенно не стесняясь,

переспросила Валентина Ивановна. – К Аньке поедешь?

Я многозначительно, до боли в глазах, на неё смотрела, было ужасно стыдно, а Лёня рядом посмеивался. Я на него глянула.

- Не слушай её, - попросила я. – У меня всё в порядке.

- Это ты её не слушай, - перебила меня Валентина Ивановна, - знаю я, как у неё в порядке.

- Почему бы тебе, на самом деле, не встретить Новый год со мной? – предложил Лёня. – У нас собирается большая компания, у нас традиция встречать Новый год, собираясь с одноклассниками.

- Какая прелесть, - притворно ахнула Валентина Ивановна, и незаметно для Леонида, пихнула меня в бок. Весьма ощутимо, кстати, для столь тщедушного вида старушки.

Я улыбнулась смущённо и немного натянуто.

- Спасибо, но я не хочу навязываться.

- Ты не навязываешься, я же сам предлагаю. Мы всегда встречаем Новый год на площади, потом будем с горки кататься. И даже вокруг ёлки хоровод водить. Так что, ты никому не навязываешься. Если только позволишь мне составить тебе компанию.

Это, на самом деле, было мило. И Лёня улыбался своей приятной улыбкой, и я решила поверить в то, что он успел позабыть о том, как неудачно прошло наше первое якобы свидание.

Мы с Лёней договорились завтра созвониться, он поспешил уйти, сославшись на работу, и я, улыбаясь, как пятнадцатилетняя дурочка, махала ему рукой вслед под бдительным взглядом Валентины Ивановны. И только когда машина Леонида скрылась за поворотом, я смогла вздохнуть и спрятала руку в карман.

- И чего ты вся поскуцнела? – поинтересовалась соседка. Снова прихватила меня за локоть. – Какой парень, а? Видный, работающий. С машиной!

- Да, это самое главное, - пробормотала я.

Валентина Ивановна глянула на меня с прищуром.

- Что, не нравится тебе?

- Нравится, - промямлила я. Аккуратно освободила свою руку из её хватки. Сказала: - Пойду за шампанским. Вам что-нибудь купить?

- Моё шампанское уже в холодильнике стоит!

- Вы молодец, - порадовалась я её энергии, и отправилась в магазин, в некотором смятении обдумывая перспективу в новогоднюю ночь водить хоровод и кататься в шубе с ледяной горки в центре города.

Последняя рабочая смена в этом году мне давалась, наверно, тяжелее

всего. Новогоднюю ночь мне дали отдохнуть, я пропускала самый ажиотаж, схожий, наверное, с шоу фейерверков, и была этому рада. И пусть предстоящий праздник меня смущал, как смущает любого человека, которому не с кем его встретить, я всё равно радовалась тому, что не проведу его на работе, продолжая улыбаться и раскланиваться.

Встретившись с сестрой в раздевалке, я рассказала ей, что Валентина Ивановна сосватала мне компанию на Новый год. Анька выслушала, усмехаясь, потом, правда, решила удивиться.

- И ты с ним встретишься?

Я неуверенно пожала плечами.

- Не знаю, если честно. Я ещё подумаю.

Анька фыркнула.

- Бред. Он тебе даже не нравится. Зачем встречать с ним Новый год?

- Во-первых, я не говорила, что сосед мне не нравится. А, во-вторых, это лучше, чем быть одной.

- Ты его даже по имени не называешь, всё сосед и сосед. К тому же, почему одной? Я думала, ты будешь с нами.

Я красноречиво на сестру взглянула.

- Ещё лучше. Быть третьей лишней.

- Да почему третьей?!

- А какой?

- Мы Машу позовём. Соберёмся девчонками, а Витьку отправим за подснежниками.

Я, в конце концов, махнула рукой.

- Ладно, нужно ещё отработать, а завтра я проснусь и на свежую голову подумаю – чего я хочу. От нового года и от жизни, вообще.

Я вышла из раздевалки и твёрдой походкой направилась в холл гостиницы, проверить, как выглядит витрина ресторана снаружи, украшенная новогодней гирляндой. Здоровалась по пути с теми, кого ещё не видела. Витрина выглядела нарядно, а гирлянда переливалась разноцветными огоньками. Я перед ней постояла, затем окинула холл быстрым взглядом. Заметила знакомых электриков у входной двери. Точнее, увидела только одного, того, что помоложе, он вчера пытался со мной флиртовать. А второй неожиданно нашёлся в цветочной лавке, я увидела его через стеклянную витрину, обратила внимание на яркий цвет спецодежды. Не знаю, что он там делал, но явно не работал. Кажется, просто болтал. Причём с Машей.

Я хмыкнула, секунду раздумывала, следует ли мне вмешаться, но решила, что не следует, и вернулась в ресторан.

Вечер прошёл спокойно. Незваных, неприятных для меня гостей не случилось, наоборот, все были со мной чрезвычайно милы, поздравляли, улыбались, и я даже снова получила в дар цветок, правда, в горшке. Уж не знаю, почему в горшке, что за удивительная мысль, но я поблагодарила за подарок, а потом долго на фикус тарасилась. Всё-таки когда тебе дарят розы или что-то такое же милое, это куда приятнее. А фикус в горшке заставляет призадуматься.

В свой, так сказать, «обеденный перерыв», всё же решила зайти к Маше, хотя бы сказать ей «привет». Из-за новогоднего наплыва гостей суеты прибавилось, и свободные минуты за рабочий вечер можно было пересчитать по пальцам, иногда даже чашку чая было выпить некогда. И улучив свободные десять минут, я отправилась в цветочную лавку.

- Ты чувствуешь приближение Нового года? – спросила я у Маши, аккуратно поглядывая за стекло витрины. Электрики всё ещё работали в холле, а меня, если честно разбирало любопытство. Да и Маша выглядела незнакомо взволнованной. О чём-то думала, я бы даже сказала, витала в облаках.

В ответ на мой вопрос, она пожала плечами.

- Может быть.

Я заинтересованно хмыкнула, наблюдая за ней.

- Что это значит?

- Два года я про него не вспоминала, - призналась она. На меня не смотрела, расставляла цветы в вазе. – А здесь люди, гирлянды, ёлки. Все чего-то ждут и на что-то надеются. Представляешь, я отвыкла.

Я помолчала, неожиданно прочувствовав всю глубину её растерянности и страха перед предстоящим. Маша словно боялась, что если снова порадуетя наступающему году, то кого-то предаст. Сына или саму себя.

- Приезжай ко мне, - предложила я тут же. – Мы говорили о том, чтобы встретить Новый год вместе, вот и встретим его. А Анька пусть со своим Витюшей встречается. Не будем им мешать.

Маша молчала, будто сомневалась, и именно в этот момент пыталась принять решение. Я даже её поторопила:

- Что? Сидеть одной – не дело.

Она вдруг кинула быстрый взгляд через стекло, в ту же сторону, что и я пару минут назад. И смущённо закусил губу. Я разулыбалась, почувствовав интересную новость и буквально потребовала:

- Рассказывай.

Маша многозначительно закатила глаза, как делают все девушки, когда

им есть, что рассказать, не терпится рассказать, но они не уверены, как эта новость воспримется со стороны.

- Да нечего рассказывать, просто...

- Ничего не просто, если ты краснеешь. Я утром видела, как благообразного вида мужчина в комбинезоне с тобой разговаривал, забыв про работу. Он с тобой познакомиться хотел?

- Мы ещё позавчера познакомились, - созналась Маша. – Его зовут Павел. Он начальник бригады.

- Ого. Звучит хорошо.

Маша глянула на меня с укором.

- Прекрати.

- Я совсем не смеюсь, зря ты так думаешь. Он тебе понравился? – решив не ходить вокруг да около, спросила я.

- Лид, я его совсем не знаю.

- Так надо узнать, познакомиться получше.

- Он пригласил меня в новогоднюю ночь в центр города.

Я деловито кивнула.

- Вокруг главной ёлки хоровод водить, - быстренько определилась я. – Это очень здорово, иди.

Маша очень старательно разглаживала на столе ладонями обёрточную бумагу.

- Это неудобно.

- Он женат?

- Сказал, что в разводе.

- Тогда чего неудобного?

- Лида, я его не знаю!

- Я тебе ещё раз повторяю: и не узнаешь, если будешь дома сидеть. К тому же, он тебя не к себе домой, и не на дачу зовёт. А на новогоднее гуляние. Вокруг вас будет тысяча людей. И, возможно, даже я. Меня тоже на хоровод позвали. Так что, не раздумывай. Иди. Тебе надо развлечься.

Маша вздохнула, как стеснительная барышня. Но затем улыбнулась.

А я, когда вернулась в ресторанный зал и проходила мимо барной стойки, пропела специально для Аньки:

- У Маши появился кавалер.

Сестра ахнула, и уставилась на меня во все глаза. Живо поинтересовалась:

- Кто?

- Не скажу, - свредничала я. – Мы будем Новый год встречать на площади, у главной ёлки. А ты сиди со своим Витюшей дома, наслаждайся

семейным торжеством.

Анька скисла, показала мне язык и пристыдила:

- Как тебе не совестно?

Я улыбнулась и развела руками.

Вот как-то так и вышло, можно сказать, что само по себе, я согласилась с Лёней встретить Новый год. С чужим для себя человеком, к которому я, наверное, испытывала симпатию, ведь он меня конфетами угощал при каждой нашей встрече, ну или почти при каждой, но симпатия – это ведь совсем мало. Хотя, ещё вчера я учила Машу обратному, что нужно дать себе и новому для тебя человеку шанс, провести вместе немного времени, и, возможно, узнаешь что-то завлекательное про себя, и всё сложится. Получается других учу, а сама своим же советам не следую. Вот и решила с собой, со своей нерешительностью и подозрительностью бороться, делом, а не раздумьями. Позвонила Лёне и сказала, что с удовольствием проведу эту ночь с ним на главной площади города. Он, кажется, обрадовался. По крайней мере, голос зазвенел. А после он мне потечески посоветовал:

- Одевайся теплее. Будем кататься с горки и водить хоровод.

Отлично. И зачем, спрашивается, я платье новое купила, чтобы в новогоднюю ночь судьбу наповал сразить? Судьба – любительница подкидывать сюрпризы, я всё понимаю, но могла бы и подать какой-нибудь знак, что покупка болоньевых штанов для меня куда выгоднее и актуальнее в этом году. Но нет, платье, стоимостью в мой аванс, осталось сиротливо висеть в шкафу.

- Одевайся теплее, - передала я Маше слова своего сопровождающего. – Будем кататься с горок, к тому же, в ватных штанах ёлка попу колоть не будет.

- Какая ёлка? – переспросила Маша.

А я вздохнула.

- Вокруг которой хоровод надо водить. – И призналась: - Я ничего в этом не понимаю.

Тридцать первое декабря – это самый долгий день в году. И дело не в количестве минут и времени захода солнца. Дело в ожидании. Праздника, перемен, смены года, и даже накрытого новогоднего стола. Ты ждёшь, ждёшь, а часы будто в половину замедляют свой ход. К тому времени, как за окном начало темнеть, я, честно, успела устать. Правда, сама не знаю от чего. Даже пожалела, что сегодня не работаю. В ресторане время пролетело бы незаметно, я бы бокал шампанского выпить не успела, а уже оказалась бы в новом году.

Я сидела у кухонного окна, наблюдая за детьми во дворе, за тем, как они бегают, радуются и запускают в воздух петарды. Те громко хлопают, а дети смеются. Я ела мандаринку, и понимала, что мне скучно. И предстоящее веселье в толпе меня не радует, но я уже пообещала Маше, что буду если не рядом с ней, то где-то поблизости. А потом зазвонил телефон. И я, признаться, в душе замерла, когда услышала мелодию. Звонил Давид.

Первую секунду я сомневалась, стоит ли отвечать, ещё пару секунд просто тянула время, наверное, мне всё-таки хотелось, чтобы он понервничал. А потом я всё же ответила на звонок. Нажала на кнопку и просто сказала:

- Привет.

- Привет, - отозвался Давид. Он говорил негромко, на заднем фоне слышались голоса и музыка, и я поняла, что он уже в ресторане. Я вчера изучала список заказов на новогоднюю ночь и отлично видела его фамилию среди гостей.

- Решил поздравить меня с наступающим?

- Вообще-то, я был уверен, что ты работаешь.

- Понятно. Если я не обслуживаю твою семью в праздник, то тебе беспокойно, да?

- Лида, ты ещё злишься, - вроде как пожурил он и хохотнул.

Ну почему, почему у него такой волнующий смех? У меня сразу мороз по коже, и мысли вон из головы вылетели. Пришлось на секунду зажмуриться.

- Я не злюсь, Давид.

- Где встречаешь Новый год?

- С друзьями, - уклонилась я от ответа.

- У тебя их не так много.

- Это что, упрёк?

- Нет, пытаюсь понять, с кем ты проведёшь эту ночь.

Я хмыкнула.

- А зачем тебе это?

- Я беспокоюсь, - повторил он свою, ставшую уже любимой, судя по всему, присказку.

- Не стоит, - заверила я его, начиная выходить из себя. – У меня всё отлично. Я собираюсь встретить Новый год на главной площади под бой Курантов, буду пить шампанское, водить хоровод и кататься на санках!

Давид помолчал, а я почему-то была уверена, что он в этот момент снисходительно улыбается.

- Сосед придумал?

- Пошёл ты к чёрту, - всё же возмутилась я в полной мере. – Это вот моё тебе новогоднее пожелание!

Тот факт, что я его послала, Давид, вроде как, пропустил мимо ушей.

- Значит, всё-таки сосед.

- Я же не говорю тебе о том, что ты Новый год с женой встречаешь.

- Ну, это как раз нормально.

- Нет, - не удержавшись от язвительности, проговорила я. – Ненормально. Убежать от любимой жены в коридор и звонить другой женщине, это ненормально, Давид. И меня несколько настораживает то, что ты этого не понимаешь.

Он вдруг рассмеялся. Легко так, довольно. Взял и рассмеялся. Я замолчала, а Давид заявил:

- Я думаю, нам просто необходимо это обсудить.

- Нечего тут обсуждать, - проговорила я в сторону.

- А ты не торопись, - попросил он, - вдруг я найду доводы, которые тебя удивят. И впечатлят.

- Не надейся, - из вредности проговорила я, хотя уже стоило бы отключить телефон. А я его ещё зачем-то предупредила: - Я вешаю трубку.

- И не поздравить меня с Новым годом? – якобы удивился он.

- Поздравляю, - буркнула я. – И жену твою поздравляю, и папу, и дедушку. И даже Люсю. Поздравляю всех, можешь им передать.

Давид снова смеялся.

- С Новым годом, вредина, - сказал он, я услышала, но снова зажмурилась, собирая всю волю в кулак, и заставила себя прервать разговор. Нажала на кнопку и тогда уже в полный голос высказала всё, что думаю об этом мерзавце и его способностях уговаривать женщин на всякие глупости и безумства.

Через час, наконец, нужно было выходить из дома. Я собралась задолго до означенного времени, и успела решить, что я обезумела окончательно, раз хожу по квартире из комнаты в комнату и придумываю, что ещё нужно было сказать Давиду Кравецу в качестве пожелания на Новый год, чтобы он всерьёз проникся и перестал терзать мою душу телефонными звонками. В итоге, оказавшись на улице и встретив Лёню, я, наверняка, выглядела взволнованной и взбудораженной. То есть, полностью готовой к встрече самого главного праздника года.

- Ты выпила шампанского? – спросил меня Лёня, скромно поцеловав в щёку после поздравления с наступающим и всяческих тёплых пожеланий. Я в ответ ему тоже пожелала, правда, моя фантазия дальше финансового

благополучия и отменного здоровья, идти отказывалась, споткнулась на удаче в любви.

- Я?

- У тебя щёки горят, - сказал он, приглядываясь ко мне и улыбаясь.

Я за щёки схватилась, засмеялась.

- Немножко. Поехали?

- Да, поедem.

Он пригласительным жестом указал на свою машину, я скромно улыбнулась, шагнула навстречу автомобилю, и остановилась у подъездной дороги, пропуская чёрный внедорожник, что следовал по ней. Но автомобиль не проехал мимо, остановился прямо напротив меня, а когда открылась дверь со стороны водительского сидения, я увидела молодого человека в дублёнке с песцовым воротником. Он вылез из машины и с внимательным прищуром на меня уставился. Но он хотя бы знал, что рассмотреть во мне пытается, а я просто замерла рядом с ним, не зная, чего ожидать. А он спросил:

- Вы Лидия Арбатова из тридцать пятой квартиры?

Я на всякий случай отступила на шаг, но кивнула.

- Я.

Молодой человек неожиданно хмыкнул, головой качнул.

- В джинсах по-другому выглядите, не узнал, - посетовал он. И сообщил мне радостную новость: - У меня для вас подарок. Просили передать.

Подарок? Я люблю подарки. Кто же не любит подарки?

Но я всё равно продолжала наблюдать за незнакомцем с настороженностью. А тот открыл заднюю дверь своего автомобиля, достал из салона огромный букет белых роз и протянул мне. Я машинально цветы приняла, несколько потрясённая происходящим, а мне ещё и маленькую коробочку протянули, серебристую, с бантом из голубой тафты.

- И это вам. – Парень встретился со мной взглядом и бодро улыбнулся. А затем гаркнул: - С Новым Годом! – И хлопнул притихшего Лёню по плечу.

- А от кого подарок? – догадалась спросить я, когда мой личный Дед Мороз вознамерился сесть обратно в машину и уехать.

Правда, он меня информацией не порадовал.

- Сказали, догадаетесь.

- Обалдеть, - пробормотала я, наблюдая, как автомобиль отъезжает. Сунула Лёне в руки букет: - Подержи. – Он цветы взял, а я, наконец, сняла крышку с коробочки. Внутри, на белом бархате лежал перстень с кроваво-

красным рубином. Перстень, некогда подаренный Екатериной Великой своему возлюбленному графу Орлову.

В общем, что-то, а сказки Давид Кравец рассказывать умеет, а после щедро делится ими с общественностью. В надежде произвести неизгладимое впечатление.

Я подняла глаза и посмотрела на соседа. Тот явно находился под впечатлением.

Давид испортил мне новогоднюю ночь.

Перед Лёней было неудобно. Мы провели вместе новогоднюю ночь, вроде как радовались и веселились, он познакомил меня со своими друзьями, и мы все вместе пили шампанское под главной ёлкой города и кричали: «С Новым годом!» в тёмное небо без единой звёздочки. И мне даже было весело, в те моменты, когда я не думала о Давиде и перстне, который он мне зачем-то подарил. Понятное дело, что с умыслом. И умысел его был понятен и очевиден, и настолько коварен, что оставалось лишь подивиться чужому нахальству. А ещё я не единожды ловила на себе задумчивые взгляды Лёни. В те мгновения, когда он считал, что я занята разговором, наблюдаю за чем-то и не обращаю на него внимания, он принимался ко мне приглядываться. И мне становилось неудобно перед ним. Но я не знала, что ему сказать. Прощения просить вроде не за что, я ничего не сделала и никак его не обманула, а что-то объяснять, тоже казалось лишним, не настолько мы с ним близки. Но Лёня был хорошим парнем, и, кажется, имел на меня виды, как сказала бы Валентина Ивановна. Та бы ещё и многозначительно подмигнула.

Скажу честно, мне никакой многозначительности не хотелось, и дело было совсем не в Лёне. Вообще хотелось простоты и порядка, самое главное, в своих мыслях и душе. А я всё думала и думала. Но совсем не о соседском парне, которому, судя по всему, приспичило в меня влюбиться.

С Машей мы всё-таки встретились, у ёлки, под самый Новый год. Обнялись, расцеловались, а я, не скрываясь, присмотрелась к её кавалеру. Павел, как он сам мне представился, всё честь по чести, производил хорошее впечатление, серьёзного взрослого мужчины. Без всякого налёта лоска, надуманной ухоженности, передо мной стоял крепкий мужик с серьёзным взглядом и тяжёлым подбородком. Возможно, он был чересчур серьёзен, по крайней мере, отсутствие задорной улыбки на его лице в толпе веселящихся людей могло показаться немного странным, но я почему-то подумала, что именно это Машу в нём и привлекло. Ей не нужно веселья, лёгкости, бесшабашности. Ей нужно твёрдое мужское плечо, за которым, при необходимости, можно укрыться – хоть от ветра, хоть от жизненных невзгод. Давид ей этого в своё время, по их молодости, дать не смог. А тут рядом с ней стоял исполин, с твёрдым характером и пудовыми кулаками. Именно такое впечатление на меня Павел произвёл. А уж что будет дальше, жизнь покажет. Это я Маше и сказала, когда мы с ней на минуту отошли

ото всех в сторону, снова обнялись и поздравили друг друга с наступающим.

- Кажется, он классный, - сказала я ей, а Маша обратила на меня умоляющий взор.

- Перестань.

Я удивлённо моргнула.

- Что? Я ведь серьёзно. – Я потеряла её за отворот пальто, попыталась заглянуть в глаза. – А ты сама что думаешь?

- Что я странная, глупая, неуклюжая и мне давно пора было завязать со свиданиями.

- Дурочка. – Я подхватила её под руку. – Никакая ты не неуклюжая, и уж точно не глупая. И что значит – завязать со свиданиями? Можно подумать, у тебя их много было.

- Немного, - созналась я, смущённо наморщив нос. – Но в моём возрасте начинать сначала...

- Молчи, - приказала я. – Молчи, иначе в новом году окажешься с фингалом под глазом. Потому что я тебе его поставлю. Чтобы глупостей не болтала. Про возраст она вспомнила!.. Вспомнишь о нём лет через двадцать!

Маша рассмеялась, затем повернула голову и посмотрела на Павла, приценивалась. Так женщина смотрит на мужчину, когда в первый раз представляет себя рядом с ним в свадебном платье. Я не удержалась, фыркнула от смеха, а Маша тут же повернулась ко мне и тихо возмутилась:

- Перестань.

- Но ты ведь рада, что ты согласилась и пришла сюда с ним?

Она помедлила секунду, после чего кивнула. Но тут же переспросила:

- А ты рада, что здесь с ним? – Едва заметно кивнула в сторону Лёни.

Я посмотрела на соседа, улыбнулась, когда Лёня неожиданно перехватил мой взгляд. А Маше сказала:

- Я рада, что я не одна дома.

- Думаю, такого бы не случилось.

К трём часам ночи я неожиданно поняла, что устала. Я честно веселилась, водила хоровод вокруг ёлки, позволяла увлечь себя в любое веселье, и всем улыбалась, улыбалась. А потом вдруг остановилась, и осознала, что уже некоторое время улыбаюсь через силу. А мысли мои не здесь, они рядом с другим человеком, хочу я этого или нет. И на душе стало очень тоскливо. Попыталась представить, где и с кем в эту минуту Давид и думает ли он обо мне. Наверное, нет, наверное, он занят, вокруг него всегда столько людей, друзей и знакомых, бывают вечера, когда он даже

поужинать не может, его без конца отвлекают разговорами или просто приветствиями. И рядом с ним другая женщина, которая чувствует себя на своём месте, хозяйкой положения, победительницей. Зная Алину Потапову, именно так она себя и чувствует.

- Ты устала?

Я обернулась и поняла, что Лёня стоит за моей спиной. Растянула губы в улыбке, но затем кивнула, сознаваясь.

- Устала.

- Поедем домой?

Я огляделась по сторонам.

- Люди ещё веселятся.

- Некоторые до девятого числа веселиться намерены, ты хочешь поддержать их пыл?

Я рассмеялась, головой покачала.

- Точно, нет. Поедем домой. Я только с Машей попрощаюсь.

Ещё раз поздравив всех знакомых с Новым годом, кое с кем обнявшись и расцеловавшись, мы с Лёней направились к машине. Идти пришлось довольно приличное расстояние, стоянка в центре в связи с массовыми праздничными гуляниями, была запрещена. Но прогулка до машины, хоть и дальняя, всё же лучше, чем ожидание общественного транспорта, до остановки которого тоже предстояло идти не меньше.

- Ноги гудят, - рассмеялась я, когда мы, наконец, сели в машину.

Лёня не торопился поворачивать ключ зажигания в замке, развернулся на сидении ко мне, улыбнулся, наблюдая.

- Но ты довольна? Тебе понравилось?

- Ты знаешь, да. Было весело. Я никогда раньше не встречала Новый год на площади. Понимаю, что зря.

- Я рад.

- И друзья у тебя милые, - продолжила я. – Вы, правда, все дружите со школы?

- Как-то так получилось.

Я вздохнула, призадумавшись.

- Здорово. А у нас вот класс не дружный был, я ни с кем не общаюсь. Хотя, это, может быть потому, что несколько лет в городе не жила? Связь со всеми потеряла?

Лёня улыбнулся и качнул головой.

- Не знаю, как тебя можно забыть. Ты весёлая, красивая...

- За красивую спасибо, - порадовалась я комплименту, - а вот насчёт весёлая, не знаю. Зажигательной особой я никогда не слыла. Скорее уж,

бесшабашной. Мачеха всегда говорила, что нормальным людям нужно подумать и что-то сделать, а мне, прежде чем что-то сделать, лучше подумать раз семь. А потом остановиться и подумать ещё раз.

- Она к тебе придиралась.

- Не исключено, - не стала я спорить, и мысленно порадовалась, когда Лёня всё же завёл машину, и мы тронулись с места. Если честно, мне хотелось поскорее оказаться дома, остаться одной и, наконец, спокойно обдумать подарок Давида. Что он всё-таки имел в виду, подарив мне перстень?

И, судя по всему, перстень не давал покоя не только мне, потому что после недолгой паузы, Лёня спросил:

- Это кольцо что-то значит?

Я закусила губу. Отвечать не слишком хотелось, но промолчать или резко сменить тему показалось неудобным.

- Для меня или вообще?

Я заметила, что Лёня усмехнулся. Коротко, в сторону, и, по всей видимости, ему был неприятен сам разговор, но ситуация его беспокоила, и я его чувства понимала, хотя, и не приветствовала. Но любые чувства, тем более положительные по отношению к тебе, необходимо уважать, и я всегда старалась поступать именно так.

- Вообще, - сказал он, в конце концов. Попытался в последний момент выкрутиться из щекотливого положения, а я сделала вид, что ничего не заметила. А в ответ на его вопрос, пожала плечами.

- Я не знаю. И никто не знает, - таинственным шёпотом проговорила я. – По легенде этот перстень символ любви одной великой женщины...

И я, чтобы скоротать нам время в дороге до дома, и окончательно запудрить Лёне мозги, дабы ему не пришлось в голову развить какие-нибудь опасные и неудобные для меня темы, я взяла и рассказала ему легенду, что некогда мне поведал Давид. О графе Орлове и Екатерине, о потере перстня, и, вообще, о тех чувствах, что связывали этих двоих, и частичка этих чувств, их любви, наверняка перешла в драгоценный кроваво-красный камень. Рубин даже по цвету, как любовь, такой же горячий и страстный.

- И тебе его подарили? – переспросил меня Лёня, задумавшись. – Он, наверное, дорогой.

- Я не знаю, сколько он стоит, - честно ответила я. – И мне всё равно.

- Конечно, - поспешил он согласиться. Кинул на меня быстрый взгляд. – Но для тебя это важный подарок, я прав?

- Дело не в подарке, - проговорила я неуверенно, зачем-то отвернувшись, прячась от чужого взгляда.

- Дело в человеке, - подсказал он. Как-то выпалил, и обоим стало неприятно, и мы замолчали.

Наверное, прошла минута, в этом неловком, по крайней мере, для меня, молчании. И я, понимая, что, скорее всего, совершаю ошибку, пустилась в пространные объяснения.

- У Давида куча таких историй, поэтому я не стала бы верить каждому колечку или булавке. У него талант сочинять сказки, - я не удержалась и добавила в голос ехидства. – Наверное, от предков-лавочников досталось.

- Я понял, о ком ты говоришь, - неожиданно оживился Лёня. – Точнее, вспомнил. Мой друг занимается установкой охранных систем, однажды попросил ему помочь, мы устанавливали сигнализацию в антикварном магазине у Кремля. – Лёня отнял одну руку от руля и щёлкнул пальцами, пытаюсь что-то вспомнить. – У них такая интересная фамилия.

- Кравец, - тусклым и недовольным голосом подсказала я ему.

- Точно, Кравец. Олег ещё рассказывал мне про их семейство. Богатые, говорит.

- Понятия не имею, - проговорила я и снова отвернулась к окну.

- Так это один из них тебя тогда у ресторана ждал?

Я расправила плечи, ощущая на них огромную тяжесть. Я решилась рассказать Лёне сказку про перстень, а он обрадовался и устроил мне допрос.

- Если честно, я не хочу об этом говорить, - сказала я ему.

Он примолк, задора в нём заметно поубавилось. Мы снова замолчали, но в этот раз ненадолго. Лёня первым подал голос.

- Извини меня. Мне не нужно было...

- Я ещё не решила, оставлю ли подарок, - сообщила я ему. – Даже если перстень ничего и не стоит, - у меня вырвался вздох. – Даже если он ничего и не стоит, деду Давида он весьма дорог. Вот и пусть вернёт ему.

- Думаю, у его деда достаточно игрушек.

Я взглянула на Лёню непонимающе.

- Ты о чём?

Он плечами передёрнул.

- Я же говорю, я вспомнил, что мне друг об их семье рассказывал. О деде Кравец по городу шёпотом разговаривают. Говорят, что он сумасшедший, убил кого-то, поэтому его столько лет держат под замком.

- Глупости какие, - от души поразила я коварству злых языков. – Борис Иосифович, конечно, не пример для подражания, но точно не убийца, и на сумасшедшего не похож. Думаю, по рассудительности и расчётливости, он нам с тобой обоим десять очков вперёд даст.

- Ты, правда, с ним встречалась?

- Встречалась.

- Он живёт в брошенной деревне? Как отшельник?

- Ещё одна глупость! – Я от несусветности свалившихся на меня слухов, начала злиться и повысила голос. – Нам бы с тобой быть такими отшельниками! Просто у Бориса Иосифовича агорафобия, он не покидает свой дом. А тут напридумывали – убийца, сумасшедший! Ещё в маньяки человека ни за что запишите. – Я поводила ладонью по своей коленке, после чего зачем-то добавила: - Он, конечно, человек весьма специфический, я бы даже сказала, что чрезвычайно тяжёлый, но такое говорить...

- И он живёт совсем один?

- Нет, с экономкой.

Лёня изумлённо хохотнул, качнул головой.

- Вдвоём, в целом доме?

Я кивнула, после чего напомнила ему:

- Ты же сам говорил, что у тебя друг занимается охранными системами, вот Борис Иосифович с Люсей под такой охраной и живут.

Лёня почесал в затылке.

- Да уж, чего только в жизни не бывает.

Я решила согласиться. Точно, чего только не бывает. Вот у меня обычно не бывает в руках старинных перстней с рубинами, а тут – пожалуйста.

- Хотел бы я побывать у него в доме, - в задумчивости проговорил Лёня.

- Сходи в музей, - посоветовала я. – Всё точно также.

Он посмотрел на меня, хмыкнул и снова отвернулся. Выглядел задумчивым. Настолько, что мне даже скучно стало. Не хотелось ничего говорить, чтобы, не дай бог, не сбить его с важной, увлекательной мысли.

У моего подъезда мы немного неловко простились. Улыбались друг другу, а я не знала, что делать – то ли руку ему на прощание подать, то ли щёку для поцелуя подставить, то ли повиснуть у него на шее, как девчонка, придавая дополнительную лёгкость нашим дальнейшим отношениям. Но нужна ли мне эта лёгкость, вот в чём вопрос. И Лёня тоже смотрел на меня в некоторой протрации пару секунд, после чего всё же наклонился и поцеловал меня в щёку, на секунду дольше необходимого прижавшись ко мне губами.

- С Новым годом, - проговорил он особым медовым голосом, что, правда, на меня никак не подействовало. В том смысле, что в душе ничего

не дрогнуло, и ни одна бабочка не подумала вспорхнуть и крылом мою душу задеть. Но я улыбнулась Лёне в ответ, со всей теплотой и благодарностью, и отозвалась:

- С Новым годом. Надеюсь, у тебя в новом году всё получится.

- Я тоже очень на это надеюсь, - сказал он и широко улыбнулся.

- Пока, - тихо проговорила я, и направилась к своему подъезду. Догонять меня Лёня не стал. Хотя мог бы, если бы был чуть смелее и имел на меня какие-то серьёзные виды. Мог бы догнать, схватить за руку, развернуть к себе и поцеловать. Я даже представила себе эту картину, вот только почему-то в роли того, кто схватит и поцелует, в моём воображении получился Давид Кравец, а не сосед Лёня. И ещё поэтому я прибавила шаг и поспешила скрыться в подъезде, забыв махнуть поклоннику рукой на прощание.

Оказавшись дома, я заперла за собой дверь, сняла в прихожей сапоги и поспешила на кухню, выглянула в окно. Лёни под окнами уже не было, смылся сразу, как только я от него отвернулась, надо полагать. Что ж, в сообразительности ему не откажешь. Я потаращилась на полосу света под электрическим фонарём, затем подняла глаза к звёздному небу, и вдруг осознала, что я уже в новом году. Очень странное чувство. Вроде ничего не случилось, прошло всего несколько часов, а ощущение, будто пересечён некий очень важный рубеж. Что тебя непременно ожидают перемены в жизни, и никто не спрашивает, хочешь ли ты их.

Я прошла в комнату и взяла с полки подарочную коробочку с бантом из тафты. Открыла её, и некоторое время просто смотрела на перстень, потом надела себе на палец. Перстень был мне велик, болтался на тонком пальце, тяжёлый и пугающий. Не знаю, что именно меня в нём пугало, наверное, непонимание его истинной ценности и того, что Давид хотел мне сказать этим подарком. Прощальным этот подарок явно не был. Может, дело в том, что однажды я уже держала его в руках? Восхищалась им, слушала сладкие речи в его адрес, и верила каждому слову. Но кто сказал, что я хочу повторения?

«Он мне не нужен», написала я Давиду, в конце концов.

Перстень, на самом деле, был мне не нужен. Я положила его обратно в коробочку и спрятала ту подальше с глаз, в буфет, за бабушкин хрусталь.

На моё сообщение, Давид так и не ответил. А я ждала. Время от времени брала в руки телефон, проверяла, может быть, я не услышала звуковой сигнал, но Давид безмолвствовал. Конечно же, это меня злило. Моей душе не было покоя. Умом я понимала, что наша с ним история бесперспективна, закончена и не надо позволять Давиду играть на моих

чувствах и тянуть меня обратно в омут. А с другой стороны, я продолжала думать о нём, ждать его появления и звонков, о чём-то мечтать. Наверное, это чисто женское – продолжать верить и надеяться, не смотря ни на что.

- Ты выспалась?

Лёня позвонил после обеда первого января и начал разговор бодрым голосом. Во мне же ни намёка на бодрость не было.

- Можно я приглашу тебя на ужин? – продолжил он.

- Ужин? – глупо переспросила я.

- В ресторан, - заверил он.

Я улыбнулась. По его тону можно было подумать, что Лёня испугался, будто я подумаю что-то не то. Например, что на приличный ресторан у него не хватит денег. Но мне, если честно, совсем не хотелось в ресторан, даже в хороший, даже в приличный и супер солидный. Проводя в подобном месте большую часть недели, хотелось отдохнуть от официантов, блеска столовых приборов, формальных улыбок и даже запаха хорошей еды. Поэтому я, немного посомневавшись, сказала:

- У меня есть оливье.

- Правда? Сама делала?

- Конечно, - добавив в голос обиженных ноток, ответила я.

- И ты меня приглашаешь?

Я невольно улыбнулась.

- Приглашаю. Приходи.

Леонид не заставил себя долго ждать, позвонил в мою дверь уже через десять минут. А когда я ему открыла, увидела, что он сияет, как начищенный пятак. И у меня мелькнула мысль, что я, возможно, зря всё это делаю. Не вру ему, конечно, ведь ничего не обещаю, но явно подаю напрасные надежды. Потому что, как бы мне Лёня, как человек, не нравился, меня к нему абсолютно не тянет. Даже не могу себе представить нас целующимися.

Подумав об этом, я на Лёню уставилась. Наблюдала, как он снимает куртку и разувается в моей прихожей. Он улыбался мне и сиял, а я улыбалась ему в ответ. Короче, мы оба себя глупо чувствовали.

- Я принёс шампанское.

Час от часу не легче, думала я, направляясь на кухню. Вообще, я позвала его доесть оливье, чтобы не пропало, а он принёс шампанское. С намёком на нечто большее, надо полагать.

Я обернулась через плечо и подарила Лёне бодрую улыбку.

- Сейчас достану бокалы.

Бокалы у меня были ещё бабушкины, из тяжёлого хрусталя, ничего

новомодного и сверкающего на изящных ножках, но, думаю, ничего страшного. Я прошла в комнату, открыла буфет и привстала на цыпочки, чтобы дотянуться.

- Тебе помочь?

Лёня скромно стоял в дверях комнаты, ненавязчиво оглядывал обстановку. Наверное, как раз до того момента, как я привстала на цыпочки и потянулась рукой к верхней полке.

- Да, если можно. Достань бокалы.

Лёня кинулся исполнять мою просьбу, и вот тут увидел в углу коробочку с перстнем. Я даже заметила, как дрогнула его протянутая рука. Это показалось немного странным, но он кинул на меня такой детский, открытый и непосредственный взгляд, что я тут же все подозрения откинула.

- Разрешешь посмотреть? Меня заинтриговала твоя история.

- Посмотри, - согласилась я. Только добавила: - История не моя, а Орлова и Екатерины. Куда мне до них? Если всё это, вообще, правда. – Я аккуратно опустилась на мягкий подлокотник дивана. Усмехнулась скептически, задумавшись о своём. – Рассказал ещё тот сказочник.

Лёня достал коробочку, снял крышку и долгим взглядом уставился на перстень. Потом осторожно взял его и покрутил, разглядывая. Взвесил на ладони.

- Тяжёлый. Это драгоценный камень?

- Рубин. Давид говорил, что сам камень не особо ценный, всё дело в легенде.

- Так он легенды продаёт? – совершенно серьёзно спросил Лёня.

- Может быть, - задумчиво проговорила я.

- Странное это вообще дело – антиквариат, - сказал Лёня, продолжая внимательно рассматривать перстень. – Никто не даст тебе гарантию, что ты покупаешь. Одни слова.

- Давид говорит, что продаёт чужую мечту, которая давно умерла.

- А он романтик. Мрачный.

Я с подлокотника поднялась, говорить с Лёней о Давиде я совершенно не хотела.

- Пойдём есть оливье?

Лёня оторвался от созерцания перстня, отвернулся от меня, я услышала звук захлопнувшейся крышки коробочки, и он вернул её на место, в дальний угол верхней полки. Я прошла на кухню, а он следом за мной, с бокалами под шампанское в руках.

- Что ты будешь с ним делать?

- Верну, - сказала я.

- Правда?

Я пожала плечами.

- Он мне не нужен.

Лёня присел за стол, улыбнулся, но не мне, смотрел при этом в окно.

- Может, и правильно. – Сказал это, замолчал, а потом как будто испугался своих слов. На меня посмотрел и заверил: - Я не собираюсь никуда лезть и что-то тебе советовать.

- Насчёт чего? – решила прикинуться я дурочкой.

- Ну... - неопределённо протянул он. – Насчёт общения с... Давидом Кравецом. Ты же сама мне говорила, что ты с ним... у вас...

- У нас был роман, - закончила я за него, когда поняла, что Лёня окончательно запутался.

Лёня с облегчением выдохнул.

- Это я и имел в виду.

- Я так и поняла. – Я поставила перед ним тарелку, вручила вилку и кивком указала на салатник с оливье. – Ешь.

- Лучше сначала шампанское открою.

Лёня наполнил бокалы, мы посмотрели друг на друга, улыбнулись, как должно, и выпили шампанское.

- С Новым годом?

- Да, с Новым годом.

Лёня с аппетитом ел, а я за ним отстранённо наблюдала.

- Вкусно, ты молодец.

- Спасибо.

- Он тебя обидел?

Я моргнула от неожиданности вопроса. В первую секунду даже не совсем поняла, о чём он.

- Давид?

Лёня кивнул. А я, после лёгкого сомнения, пожала плечами.

- Как можно обидеть тем, что не любишь? То есть, - спохватилась я, - это, конечно, обидно, но обида эта неправильная. Человек не может себе приказать любить. Просто не судьба.

- Похоже, он так не считает.

- Это его проблемы, - соврала я.

- И ты вернёшь ему кольцо?

- Оно же не обручальное, - посмеялась я. – А сказки на ночь мне больше не нужны.

- Как скажешь. – Лёня о чём-то призадумался, после чего мне

улыбнулся. Взялся за бутылку. – Давай ещё выпьем. – И предложил: - За любовь.

- Хороший тост, - согласилась я.

В общем, если мой приятный во всех отношениях сосед и надеялся на что-то, на какое-то развитие ситуации или проявление чрезмерной симпатии с моей стороны, то он этого не дождался. Но, надо сказать, что когда уходил, особо расстроенным не выглядел. Съел весь салат, поговорил со мной по душам, наверняка, что-то для себя интересное выяснил, а, может быть, и уяснил, и ушёл. Только попросил напоследок, уже стоя в дверях:

- Не грусти. Ты отличная девчонка. А он дурак.

Я, расслабленная тремя бокалами шампанского, насмешливо фыркнула.

- Все мужики дураки.

Лёня рассмеялся над моими словами.

- Как скажешь. Рядом с такой женщиной не стыдно быть немного дураком. Даже приятно.

Я улыбнулась, махнула на него рукой и закрыла дверь. Вздохнула. Что-то не давало мне покоя, скреблось на душе, а я никак не могла понять что.

Прошло совсем мало времени, наверное, минут пятнадцать, а в дверь снова позвонили. Длинно, настойчиво, а я, успев расслабиться и успокоиться, решив, что визит гостя обошёлся без лишних казусов и смущающих инцидентов, в досаде едва не сплонула. Была уверена, что это Лёня вернулся. Набрался смелости проверить, насколько мне всё равно в отношении бывшего любовника. О котором я, вроде бы, не хочу говорить, но говорю всегда много.

Возникла мысль дверь не открывать, но это было бы совсем глупо, Лёня же прекрасно знает, что я дома. То есть поймёт, что не хочу его видеть, а то и остерегаюсь. Наверняка ему станет неприятно, мне бы точно стало. И я отправилась к входной двери, по дороге быстренько придумывая, как удивлюсь или недоумённо нахмурюсь при виде него. Не поглядев в глазок, я отперла замки, открыла дверь и в первый момент даже не поняла, что передо мной стоит не Лёня. Упёрлась взглядом в тёмные отвороты мужского пальто, а в то мгновение, когда сделала вдох, буквально учуяв знакомый аромат одеколона, меня уже сбило волной, и я словно полетела назад, и оказалась у стены. Это на самом деле было похоже на волну, на удар, вот только всё это время меня держали мужские руки, а потом и вовсе стиснули, прижали к стене, и я сама, как бы и не желая того, подняла голову и встретила поцелуй Давида. Всё происходящее было

настолько неожиданно, стихийно, сбивало с толка и уносило вдаль последние здравые мысли. Мы стояли в моей маленькой прихожей, в полумраке, и целовались, как безумные. А ведь ещё минуту назад его всё ещё не было в моей жизни, потому что я всеми силами его от себя гнала.

Давид ногой захлопнул входную дверь, я от хлопка немного очнулась и протестующе застонала, а он отодвинулся от меня, совсем чуть-чуть, перестал меня целовать, и я смогла вздохнуть. Замерла, чувствуя его большие ладони на своих бёдрах, его самого, такого высокого, большого, возбуждённого, совсем рядом, я словно была окружена им, и у меня не было слов, даже мыслей в голове не было, долго, наверное, целую минуту. Я только стояла, вцепившись в его запястья, и сердце бухало в груди. А Давид склонил ко мне голову, прижался лбом к моему лбу и внимательно наблюдал за тем, как меняются эмоции на моём лице.

Я всё ещё держалась за его руки, но это уже не было похоже на сопротивление. Я просто за него держалась.

- Что ты делаешь? – шёпотом спросила я.

- Целую тебя.

- Хороший ответ, - не смогла не признать я. Заставила себя разжать пальцы и больше не цепляться за его руки. Но надо сказать, сделать это было трудно. Такое приятное ощущение – касаться любимого мужчины. Этого можно не замечать, не ценить, когда у тебя это есть, когда ты имеешь право его касаться, в любой момент, а возможность сделать это, уже простившись навсегда, прожигает огнём. Но я сделала над собой усилие, и руки опустила. А Давид продолжал стоять, нависая надо мной, прижимая меня к стене, и дышал. Я была окутана его дыханием, жаром и лёгким ароматом коньяка.

- Ты пил? – спросила я.

- Новый год, - ответил он и улыбнулся.

Никто не умел улыбаться так, как Давид Кравец. Куда уж до него Лёне из соседнего подъезда.

Мне остро захотелось поднять руку и коснуться его щеки. Я понимала, что даже эти поцелуи в моей прихожей мало что значат, Давиду просто взгрустнулось, наверное, захотелось вспомнить, каково это – целовать не жену, а я оттягивала секунда за секундой тот момент, когда придётся попросить его уйти. Внутри всё kloкотало, сердце колотилось, а потом вдруг замерло, и стало очень тяжело. И на глаза навернулись слёзы. Но я не позволила им пролиться, отвернулась, прячась от его взгляда, и сделала несколько судорожных вдохов, стараясь обрести равновесие.

Вот только зря старалась. Давид снова склонился ко мне, губы

скользнули по моей щеке, и меня окатило жаром изнутри.

- Перестань, - сказала я. – И уходи.

- Лида.

- Ты зачем надо мной издеваешься?

Он вздохнул, тяжело, и как-то безнадежно. А затем сказал, причём, кажется, сам себе удивлялся:

- Я скучаю по тебе.

Воздух распирал мою грудь, я никак не могла выдохнуть. Казалось, что ещё чуть-чуть и начнёт кружиться голова. В конце концов, я упёрлась руками в его грудь, стараясь отодвинуть от себя мужское тело. Дышать, на самом деле, стало легче. Я нырнула под руку Давида и оказалась на свободе.

- Лида.

Я невольно улыбнулась, но весело мне совсем не было.

- По-моему, раньше ты не произносил моё имя так часто.

Давид оставался в прихожей, привалился спиной к стене и сунул руки в карманы пальто. Выглядел хмурым и дышал тяжело и недовольно. Хотя, даже интересно, с чего ему быть недовольным? Это не к нему в дом ворвались, схватили и теперь тянут из него какие-то признания.

Я прошла в комнату и села на диван. Сложила руки на груди. Если честно, не знала, что делать. Понимала, что самое правильное – это попросить его уйти, какой смысл находиться через тонкую стенку друг с другом и молчать? Да и сказать, по сути, нам уже нечего. Но Давид не уходил, а я молчала, никак не могла собрать волю в кулак и его выгнать. Несмотря ни на что, его присутствие в моей квартире, грело душу. Огонёк был неуверенным, опасно колыхался при каждом дуновении, при каждой моей строптивной мысли, но он горел, и мне хотелось продлить это ощущение чуда, как можно дольше.

Это, на самом деле, мучение. Какое-то бесконечное, тянущее чувство в груди – обнять его или оттолкнуть. Я закрыла лицо руками. Не плакала, просто пыталась отстраниться от ситуации, перестать реагировать только на фоне эмоций.

Давид прошёл в комнату и сел напротив меня в кресло, прямо в пальто. Сидел и на меня смотрел. Снова позвал:

- Лида. – Прищурился. – Ты плачешь?

Я опустила руки, головой покачала.

- Нет.

- Не хочу, чтобы ты плакала.

Как мило. Я даже улыбку изобразила.

- А чего ты хочешь?

Давид тут же нахмурился от моего тона.

- Не разговаривай со мной так, - попросил он.

Я посмотрела сначала в один угол комнаты, потом в другой. Очень хотелось закричать. Возможно, устроить скандал или закатить истерику, беда в том, что я это делать не умела. Слишком быстро остывала, и мои крики и обвинения мне самой начинали казаться глупыми и неуместными.

- Я просто не понимаю, чего ты хочешь, - сказала я ему, решив не ходить вокруг да около, и, наконец, всё прояснить, по крайней мере, для себя.

Давид неожиданно хмыкнул, причём удивлённо.

- Правда, не понимаешь?

Я на него посмотрела, прямым, открытым взглядом. Решительно качнула головой.

- Не понимаю. Расскажи мне, Давид.

- Злишься, да?

- У меня есть повод злиться на тебя. И даже не один.

Он вздохнул, отвёл глаза.

- Возможно, ты права.

- Возможно?

- Ну, хорошо! Ты права. – Я взглянул на меня. – Я негодяй. Но ты ведь об этом знала.

- Не помню, чтобы ты мне об этом рассказывал.

- Лида!.. – Давид как-то очень ловко вытащил руки из рукавов пальто, оставив его на кресле, а сам приблизился ко мне. Сел передо мной на корточки и попробовал заглянуть в глаза, хотя, я всячески от его ищущего взгляда уворачивалась. – Ну что мне сделать?

- Это зависит от того, чего ты хочешь, Давид.

- Чтобы ты на меня не злилась.

- Не слишком серьёзные планы на жизнь.

- А ты хочешь поговорить о жизни?

Я очень аккуратно вытерла вспотевшие ладони об обивку дивана. А сама смело ему улыбнулась.

- Почему нет? Мне было бы интересно услышать от тебя о твоих планах на жизнь. И как я в них фигурирую. Ведь зачем-то ты пришёл?

Давид снова хмыкнул, едва слышно.

- Зачем-то пришёл, - проговорил он, а потом опустил голову и прижался лбом к моим коленям.

В первый момент я инстинктивно хотела отодвинуться, оттолкнуть его,

а потом взгляд остановился на тёмном затылке, и у меня ладони загорелись огнём, так захотелось коснуться его волос.

- Я постоянно о тебе думаю, - сказал он, - и ничего не могу с этим сделать. Все эти месяцы я думаю о тебе.

Я до боли в глазах уставилась на стену напротив, сжала руки в кулаки, а от его слов мне почему-то было неприятно. Он обо мне думал, а мне было неприятно, наверное, от его напряжённого тона. У меня даже губы затряслись, но от сарказма я всё же не удержалась.

- Как печально, правда? – проговорила я негромко. – Вернуть женщину своей мечты, а думать при этом о другой. Мне даже хочется перед тобой извиниться, Давид. За то, что столь бесцеремонно вмешалась в вашу идеальную семейную жизнь!..

Он голову поднял.

- Перестань язвить, - попросил он, поморщившись. Поднял руку и коснулся пальцами моего подбородка.

Я дёрнулась от его прикосновения, попыталась отвернуться. И разозлилась.

- А что мне делать? – Мы встретились глазами. – Я каждый раз тебя спрашиваю: зачем ты пришёл, чего ты хочешь? А ты несёшь какую-то чушь! Но каждый раз, приходя, ты почему-то уверен, что я тебя жду! А если не жду, Давид? Перестань меня уже мучить, ты сам всё решил!

- Я знаю.

- Вот и отлично, - немного невпопад ответила я. Буквально выбралась из угла дивана, в который он меня вжал. Наверное, мои барахтанья выглядели смешно и неловко, но мне было на это абсолютно наплевать. Но в тот момент, когда мои ноги коснулись пола, Давид дёрнул меня за руку, и я повалилась обратно на диван. Его рука легла поперёк моего живота, не давая возможности снова подняться, и я уставилась на него в бессильной злобе.

- Мы знакомы с тобой несколько месяцев, - сказал Давид. – Ты понимаешь? Какие-то месяцы, они ничего не значат.

- Именно потому, что они ничего не значат, ты сейчас здесь!

- Да! – выдохнул он мне в лицо, причём с возмущением. – И я не понимаю, что происходит! Я не верю в такое.

Я взяла и рассмеялась ему в лицо.

- Во что ты не веришь? Что люди встречаются, влюбляются, женятся?

- Не через два месяца, Лида.

- Давид, чтобы прошло больше времени, нужно дать себе больше времени. А не бежать прочь, как только что-то почувствовал! А теперь ты

решил мне пожаловаться? Ты выбрал не меня, ты выбрал другую женщину, и мне плевать, что она твоя жена. Ты выбрал! – с нажимом повторила я. – Вот и живи с той, что выбрал!

- А если я не могу?

- А если я не могу? – с отчаянием выдохнула я. – Если я не могу жить в обстановке, что ты вокруг меня создаёшь?

Давид моргнул, а в следующее мгновение уже отодвинулся. Убрал руку, и я смогла встать. И я вскочила с дивана, как ужаленная. Одёрнула домашнее платье. Щёки пылали. Я схватилась за них ладонями. Нервно облизала губы.

- Ничего не получится, - сказала я, в конце концов.

- Что?

- Ничего, - повторила я. – Я не стану поощрять твои фантазии, и уж точно не буду больше прятать глаза от твоей жены. Не проси меня об этом. Ты, конечно, всё очень хорошо придумал, я не сомневаюсь. – Я в запале даже рукой взмахнула. – Алина Потапова в качестве жены, наверное, весьма хорошее вложение в твоё будущее, уверена, что тебе все об этом говорят, но жить с ней тебе. Точно, не мне. Потому что, - я перед ним остановилась и прямо посмотрела на Давида, - я не стану с ней делиться.

Мы замолчали, смотрели друг на друга, потом Давид голову опустил и потёр лицо ладонью. А я кивнула, для самой себя, истинно уверовав в собственные слова.

- Наверное, это звучит смешно, - продолжила я, аккуратно подбирая слова, - кто я такая против неё. У меня ни наследства, ни папы-чиновника, ни образования. По сути, по должности я чуть выше официантки...

- Лид, при чём здесь это?

- Не знаю, может быть и не при чём, - согласилась я, - но я тебе говорю, как есть. Ходить ко мне, успокаивать свою трепетную душу, не нужно. Я не буду крутить с тобой роман за её спиной. Потому что мне уже не двадцать лет, Давид, и я уже понимаю, что это бесперспективно. Что в какой-то момент она узнает, или тебе надоест, и я останусь разбитой и униженной. И буду для всех очередной девкой Давида Кравеца, с которой он самой Алине Михайловне изменял! А сам Давид будет метаться ещё неизвестно сколько времени, с кем ему выгоднее жить, а с кем лучше спать! Так получается?

- Ты, как всегда, перегибаешь!

Я лишь руками развела и усмехнулась. Повторила его слова:

- Как всегда!

Давид поднялся, на меня не смотрел, о чём-то раздумывал, хмурясь,

после чего шагнул ко мне. Я замерла, не отстраняясь, но и не позволяя себе его коснуться, даже случайно. И он сам меня обнял. Притянул к себе, и я уткнулась лицом ему в грудь. Снова со скрытым и довольно тягостным облегчением. Стояла, сжав руки в кулаки, напряжённая, но не отодвигалась, горячо дышала ему в грудь. А Давид сжал меня, потёрся носом о мои волосы.

- Дай мне немного времени. Пожалуйста.

Я сделала один осторожный вдох, потом другой. Поклялась себе, что не начну плакать. После чего кивнула, соглашаясь. А чего было не согласиться? И ему сказала:

- Что-что, а время у тебя есть. Оно всё в твоём распоряжении.

Маша выглядела смущённой. Я подозревала, что это из-за настойчивого Анькиного любопытства. Та, пропустившая всё самое интересное, как она сама считала, в новогоднюю ночь, всю суть разворачивающихся событий, хотела конкретных ответов на свои конкретные вопросы. А вопросов у неё было много. Мы сидели в цветочной лавке, пользуясь тем, что до начала рабочего дня оставалось ещё полчаса, с чашками чая в руках, и разговаривали. Обсуждали, кто как встретил Новый год. Аньке, кроме семейного застолья, поведать было не о чем, и она пыталась нас. Мне Машу в какой-то момент стало жалко, и я сестру одёрнула.

- Перестань устраивать допрос, - попросила я её.

Анька невинно вытаращила глаза.

- Да какой допрос? Мне просто интересно. Где вы, что вы, с кем...

- Нечего было с Витькой за столом сидеть, салаты лопать, могли бы и прийти.

- Думаешь, это была моя инициатива? – попробовала возмутиться Анька, а я зловеще улыбнулась.

- Ещё бы, но семейная рутина затянула, да?

Анька недовольно поджала губы, и, кажется, покраснела. Значит, я угадала.

Маша переводила взгляд с меня на неё и обратно, после чего примирительно махнула на нас рукой.

- Не ругайтесь. К тому же ничего экстраординарного не произошло.

Ей можно было медаль вручать за миролюбивость, ей-богу. А вот на Аньку её слова подействовали, как красная тряпка на быка. Она снова на Машу уставилась с жадностью, ожидая подробностей и признаний.

- Он тебя поцеловал?

- Аня!..

- Ну что? Это же нормально. Вы же оба взрослые люди.

- Не все через два дня семейный уклад обсуждают, - негромко, но зато с уловимой язвительностью, проговорила я. На сестру многозначительно покосилась.

- Ой, подумайте, - фыркнула та в ответ. И тут же отказалась. – Я таких людей вообще не знаю.

- А я вот знаю.

- Девочки, перестаньте, - снова попыталась нас урезонить Маша. На Аню посмотрела. – Он мне нравится. Но это ещё ничего не значит.

Анька вздохнула, откинулась на спинку стула, подула на горячий чай. А нам авторитетно заявила:

- Нельзя мужика долго мариновать. Он интерес потеряет.

- Не потеряет, - откликнулась я. – Если этот самый интерес у него есть. – К Маше обратилась: - А ты её не слушай. Тоже мне, опытная женщина. У тебя, вообще, полтора мужика в жизни было. И один целый из них Витёк.

- И что? – Анька даже не обиделась. – Я этим горжусь. Он же муж.

- Муж! – изумилась я. – Помнится, вы в разводе.

Анька скромно потупилась, а я заподозрила неладное. Нахмурилась.

- Что?

Сестра плечиком пожала.

- Витя мне в Новый год предложение сделал. Всё честь по чести, даже на колено встал и кольцо подарил.

Я молчала, переваривала, а вот Маша радостно ахнула и кинулась Аньку обнимать и поздравлять. Я же не совсем понимала, с чем сестру поздравить можно. Но, в то же время, моя единственная кровная сестра замуж собралась, что уж я, совсем нехороший человек, чтобы её отговаривать, а тем более пророчить очередную волну несчастий? Каждый, как известно, выбирает по себе.

Я вот выбрала, не такого, как её Витенька, и что, хорошо мне? Не очень.

- Поэтому и не пришли на площадь, - продолжила воодушевлённая поздравлениями Анька. – Родственников собрали.

- А что тётя Наташа? – всё-таки не утерпела я.

Вопрос, по всей видимости, всё же был неприятным, потому что Анька в одну секунду помрачнела. Но тут же бодро вскинула голову.

- Витя изменился, - вроде поклялась она. – Он повзрослел...

- Поумнел, - добавила я. Удостоилась красноречивого взгляда с двух сторон и благоразумно примолкла, а Анька снова заговорила:

- Он стал совсем другим, серьёзным. Маме, конечно, нужно время, чтобы свыкнуться, но, я уверена, что всё будет хорошо. Она успокоится, и в семье наступит лад.

- То есть, вы будете жить с тётей Наташей?

Анька в сильной задумчивости наморщила нос. Почесала кончик, после чего тихо сообщила:

- С его родителями я жить не хочу. Хватит с меня, однажды попробовала.

- Счастливая семейная жизнь! – выпалила я. А Анька в досаде стукнула меня по руке.

- Могла бы и порадоваться, хоть чуть-чуть!

- Я пытаюсь, - заверила я её. – Но всё это что-то мне подозрительно напоминает. Очередные грабли, - сформулировала я.

- Лида, - Маша коснулась моей руки, взглянула с намёком, - она его любит.

- Знаю! И именно это меня больше всего бесит, почему мы любим этих идиотов. Хотя, уже прекрасно знаем, что они идиоты!

Анька с Машей переглянулись.

- Ты про Давида?

Я посмотрела в одну сторону, потом в другую, убегая от их взглядов, после чего попыталась выкрутиться.

- И про него тоже. Вообще, про всех мужиков.

- Ты же Новый год с Лёней встречала, - осторожно заметила Маша. – Он мне понравился, милый молодой человек.

- Вот именно, - пробормотала я в сторону, - милый молодой человек. И сказать больше нечего.

- Может, если бы ты дала ему шанс...

- Маш, шанс на что? Показать себя во всей красе? Я этих шансов в своей жизни давала не единожды, и ничего хорошего так и не вышло.

- Ты злишься, - расстроилась Маша. – Кто-то тебя разозлил.

Анька отхлебнула чая и зловеще усмехнулась.

- И я даже догадываюсь кто. А срываешься на мне. – Она ткнула себя пальцем в грудь. – Разве это справедливо?

- Я не срываюсь. Я пытаюсь тебе намекнуть, что стоит двадцать раз подумать.

- Да я уже двадцать пять подумала!

- Ты так не умеешь.

- Вот спасибо тебе. Сразу чувствуется – родная кровь!

- Что Давид сделал? – перебила нас Маша. Она казалась обеспокоенной.

Я помолчала, разглядывала нарисованный пион на боку чашки. Обдумывала, что могу девчонкам сказать.

- Просит дать ему время, - призналась я, в конце концов.

Маша растерянно моргнула, а вот Анька живо поинтересовалась:

- На что?

Я лишь плечами пожала.

- Сообщить забыл.

- Он же с Алиной. Все только об этом и говорят, что они снова сошлись, что Давид одумался.

- Может, он одумался до такой степени, что испугался? – предположила Маша.

Я на неё посмотрела. Спросила:

- Он с тобой говорил?

- Говорил, конечно, - не стала она отнекиваться. – Но он всегда больше любил задавать вопросы, чем на них отвечать. Появляется, как по расписанию, дотошно выспрашивает, как у меня дела, что нужно. А когда я говорю, что ничего, что я справляюсь сама, уходит недовольным.

- Герой без подвига, - пробормотала я. – Так у него и латы потускнеют.

Анька ухмыльнулась, а Маша глянула с укором.

- Но что-то он должен про Алину говорить, - встряла Анька после короткой паузы. – Как ему живётся, как спится, в конце концов.

Маша махнула на неё рукой.

- Ты что, он такие темы со мной никогда не обсуждает.

- Конечно, - фыркнула сестра, - ты же его голым никогда не видела.

Маша строго поджала губы и наставительно проговорила:

- Видела. Вот поэтому и не обсуждает.

- Ох ты боже мой, - одними губами пробормотала Анька. Кинула на меня взгляд исподлобья.

Маша вернулась к своему чаю, голову склонила, и тогда уже, таинственным шёпотом сказала:

- Но счастливым он не выглядит. Я помню, когда они только поженились, Давид казался окрылённым. У него столько планов на будущее было, идей, мне кажется, он её тогда по-настоящему любил. А сейчас... – Маша на секунду призадумалась, после чего обречённо качнула головой. – Его никто не в состоянии образумить.

- А Лида? – Анька на стуле выпрямилась, потрясла меня за руку. – Поговори с ним.

- О чём? – изумилась я. – Я всё ему уже сказала. Наверное, даже больше, чем нужно было. Хочет он с ней жить, пусть живёт. Только пусть тогда меня в покое оставят, всем своим благородным семейством. Иначе ещё чуть-чуть, и я сама убегу, Аня. А не хотелось бы, мне работа нравится, и платят за неё весьма неплохо. А у меня нет богатого папы, на шею пристроиться не к кому.

На этой прискорбной ноте, девичник пришлось завершить, и отправляться в ресторан, приступать к своим непосредственным обязанностям. Если честно, жутко не хотелось работать, я завидовала

людям, которые в новогодние каникулы могли полноценно отдохнуть, и от этого самого отдыха устать. Несмотря на то, что работу я свою любила, и девчонкам не соврала, но в последнее время почти каждый рабочий день приносил мне немало душевных стрессов, и это меня печалило.

И этот день, первый рабочий день года, не стал исключением. Не успел закончиться обед, как в ресторане объявилась Алина Потапова. Вошла в распахнутые двери с видом царицы, но, ради справедливости, стоит отметить, что и выглядела она замечательно. Цветущая, улыбчивая, искрящаяся, как Снегурочка, бриллиантами, а в руках держала белоснежный песцовый полушубок. Прошла мимо меня летящей походкой, и лишь на одно мгновение улыбка на её лице померкла, когда она увидела меня за стойкой администратора. Я про себя чертыхнулась ровно в тот момент, как Алина появилась в дверях, и ещё разок, когда мы всё же столкнулись взглядами. Она прошествовала мимо меня с гордо поднятой головой, а я едва слышно фыркнула.

И сколько это будет продолжаться?

- Николай Петрович у себя? – услышала я её голос, когда она обратилась к одному из официантов. Хотя, этот вопрос должна была задать именно мне. Но, по всей видимости, обратиться ко мне, стоило ей слишком больших усилий. – Он должен меня ожидать.

Ожидать! Появления Алины Михайловны все вокруг должны ожидать! Надо полагать, с благоговением.

Алина прошла через зал к двери кабинета Озёрского и скрылась за ней, а я осталась на своём месте гадать, по мою душу она в очередной раз пожаловала, или нет. Анька тоже заинтересовалась, кивнула мне из-за барной стойки, а я лишь пожалала плечами. Знать ничего не знаю. Но знать хочу, что отнекиваться?

В кабинете у Озёрского Алина провела минут двадцать. Я без конца поглядывала на закрытую дверь, даже пару раз прошла мимо неё, но, конечно же, услышать что-то, даже при определённом желании, было невозможно. Вокруг люди, сотрудники ресторана и посетители, и моя тяга к двери в кабинет начальника была бы замечена сразу. А потом дверь открылась, Алина и Николай Петрович вышли в зал, и я лишь в последний момент успела свернуть, чтобы на них не натолкнуться. Прощмыгнула у них за спинами, и поспешила к своему рабочему месту. Но всё же успела услышать голос Алины, ровный и настойчивый:

- И всё же я считаю, что шторы следует поменять. Чтобы всё было в одной цветовой гамме.

Я шла к стойке администратора, и озадаченно хмурилась. С чего вдруг

Алине Потаповой в «Алмазе» шторы менять?

Целых полчаса я наблюдала за этой парочкой. Как они расхаживают по залу, что-то обсуждают, шушукаются, после чего присели за дальний столик у самой сцены, и Алина достала из сумки ежедневник в добротной, кожаной обложке. Вещь, по виду, совершенно мужская. Но она открыла ежедневник и принялась что-то записывать, время от времени останавливаясь, слушая Петровича и постукивая кончиком ручки по странице. Анька как-то незаметно перебазировалась в дальний угол бара, чтобы быть как можно ближе к их столику. с энтузиазмом натирала бокалы полотенцем, а сама разве что ушами не шевелила, стараясь услышать чужой разговор. И в какой-то момент, я его даже заметила, сестра замерла и кинула на меня ошалевший взгляд через весь зал. Я непонимающе нахмурилась, а Анька вдруг сделала страшные глаза и выразительно провела пальцем по горлу, лицом изображая мученическую смерть. Это выглядело странно, и могло означать, что угодно, зная мою сестру. Поэтому я лишь пальцем у виска покрутила, прося её не увлекаться, всё-таки люди вокруг.

Наконец, Петрович с дорогой гостьей из-за стола поднялись, и Алина собралась уходить. Она снова сияла улыбкой, позволила Озёрскому приложиться к своей ручке, а тот, мало того, что бережно держал её руку двумя ладонями, так и на самом деле наклонился, чтобы запечатлеть, так сказать, своё колоссальное уважение. Я внимательно наблюдала, ожидая прикосновения его губ к руке Алины Потаповой, даже брови вздёрнула, но в последний момент что-то пошло не так, они снова заговорили, на что-то отвлеклись, и Алина осталась без поцелуя. Подозреваю, что это был хитрый манёвр Петровича. Он хоть любитель выказать некоторым посетителям крайнюю степень своего уважения, но за рамки собственного самоуважения никогда не выходит. И с Алиной Потаповой поступил также. Мне бы у него поучиться надо, стать немного похитрее.

Ради этой хитрости, я навесила на лицо формальную улыбку.

- Всего доброго, - бодро проговорила я, когда Алина направилась к выходу.

Она повернула голову, мазнула по мне взглядом, задрала подбородок и скрылась за дверями, а я смогла расстаться с ненужной мне улыбкой. Петрович подошёл и шлёпнул передо мной исписанный лист бумаги, придержал его ладонью первую секунду.

- Займись работой, - сказал он с ощутимым нажимом.

Я взялась за лист бумаги, потянула за уголок. Озёрский не отпускал, на меня смотрел. Даже не смотрел, а оценивающе присматривался, будто

гадаю о моих способностях. Потом руку убрал. Я пробежала текст глазами, список требований, количество гостей, примерное меню.

- Банкет намечается? – поинтересовалась я.

- Да. Через месяц. Здесь всё написано. Если что непонятно будет, подойди, спроси.

- У кого? – заинтересовалась я, хотя, Николай Петрович успел сделать пару шагов прочь от меня. – К кому подойти и спросить?

Он обернулся.

- У меня, Лида. Но, если имеешь большое желание, подойди к Алине Михайловне. Она всё разъяснит.

- Не сомневаюсь, - пробормотала я. А как только Озёрский ушёл, направилась в бар, потому что Анька продолжала подавать мне таинственные знаки из-за стойки.

- Ну что? – живо проговорила она, как только я присела на высокий табурет. – Поняла, как надо мстить?

- Ты о чём?

Анька вытаращила на меня глаза, после чего ткнула пальцем в лист бумаги, исписанный округлым почерком Алины Потаповой, что я положила перед собой.

- Я об этом!

- Банкет хочет закатить, по всей видимости, работы мне прибавить, - усмехнулась я.

А Анька сжала руку в кулак и костяшками постучала по лакированному дереву стойки. Заглянула мне в глаза.

- Лида, какой к чертям банкет? Проснись. У них свадьба!

Я снова опустила глаза в список гостей и меню. Новые шторы, цветы, скатерти в тон, столовое серебро и хрусталь. Пятьдесят гостей, цвет города.

Я сглотнула. Месть, на самом деле, изощрённая. Не удивлюсь, если Алина потребовала от Озёрского, чтобы организацией торжества занималась именно я. А если я не соглашусь, то мои капризы можно не терпеть, взять и уволить.

- Выпей водички, ты вся красная, - прошептала Анька, ставя передо мной бокал с минералкой.

Я с трудом сглотнула, потом с шумом втянула в себя воздух.

- Что будешь делать? – всё так же тихо спросила сестра.

- Брошу всё и уеду в Питер, - сказала я, и буквально сползла с высокого табурета.

А что, может, на самом деле, так поступить? Бросить всё и уехать, начать сначала. Мне не впервой, не должно быть так страшно, как когда-то.

И я ведь справилась, не пропала, жила себе вполне благополучно. Не голодала и не скиталась. По крайней мере, меня никто так не унижал.

Я всё смотрела и смотрела на лист бумаги, исписанный ненавистой мне рукой, хотелось смять его в кулаке и выбросить. Не вспоминать больше. Но это испытание было придумано специально для меня, сомневаться не приходилось. И к Озёрскому идти бесполезно, просить о чём-то. Он мне помогать не станет, выгораживать меня не будет. Для него это тест на проверку моей компетенции, стоящий я работник, или своими любовными трагедиями репутацию себе подорвала. Хотя, он, как мой начальник и человек более опытный в жизни, и в профессии, изначально меня предупреждал. А я сделала глупость, не послушала.

Через месяц они женятся. Повторное торжество, в узком кругу близких и нужных людей. Факт того, что Давид и Алина официально в разводе, всплывал в памяти окружающих не так уж и часто. Почему-то. Все были уверены, что они супруги, и их примирение в обществе было воспринято, как нечто понятное и давно ожидаемое. Люди за них радовались и их поздравляли. А вот Алина, судя по всему, хотела ясности и стабильности. Ей необходим был штамп в паспорте, и давать Давиду даже малейший шанс на побег, она не намерена. Она действовала решительно и стремительно. Интересно, сам Давид в курсе, что через месяц у него свадьба? Или он тоже, как и Анькин Витёк в новогоднюю ночь вставал при всех на одно колено и умолял бывшую жену вновь его осчастливить?

- Привет.

Я в этот день была настолько занята своими мыслями, что с превеликим трудом заставляла себя улыбаться посетителям, и умудрялась держать в голове нужную информацию о заказах, именах, номерах столов. А как только на минуту оставалась одна, в мыслях уносилась далеко, но пыталась не сосредотачиваться на тупой боли и обиде, засевших в душе. Иначе только расплакаться остаётся у всех на глазах от бессилия. И вот как далеко зашла моя отстранённость от происходящего вокруг, появление виновника всех своих бед умудрилась пропустить.

Я глаза подняла, и увидела Давида прямо перед собой. Он снова был в костюме и белоснежной рубашке, правда, без галстука. Странно, летом я у него такой тяги к официальному стилю не замечала. Я на него смотрела, не набрала в себе сил изобразить радушие, даже для окружающих. Хотя, за нами вполне могли наблюдать со стороны.

- Твой стол свободен, - сказала я ему, совершенно не собираясь отправляться с ним в зал.

Давид ко мне приглядывался, брови сдвинул.

- Что ещё случилось?

Он меня спрашивал, что случилось!

Вместо ответа я придвинула к нему тот самый лист бумаги, исписанный рукой его жены. Давид пробежал его глазами, и окончательно помрачнел. А я сказала:

- Ты женись на ней, ты с ней не пропадёшь. Любого, кто на её собственность посягнёт, она уничтожит. Цепной собаки не надо.

Давид оперся рукой на стойку. Кинул быстрый взгляд в зал, стараясь понять, наблюдают ли за нами. Каждый такой взгляд, голос, приглушённый до шёпота, меня коробили. Становилось противно и обидно.

- Лида, я тебе всё объясню.

Более глупой фразы на свете нет, согласитесь. Что можно объяснить человеку, который в очередной раз понял, что его обманули?

- Спасибо, я уже всё поняла.

- Перестань упрямяться, - попросил он. Потом вдруг за руку меня схватил и из-за стойки потянул. Я попыталась руку свою отнять, мы замерли друг перед другом, глядя глаза в глаза. Давид опасно прищурился. – Давай выйдем на две минуты. – Я молчала и не двигалась с места, а он всё продолжал держать меня за руку. И напомнил: - Люди смотрят.

- То есть, мне нужно переживать? – удивилась я, но больше храбрилась, потому что после его замечания, поднялась с места и направилась к выходу. Правда, заставила Давида руку мою отпустить.

Мы вышли из ресторана и свернули в коридор, прошли ещё немного вперед, стремясь отойти подальше от чужих людей. В конце концов, остановились в полумраке, и замолчали. Давид стоял, сунув руки в карманы брюк и возмущённо сопел.словно, это я его чем-то из терпения выводила.

- Ты хотел что-то объяснить, - напомнила я ему, совершенно не надеясь на честный ответ.

Давид развернулся на пятках, сделал несколько шагов по коридору и вернулся.

- Она хочет штамп в паспорте.

Я усмехнулась.

- Она – это твоя жена?

- Лида, не передёргивай! Сколько можно язвить?

- А что мне делать? – всерьёз заинтересовалась я. – Плакать? Головой вот об эту стену биться? Знаешь, а я готова об неё побиться, вот только не из-за того, о чём ты думаешь! Не из-за того, что она тебя, такого замечательного, на себе снова женит, а из-за того, что я сегодня прекрасно

поняла – мне здесь жизни не будет. Она всеми силами, даже этой свадьбой, хочет меня с этой работы выжить, чтобы я глаза не мозолила, ни ей, ни тебе!

- Я же тебе пообещал, что я всё решу. – Давид упёрся рукой в стену, оказался ко мне близко-близко, и мне от волнения захотелось зажмуриться. Но волноваться было не время.

- Не помню таких обещаний, - сказала я ему. – Помню, ты просил дать тебе время, и два дня назад времени у тебя было полно. – Я посмотрела ему в глаза. – А сегодня включился счётчик.

Он промолчал, а я вздохнула. Опустила глаза и стала смотреть себе под ноги, на вишнёвого цвета ковролин.

- Давид, дело даже не в свадьбе, - сказала я, в конце концов. – А в том, что она дала мне чётко понять – она мне жизни не даст. Она хочет, чтобы я организовала для вас свадебный банкет. Чтобы я оформляла зал, покупала цветы, подготовила меню... и чтобы я улыбалась. А я, честно, тебе скажу: не смогу.

Давид ещё ниже опустил голову, и мы теперь стояли, почти касаясь друг друга щеками.

- А если я не смогу, значит, меня уволят. Это же свадьба года, да? – Я сама себе кивнула. – И в этом городе я на свою должность работу не найду, меня просто не возьмут.

- Ты себе больше напридумывала.

- Я не хочу ничего придумывать. Хочешь жениться, надень на свою жену ошейник и женись в другом месте, - высказала я ему буквально в лицо, в его гладко выбритую щёку. – Иначе я соберу вещи и вернусь в Питер. Там для меня работа есть.

- Ты меня шантажируешь? – поразился он.

- А ты воспринял это как шантаж? Здорово. А это моя жизнь, представляешь?

- Лида, ну какой Питер? Что ты там будешь делать?

Я с чувством всплеснула руками.

- Жить и работать! Может, ты не согласишься, но у меня неплохо получалось!

- Настолько, что ты приехала оттуда ни с чем!

Я несогласно ткнула в него пальцем.

- Не смей меня обвинять!

- Я не обвиняю, - рыкнул Давид негромко, - предлагаю голову включить и подумать!

- Ты свою голову для начала включи, - посоветовала я ему, - и

подумай!

- Лида, я пытаюсь тебе объяснить, давно пытаюсь, что всё непросто. Помимо меня и Алины есть другие люди. Её родители, мои... мы, как одна семья. Общий бизнес, обязательства... – Он устало потёр лицо ладонью. – И теперь мне снова нужно им сказать, что мы с Алиной поспешили? А, по факту, поспешил я. – Я стояла и молчала, а Давид продолжил, тщательно подбирая слова: - Расстаться с ней во второй раз, означает разорвать все отношения, даже деловые. Потому что это будет скандал погромче первого развода. Тогда были другие обстоятельства, я был на нервах, - еле выговорил он, и я поняла, что говорит о смерти сына. – А теперь придётся мечом рубить.

- А если не рубить, значит, жениться, - сказала я ему. Встретила его взгляд. – Ты реши, чего ты хочешь. Потому что скоро поздно будет, Давид. Реши, и не морочь мне голову. – Я оттолкнулась от стены, хотела пойти прочь, но вернулась, и ему напомнила: - Я не буду устраивать твою свадьбу. Так ей и передай. Либо твоя жена гуляет свадьбу в другом ресторане, либо ей эта свадьба сильно не понравится. И будь, что будет.

- Лида, не будет свадьбы!

- Я соберу вещи и уеду! – повысила я голос. Направилась от него прочь по коридору, продолжая проговаривать своё возмущение, которое никак не утихло и не уместалось внутри меня. – А вы женитесь, разводите! А мне нужна работа!

Получилось так, что в ресторан мы тоже вернулись вместе. Уходили вместе, когда Давид меня буквально тащил за собой за руку, а теперь вернулись оба с каменными лицами. И я только шаг через распахнутые двери сделала, как поняла, что нашего возвращения сильно ждали. Смотрели все – и посетители, и сотрудники ресторана. Оставалось только ругнуться, но смысла в этом уже не было. К тому же, Давиду не хватило выдержки, а, может быть, и разума, подождать пару минут в коридоре, остыть, а мне позволить спокойно вернуться на рабочее место. Нет, он шёл за мной след в след, и выглядел крайне недовольным. Я осталась у стойки администратора, уткнулась взглядом в свои записи, а он прошествовал мимо меня в зал, к своему столу. Оставалось только гадать, как он собирается ужинать под десятком любопытных взглядов. У меня бы кусок в горло не полез.

- Вся гостиница гудит, - сказала мне Анька вечером. Глянула на меня искоса.

- Из-за чего? – прикинулась я непонимающей.

- Из-за тебя. Точнее, из-за вас с Давидом. Все вас обсуждают.

Я в бессилии закрыла глаза и вздохнула.

- И что мне сделать?

- Откуда я знаю? – удивилась сестра. – Я никогда не крутила роман с богатым посетителем.

- Я тоже ничего не кручу, поверь, - рассердилась я. – Это он мне мозги крутит.

Анька остановилась передо мной, взглянула с живым интересом.

- Что говорит?

Я рассерженно хмыкнула.

- Что свадьбы не будет.

Анька ахнула, присела передо мной на корточки, чтобы смотреть мне в глаза.

- Серьёзно? Лида!

Я моргнула, не понимая, чему она вдруг обрадовалась.

- Что?

А сестра протянула ко мне руку и в волнении вцепилась в мой локоть. Сжала его.

- Давид тебя любит, - проговорила она с трепетом в голосе.

Я же недоверчиво фыркнула.

- Себя он любит, Аня! – Я к сестре подозрительно присматривалась. Мне совершенно не нравилось её поведение и растроганный взгляд. У неё даже взгляд был мутный, будто она собиралась расплакаться. Я приподняла ей пальцем подбородок, пытаясь взглянуть в её лицо, как следует, и понять, что с ней не так. Что-то явно было не так, но объяснению никак не поддавалось. Поэтому я спросила напрямую: - Что с тобой?

- Что?

- Ты какая-то не такая, - сказала я. – Все у тебя друг друга любят, все хорошие, прямо зайки. А ты переживаешь и расстраиваешься.

Анька поднялась, махнула на меня рукой. Чересчур небрежно.

- А, по-твоему, я бессердечная? За любимую сестру переживать не могу?

- Не знаю, - проговорила я задумчиво. Ощупала её взглядом. – В своём обычном настроении, ты бы уже обругала меня с головы до ног. Сказала бы, что я доверчивая дура, снова слушаю его сказки...

- А ты слушаешь?

- Стараюсь следовать твоим дельным советам и не поддаваться. А ты, кажется, сменила жизненную позицию.

Анька легко пожала плечами.

- Когда-то надо. Вдруг это и, правда, любовь? Вот та самая, которую

ты ждала?

Я открыла рот, собираясь посмеяться над её словами, и так замерла, осенённая внезапной догадкой.

- Ты беременна!

Анька резко развернулась, уставилась на меня и тут же шикнула.

- Тише ты!

А я так и сидела с открытым ртом, её разглядывая, не в силах прийти в себя от изумления. В моей голове не укладывалось, как моя боевая сестра может быть беременна.

- И ты мне не сказала? – поразила я. – Как ты могла?

- Я собиралась, - воспротивилась она моим обвинениям. – Но ты так занята своими проблемами. Не хотелось тебя отвлекать.

- Это не оправдание!

Анька скромно улыбнулась.

- Я, правда, собиралась. Как только мы останемся одни. Мы узнали накануне Нового года.

- Так вот почему Витя внезапно воспылал желанием жениться.

- Он и так им пылал, - возразила Анька. – Я не соглашалась. А уж теперь сам Бог велел, как понимаешь.

Я её разглядывала.

- Ты рада?

Аня помолчала, будто к себе в этот момент прислушивалась. После чего пожала плечами.

- Не знаю, я ещё не осознала до конца. Но ребёнок – это ведь хорошо?

Я уверенно кивнула.

- Хорошо. Даже не сомневайся.

- Вот и я так подумала. – Она присела рядом со мной, плечом к плечу. Я аккуратно её толкнула, а Анька заулыбалась, и я её обняла.

- Поздравляю.

Ну вот, новый год преподносит сюрпризы, с первых дней. По дороге домой я раздумывала о сестре, о том, что скоро у меня появится племянник, или племянница, и Анька, наверняка, станет совсем другим человеком. Она перестанет курить, ругаться матом, будет читать правильные книжки и смотреть добрые фильмы. Станет мамой.

Интересно, что меня в этом году ожидает. Хотя, ещё только четвёртое января, можно дать высшим силам немного времени, с мыслями собраться. Потому что перемен хотелось, но лучше, если они будут взвешенными и продуманными. Чтобы не было нужды в панике хвататься за голову, я от этого как-то устала.

И, наверное, кто-то меня всё же услышал, решил всерьёз подумать о моей дальнейшей судьбе и планах на мою жизнь, потому что наступила пауза. Давид не приезжал и не звонил несколько дней, его жена не появлялась в ресторане, и люди начали успокаиваться, и перестали на меня коситься. По крайней мере, мне показалось, что проявляют к моей персоне куда меньше любопытства. А то ведь невозможно было пройти по коридору, на меня даже незнакомые мне горничные посматривали и за моей спиной перешёптывались, видимо, из уст в уста передавали историю о том, как Давид Кравец тащил меня за руку по коридору в тёмный угол.

Меня точно уволят. У меня слишком скандальная репутация.

Вот только Озёрский в очередной раз настроение испортил. Подошёл ко мне в конце рабочего дня и с намёком поинтересовался:

- Что с банкетом?

У меня внутри всё опустилось, честно скажу. А начальнику я решила соврать:

- Всё хорошо.

- В том плане, что хорошо продвигается подготовка?

- А что подготавливать? Месяц ещё впереди. Могу цветы заказать, пусть стоят.

Петрович погрозил мне пальцем.

- Лидия!

Я к нему повернулась, решив поговорить без обиняков.

- Николай Петрович, почему я должна этим заниматься? Поручите это Ольге. Думаю, она порадуетя чаевым.

- Я поручил это тебе.

- Понятно, - в тоске проговорила я. – Вы поручили это мне, а Алина Потапова поручила вам поручить мне. Здорово.

- Ты сейчас лезешь туда, куда не надо. Тебе не за это платят.

Я упрямо поджала губы.

- Я не буду заниматься этим банкетом.

- А я тебя уволю! – разгневанно начал он, но я решила не уступать.

Дерзко кивнула.

- А увольняйте! Я в Питер уеду, мне там работу предлагают!

Озёрский высоко вздёрнул брови, смотрел на меня с интересом.

- Ты мне угрожаешь?

Я нервно крутила ручку между пальцев. В глаза Петровичу смотреть опасалась, но настоять на своём хотелось. Донести до него, насколько мне неприятно выполнять это поручение, не смотря на то, что это моя обязанность. Но должно же быть и в Озёрском что-то человеческое?!

- Я предупреждаю, - сказала я, немного сбавив тон. – Вот возьму и уеду. Что тогда делать будете?

- Спать, наверное, перестану, - съязвил он, разглядывая меня весьма красноречиво. – Пойдём заявление писать?

Я вздохнула, у меня, буквально, руки опустились. Кинула на начальника несчастный взгляд исподлобья.

- Рекомендацию напишите?

- Конечно. В психиатрическую больницу, - сообщил он. – В отделение душевнобольных. Тебе туда как раз дорога.

- Николай Петрович!

- Лида, перестань испытывать моё терпение, - повысил он голос, и даже стукнул кулаком по краю администраторской стойки. – Занимайся свадебным банкетом!

Он развернулся и пошёл прочь, а я в досаде кинула шариковую ручку на стол. Та покатила к краю, а я расстроено опустилась на стул. Никакой радости в жизни.

Возвращаясь ночью домой, мне неожиданно пришло в голову, что я уже несколько дней не видела Лёню. Он не звонил, не появлялся, вообще, никак не давал о себе знать. Что весьма странно, если вспомнить, что мы провели вместе новогоднюю ночь, и даже говорили по душам. То есть, говорила я, болтала, расслабленная несколькими бокалами шампанского, а он слушал. Может, настолько впечатлился, что решил со мной не связываться? Так я, вроде, ничего особо страшного ему про себя не рассказала. Чтоб не пугать сразу.

Я вышла из такси у своего подъезда, задрала голову, глядя на окна дома, но света в окнах Лёниной квартиры не было. Что не так уж и странно, если учесть, что сейчас три часа ночи. Но когда такси отъехало, я обернулась и поняла, что и автомобиля соседа на привычном месте не наблюдается. Вот так вот, ночь-полночь, а он где-то гуляет. Эх, мужики. Никакой на них надежды.

Именно эту мысль я и озвучила Валентине Ивановне на следующий день, столкнувшись с соседкой у подъезда. Та вцепилась в мою руку, принялась задавать вопросы, и, судя по её любопытному тону, уже ждала приглашения на скорую, счастливую свадьбу. Но я решила её расстроить и сказать всё, как есть.

- По всей видимости, ваш Лёничка решил меня бросить, - сообщила я и якобы расстроено развела руками. – Не пришлась я ему по душе. А, может, напугала.

Валентина Ивановна непонимающе нахмурилась.

- Чем ты могла его напугать? Ты что, страхолюдина какая?

- Не знаю. – Я повыше задрала нос, всеми силами скрывая улыбку. – Исчез, не звонит, не пишет. Конфет больше не приносит. Совсем я ему не разонравилась.

- Глупости какие. – Валентина Ивановна, похоже, разволновалась не на шутку. – А ты ему звонила?

Я притворно ахнула.

- Я должна звонить?

- Ой ты, посмотрите, какая цаца! Позвонить не может! Лида, а вдруг он больной лежит? Или его машина сбила?

- У вас, конечно, мысли все положительные, - похвалила я её. – Заболел, умер.

- Так сейчас время такое!

- Валентина Ивановна, у него света в окнах который день нет, и машина у подъезда не стоит, - я указала на пустующее место на стоянке, - так что не переживайте, в загуле ваш Лёня.

Валентина Ивановна хмуро меня разглядывала, после чего опечаленно качнула головой и даже языком прищёлкнула.

- Никогда ты так, Лидия, замуж не выйдешь. Опять мужика упустила.

- А что же мне, по всему городу за ним гоняться? – удивилась я. – Он мне, вроде, в любви не клялся, слава богу, не успел, так что, ветер ему в спину, - закончила я и недовольной соседке улыбнулась. – Пойду в магазин, сама себе конфет куплю. Надо скрасить своё унылое существование.

- Вот-вот, - потыкала в меня пальцем Валентина Ивановна. – Унылое существование.

Я решила не расстраиваться из-за приглянувшегося соседке эпитета, и отправилась в магазин. На самом деле, купила конфет, решив наплевать на диету, а, немного посомневавшись, набрала номер Маши, решив предложить ей вместе со мной махнуть рукой на недостижимость стройности фигуры. Но Маша к телефону не подошла, я через несколько минут снова набрала её номер, но в ответ опять тишина. Я вдруг заволновалась. Через час уже всерьёз подумывала о том, чтобы вызвать такси и отправить к Маше домой, отлично знала, что у неё сегодня выходной. Но на последней попытке дозвониться мне повезло, и я услышала Машин голос.

- Ало.

Я с облегчением выдохнула.

- Я волновалась. Почему ты не подходишь к телефону?

Она помолчала, а когда заговорила, голос прозвучал глухо и печально.

- Не хочу ни с кем разговаривать.

- Маша, что произошло? Это Павел?

- Нет. – Она помолчала, потом добавила: - Это Тёма.

А у меня внутри всё опустилась, я вдруг вспомнила, какой сегодня день. Два года со дня гибели мальчика.

- Я поняла, - тихо проговорила я. – Извини меня, я не буду тебя беспокоить. Но если тебе нужно, я приеду.

- Нет, я хочу побыть одна. Я давно не была одна.

Она говорила прежним тоном, тихим и безутешным, и я поняла, что настаивать бесполезно. Я положила трубку, и несколько минут сидела в тишине квартиры, ощущая странное опустошение. Машина боль мне словно по телефонным проводам передалась, только от звука её голоса, на меня навалилась беспросветная грусть, и я не сразу смогла с ней справиться. И невольно начала думать о Давиде. Где он, с кем, что с ним творится в этот день. Но он не звонил, не давал о себе знать, а я позвонить, просто спросить: «Как дела?», не осмелилась. Провела остаток дня в одиночестве, решив заняться уборкой, да и видеть никого, если честно, не хотелось. Только с Анькой по телефону поговорила, та, оказывается, тоже забеспокоилась, не сумев дозвониться до Маши. А когда я сказала ей причину наступившего молчания, Анька поахала, а после и вовсе захлюпала носом.

- Перестань, - попросила я её. – Тебе же нельзя нервничать.

- А как тут не нервничать? – подивилась она, всхлипнула ещё разок и повесила трубку.

Я снова осталась в одиночестве. За окном давно стемнело, я пила чай, сидела перед телевизором, но не вслушивалась в то, о чём говорят с экрана. Просто не хотелось быть в тишине. Смотрела то на одну стену, то на другую, взгляд прошёлся по пустым углам комнаты, и я подумала, что неплохо было бы завести котёнка. Чтобы дома меня кто-то ждал, живое существо.

На душе было беспокойно. Я несколько раз подходила к окну, вглядывалась в темноту за светом фонарного столба, прижималась лбом к прохладному стеклу, но успокоение никак не приходило. Мне очень хотелось услышать голос Давида, удостовериться, что с ним всё хорошо. В какой-то момент терпение у меня закончилось, и я набрала его номер, но телефон оказался выключен. Что ещё больше меня расстроило и взволновало.

А потом, я не знаю, почему, меня неудержимо потянуло в прихожую, к входной двери. Появилось чёткое ощущение, что за ней кто-то стоит. Я

поначалу прислушивалась, потом на цыпочках прокралась в прихожую и осторожно посмотрела в глазок. За дверью никого не было, лестничная клетка пустая. Я от глазка отодвинулась, постояла немного в темноте перед дверью. Снова посмотрела. Никого. Уже собиралась от двери отойти, решив, что у меня что-то с головой, видимо, накрутила себя за этот день и перенервничала, и вдруг явственно услышала вздох. Тяжёлый, печальный, и явно мужской. Руки сами потянулись к дверным замкам, я торопилась, но распахивать дверь себе запретила. Приоткрыла и осторожно выглянула.

Давид сидел на ступеньках, чуть выше моей двери, поэтому я и не могла увидеть его в глазок. А он сидел, сгорбившись, опустив голову, и держал в руках ополовиненную бутылку виски. И даже не сразу заметил меня, по всей видимости, был серьёзно пьян. А я остановилась рядом с ним, не зная, что предпринять, сердце при виде него, пьяного и несчастного, подскочило в груди, и я в одну секунду забыла о том, что несколько дней назад мы ругались и что-то без конца выясняли. А сегодня это уже было неважно, потому что ему было плохо, и он приехал ко мне.

- Давид, - негромко позвала я. И, признаться, в эту секунду сильно боялась встретить его взгляд, когда он поднимет голову.

Он снова вздохнул, голову поднял, а когда на меня посмотрел, моргнул. Наверное, туман перед глазами разгонял. Но, разглядев меня, как-то встряхнулся, приободрился и показал мне бутылку.

- Я здесь пью.

- Вижу, - отозвалась я. Протянула к нему руку. – Пойдём в квартиру. Не дело сидеть пьяным в подъезде.

- А почему нет? Могу я иногда попить в подъезде? Я же нормальный человек.

- Никто не сомневается, - заверила я. И попросила: - Поднимайся.

- Лид, я не хочу сегодня домой. – Он тяжело мотнул головой. – Не поеду туда.

Я сглотнула, взволнованная его словами, потянула его за руку.

- Не поедешь, - пообещала я. – Только поднимайся. А то соседи полицию вызовут.

Давид неожиданно хохотнул.

- Интересно было бы. Вспомнить.

- Что вспомнить?

Он со стоном поднялся, ухватился рукой за перила, когда покачнулся. Спустился на ступеньку.

- Как в милицию забирают.

- А тебя забирали? – спросила я, хотя, это было последнее, что меня

сейчас интересовало.

Давид же удивился моему недоверию, причём удивился громогласно.

- Конечно! Я был пацан дворовый. Но не гопник.

- Боже, я половины слов не поняла, - пробормотала я, подхватывая его под руку. – Входи в квартиру.

Мы вместе переступили порог квартиры, Давид снова покачнулся, но, совершенно этим не смущённый, принялся вытаскивать руки из рукавов пальто. Я едва успела его подхватить, когда оно полетело на пол. Второпях определила на крючок на вешалке.

- Лид, а где виски?

- В подъезде, - ответила я. – Ты его соседям оставил.

- Не оставлял, - замотал Давид головой. – Иди, забери обратно.

- Давид...

- Иди!

Я закатила глаза, но дверь открыла и отправилась за бутылкой. А вернувшись в квартиру, заперла за собой дверь. Давида в прихожей уже не было, он нашёлся в комнате на диване, сидел, устроив локти на коленях, и тёр ладонями лицо. Я подошла и остановилась совсем рядом с ним, смотрела сверху на его тёмный затылок, но погладить не решилась. Только сказала:

- Я тебе звонила. У тебя телефон выключен.

- Не хочу ни с кем говорить, - глухо отозвался он, не отводя ладони от лица.

Я вытерла выступившие слёзы, боясь, что он голову поднимет, увидит, что я плачу, и легче ему от моей жалости не станет. Но Давид голову не поднял, не посмотрел на меня, вместо этого забрал из моей руки бутылку. Секунду на неё тарачился, потом отхлебнул из горла.

Я всё-таки дотронулась до него, очень осторожно коснулась его волос.

- Ты голодный?

Он головой покачал. Потом сказал:

- Я не пьян. Меня мотает, но я не пьян. Я в этот день, как ни стараюсь, напиться не могу.

Я помедлила, после чего забралась с ногами на диван, и обняла Давида со спины, буквально повиснув на нём. Прижалась щекой к его волосам, и мы замерли так в тишине, чувствуя и слушая дыхание друг друга.

- Ты у Маши был?

- Был, - тихо отозвался он. – Ей одной легче. Я только напоминаю больше.

Я гладила его по волосам, прижалась губами к его шее.

- Я не знаю, что сказать, - призналась я шёпотом. – Ни ей, ни тебе.
- Вот и не говори ничего. Просто посиди со мной.

Я опустилась на диван рядом с ним, обняла его руку и прижалась щекой к его плечу. От Давида пахло знакомым одеколоном, сквозь ткань свитера пробивался жар, и, вообще, он был такой родной и понятный, что мне хотелось вцепиться в него, закрыть глаза и просидеть так целую вечность. И всё равно, кто и что подумает. Даже я сама после того, как опомнюсь.

У Давида снова вырвался вздох, его тело немного расслабилось, и он откинулся на спинку дивана. Обнял меня одной рукой и пристроил подбородок на моей макушке.

- Мать приехала, - сказал он в какой-то момент.

Я глаза открыла, но не пошевелилась, так и лежала у него на руках.

- Твоя мама?

- Она обычно вспоминает, что она моя мама, когда я женюсь. Или развожусь. Вот тут самое время меня повоспитывать.

- Твои родители были на кладбище?

- Я не хочу, чтобы они туда ездили. Да и они не хотят. Куда проще сделать вид, что ничего не случилось. Внебрачный внук им был не нужен, я никогда не настаивал, а теперь... - Давид помолчал, собираясь с мыслями. – А теперь получается, что я там со своим горем не нужен. Потому что горе это им, по сути, непонятно.

- Не говори так. – Я выпрямилась, в лицо ему посмотрела. А Давид упрямо выдвинул подбородок.

- Я прав. Я знаю, что прав. Им неловко, они не знают, что сказать, хлопают по плечу, что-то говорят, и только ждут, когда этот день закончится. А я наутро должен проснуться трезвым, бодрым и счастливым. Ведь проблема миновала. До следующего года. – Он вглядывался в моё лицо, водил большим пальцем по моей шее, смотрел долгим, грустным и нетрезвым взглядом, потом попросил: - Поцелуй меня.

Эта просьба застала меня врасплох, и я медлила, даже глаза опустила. А Давид всё притягивал меня ближе к себе, его дыхание коснулось моих губ, и я поняла, что он очень ждёт моего поцелуя. И я сдалась. Так хотелось его поддержать, отдать хоть немного своей силы, если она у меня есть, дать ему понять, что он не один. Я обняла ладонью его щеку и наклонилась к его губам. Поцеловала. Он даже застонал в первый момент, как от боли. И в меня вцепился. Поцелуй вышел совсем не таким, как я ожидала, не тёплым и поддерживающим, перерос в жаркий и страстный, и у меня защипало язык от привкуса виски во рту.

- Я так по тебе скучал, - выдохнул он между поцелуями. Ворошил сильными пальцами мои волосы, до боли прижался лбом к моему лбу, а я жмурилась. То ли от этой самой боли, то ли от короткого ощущения счастья, пришедшего совершенно некстати, не в тот момент. – По твоей улыбке, смеху, по тому, как ты хмуришься, и даже по тому, как ругаешь меня.

- Ты сейчас выдумываешь, Давид. Я никогда раньше тебя не ругала.

- Знаю. Но я почему-то представлял, как ты это делаешь. Как будешь кричать и ругать меня, когда всё случится.

- Что случится? – не поняла я.

- Когда я тебя разочарую.

После этих слов мои пальцы сжались, оттягивая его волосы. Я отвернулась, скрываясь от его взгляда, но Давид заставил меня повернуть голову и снова поцеловал. Его ладонь оказалась у меня на бедре, под подолом домашнего платья, сжала, погладила и снова сжала, пальцы впились в кожу. Все движения лихорадочные, Давид тяжело дышал, и целовал меня так, что от нехватки кислорода и переполнивших меня эмоций, у меня начала кружиться голова. И я даже остановить его не могла. Всё моё благоразумие сошло на нет, меня бросило в жар, и я думать забыла о том, что Давид меня чем-то разочаровал, обманул, и, вообще, он почти женатый человек. Мы барахтались на диване, помогая друг другу раздеться, я впила ногтями в его голую спину, обхватила ногами, и у меня вырвался стон истинного облегчения, когда он вошёл в меня. И в ту же секунду мы замерли на узком диване, глядя друг другу в глаза, забыв про любовную лихорадку и накатившее на нас несколько минут назад безумие. Давид смотрел на меня очень серьёзно, а я подняла руки и погладила его лицо. Прошептала:

- Всё хорошо.

Он кивнул. Ещё мгновение смотрел мне в глаза, потом опустил голову и меня поцеловал. И я поняла, что до этой секунды моей жизни меня ещё никто так не целовал. Вложив всю душу, без остатка. Даже он.

- Я с тобой.

Я открыла глаза и поняла, что Давид внимательно наблюдает за мной. Моя ладонь скользнула по его груди вверх, остановилась у сердца.

- А я с тобой, - сказала я, понимая, что даю очень серьёзное обещание.

На следующий день решили съездить на кладбище. Давид проснулся в странном настроении, вроде и не расстроен, но молчалив и задумчив. Сидел на кухне у окна и пил кофе, а на столе перед ним лежал отключенный телефон. Я сама видела, как он выключил его ещё час назад. То ли сам, то ли после какого-то неприятного сообщения, потому что я не слышала, чтобы ему кто-то звонил. Да и я сама не знала, что ему сказать, а особенно, чего ждать. По его виду казалось, что он в любой момент может сорваться, и что это будет означать – для меня и для нашей ситуации в общем, предсказать я не бралась. И поэтому в какой-то момент просто сказала:

- Поехали.

И мы поехали. Купили белые розы в магазине на выезде из города, я держала букет в руках по дороге к кладбищу, и понимала, что переживаю. Словно, мы ехали не на могилу, словно мне предстояло очень важное знакомство. Я время от времени украдкой кидала на Давида долгие взгляды, но он всю дорогу молчал, думал о чём-то, и на меня внимания не обращал.

Слишком мало времени прошло, всего два года. Чувства родителей абсолютно понятны. Они вроде и живут своей жизнью, изо дня в день, но смириться с потерей всё ещё не получается. И боль, и отчаяние накрывают неожиданно, спонтанно, и бывает так, что сбивают с ног. Вот как вчера, в самый тяжёлый день года.

- Маша, - сказал Давид, когда мы остановились. Я в первый момент не поняла, что он имеет в виду, а потом разглядела впереди, за одной из оград, знакомую фигуру. Точнее, две фигуры. С Машей рядом стоял Павел, и я вдруг подумала о том, что всё правильно. Родители приехали на могилу сына, и у обоих жизнь продолжается. Если жизнь после смерти всё же есть, как рассказывают некоторые, если ушедшие нас видят, или чувствуют, что угодно, то маленький Артём должен порадоваться за маму и папу.

- Зачем здесь этот мужик? – проворчал Давид, когда мы вышли из машины.

Я еле слышно шикнула на него.

- Перестань. Значит, для Маши это важно.

Давид выразительно на меня уставился, надо сказать, что с претензией, и тогда я задала ему встречный вопрос:

- А зачем я здесь?

- Что значит зачем? – удивился он. – Ты её подруга!

- Да, и твоя подруга, - с оттенком иронии поддакнула я, и взяла его под руку. – Я для всех подруга. – Попросила: - Веди себя спокойно, он хороший человек.

- А ты уже знаешь, что он хороший человек!

- Тише. Если ты будешь вести себя сдержаннее и дружелюбнее, вы познакомитесь, и ты сам в этом убедишься. По крайней мере, сможешь вынести своё решение. А тебя, фыркающего, терпеть очень трудно.

- То есть, я задира и заноза в заднице?

Я глаза закатила, решив, что не буду поддаваться на провокации. Мы неспешно приближались к могиле, я продолжала держать Давида под руку, а к груди прижимать розы. Маша, наконец, нас заметила, и я ей улыбнулась. Павел тоже обернулся, посмотрел. Я заметила, что оценивающе приглядывается к Давиду. Чтобы как-то разрядить обстановку, я с ним поздоровалась.

- Здравствуйте, Павел.

Он в ответ кивнул. Выглядел очень серьёзным и собранным. И, что бы ни говорил Давид, как бы не переживал и даже не возмущался, Павел рядом с Машей смотрелся очень естественно. Будто они были знакомы очень давно, и по одному его решительному взгляду можно было точно сказать – он готов в любой момент протянуть руку, чтобы подхватить любимую женщину. Не то, что упасть, покачнуться не даст. Разве это не то, о чём мечтает любая из нас?

Маша вышла на дорогу, я увидела заплаканные глаза, но она в этот момент смотрела на Давида. Он к ней шагнул, обнял, и они так замерли на минуту. И я знала, что в эту минуту им никто больше нужен не был. Разве что, тот мальчишка, что смотрел на нас с задорной улыбкой, так похожей на папину, с надгробной плиты. Даже проговорив это про себя, я поняла, насколько ужасно всё это звучит. Я стояла за невысокой кованой оградой, и смотрела на дорожкой, в рост взрослого человека, памятник, на котором был изображён сын моего любимого мужчины, так похожий на него. Улыбчивый, радостный, с футбольным мячом под мышкой. Я уже видела эту фотографию раньше, у Маши дома. Маша подошла ко мне и прижалась, я вздохнула. А за нашими спинами мужчины познакомились. Я слышала, как негромко представлялись друг другу. Маша подняла руку к лицу и вытерла слёзы. Потом мне сказала:

- Хорошо, что вы приехали.

Я кивнула.

Долго простоять на морозе не удалось, но уходить было куда тяжелее, чем подойти к могиле и в который раз понять, что ничего не изменить. Повернуться и уйти казалось невыносимым, особенно родителям. Оставить своего ребёнка здесь, а самим вернуться в привычную для себя жизнь. Мы шли к машинам, рядом с машиной Давида стояла несколько потрёпанная дорогами «Нива-Шевроле», но Маша уверенно и ничуть не смущаясь, направилась к ней, и я за неё искренне порадовалась. Значит, всё хорошо, значит, она верит и доверяет.

- Встретимся на праздники? – предложила Маша. – Пообедаем, поговорим.

- Только не в ресторане, - быстро отозвалась я.

- Не надо в ресторане, я сама всё приготовлю, - пообещала она.

Мы обнялись на прощание, расселись по своим машинам. Я рукой подруге помахала, когда они с Павлом проехали мимо. На Давида глянула. К его губам намертво прилипла скептическая усмешка. По всей видимости, он пытался обдумать перемены в Машинной жизни, и у него не слишком хорошо получалось. Я не выдержала, и пихнула его кулаком в бок.

- Прекрати.

- Я ничего не говорю, - в первый момент возмутился он. Но его невозмутимости хватило лишь на несколько секунд, и он снова принялся неодобрительно выговаривать, причём мне: - Что это за дружба домами? Приходите к нам на обед, я всё приготовлю!

- Она не говорила «к нам», - встала я на Машину защиту. Да и вообще, я за справедливость. – Не говорила.

- Не надо, она это имела в виду!

- Даже если это так, что в этом плохого?

- Может быть, и ничего, - пошёл Давид на уступку. – Но надо немного думать головой, - он в пылу эмоций даже постучал себя кулаком по лбу. – Она этого мужика совсем не знает.

- Это ты его не знаешь, а Маше достаточно того, что она видит и чувствует.

Давид презрительно фыркнул, весьма выразительно.

- Вот у вас все проблемы от этого, от вашей чувствительности!

- У нас – это у кого? – переспросила я, хотя, отлично поняла. Снова шовинистический выпад.

- У женщин. Я же про вас говорю.

- А-а, - протянула я. – А у вас от чего проблемы? Просто интересно. Горе от ума?

Давид кинул на меня красноречивый взгляд, потом протянул руку,

сделал попытку меня обнять. Я сопротивляться не стала, но всё же постаралась сохранить независимый вид.

- Не злись, - попросил он. – Просто я беспокоюсь.

- Понимаю. Но Маша же не лезет в твою жизнь, хотя, у неё куда больше поводов беспокоиться за тебя. Но она даёт тебе право сделать выбор, даже если он и неправильный. Поступай так же, - предложила я. – Если она ошибётся, или её обидят, ты сможешь отомстить.

Давид заинтересованно хмыкнул, а я на всякий случай предостерегла:

- Только не увлекайся.

- Не буду, - пообещал он. – Я буду терпеливым и осторожным. Но мстят моя будет страшна.

Я рассмеялась, но тут же добавила:

- Надеюсь, твоя изошрённая фантазия останется незадействованной.

Кажется, впервые за всё время нашего с ним знакомства, Давид никуда не торопился. Мы вернулись ко мне домой, я ждала, что у Давида вот-вот закончится терпение, он вспомнит о каких-то неотложных делах, сообщит, что ему нужно куда-то ехать, кого-то спасать, как бывало обычно, но Давид Кравец, к моему великому изумлению, устроился на диване, включил телевизор, и даже поинтересовался, что на обед. Честно, я боялась сделать лишнее движение, чтобы его не спугнуть. Никуда не спешащего, сидящего перед телевизором, такого Давида Кравца я ещё не знала. А ещё он так и не включил телефон, даже смотреть на него будто избегал. Дорогуший смартфон лежал на подоконнике в кухне, наверное, впервые в своей активной мобильной жизни, признанный ненужным.

- Забери перстень, - вспомнила я в какой-то момент.

- Я тебе его подарил.

Я остановилась в дверях комнаты, выразительно на Давида глянула.

- Давид, я переживаю из-за того, что он здесь. Отвези его обратно к деду. К тому же, он его оценит, а я не понимаю, что с ним делать. Он стоит кучу денег, в конце концов!

Давид что-то пробормотал себе под нос, недовольно, а когда встретил мой взгляд, пояснил своё бормотание:

- Какая разница сколько он стоит? Дело-то в другом!

- Я прекрасно поняла, в чём дело, - поддакнула я. – В той сказке, что ты мне поведал.

- Почему ты думаешь, что это сказка?

- Потому что. Слишком складно ты её рассказывал. Но, как бы то ни было, перстень старинный, и его присутствие в моём доме, меня беспокоит. Отвези его деду, пусть он его в сейф положит.

- Какая ты упрямая, Лида. Бываешь порой.

- Вот видишь, как мы похожи, - отозвалась я, и Давид усмехнулся.

- Где?

- В буфете, на самой верхней полке, - подсказала я. – Так в коробочке и лежит.

Я, успокоившаяся, вернулась на кухню, продолжила готовить обед. А Давид появился у меня за спиной спустя минуту, протянул мне открытую коробочку, в которой ещё несколько дней назад лежал перстень. Признаться, я не сразу поняла, зачем он мне её показывает. Переспросила:

- Что?

- Кольца нет, - просто сказал он. Два простых слова, а я в растерянности моргнула, не в состоянии их уложить в своей голове.

- Оно там было, - негромко, от волнения, но достаточно уверенно проговорила я. – На полочке...

- Лида, на верхней полке стояла коробочка, кольца в ней не было.

- Мне надо сесть, - сообщила я. Благо, кухня маленькая, особо далеко идти не пришлось. Я сделала шаг и присела на табуретку. Кровь барабанила в висках, я пыталась осознать потерю.

Почему я всегда теряю драгоценности? Это проклятие какое-то?

- Успокойся, - попросил Давид. Присел передо мной на корточки, попытался заглянуть в глаза. – Может, ты его куда-то переложила? Ты могла забыть.

- С ума сошёл? Как бы я могла такое забыть? Да и куда мне переключивать? В постельное бельё прятать?

Давид вздохнул, видимо, пытался набраться терпения. А я старательно вспоминала последние дни. Когда я видела перстень, как его прятала, что, вообще, происходило. И вдруг я вспомнила и похолодела внутри. Даже сердце на одну секунду с ритма сбилось. Я вцепилась в руку Давида. Он сразу переспросил:

- Что?

- Я перстень неделю не проверяла. И я его туда не убирала. Это Лёня...

- Какой Лёня? Сосед на плохой тачке?

Я суетливо кивнула.

- Мне перстень при нём привезли, - отчётливо вспомнила я. – Он увидел, заинтересовался. Ну, я и рассказала...

- Что ты рассказала? – тон Давида изменился, голос стал требовательным.

- Твою сказку. Про Орлова и Екатерину. Чёрт. – Мой взгляд сфокусировался на лице Давида. – Ты хочешь сказать, что Лёня...

- Я ничего не хочу сказать, - нетерпеливо перебил меня Давид. – Но перстня нет, это факт.

- Но как он мог? – Я никак не могла успокоиться и вообразить якобы содеянное милым соседом, с которым встретила этот Новый год. – Он меня конфетами угощал.

- И это автоматически делает его хорошим человеком? – откровенно скривился Давид и поднялся. Тяжело выдохнул, устало потёр лицо ладонью. Раздумывал. – Он был у тебя в квартире? Когда это было?

- Первого числа, - сказала я. – Мы с ним доели оливье, и выпили шампанского. И он ушёл.

- Просто взял и ушёл! – всплеснул руками Давид. С намёком на меня уставился.

А я разозлилась.

- Взял и ушёл! – повысила я голос. – И, кстати, сразу после него явился ты, пьяный! Поэтому нечего сейчас придумывать!..

- Я не придумываю, - поспешил отмахнуться Давид. – Я тебя спрашиваю. Ты показала ему перстень?

- Показала, - кивнула я, и сама же первая поморщилась, подумав о том, какая я доверчивая дура. Но кто бы мог подумать, тем более на Лёню?.. Я бы и сейчас усомнилась, но никого другого в моей квартире не было после него, и никому я перстень не демонстрировала. Вот и получается, что Лёня, милый сосед, меня взял и обокрал.

Господи, ужас какой. Меня первый раз обворовывают. Раньше и воровать-то нечего было. А тут надарили антиквариата, а я теперь страдай...

- И историю рассказала, - добавила я, когда поняла, что слишком долго молчу, а Давид на меня смотрит.

- Ещё что? О чём ещё он расспрашивал?

- Ну... - беспокойно протянула я, а Давид всерьёз нахмурился. Пришлось признаваться. – Про тебя. Точнее, про нас. Или всё-таки про тебя.

- Ты ему про меня рассказала?

- Нет, конечно. Он сказал, что тебя узнал. Его друг когда-то работал... Боже мой. – Меня накрыло ужасным воспоминанием, и я буквально окаменела. Давид снова ко мне наклонился, за плечо потряс.

- Лида, что?

- Его друг занимался установкой сигнализации, то ли в магазине, то ли в доме твоего деда. Я вспомнила. То есть, не помню, где именно, но где-то точно.

Давид взял и выругался в сердцах, грязно и в полный голос. Правда, потом добавил:

- Только этого не хватало.

- Я попросила его убрать перстень в коробочку и поставить на верхнюю полку, потому что я сама не дотягиваюсь. Я думала, он так и сделал, Давид, мне даже в голову не пришло... А получается, что я ушла на кухню, а он взял и украл? – Я вздохнула. – Как всё печально, людям вообще верить нельзя.

- Людям верить можно, - наставительным тоном проговорил Давид, - только людям проверенным, а не пускать в дом кого попало. Про что я тебе сегодня на кладбище и говорил!

Я зажмурилась, не видя, но отлично чувствуя и слыша, как Давид нервно расхаживает по комнате. А потом он остановился и сказал:

- Пошли.

Я глаза открыла, посмотрела в растерянности.

- Куда?

- К соседу твоему! – рыкнул он. – Он же сосед, значит, живёт где-то рядом!

И, правда, Лёня же в соседнем подъезде живёт, а я сижу! Я вскочила и кинулась в прихожую, обуваться. Сунула ноги в угги, накинула на плечи куртку и первой выбежала из квартиры. Следом за мной Давид, с ключами от квартиры в руках, про которые я даже не вспомнила. Заходи, кто хочешь, бери, что хочешь. Сильнее я уже не удивлюсь, честное слово.

- Он живёт в соседнем подъезде, на четвёртом этаже, - сказала я, когда мы вышли на улицу. – Только номер квартиры я не помню.

Мы, можно сказать, бегом пробежали восемь пролётов лестницы, даже не запыхались, я ткнула пальцем в дверь нужной квартиры, и Давид нажал кнопку звонка. Сначала за дверью была тишина, он позвонил ещё раз, и тогда я уже услышала шаги. Если честно, почувствовала облегчение. Даже успела вообразить, как увижу Лёню, как он удивится нашим обвинениям, скажет, что перстень мог куда-то закатиться, и мы, на самом деле, его найдём, и неприятная ситуация рассосётся сама собой. А то, что я потом до конца жизни не смогу смотреть Лёне в глаза, меня не слишком волновало. Проще было с ним больше никогда не встречаться, меня бы это вполне устроило.

Но дверь нам открыл не Лёня, а женщина в возрасте, как выяснилось, хозяйка квартиры.

- А Лёня? – запинаясь, спросила я.

- Съехал, - пожалала она плечами. – Сразу после Нового года. Позвонил,

сказал, что ключи в почтовом ящике. Странный, конечно, за январь полностью заплатил, а второго числа его уже и след простыл.

Я бессильно привалилась к перилам, а Давид повернулся ко мне и снова выругался. Женщина, наверное, из-за нашей столь показательной реакции, заинтересовалась.

- А что, натворили чего? – спросила она.

Давид же мрачно проговорил:

- Жилец ваш натворил. И смылся. – Головой тяжело качнул и пообещал кому-то: - Найду засранца, руки по плечи оторву.

Хозяйка квартиры испуганно охнула и поспешила дверь закрыть. Но я была уверена, что далеко не отошла, прижалась к ней ухом и подслушивает.

- Давид, что теперь делать? – спросила я очень осторожно, боясь, что даже за этот невинный вопрос мне попадёт по голове. Но Давид стоял передо мной, как изваяние, уперев руки в бока, и о чём-то раздумывал. Потом повернулся и снова в дверь позвонил. Открывать не торопились, и тогда он для пущей убедительности кулаком по ней пару раз ударил. Не сильно, но внушительно. И, не дожидаясь, пока хозяйка дверь снова отпрёт, пожелав с нами встретиться, зычно поинтересовался:

- Он вам копию паспорта оставлял? Где он прописан? – Снова постучал и добавил для ясности: - Я ведь не уйду.

Оставалось только ему поверить, голос был серьёзный и решительный. И женщина, скорее всего, решила поверить или не проверять, сказала из-за двери:

- Сейчас принесу.

Действительно, сведениями поделилась, даже копию паспорта Лёни Давиду передала, наверное, решила, что лучше всего от улик избавиться. Приоткрыла дверь, сунула Давиду в руку бумаги, а на нас зло шикнула:

- Идите отсюда. Я милицию вызову.

- О времена, о нравы, - проговорил Давид себе под нос, ничуть не впечатлённый угрозой. Стал по лестнице спускаться, глядя в бумаги, а я направилась следом за ним. Очень старалась ему через плечо заглянуть, но никак не получалось, и от этого я ещё больше нервничала.

- Пикалов Леонид Андреевич, - прочитал Давид. – Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года рождения. Прописан на улице Летней, дом двадцать два, квартира сорок.

- Где это – Летняя? – спросила я, пытаюсь вспомнить.

- Бывшая Колхозная. На другом берегу.

Давид неожиданно остановился, настолько неожиданно, что я в него врезалась и ойкнула. А он обернулся и посмотрел на меня с высоты своего

роста.

- Тебе папа в юности не говорил, что не нужно водить дружбу с незнакомыми мужиками? Чтобы не попадать вот в такие дурацкие истории?

Я от него отступила на шаг, независимо повела плечами.

- Все мужики когда-то незнакомые. Ты тоже, кстати. Что ж мне, на улицу никогда не выходить?

- Лида, у тебя на всё есть ответы. Мне это не нравится.

Он повернулся и вышел из подъезда, а я секунду помедлила, обдумывая его слова, после чего поспешила догнать и оповестить:

- Не надо выдумывать всяких сказок! И душить людям головы! А у тебя слишком богатое воображение, судя по всему.

- Но тебе ведь это нравится!

- Не переводи стрелки на меня! Я не хочу быть виноватой!

- А кто виноват? – изумился Давид, причём в полный голос, позабыв, что мы ещё на улице, и повышенными тонами привлекаем внимание. – Я к себе в дом незнакомых мужиков не вожу!

Я на ходу обернулась, посмотрела на него и показательно постучала себя кулаком по лбу. Давид же в ответ продемонстрировал мне свой кулак.

- Лида, что происходит? – У подъезда мы встретились с обеспокоенной Валентиной Ивановной, которая с тревожным видом наблюдала за нашим с Давидом приближением, наверняка слышала нашу перепалку, и теперь, судя по её хмурому взгляду, Давид ей активно не нравился. – Тебе нужна помощь? Он к тебе пристаёт?

Давид в сердцах развёл руками.

- Теперь я ещё и пристаю! Вообще, нормально день сложился.

- Не кричи, - попросила я его, а соседку заверила: - Не пристаёт, он волнуется. Кстати, это Давид. А это Валентина Ивановна, она ещё с моей бабушкой дружила.

- Очень приятно, - кивнул Давид, правда, без особых церемоний. И тут же поинтересовался: - А вы когда милягу-соседа в последний раз видели?

- Какого соседа?

- Лёню, - нехотя пояснила я, и поморщилась, уже представляя, что сейчас начнётся, стоит только Валентине Ивановне обрисовать ситуацию.

- Лёничку? – переспросила она. Перевела вопросительный взгляд на меня.

- Лёничку, - поддакнул Давид, тесня меня плечом. – Когда?

- Когда, когда... - Валентина Ивановна призадумалась, нахмурила и без того морщинистый лоб, после чего неожиданно схватила меня за руку. –

А когда мы с тобой о нём говорили? Вот за пару дней до этого.

Давид на меня посмотрел, весьма едко. Поинтересовался медовым голосом:

- О чём говорили?

Я молчала, разглядывала нахохлившегося соседского кота на лавке рядом, а Валентина Ивановна затарахтела:

- Ну, как же! Такой милый молодой человек! Всё конфетами нас с Лидой угощал, на машине возил. Меня вот в поликлинику подвёз, и денег не взял. Вот что значит воспитание! – Это был явный намёк на несдержанность Давида. Но тот никакого внимания на слова престарелой соседки не обратил, лишь зловеще хмыкнул.

- Правильно, на хрена ему ваши деньги, если наши стырил. Их было куда больше, чем он бы извозом заработал.

Валентина Ивановна приоткрыла от удивления рот и на какую-то секунду так замерла, глядя на нас. Затем переспросила:

- Как это – стырил?

Я Давида одёрнула, но было поздно, тот принялся нравоучительным тоном читать лекцию о безопасности женщине, которая ему в бабушки годилась.

- А вот так. Потому что не надо доверять всем незнакомцам подряд, как бы тот мило не улыбался, и не задаривал конфетами. Это хорошо, что он к вам в дом не пришёл, к примеру, кран отремонтировать или лампочку вкрутить. У вас-то наверняка в доме что-то ценное, от мамы да бабушек осталось. Ведь осталось?

Валентина Ивановна под таким напором вдруг растерялась, чего за ней не водилось, по крайней мере, на моей памяти, даже отступила на шаг, к Давиду приглядываясь. И, надо сказать, что на этот раз приглядывалась со всей серьёзностью, будто перед ней грозный участковый стоял. А затем и запричитала:

- Батюшки, неужели, в самом деле, обокрал? – Она руку к груди приложила, на меня ошарашенный, обеспокоенный взгляд перевела. Я попыталась как-то успокоить пожилого человека, торопливо заговорила:

- Пока ничего не ясно. Нам нужно его найти, поговорить... Кое-что и, правда, пропало, но я же не могу клеветать на человека без серьёзных доказательств!..

- Лида, перестань, - перебил меня Давид. – И не преуменьшай проблему. – Он снова на соседку взглянул, строго и предостерегающе. – Не пускайте никого в квартиру! Даже если это милый сосед с конфетами. Слушайте меня, кругом аферисты.

- Ты с ума сошёл? – накинулась я на него, когда мы вошли в мой подъезд, оставив поражённую Валентину Ивановну решать, к какой соседке ей бежать первой, чтобы рассказать о случившемся. – Она же старый человек, вдруг ей от твоих внушений плохо станет?

- От внушений ей как раз плохо не станет, - возразил Давид, - а вот когда ей кто-нибудь добрый и хороший по голове молотком тюкнет, вот тут ей как раз может поплохеть конкретно.

Я фыркнула ему в спину, точнее, куда-то в поясницу, поднимаясь за ним по лестнице.

- А ты прямо уверен, что кругом одни воры и мошенники, запугал окончательно.

Давид дошёл до двери квартиры и на меня обернулся.

- Лида, я среди них вырос, я знаю, как они умеют в доверие втираться. Вот к таким, как ты, что на конфеты ведутся, и к таким, как твоя соседка, мнящая себя мисс Марпл, а, на самом деле, милиционера от вора ни за что не отличит.

Я глаза на него вытаращила.

- С чего ты взял, что я ведусь на конфеты? Мне что, пять?

- Значит, не на конфеты?

- Нет, - решительно отказалась я. И сказала, нырнув под руку Давида, чтобы попасть в свою квартиру. – У него улыбка была... располагающая.

- И после этого она говорит, что богатое воображение у меня, - возмутился Давид, входя в квартиру и, наконец, захлопывая дверь.

Мы остановились в прихожей и замолчали. Смотрели друг на друга. Потом я рискнула спросить:

- Что будем делать?

- Собирайся. Прокатимся по месту прописки.

Я сомневалась.

- Может, в полицию обратиться?

Давид молчал, морщился и думал. В конце концов, головой качнул.

- Слишком много проблем от ментов каждый раз. Будут спрашивать, что украли, а откуда мы это взяли, а предоставьте доказательства подлинности, покупки...

Я печально кивнула.

- А у тебя ничего этого нет.

Давид вдруг возмутился.

- Ну, извини, граф Орлов на перстне не расписался, чтобы мы могли подлинность установить!

Я строптиво поджала губы, но решила с ним не спорить. Вместо этого

сказала:

- Пойду собираться.

Летняя улица, бывшая Колхозная, на самом деле, отыскалась на другом берегу реки. Мы проехали по мосту, пересекли Волгу, и оказались в довольно старом спальном районе. Формально он являлся продолжением города, но горожане так никогда не считали. И название Колхозная, улица раньше носила не просто так. Несколько десятков пятиэтажных домов когда-то были построены на месте разрушенного колхоза. Даже тридцать-сорок лет назад место строительства считалось крайне не престижным, до района было трудно добраться, необходимо было каждый раз пересекать реку. Речной трамвайчик, курсирующий туда-сюда, положение спасал мало. Со временем построили мост, пустили автобусное сообщение, но своего мнения горожане так и не изменили. Район за рекой считался дурным, бесперспективным, и жить там особой радости никому не доставляло. Возможно, поэтому Лёня и снимал квартиру в городе, считая, что так он ближе к цивилизации.

Изначально пятиэтажки строили для работников подшипникового завода, что находился неподалёку, наверное, идея была неплохая, у многих не было необходимости ездить в город каждый день, за рекой образовывалась и активно обживалась самодостаточная территория, со своей инфраструктурой, магазинами, школами и детскими садами, людям предоставляли рабочие места, но продлилось это недолго. Благие намерения разбились о начавшуюся в стране перестройку, к середине девяностых подшипниковый завод прекратил работу, затем был кому-то перепродан, а после и вовсе забыт и брошен. Если проехать мимо домов вглубь, то дорога как раз упиралась в огромную брошенную территорию, с опустевшими цехами, складами, зданиями неизвестного предназначения. Я была там всего однажды, когда мы случайно заблудились по дороге на турбазу и свернули не туда. Но до сих пор отлично помню, какое тягостное, беспокойное впечатление на меня произвели виды брошенного завода. Было по-настоящему жутко. А люди рядом с ним живут, окна последних домов выходят на серые, обрушающиеся стены.

Со смертью завода, и сам район и прилегающие территории стали быстро приходить в упадок. Целое десятилетие о местных жителях, кажется, никто не вспоминал. Район не развивали, магазины закрывались, работы не было. Ума не приложу, как несколько тысяч человек умудрились выжить, забытые, как некогда и их кормилец-завод, властями города. От тех времен до сих пор по округе остались стихийные огороды, покосившиеся от старости дачные домики, сооружённые, по виду, из фанеры. По берегу

реки были натканы лодки-плоскодонки и установлены сушилки и коптильни для пойманной рыбы. Люди выживали, как могли. И до сих пор многое из этого сохранилось, и заброшенным не выглядело. Приезжая за реку ты словно окунался с головой в прошлое, в серость, безысходность и хроническое безденежье. Да, появились новые дома, магазины, освещение, даже дороги отремонтировали за последние годы, но нестерпимое чувство бесперспективности в людях осталось. Поэтому никто не стремился сюда переезжать, хотя цены на жильё в этом районе были куда ниже, чем по городу.

Старые, серые пятиэтажки, как близнецы. Мы проехали по главной улице, я смотрела на вывески магазинов, да и вообще, оглядывалась с любопытством, не была в этом районе много лет, и мне было интересно, какие перемены произошли за это время. Перемены были, несомненно, но я всё равно чувствовала лёгкую обеспокоенность, находясь на этих улицах. Ещё помнила пацанов в китайских спортивных костюмах, козыряющих своей смелостью и бойкостью, пьющих пиво на углу, казалось, каждого дома, и провожающих всех незнакомцев долгими взглядами. Сейчас ничего подобного не наблюдалось, слава богу. А то было бы совсем грустно.

Мы отыскиали дом номер двадцать два на Летней улице, остановились во дворе, который, кстати, был очень и очень похож на мой собственный двор – те же дома, те же раскрашенные автомобильные шины, которые летом превращали в самодельные клумбы, через детскую площадку тянулись верёвки для сушки белья, в зимнее время пустые. Автомобили рядком у подъезда. Мы приткнули машину Давида в самом неказистом месте, за помойкой, решив не привередничать, вышли и осмотрелись. Давид таращился на окна дома зачем-то, а я на автомобиле. Но ничего похожего на машину Лёни не увидела.

- Сороковая квартира во втором подъезде, - сказал он, и мы направились туда.

- Что ты скажешь? – догадалась спросить я, когда мы вошли в подъезд. Домофон не работал, и дверь легко открылась.

- Кому?

- Ну, тому, кто откроет тебе дверь.

- Придумаю что-нибудь.

У него всё было так просто. Я бы вот на его месте для начала всё хорошенько обдумала, составила примерный план действий, а после уже звонила в дверь к чужим людям.

Давид подошёл к потёртой двери с номером сорок на ней, и нажал на кнопку звонка. Я замерла за его плечом, прислушиваясь, но кроме

колотящегося сердца, ничего не слышала до того самого момента, пока с той стороны не щёлкнул замок. Дверь открылась. И мы увидели женщину средних лет, полную, я бы сказала, что неопрятную, в поношенном халате. Она разглядывала нас без всякого интереса, а за её спиной слышались детские голоса. Громкие, надрывные и требовательные. По крайней мере, два.

- Что вам нужно?

Давид не стал улыбаться, изображать доброжелательность, а уж тем более не попытался очаровать. Наоборот, напустил на себя побольше серьёзности и отрывисто поинтересовался:

- Лёня дома?

- Лёня? – переспросила женщина.

Она немного покачнулась, когда на неё сзади налетела девчушка лет пяти. Растрёпанная, в цветастой маечке и в вытянутых на коленках колготках. Она налетела на мать, обхватила руками её ноги, и на нас с любопытством уставилась. Правда, её тут же погнали прочь, женщина на неё шикнула, и пригрозила:

- Розка, в угол поставлю, уйди отсюда.

Не слишком мудрое воспитание, подумалось мне. Но кто я такая, чтобы учить? У меня детей нет.

- Леонид Пикалов здесь прописан? – продолжал настаивать на своём Давид, буравя женщину пристальным взглядом.

- Прописан здесь, - в конечном счёте, призналась та, с явным недовольством к нам приглядываясь. – А вы кто такие? Что вам от брата нужно?

- Он ваш брат? – Если честно, я удивилась полученной информации. Лёня, с его милой улыбкой и мягким взглядом, светлыми волосами, был совсем не похож на эту грузную женщину агрессивной наружности. Но она кивнула, подтверждая.

- Младший.

- Он дома? – поинтересовался Давид. Сделал неуловимое движение, словно собирается войти в квартиру, наверное, его просто распирало от нетерпения, а женщина его настрой уловила и вцепилась в ручку двери, собираясь, видимо, загородить свой дом полной грудью.

- Не живёт он здесь, - отрывисто проговорила она. – Давно уже, много лет. Он в городе квартиру снимает.

- Знаете где? Когда он с вами разговаривал в последний раз?

- На Новый год, - разозлилась сестра Лёни. – Новый год же был!

- И больше не звонил?

- Нет. – Сказала и следом возмутилась: - Да что вам надо? Кто вы такие? Пришли, выспрашивают! Я сейчас милицию вызову! – пригрозила она, а Давид согласно кивнул.

- Вызывай, как раз вместе с ними и поищем.

Женщина от такой наглости немного присмирела, примолкла на мгновение, затем переспросила:

- Кого?

- Брата твоего. У тебя под кроватью. Или где он прячется?

- Прячется? – снова недопоняла она. Нахмурилась всерьёз. – А чего Лёньке прятаться? Не мог он ничего натворить.

- Почему это?

- Потому что рохля он и пельмень. Мухи не обидит.

- Может, и не обидит, - согласился Давид. – А вот руки к чужому тянет. Женщина прижала руку к груди, глядя на нас в полном изумлении.

- Украл? Да Господь с вами!

- Очень на это надеюсь. – Давид выдал недовольный вздох, на меня оглянулся, после чего к женщине приблизился, всего на полшага, большего и не требовалось. И вкрадчиво, не стараясь её напугать, заговорил: - Я знать не знаю, что из себя твой брат представляет. И мне, честно, не интересно. Но он взял то, что ему не принадлежит. И я всё равно эту вещь найду, не смогу сам, найму тех, кто сможет. И вот тогда ему будет плохо. Поэтому я хочу договориться по-хорошему. Позвони ему и скажи, что если он вернёт, что взял, я сделаю вид, что ничего не было. Мы всё забудем. Главное, чтобы я его рожу больше никогда нигде не встретил.

Женщина смотрела на Давида, широко раскрыв глаза, по-прежнему прижимая ладонь к груди, словно ей не хватало воздуха, и она его всеми силами в себя заталкивала. А когда Давид замолчал, сделала судорожный вдох и поспешила отступить за порог квартиры.

- Вы угрожать мне будете? Знать я ничего не знаю! Не живёт он здесь! Много лет не живёт. И за квартиру не платит. А мог бы, между прочим! У нас дети!

- Послушайте, - вмешалась я, в надежде её успокоить. Пихнула Давида локтем, сетуя, что тот человека напугал. – Мы не собираемся вас пугать, мы просим, чтобы вы брату помогли. Нам нужно с ним поговорить, просто поговорить!

- Конечно, поговорить, - не поверила женщина. И потребовала: - Уходите, у меня сейчас муж с работы вернётся!

И дверь захлопнула. Мы с Давидом переглянулись, я вздохнула.

- Обязательно было играть в мафию? – посетовала я.

Давид руками развёл.

- А что я сделал?

- Ничего. Только запугал мать с двумя детьми до смерти. Пойдём, а то и, правда, милицию вызовет.

Мы спустились по лестнице на этаж, раздумывая, что ещё можно предпринять, и неожиданно дверь за моей спиной приоткрылась, и послышался женский голос.

- Вы Лёню ищете?

Мы с Давидом обернулись. Я увидела женщину, молодую, милостивую, она смотрела на нас с беспокойством. Я тут же отеснила Давида плечом и вышла вперёд. Старалась казаться спокойной и миролюбивой.

- Да. Разговаривали с его сестрой, но она говорит, что он здесь не живёт давно. А нам очень нужно его найти.

- А ему ещё больше нужно, чтобы мы его нашли, - не утерпел Давид.

Женщина глядела на нас с сомнением, после чего пошире приоткрыла дверь и поманила нас внутрь. Мы в квартиру вошли, Давид прикрыл за собой дверь, и мы все замерли в тесной прихожей.

- Не хочу, чтобы Люда слышала, как я с вами говорю, - пояснила новая знакомая. – Жить потом спокойно не даст.

- Люда – это сестра Лёни?

- Ну да. Скандалистка ещё та.

Про скандальных баб Давиду было не интересно, и он поторопил:

- Вы знаете, где он?

- Честно, скажу, нет. Но... - Женщина вздохнула, обхватила себя руками за плечи. – Я тоже беспокоюсь, я, как почувствовала, что у него что-то случилось.

- Почему?

- Он мне позвонил на днях... - Она вдруг засмузилась. – Он мне звонит, иногда. Мы со школы дружим. Лёня с Людой практически не общаются, как родители умерли, так он вообще здесь не появляется. Общего ничего не осталось, кроме прописки. К тому же, Люда боится жутко, что он квартиру начнёт делить, как Лёня приезжает, так сплошные скандалы по этому поводу.

- Он позвонил, и что?

- Я по его голосу поняла, что что-то случилось. Лёня сказал, что с квартиры, что снимал, съехал. А новую ещё не нашёл, живёт у друга. А вскоре, возможно, и вовсе из города уедет.

Давид нехорошо усмехнулся.

- На юга?

Женщина беспокойно к нему приглядывалась, плечом дёрнула.

- Я не знаю. Сказал, что все проблемы решит... почти решил. С собой звал.

Я женщину разглядывала, оценивала, если честно, осознав, что я не такое уж сильное впечатление произвела на милого Лёню, судя по всему. Всё-таки мужикам никак нельзя верить, никому, даже тем, что конфетами подкармливают.

- И много у него проблем? – заинтересовался Давид. – И какого рода проблемы?

- Да как у всех сейчас, финансовые. Он раньше производством мебели занимался, заместителем начальника производства был, неплохо зарабатывал, а потом фабрика разорилась, и Лёня несколько месяцев устроиться не мог. А потом вот...

- Что?

- Управляющим на заправке стал.

Понятно. И управляющий, и продавец, и заправщик. Над самим собой главный. А мне вот на проблемы с деньгами и работой Лёня не жаловался.

- Так у какого приятеля он может быть?

- У Олега, наверное. Они давно дружат. Вроде, учились вместе.

- Одни школьные друзья, - подивилась я. – Сколько вас?

Женщина лишь рукой махнула.

- Я городских его одноклассников не знаю. Мы с Лёней вместе до десятого класса учились, здесь, а потом он к тётке в город переехал, и два года там доучивался. Говорил, что жизнь его там совсем другой стала. А, по мне, так сплошное беспокойство.

- Как думаете, он вам ещё позвонит? – спросил Давид.

Она плечами пожала.

- Возможно.

- Если позвонит, вы передайте ему...

- Передайте, - поспешила я перебить Давида с его списком требований и угроз, - чтобы он Лиде позвонил. Мне очень нужно с ним поговорить. И мы все его проблемы постараемся решить.

Женщина кивнула.

- Хорошо, передам.

В замке с той стороны вдруг повернулся ключ, и хозяйка квартиры в момент переполошилась. Испуганно на нас вытаращилась и одними губами проговорила:

- Это муж.

Муж, на самом деле, появился на пороге, серьёзный, с усами, в чёрной форме охранника, и на нас с Давидом взглянул с подозрением и непониманием. И мы поспешили откланяться, я даже проговорила на прощание какую-то ерунду про то, что мы адресом ошиблись, а искали совсем других людей.

- Пускаешь в дом всех подряд, - услышали мы ворчливое, когда за нами уже захлопнули дверь. Вышли из подъезда на мороз, остановились, и мне пришло в голову неожиданное:

- Она собирается ради Лёни мужа бросить?

Давид удостоил меня нетерпимым взглядом и решил сообщить:

- Меня твой Лёня уже порядком достал. Казанова захудалый. – И добавил: - Поехали домой.

Но домой мы попали не сразу. По дороге в город я вспомнила, что в новогоднюю ночь довольно долго разговаривала, хотя, скорее болтала обо всём и ни о чём, с одной из одноклассниц Лёни. Звали её Юля, и она работала продавцом в известном мне бутике в торговом центре. Наверное, поэтому мы с ней и разговорились, потому что лица друг друга нам знакомыми показались. Я не раз заходила к ним в магазин, кое-что покупала, на кое-что только облизывалась и обещала себе копить и купить обновку со следующей зарплаты. И у новогодней ёлки мы с ней пили шампанское, заедали мандаринами, и обсуждали наряды и работу. Я ещё про свою ей рассказала, решив, что вряд ли она ко мне когда-нибудь обратится с какой-нибудь просьбой, ужин в «Алмазе» Юле явно не по карману, а вот мне узнать заранее об акциях и распродажах в её магазине, совсем не помешает.

- Давай к ней съездим, - предложила я Давиду. – Поспрашиваем.

Он спорить вроде бы и не стал, на перекрёстке свернул в нужном направлении, но не утерпел и едко добавил:

- Интересно, что она нам поведаёт? Что этот Прилипкин её первая любовь?

- Он Пикалов, Давид.

Давид на меня посмотрел, выразительно вздёрнул брови.

- Да?

Я даже рассмеялась. Попросила:

- Хватит. Ты ведёшь себя глупо.

- Опять я виноват, - пробормотал Давид, но всё-таки замолчал.

Когда мы приехали в магазин, и я сразу подошла к Юле, в первый момент мне показалось, что она меня не узнала. Смотрела с лёгким недоумением, но я решила, что с её профессией, как и с моей, кстати, подобное простительно. Если будешь стараться запомнить каждого человека, что к тебе подходит и обращается, можно сойти с ума. Но уже спустя пару секунд Юля расплылась в приветливой улыбке.

- Привет. Решила обновить гардероб?

Тут за моей спиной появился Давид, и Юля на него уставилась, с любопытством и заметной заинтересованностью. А я поспешила её расстроить.

- Нет, жду зарплаты. Мы к тебе приехали по делу.

- Какому?

Давид нависал над нами, подошёл совсем близко, и мне даже пришлось отпихнуть его немного, попытаться незаметно сдвинуть с места, чтобы не напирал и очередную девушку своей фактурой не пугал. Хотя, Юля так на него смотрела, я бы даже сказала, что плотоядно, по всей видимости, она была совсем не против, если бы Давид и дальше на неё понапирал, особенно если с определённым умыслом. Я приложила усилие, и ещё решительнее Давида от себя отодвинула на шаг.

- Я Лёню ищу, - сказала я, решив не ходить вокруг да около. – Он после Нового года пропал, с квартиры съехал, а он мне очень нужен. Не звонил тебе?

Юля лишь равнодушно пожала плечами.

- Да нет, зачем ему мне звонить? Я не уверена, что у него и номер-то мой есть.

- Как же так? – решила удивиться я. – Он рассказывал, что вы все очень дружите со школы, общаетесь, встречаетесь.

- Не знаю, может, он с парнями и встречается, но я в их встречах участия не принимаю. А, если уж совсем честно, то не особо мы с ним когда и общались. Он появляется иногда на встречах выпускников, или вот на Новый год. Даже не знаю, кто ему сообщает. Мы с ним никогда особо не дружили, он в нашу компанию так и не вписался.

- Ну вот, - расстроилась я. – А рассказывал-то, рассказывал. Я даже позавидовала.

Юля усмехнулась.

- А ты его слушай больше. Лёньку за это и недолюбливали в школе, что он слишком много выдумывал. Рассказывал, что у него родители в институте преподают, отец, вообще, археолог, по командировкам заграничным ездит, а он из-за этого у тётки живёт. И ведь верили ему, целый год верили. А потом выяснилось, что его родители на подшипниковом заводе работают, мама и вовсе уборщицей, цеха моет.

- Разозлились? – Я вдруг искренне заинтересовалась историей чужой жизни.

- Ну, поначалу да, а потом пожалели. Понятно же, что он не от хорошей жизни всё это выдумал. Да и не кичливый он, фантазёр только. И по жизни ему не везёт. Знаешь, бывают такие люди, неудачники хронические.

- А почему он неудачник? – спросил Давид. Юля снова на него уставилась, даже улыбнулась. Теперь мне её пнуть захотелось, но я лишь тихонько вздохнула.

- Потому что всё у него не как у людей, - сказала Юля. – Школу едва закончил, хотя, и не дурак. В институт не поступил, на работе долго удержаться не может. Витька Стрельников рассказывал, что кредитов набрал, вроде, с приятелем каким-то своё дело открыть хотели, но что-то у них не вышло. И завяз он в этих кредитах по уши. Вот и бегаёт по городу, с квартиры на квартиру, то ли прячется, то ли от того, что жилья своего нет. Тётка у него умерла, а квартиру ему не подписала. В общем, послушаешь, и только пожалеть его остаётся. Но, на самом деле, парень он неплохой. Только не везёт ему.

- А давно про кредиты разговор был? – задал ещё вопрос Давид.

Юля задумалась ненадолго.

- Да по осени, наверное, мы как раз к Банщикову на дачу на шашлыки ездили, встреча одноклассников была, а Лёнька приехал на час и потом куда-то умчался, как будто его ужалили. Вот Витька тогда про кредиты и сказал. Говорит, Лёня у него денег в долг просил, а он не дал, только квартиру купил. – Юля на нас смотрела, переводила взгляд с моего лица на лицо Давида. – А зачем вы его ищете?

- Говорю же, пропал куда-то, - уклончиво отозвалась я. – Беспокоимся.

- Понятно, - хмыкнула Юля. – Денег в долг взял?

Я растянула губы в натужной улыбке, не подтверждая, но и не собираясь спорить с её выводами. Вопросов у нас не осталось, мы с Юлей простились и из магазина вышли. Я шла не спеша, даже поотстала от Давида, шла и думала.

- Что такое? – спросил он, дождавшись меня у эскалатора.

- Давид, а сколько этот перстень стоит?

- Какая разница? Сколько-то да стоит. Что это меняет?

Мы спускались на эскалаторе, Давид стоял ко мне лицом, на пару ступенек ниже, и мы с ним были на одном уровне, я могла смотреть ему в глаза.

- Скажи честно, - попросила я, - ты ведь выдумал всю эту историю, от начала и до конца.

- Какую историю? – упрямылся он, хотя, я по глазам видела, что отлично понимает, что я имею в виду.

- Про Екатерину и Орлова. Если бы перстень был настоящим, твой дедушка никогда бы не позволил мне его отдать.

- Я не отдал, я подарил.

- Не вижу никакой разницы. Вот Алине бы он запросто его подарил, а мне за что?

- Лид, при чём здесь дед?

Мы спустились, пошли к выходу, а Давид неожиданно взял меня за руку. Я на наши руки посмотрела, чувствуя, как в груди разрастается тепло. Но следом заподозрила, что Давид может специально меня отвлекать.

- Просто если это подделка, может, мы не будем его искать? – осторожно проговорила я.

Мы вышли через вращающиеся двери торгового центра, я произнесла это вслух, и Давид остановился, как вкопанный. Повернулся и на меня уставился.

- Ты с ума сошла? – спросил он, в конце концов.

Я головой качнула, глянула умоляюще.

- Ты же сам говорил, что старинным вещам свойственно находиться и исчезать. Они сами решают, когда и с кем им оставаться. Вот перстень решил...

Давид вдруг удивлённо хохотнул и руку мою выпустил. Отступил на шаг.

- Ты его пожалела?

Я невинно вытаращила на него глаза, но промолчала, не зная, что сказать. Было как-то неудобно подтвердить его догадку, даже мне самой это казалось глупым. А Давид ещё и руками в сердцах всплеснул.

- Сдуреть можно! Ты его пожалела! Этого бесцветного Дон Жуана!

- Я не Дон Жуана пожалела, - попыталась разъяснить я. – А Лёню, как человека. Кажется, ему и, правда, в жизни не везёт.

- Зашибись! – возмутился Давид. – Тогда давай раз в месяц устраивать благотворительные акции, пусть все неудачники являются к нам и берут, что хотят! Брошка ушла, перстень ушёл! Знаешь, детка, то, с какой лёгкостью ты прощаешься с драгоценностями, меня несколько беспокоит!

Я вздохнула, не зная, как ещё объяснить ему свою позицию, а в качестве примирения подошла, и взяла под руку. Прижалась к Давиду, когда мы начали спускаться по широкой лестнице к стоянке для автомобилей.

- Я просто хочу точно знать, сколько он стоит. Если всё правда... про легенду, тогда, конечно, надо искать, надо обратиться в полицию. А если ты всё выдумал...

- Лида, даже если я что-то и выдумываю, я эту выдумку, свою историю, в состоянии продать. Дело не в ценности этого перстня, а в том, сколько за него заплатят. Мне, а не ему. Потому что этот утырок спустит его за бесценок. А я получу больше раз в пятьдесят.

- То есть, ты всё придумал? – ухватилась я за его слова.

Давид сунул руки в карманы куртки, недовольно нахмурился, даже

набычился, и на меня не смотрел. Шаггал к своей машине, буквально таща меня за собой на согнутом локте и никакого дискомфорта из-за этого, судя по всему, не ощущая. И после небольшой паузы, мне сообщил:

- Я ничего не придумал. Как я сказал, так и есть. Просто потому, что я так сказал.

То есть, расспрашивать и спорить дальше бесполезно. А графа Орлова, даже посмертно, можно поздравить с новым подарком от великой возлюбленной. Давид Маркович Кравец ему это организовал.

Видимо, для того, чтобы показать, насколько он возмущён и мною недоволен, Давид, сев в машину, решил включить телефон, который с утра так и оставался забытым, лежал в кармане куртки и не подавал признаков жизни.

- Успокойся, - попросила я его, наблюдая, как он уткнулся взглядом в ещё тёмный экран телефона. Даже рискнула погладить Давида по щеке, на что он буркнул нечто невразумительное и плечом дёрнул, но не отодвинулся. А потом телефон включился, Давид глядел в него, нахмурился и сообщил:

- Отец звонил. Десять раз.

- Потерял тебя, - невинно проговорила я, а Давид уже набрал номер и приложил телефон к уху.

- Пап, что случилось? Да живой я, всё нормально... Что?

Марк Борисович говорил громко, но сбивчиво. Я прекрасно слышала его голос, но кроме отдельных слов разобрать ничего не могла. А Давид переспросил, поднял голову и на меня уставился. Я тревожно нахмурилась.

- Что случилось?

Давид от меня отвернулся, продолжал слушать отца, нервно постукивал пальцами по рулю, после чего пообещал:

- Я уже еду, пап. – Телефон выключил, опустил руки на руль, и замер так.

- Давид, что случилось? – переспросила я, не в силах сдержать тревогу.

А он вдруг хохотнул.

- Ночью магазин вскрыть пытались. Сигнализацию отключили.

Я открыла рот, но что сказать, так и не нашлась. Давид голову повернул, посмотрел на меня и заинтересовался:

- Тебе его всё ещё жалко?

Мы поехали в магазин, в тот самый, в котором я когда-то купила себе брошку у Рудольфа Марковича. Прошло достаточно времени с моего единственного визита, но, что странно, продавец меня узнал. Мы с

Давидом вошли в магазин, на двери которого висела табличка «Закррито», и увидели бессменного продавца, отца Давида, беспокойно вышагивающего на небольшом свободном от мебели и витрин островке, а ещё двух мужчин с серьёзными лицами, в гражданской одежде, но по ним с первого взгляда можно было определить стражей правопорядка. Мы вошли, все обернулись на звук колокольчика над дверью, и Марк Борисович несказанно обрадовался, увидев сына.

- Давид, наконец-то! Где ты был? Я здесь с самого утра!

- Я был занят, - коротко сообщил Давид, представился следователям, а я замерла неподдалёку, совершенно не зная, что делать, как себя вести, но и ждать в машине было бы совершенно невозможно, я от тревоги, смешанной с любопытством, с ума бы сошла. Рудольф Маркович меня приметил, мило улыбнулся, и именно по этой улыбке мне почему-то показалось, что он меня вспомнил. А вот отец Давида неодобрительно на меня уставился, потом на сына посмотрел, но тот был занят, а отвлекать его, Марк Борисович не осмелился.

Не зная, в какую сторону смотреть, я принялась смотреть по сторонам, благо, было на что.

- Вы не передумали насчёт платья? – поинтересовался у меня Рудольф Маркович, неслышно приблизившись ко мне спустя какое-то время.

Я растянула губы в ответной улыбке.

- Боюсь, что нет. Так и не придумала, куда в нём выйти.

- Это совсем неважно, главное, чтобы оно у вас было. Это придаст вашей жизни нотку сказки и шарма. Попросите Давида, он вам расскажет. Он всегда был мальчиком впечатлительным, как и его дедушка, обожает сокровища, а особенно ощущение владения чем-то, что другим не дано. Или не позволено.

- О, это я уже поняла, - пробормотала я, украдкой поглядывая в сторону этого графа Монте-Кристо.

- А я почему-то был уверен, что вы к нам ещё обязательно вернётесь.

Я снова улыбнулась, на этот раз искренне, но без особой радости. Что-то печальное мне почудилось в его замечании.

Колокольчик снова звякнул, громко, раскатисто, потому что кто-то решительно распахнул дверь магазина, и все снова, как по команде, обернулись. А мне, когда я увидела вошедшего, то есть, вошедшую, захотелось застонать в голос. Я даже пожалела, что не осталась ждать в машине.

Алина Потапова вошла в магазин, остановилась, смерила всех присутствующих внимательным взглядом. До нас с Рудольфом Марковичем

дошла в самую последнюю очередь. Мы стояли в сторонке, в полутьме, и поэтому я могла спокойно наблюдать за эмоциями на её лице, когда она увидела мужа (пора заканчивать называть Давида мужем Алины Потаповой, даже мысленно, это ведь действительности не соответствует), затем его отца, досталось и следователям, что брали у Давида показания. Она сделала несколько смелых, уверенных шагов, словно собиралась сама кинуться в гущу событий и всё решить. Дверь за её спиной захлопнулась, Алина прошла до середины зала, и вот тогда уже заметила меня. И сбилась шага. Это было настолько заметно, её растерянность выплеснулась наружу, что я могла бы порадоваться подобной реакции, но мне радостно совсем не было. Мне совершенно не хотелось вступать с ней в конфликт, что-то выяснять, разговаривать, попросту оказаться с ней лицом к лицу не хотелось. Я бы предпочла никогда не встречаться, но вот мы с ней в одном помещении, совсем рядом, смотрим друг на друга, а причина нашего конфликта всего в паре метров стоит, и нужно что-то делать со всем этим, решать, предпринимать. Причём, прошу заметить, не мне, а ему.

- Что она здесь делает? – спросила Алина неизвестно у кого, продолжая стоять посреди магазина.

На неё посмотрели, но никто так и не ответил. А она взяла и ещё пальцем в меня ткнула. Повторила свой вопрос:

- Что она здесь делает?

Полицейские перестали говорить, обернулись на нас, Давид помрачнел, а Марк Борисович поспешил к любимой невестке. Бережно взял ту под локоток.

- Алина, успокойся. Мы потом всё выясним. Сейчас, видишь, что происходит?..

Алина позволила отвести себя в сторону, но продолжала сверлить меня взглядом. Потом на Давида посмотрела, позвала его по имени. Тот обернулся, отмахнулся, вернулся к разговору со следователями. А я закинула голову назад и стала смотреть на потолок с лепниной.

Прошло несколько минут в тягостной тишине. То есть, в середине торгового зала шла оживлённая беседа, а остальные присутствующие хранили тяжёлое молчание. Рудольф Маркович рядом со мной, кажется, проникся воцарившейся атмосферой, и от волнения то и дело подпрыгивал на месте или переминался с ноги на ногу. А пару раз и вовсе выдал томительный вздох, как будто это его всё это время буравили взглядами и насылали на его голову проклятия.

Наконец, следователи засобирались, ещё что-то спросили, записали, попросили подъехать к ним в прокуратуру и, коротко распрощавшись,

ушли. Не успела за ними дверь магазина закрыться, как все начали говорить, как-то незаметно на повышенных тонах, я заявила, что ухожу, и тогда Давид вдруг рявкнул:

- Все замолчали!

И все замолчали, даже Рудольф Маркович, всё это время пространно жаловавшийся на бандитов и коррупцию. Я тоже замолчала, хотя, за всё это время сказала только два слова, собираясь покинуть поле битвы, отвернувшись ото всех и сложила руки на груди, приняв оборонительную стойку.

- Что вы все голосите? – в гневе пожаловался Давид, когда стало тише.

- Давид, я хочу знать, что она здесь делает? – вновь потребовала ответа Алина, выступила вперёд и снова ткнула в меня пальцем.

- Она приехала со мной, - ответил он. – Куда больший вопрос, что здесь делаешь ты.

- Я? – Алина ахнула, обернулась на Марка Борисовича. – Твой отец мне позвонил, он не мог тебя найти! Он переживал, магазин обокрали!

- Мой отец не должен из-за этого переживать, - грозным голосом проговорил Давид. – Потому что это его обязанность – решать проблемы магазина. Даже если меня нет, это его обязанности, а не твои. Также как его идеей было нанять для установки сигнализации совершенно неизвестную контору, потому что заплатить им пришлось, куда меньше той суммы, что была выделена. Да, папа?

- Ты сейчас об этом хочешь поговорить? – рассердился Марк Борисович.

Давид головой покачал.

- Нет, не хочу. Я хочу, чтобы ты подготовил все документы и передал их следователям. И объяснялся с ними по этому поводу сам. Потому что ты принял это решение в моё отсутствие, и ты несёшь за него ответственность. – Он повернулся к Алине. – Теперь с тобой. Будь добра, поезжай домой, и не вздумай звонить своему папе. Который в порыве души оповестит о случившемся весь город. Скажи, что мне не нужен его друг прокурор области, следователи районной прокуратуры вполне справятся. Не миллионы украли и не Рубенса, переживём.

- Давид!..

- Поезжай домой, - с нажимом проговорил он. – Я приеду вечером, и мы поговорим.

- О чём поговорим? О чём ты собрался разговаривать?

Он на Алину зыркнул, потом на меня, причём с тем же нетерпением, и указал мне на дверь.

- Ты иди в машину. – Выдохнул, наконец. – Рудольф Маркович, начинайте инвентаризацию заново. Список пропавшего мне покажете.

- Конечно, конечно, - мелко закивал впечатлённый происходящим продавец. Уверена, что в его тихой и размеренной жизни и работе, давным-давно не происходило подобных встрясок.

А я поспешила к выходу, даже не подумав обернуться и посмотреть, идёт ли за мной Давид. Выскочила на улицу, втянула в себя холодный, морозный воздух, и только тогда поняла, что у меня щёки не горят, они полыхают огнём. И внутри всё вибрирует, будто перед взрывом.

Давид вышел следом за мной, открыл машину, и мы сели в салон. Я тут же схватилась за свои щёки, а он на меня даже не посмотрел, сразу завёл двигатель, и мы поехали. Мне казалось, что он жутко злится, и я боялась подать голос. Только посматривала на него украдкой. В конце концов, я закрыла ладонями не только щёки, но и всё лицо. И вот тогда Давид обратил на меня внимание.

- Что с тобой? – спросил он.

- Умереть хочу, - призналась я, продолжая сидеть закрывшись. – Стыдно так.

- Из-за Алины?

Я руки опустила, выдала несчастный вздох, похожий на стон.

- Нужна мне твоя Алина сто лет, - пробормотала я. Краем глаза заметила, что Давид выразительно закатил глаза, но комментировать не стала, и он промолчал. – Я из-за кражи. Это ведь всё из-за меня. Я, как последняя дура, всё разболтала!

Давид неожиданно фыркнул, даже усмехнулся.

- Помнится, совсем недавно, тебе его жалко было. Ты предлагала не искать и смириться с утратой. Передумала?

- Так мне в голову не могло придти, что он магазин ограбит! – Я голову повернула, на Давида вопросительно уставилась. – Это ведь Лёня, да?

- Во всяком случае, без его участия не обошлось.

Я сникла. До этих слов только подозревала, а теперь всё совсем плохо стало.

- Меня все возненавидят, - сказала я.

- Кто?

- Твой дедушка в первую очередь. Да и отец.

- Не говори глупостей. К тому же, им совсем необязательно знать.

- А как же Лёня?

- Я с этим разберусь, - заверил меня Давид. Мы остановились на светофоре, он помолчал, после чего посмотрел на меня и серьёзно сказал: -

Только больше никогда не обсуждай мои дела, ни с кем. Хорошо? Даже с Анькой. И с Машей.

Я поторопилась кивнуть. Мне чуть-чуть, но стало легче. Я протянула руку и погладила Давида по колену. Без всякого намёка, просто в благодарность за защиту и понимание, а он вдруг рассмеялся.

Слух о том, что магазин Кравец ограбили, разнёсся по городу с такой скоростью, словно об этом сообщили по городскому радио. Хотя, может быть, и сообщили, я сама радио не слушаю, и знать достоверно не могу, но ведь должны передавать криминальные сводки или что-то подобное. Но когда на следующий день я появилась на работе, девчонки в раздевалке уже обсуждали случившееся. Я присела в уголочке, стараясь не вмешиваться в обсуждение, но слушала внимательно. И, надо сказать, что наслушалась каких-то немислимых сплетен, действительности соответствовало лишь процентов десять информации. А по городу ползли слухи о вооружённом ограблении, о схватке кого-то с кем-то, надо полагать, что сам Давид должен был столкнуться с бандитами среди ночи в стенах магазина, всех собственноручно скрутить и сдать полиции. Потому что девчонки уж чересчур старались, ахая и причитая, упоминая его имя. Всем, без исключения, было жалко любимого посетителя.

Я же мысленно сокрушалась и ругала себя. Это же надо было оказаться такой болтливой дурой? Хотя, с другой стороны, как после подобного, вообще, можно доверять людям? Лёня производил такое хорошее впечатление, казался совершенно безобидным, и я бы никогда не подумала, что он способен на такое коварство. А это было именно коварство, и ничего другого. Когда он понял, что я могу быть для него полезна, начал задавать вопросы, продолжая мило улыбаться, и я ничего не заподозрила. И поэтому сейчас чувствовала себя дурой. Весьма неприятное чувство, я всегда была о себе более высокого мнения, считала себя проницательной, была уверена, что в людях разбираюсь. И теперь переживала свою ошибку. Всем сердцем переживала.

Правда, вор и мошенник из Лёни вышел не слишком удачный. Уже вчера вечером Давиду сообщили, что Леонид Пикалов и его друг и сообщник, Олег Мамонов, тот самый, что занимался установкой сигнализации в антикварном магазине около года назад, были арестованы, причём, оба попытались покинуть город. Одного задержали на выезде на его собственной машине, а Лёню на автобусной станции, после того, как он купил билет до соседнего областного центра. Давиду сообщили об этом по телефону, он тут же собрался и уехал, категорически отказавшись взять меня с собой. И с тех пор я его не видела. Он позвонил мне поздно вечером,

сказал, что Лёню допрашивают, он даёт показания, и, по сути, совсем неважно, что он говорит. Следователь считает, что доказательств его вины более чем достаточно. Наверное, мне следовало порадоваться тому, что история с ограблением получила такую быструю развязку, и никто не пострадал, кроме двух человек, что захотели разбогатеть за чужой счёт. Но, когда Давид рассказывал мне о происходящем, я вдруг представила Лёню в камере, как он сидит, несчастный и печальный, обдумывая то, что натворил, и мне вновь стало его жалко. Я была уверена, что он в какой-то момент, на фоне жизненных трудностей и неприятностей, запутался и сдался, и решил поиграть с судьбой. Вот и доигрался.

- Что ты молчишь? – спросил меня Давид, уловив моё настроение.

Я с ответом помедлила, с трудом удержалась от печального вздоха. Говорить ему о том, что снова пожалела милого соседа, было опасно. Наверное. Давид уже много часов общается лишь с полицейскими, следователями и адвокатами, и всё это по моей вине, ну и по Лёниной, конечно, поэтому предсказать его реакцию на мою жалость к преступнику я не бралась. Поэтому спросила:

- Сколько ему дадут?

- Понятия не имею, я не юрист. Но, похоже, он сыграл роль наводчика. Это дружок его, Мамонов, уже имеет судимость, и именно за кражу. Вот они нашли друг друга. Да ещё отец!.. – Давид искренне возмутился. – Ради лишних двадцати тысяч разрешить бывшему уголовнику сигнализацию в магазин установить! Понятное дело, что взлом был делом времени!

Если честно, мне после такого заявления стало немного легче.

- То есть, Лёни в магазине не было?

- Он в машине сидел. Ждал. Так что, он всё равно подпадает под статью, и весьма не хилую. Ограбление группой лиц по предварительному сговору и так далее.

- Как всё это ужасно, - пробормотала я.

- Конечно, ужасно, - в запале согласился Давид. – Выплачивать долги за мой счёт!

- Меня тоже вызовут на допрос? – осторожно поинтересовалась я. Этот вопрос не давал мне покоя, я никак не могла представить себя в кабинете следователя, особенно, сидящей напротив несчастного Лёни, и обличающей его. По крайней мере, моё воображение рисовало именно такую картину. Всё подсмотрено в сериалах про полицейских и адвокатов.

Но Давид меня разуверил.

- Не думаю. Я адвокату чётко дал понять, что твоего участия в деле не хочу.

Я обдумала его слова. Понимания в себе никак не находила.

- Как это? Это же я рассказала... Лёня скажет...

- Ничего он не скажет, - нетерпеливо заявил Давид, причём, снова начал закипать. – Хочет срок себе скостить, будет молчать. К тому же, не слишком большая заслуга, бабу разговорить. Гордиться тут нечем. И, Лида, я надеюсь, ты меня поняла правильно? Ты должна забыть о том, что с ним знакома. Никогда не встречалась, ни разу не разговаривала. Да?

Его тон был требовательным, и, не смотря на то, что вызывал во мне некоторое чувство противоречия, я сказала:

- Да.

Услышав от меня согласие, Давид заторопился закончить разговор.

- Мне пора идти, я тебе позже позвоню, - сказал он, и отключился. А так, как на часах и без того было достаточно поздно, ночь близилась, я решила, что вряд ли он позвонит сегодня, и решила лечь спать. Правда, долго крутилась с боку на бок, всё ждала. То звонка, то его прихода, а когда поняла, что не дождусь, начала раздумывать о том, где Давид. Алине он обещал вечером появиться дома, у них дома. И мне его обещание, данное другой женщине, теперь не давало покоя.

Из-за всех этих происшествий, мыслей и раздумий, на следующее утро я чувствовала себя усталой и не выспавшейся. А теперь ещё вынуждена выслушивать в раздевалке всякие домыслы об ограблении антикварного магазина и о том, что Давид Кравец, возможно, скрывает великую тайну. Что он Супермен.

- А ты что обо всём этом думаешь? – спросила меня Анька, когда мы ненадолго остались наедине.

Я нервно пожала плечами.

- Мне не нужно обо всём этом думать. Потому что я в этом ничего не понимаю.

- Сказали, что всех поймали.

- Поймали, значит, посадят, - спокойно отозвалась я. Застегнула последние пуговицы на форменной блузке, улыбнулась сестре и отправилась на своё рабочее место.

- Да здравствует дресс-код? – немного язвительно поинтересовался Николай Петрович, встретив меня у стойки администратора.

- Праздники закончились, - сказала я ему. Напоказ вздохнула, всё же решив расстроиться по этому поводу.

Озёрский меня разглядывал, а взгляд был оценивающий.

- Посетители были довольны твоим внешним видом, - сказал он, в конце концов.

Я усмехнулась.

- А вы, кажется, этому удивлены? Николай Петрович, я в этом наряде, - я указала рукой на белую блузку и чёрную юбку, - больше похожа на секретаршу какого-нибудь скучного НИИ, чем на администратора солидного ресторана.

- Не умничай, - попросил начальник, правда, без всякой злости. Смотрел на меня и посмеивался.

Я обиделась, губы надула.

- Я говорю, как есть.

Озёрский достал из кармана платок и протёр лоб. А сам всё на меня косился, кстати, это уже могло показаться неприличным.

- Ладно, - сказал он спустя полминуты. – Твоя взяла. Носи платья, но, Лидия, - он выразительно постучал указательным пальцем по краю стойки, - помни, в каком заведении ты работаешь. Пошлости и развязности я не потерплю.

- Когда это я была пошлой и развязной? – оскорбилась я. – Я же всегда стараюсь, обдумываю каждый свой наряд. Чтобы вам нравилось, Николай Петрович!

- Продолжай в том же духе, - согласился он. Собрался уйти, а я, решив не разбрасываться удачей, раз уж она решила повернуться ко мне лицом, намекнула:

- Хорошие элегантные платья дорого стоят!

Озёрский обернулся, упёр в меня красноречивый взгляд. Я руками развела. Аккуратно ввернула:

- Говорю, как есть. Можно хоть иногда... всё-таки я лицо ресторана...

- Раз в квартал, - перебил меня Озёрский. – И запредельных сумм не жди, мы все здесь не на твой гардероб работаем.

Я широко и счастливо улыбнулась.

- Спасибо, Николай Петрович! Вы самый лучший начальник в этом городе!

Он хмыкнул, не весело, наоборот, немного грозно, и направился прочь, а я, на секунду замерев в раздумьях, решила, что всё отлично складывается. Кто знает, вдруг я ещё карьеру сделаю в ресторанном бизнесе?

Но вряд ли что у меня с карьерой сложится, слишком много скандалов, связанных с моим именем, случилось в стенах одного ресторана. Вот и сегодня, на фоне всех слухов и обсуждения случившегося ограбления, в ресторане появился Марк Борисович, как всегда под руку с Яной, и они, как главные героини трагедии, с печальными лицами прошествовали к своему столу. Правда, прежде, отец Давида остановился возле меня, и довольно

долго, несколько тягостных секунд, сверлил меня обвиняющим взглядом. Я не знала, что делать, улыбаться, пусть и официально, под таким взглядом глупо, и я стояла, разглядывая стену за его плечом. И гадая, известно ли ему что-нибудь о моём участии в этой криминальной истории.

Говорить ничего не пришлось, они, в конце концов, прошли мимо меня, и я вздохнула с облегчением. А позже в ресторане появилась Маша. Как всегда для начала осторожно заглянула, ничего опасного или волнительного для себя не увидела, и тогда уже подошла ко мне. Если честно, вечер был в разгаре, и мне было не до болтовни, но Маша болтать и не собиралась. Подошла и в нерешительности замерла рядом. Я взглянула с недоумением.

- Что случилось? – спросила я. – У тебя проблемы?

- Нет. Но мне кажется, что проблемы у тебя.

- Не хотелось бы, - призналась я, насторожившись. – Ты что-то знаешь?

Я имела в виду историю, связанную с Лёней, но Машу мой вопрос, по всей видимости, удивил, она ещё больше нахмурилась.

- Ничего не знаю.

- Тогда что?

Маша нервно сцепила руки, и проговорила, до предела понизив голос:

- Там Алина пришла. Злится.

Я, на всякий случай, расправила плечи, вдруг Алина Потапова за мной из-за угла наблюдает.

- Куда пришла?

- Зашла ко мне в лавку. Сказала, что ей с тобой поговорить надо.

Я в задумчивости хмыкнула. Обвела зал настороженным взглядом.

- Значит, сюда заходить ей не хочется. Чтобы кто-то её видел.

Маша неуверенно пожала плечами. А я спросила:

- Что она тебе сказала?

- Что ей нужно с тобой поговорить. – Маша ко мне приблизилась, к самому лицу, и зашептала: - Лида, она очень злится. Может, не нужно с ней говорить?

Я заглянула Маше в глаза.

- Она тебе гадостей наговорила?

Маша отступила от меня, рукой махнула.

- Это неважно. Что нового она может мне сказать? Но мне кажется, что она хочет устроить скандал.

- Если бы она хотела скандала, пришла бы сюда, поверь.

- Она ждёт тебя на балконе.

Я помедлила, обдумывая, затем кивнула, изображая благосклонность.

- Пусть ждёт.

Я вышла к Алине только спустя двадцать минут. Терпеливо дождалась перерыва, хотя, внутри у меня всё тряслось и бурлило перед разговором с ней. Возникла мысль позвонить Давиду, но я быстро откинула её прочь. Мне, на самом деле, хотелось поговорить с Алиной, посмотреть ей в лицо и понять, на самом деле она злится, по-настоящему, потому что испугалась потерять Давида, или в очередной раз столбит территорию.

Я вышла к ней, на не отапливаемый балкон, накинув на плечи пальто, и увидела её у перил, в белоснежном норковом манто, она стояла, красиво сложив руки, и смотрела через панорамное окно на огни города. Дверь хлопнула за мной, закрываясь, и Алина обернулась. Её взгляд меня пронзил холодом и пренебрежением, но я решила, что ни в коем случае не стану поддаваться эмоциям, и реагировать на неё так, как в прошлый раз. Как кролик на удава. Тогда она говорила со мной с позиции силы, зная про Давида то, чего не знала я. Сейчас, смею надеяться, всё изменилось.

- Заставляешь себя ждать, - обронила она претензию. Я лишь плечами пожала.

- У меня работа, я не могу бегать на зов каждого. Вы что-то ещё хотите мне сказать, Алина Михайловна? Вспомнить ещё одну бывшую любовницу Давида? Предупреждаю, в этот раз за такси платите вы.

- Дерзишь?

Я сделала несколько шагов вперёд, поправила пальто на плечах. А ей честно призналась:

- Мне всё это напоминает сцены из любовных романов девятнадцатого века. Бесконечные разговоры, выяснение отношений, взгляды свысока. Перчатка, брошенная в лицо. Я просто хочу знать, чего вы хотите от меня.

- В том-то и дело, что я ничего от тебя не хочу. Даже упоминания о тебе не хочу. И я тебя об этом просила, предупреждала, но твоё имя всплывает раз за разом.

- Наверное, оно что-то значит, - сказала я.

- Ты, правда, в это веришь?

Я развела руками.

- Но вы же снова стоите передо мной. Значит, вам есть, что мне сказать.

Её взгляд меня пытал, если бы мог, наверное, наизнанку бы вывернул.

- Не понимаю, на что ты надеешься, - проговорила Алина с намёком на удивление и снисхождение. – Что он на тебе женится?

Я головой покачала, совершенно спокойно, а ей честно сказала:

- Нет. У меня нет цели выйти за Давида замуж. На данный момент, я надеюсь на то, что ему хватит ума дважды не наступить на одни и те же грабли. То есть, на вас.

- Ты смешная. Совершенно не знаешь, о чём говоришь.

- А вы допустите мысль, что я знаю. Что он пришёл и покаялся. И рассказал. О себе, о вас, о том, как женился и почему развёлся. – Я заметила, успела заметить, лёгкую панику во взгляде Алины. Но затем она гордо вздёрнула подбородок, и вот на меня снова смотрит Снежная королева. – Не скажу, что я была рада это слышать, что прониклась. Честно вам признаюсь, даже не пожалела его, хотя, Давид, наверное, именно этого ждал. Но он эгоист, как и большинство мужчин, ему важнее было выговориться. А я теперь должна с этим жить.

- Он мой муж, - выдохнула она, и сделала опасный шаг в мою сторону. Я, признаться, едва сдержалась, чтобы не отступить назад.

- Я никогда с этим не спорила, - ответила я на её заявление. – И когда мы в прошлый раз стояли с вами на этом балконе, я поверила каждому вашему слову. Что он ваш муж, что у вас любовь, что вы созданы друг для друга. И сейчас, всё, что я могу вам сказать, что я ни в чём перед вами не виновата. Я его не звала, я на него злилась, за всё, что он натворил, за то, что так поступил со мной. Хотя, все вокруг говорили мне то же, что и вы: что вы с ним созданы друг для друга, а я лишь случайная, очередная, что он обо мне вскоре и не вспомнит. Но он сам пришёл, - закончила я. А потом вдруг испугалась, что у Алины вдруг сдадут нервы, потому что она после моих слов не разозлилась, она вдруг задохнулась и даже руки в кулаки сжала. Но это был не гнев, это была откровенная паника. И я прекрасно знала, что она чувствует в этот момент, даже выражение на её лице мне было знакомо, я похожее видела на своём, стоя перед зеркалом. В те дни, когда медленно и отчаянно осознавала, что Давид больше не позвонит и не придет. Что он чужой муж.

- У нас свадьба через месяц, - вырвалось у неё, и гнев к ней вернулся. – Неужели ты думаешь, что я позволю... что кто-то ему позволит, так меня опозорить в очередной раз?

- Я не знаю, - абсолютно честно сказала я. – Не знаю, что будет. Я даже не знаю, как вы жили все эти месяцы, что происходило, были ли вы счастливы. Я знаю только одно: что когда ему понадобилась ваша помощь, в том, что для него важнее и тяжелее всего, вас рядом не оказалось. А, скорее всего, вы не захотели быть рядом. Всё остальное меня не касается. Возвращайтесь домой, Алина Михайловна, и говорите всё это Давиду. Потому что со мной разговаривать бесполезно, я вам ничем не помогу. И

обещать ничего не стану. А пугать меня, вроде как, больше нечем. Единственное, о чём попрошу, перестаньте терзать Машу своими появлениями и приказами. Она этого ничем не заслужила.

- Ты не можешь меня ни о чём просить.

- Тогда нам точно не о чем разговаривать, - сказала я.

Глядя на неё, в очередной раз поразились тому, насколько она красива. Вот только незаметно, что сильно счастлива от этого. То ли судьба с ней играет, то ли характер накладывает свой отпечаток, но складывается ощущение, что Алина очень давно тянется к недостижимому, но в последний момент желаемое от неё ускользает, раз за разом. И это не даёт найти ей счастье в жизни.

- Мне нужно вернуться к работе, - сообщила я. Ещё секунду ждала от Алины каких-то слов, выводов, но она молчала, даже на меня не смотрела, и я ушла. Скажу честно, чувствуя облегчение. Каждый разговор с этой женщиной давался мне тяжело, я после себя ощущала опустошённой и разбитой, а ещё встревоженной. Она будто энергию и спокойствие из меня высасывала. Вот и сегодня, вроде не узнав ничего разрушающего и сбивающего с ног, я потеряла покой и чувствовала, как меня трясет изнутри. Очень хотелось сделать один глубокий вдох, сбросить с себя нервное напряжение, и испытать долгожданную лёгкость. И я даже попытку делала, но ничего не получалось. Тяжесть опустилась на мою душу, вынуждая ждать чего-то, очередной трудности, неприятности, причины для слёз.

- С тобой всё хорошо? – спросила меня Анька, поймав за руку у бара.

Я остановилась, заставила себя улыбнуться. А потом вдруг, в одну секунду, решила, что нужно просто смириться и не ждать от судьбы подвохов, нужно ждать выводов. И поэтому кивнула.

- Будет всё хорошо, - сказала я сестре. – Непременно всё будет хорошо.

Анька прищурилась, приглядываясь ко мне. После чего хмыкнула, но решила мне подыграть, и ободряюще улыбнулась.

А, может, мне, на самом деле, уехать в Питер? Без сомнения, будет тяжело, и я буду чувствовать себя одинокой, но, по крайней мере, мне не придётся наблюдать за чужой жизнью со стороны. И свою, волей-неволей придётся налаживать. Здесь же я чахну от любви. Даже не подозревала, что такое возможно. Обычно от любви женщины расцветают, но, наверное, я так думала, потому что несчастной любви у меня никогда не случалось.

А счастливая ли любовь у Алины Потаповой? Если хорошенько разобраться. Если сложить пазл воедино и попытаться увидеть всю картину целиком, то не так уж всё и благополучно в её идеальной жизни. Она ведь,

как оказалось, почти всю свою сознательную жизнь шла к одной-единственной цели. И даже смогла её добиться, но жизнь куда сложнее, мало кому даёт почитать на лаврах. Вот и Алине подставила подножку, и та снова послушно побежала по проторённым некогда дорожкам, стараясь догнать уходящего вдаль Давида. А, возможно, не столько самого Давида, сколько мечту о сказочной жизни, которую ей рисовали с детства. И она бежит, бежит, и с каждым кругом всё больше отдаляется от цели, потому что жизнь накладывает свой отпечаток и на Давида, меняя его под тяжестью обстоятельств, и на неё саму. А мы всё ещё вспоминаем себя двадцатилетними и убеждаем себя, что знаем много, а способны на ещё большее. А люди меняются, и устают, и даже перестают любить. Даже те, кого мы любим ещё долго-долго.

- Ты домой собираешься?

Я оторвалась от своих мыслей, повернула голову и увидела Давида. Он стоял, облокотившись на мою стойку, и смотрел на меня сверху. А я, оказывается, уже несколько минут, как сижу, будто спрятавшись ото всех, подперев подбородок рукой, и невесело раздумывая о жизни. Настолько невесело, что не заметила его появления.

Я выпрямилась, окинула полупустой ресторанный зал быстрым взглядом. Потом на часы посмотрела.

- Ещё полчаса, - сказала я.

Давид кивнул, оглянулся через плечо и обратился к моей сестре:

- Ань, сделаешь кофе?

Та на него посмотрела, и как-то подозрительно просияла.

- Конечно!

А вот я неодобрительно нахмурилась, само собой получилось, я не специально.

- Час ночи, - проговорила я. – Какой кофе?

- Хорошо сваренный, - отозвался Давид. – С корицей.

Я сидела и смотрела на него. В эту минуту я могла разговаривать с ним про кофе, про погоду, обсуждать политические новости, но отлично знала, что ни за что не смогу задать один-единственный вопрос: что он собирается мне сказать?

Одни из последних посетителей прошли мимо нас, я вскочила, попрощалась, улыбнулась, а мужчина остановился, чтобы пожать Давиду руку. А когда двери за ними закрылись, Давид, проявляя неслыханную наглость, как бы сказал Николай Петрович, подтянул легкое кресло, стоящее неподалёку, ближе к моей стойке, и сел, вытянув ноги. По сторонам посмотрел, потом на меня. Улыбнулся.

Я наблюдала с настороженностью, ничего не могла с собой поделывать. Я ждала, и ждала, и на душе у меня было беспокойно и волнительно одновременно. А тут ещё Анька подросла со своим кофе, аккуратно поставила чашку на твёрдый подлокотник. Сияла на Давида глазами с такой старательностью и благосклонностью, что мне захотелось дать ей пинка. Но отныне и впредь поднимать на двоюродную сестру руку было нельзя, мамочек не бьют. Даже когда они определённо совершают глупости. В общем, по-нашему, по-сестринскому, косячат.

- Как вечер прошёл? – спросил Давид нас обеих.

Я неопределённо пожалала плечами, не желая рассказывать ему, как именно прошёл этот вечер, а вот Анька с минуту трещала о заезжей компании, которая выпила шесть бутылок дорогущего шампанского, а потом ещё и приличные чаевые оставила. В общем, некоторые денег вовсе не считают, откуда только их берут. Но, в конце концов, сестра всё-таки перехватила мой красноречивый взгляд и поспешила удалиться, а мы с Давидом остались наедине. Если можно было так сказать. Последние посетители ресторана уехали, по залу бегали официанты, наводили порядок, убрали со столов, негромко посмеивались между собой. А мы с Давидом сидели в молчании, он кофе пил, по сторонам посматривал и странно щурился. Как кот. Причём, мне казалось, что довольно.

- Давид, - позвала я, не выдержав.

Он голову повернул, на меня посмотрел. Потом вдруг полез за чем-то в карман, а достал тот самый перстень с рубином, и мне его протянул. Я взяла его, ощущая некоторую неловкость. И только спросила:

- Откуда?

- Лёня твой вернул. Точнее, сказал, где забрать.

- Просто взял и вернул? – удивилась я.

- А какой смысл ему упрямитесь? Мы с ним так договорились: он не упоминает твоего имени, и кража перстня ему в зачёт не идёт. Ему и без того срок светит, зачем ему лишний? К тому же, он бы всё равно его продать не сумел. В этом городе точно. Все знают, что это моя вещь. В общем, не умный он, Леонид твой.

- Что ты пристал? – расстроилась я. – Он не мой.

- Да? А чей?

- Отстань, - разозлилась я и даже отвернулась. А Давид рассмеялся. Дотянулся до меня рукой и пощекотал. Я кинула на него выразительный взгляд, надеясь, что он опомнится. К тому же, к нам через зал направлялся Озёрский. Шёл и поглядывал со значением, в основном, на меня. Давиду, конечно же, досталась благостная, радушная улыбка.

- Давид, ты поздно. – Протянул любимому гостю руку.

- Да вот, потянуло как-то, - отозвался Давид, кинул на меня хитрый взгляд. – Кофе сажу, пью. Кофе не хочешь, Николай Петрович?

Озёрский лишь безнадежно махнул рукой.

- Если я с этой работой ещё и кофе по ночам пить буду, то точно заполучу инсульт.

Я в испуге сплюнула через левое плечо и торопливо постучала по краю деревянной стойки. И посетовала:

- Николай Петрович, что вы говорите такое?

Озёрский устремил на меня свой знаменитый взгляд в упор.

- Ты, Лидия, первая и доведёшь.

Давид хохотнул. А потом взял и поддакнул:

- Она может.

- Прекратите оба, - потребовала я возмущённо. – Я о вас забочусь, а вы!..

- Отдохнуть тебе надо от любимой сотрудницы, - сказал Давид Озёрскому. – Прямо вижу, что хочешь.

- Ещё предложи ему меня уволить, - рассердилась я. – Советчик.

- Уволить – это не ко мне, - отказался Давид, - а вот отдохнуть предложу. Отпустишь, Николай Петрович?

Мы с начальником переглянулись.

- Переманить вздумал? – шуткой, поинтересовался Петрович.

- А ты советуешь?

- Давид, - не выдержала я.

Тот невинно вытаращил на меня глаза, но быстро сдался, плечами пожал.

- Мама собирается уезжать, вот я и подумал, может, поедем с ней, с Лукой заодно встречусь. У нас дела незаконченные. А ты Италию посмотришь. Ты была в Италии?

Конечно же, я не была в Италии. Я, вообще, в Европе не была. Но это было совершенно неважно в данный момент. Потому что Давид не в путешествие меня звал, он говорил мне, что принял решение. И я смотрела на него, и молчала. И мне даже не хотелось в Италию. Наверное, я захочу завтра, в отпуск, в Италию, с ним, куда угодно. Но сейчас, в эту минуту я хотела только одного: чтобы меня оставили в покое, на ту же самую минуту, чтобы я смогла прочувствовать до конца. Осознать, что моя жизнь поменялась, и в ней огромные перемены, в моей жизни снова появился он. Мой любимый, идеальный мужчина, у которого недостатков и дурных мыслей на троих с лихвой хватит. Но я теперь знаю об этом, и готова. Ко

всему.

Мне захотелось плакать. На меня смотрели двое мужчин, у каждого на уме было своё, а я сидела и просила себя не плакать. Потому что это казалось крайне глупым. Меня в отпуск в Италию позвали, а я вдруг вздумала слезами заливаться.

Озёрский, кажется, махнул рукой, я заметила краем глаза, и пошёл от нас прочь, А я всё-таки закрыла лицо руками. Мне нужно было собраться с мыслями. Давид поднялся, подошёл ко мне, секунду медлил, а потом сделал ещё шаг, и получилось, что я уткнулась носом ему в живот. У меня вырвался судорожный вздох, руки я опустила, зато смогла прижаться щекой к его животу. А он негромко сказал, только для меня:

- Я помню, что ты тогда мне сказала.

- Что?

- Что люди встречаются, люди влюбляются, женятся... И всё это происходит случайно. Я все эти месяцы об этом думал. В моей жизни уже очень давно не было случайностей. А потом появилась ты. И кто-то меня дёрнул с тобой познакомиться.

- Чёрт, - подсказала я.

А Давид головой покачал.

- Не думаю.

Он присел передо мной на корточки, заглянул в глаза. И я поняла, что дальше надеяться на свою сдержанность бесполезно, и смахнула выступившие слёзы, пока они не покатались по щекам. Сердце барабанило в груди, сердце колотилось, и мне отчего-то было безумно неловко. А когда Давид посмотрел мне в лицо, мне и вовсе захотелось закрыться от его взгляда ладонями. Что совершенно глупо, раз этой минуты я ждала, возможно, всю свою жизнь.

- Ты дашь мне ещё один шанс? Я обещаю, что сделаю всё возможное, чтобы ничего не испортить.

- А Алина? – спросила я тихо. – Она была у меня сегодня.

- Я знаю. Она мне рассказала. – Он глаза опустил. – Если честно, я сразу понял, что ошибку совершил. Что не нужно было снова каяться, а уж тем более что-то ей обещать. Я не смогу сделать её жизнь такой, какой она хочет её прожить. Я довольно давно перестал соответствовать её образу мужа. Думаю, даже в любовники не гожусь. Я постоянно чем-то недоволен, а она не любит, когда ею недовольны.

Я шмыгнула носом, смешно поджала губы. Кивнула.

- Да, у меня не столь высокие требования.

Давид заинтересованно вздёрнул брови, усмехнулся.

- Правда? То есть, я могу соответствовать?

- Ты можешь попытаться, - сказала я ему, старалась выглядеть серьёзной, но, в конце концов, закрыла Давиду глаза ладонью, когда он засмеялся, чтобы не видеть выражение его глаз. Он от моей руки увернулся. Пообещал:

- Я попытаюсь.

- Вы ещё долго будете шептаться у дверей? – зычно поинтересовалась Анька через весь зал.

Мы с Давидом обернулись на её голос, и поняли, что мы в ресторанном зале одни, официантов и уборщиков не видно, и даже свет успели приглушить, одни мы сидим и решаем животрепещущие вопросы. О будущей жизни размышляем.

- Николай Петрович там за сердце хватается, - сообщила Анька, когда мы с Давидом подошли. Сестра переводила заинтересованный взгляд с моего лица на лицо Давида. – Говорит, надо администратора нового искать. Так я ему говорю, у меня девочка знакомая есть, хорошая девочка, а он, Лид, как глаза на меня вытаращит, как заорёт: ни за что! Вот подумай, а? Что я ему плохого сделала? Одного ценного кадра за другим привожу, а он глаза на меня таращит!

Я тоже решила возмутиться.

- По-моему, я ещё заявление не писала, даже не думала, а он меня уже спрашивает.

- Петрович голова, - задумчиво проговорил Давид. – Он всё наперёд знает.

Я толкнула любимого локтем, чтобы не заговаривался, а когда мы все вместе вышли на улицу, в ночь, где Аньку поджидал верный Витёк, я вдруг остановилась, сбилась с шага и ахнула. Анька, ставшая не на шутку впечатлительной из-за беременности, ахнула следом за мной. Даже руку к сердцу приложила:

- Что случилось?

А я на Давида посмотрела, виновато.

- Я перстень на стойке забыла.

Тот надул щёки, как индюк. После чего проговорил, подняв глаза к ночному звёздному небу:

- Чувствую, будут проблемы. Не любишь ты антиквариат, Лида. А он тебе отвечает взаимностью.

- Давид! – Я толкнула его в спину, мне, данный момент, даже не до его претензий было. Волновало совсем другое. – Иди, пока Петрович сигнализацию не включил. Там целое состояние на столе забыли!

Давид несколько смущённо кашлянул, кинул на меня быстрый взгляд.
- Да ладно, - отмахнулся он. – Не разоримся. Я его на толкучке за сто долларов купил. Ещё привезу. – Протянул ко мне руку. – Поехали домой.
Я закрыла глаза. Очень хотелось устроить скандал...

Конец